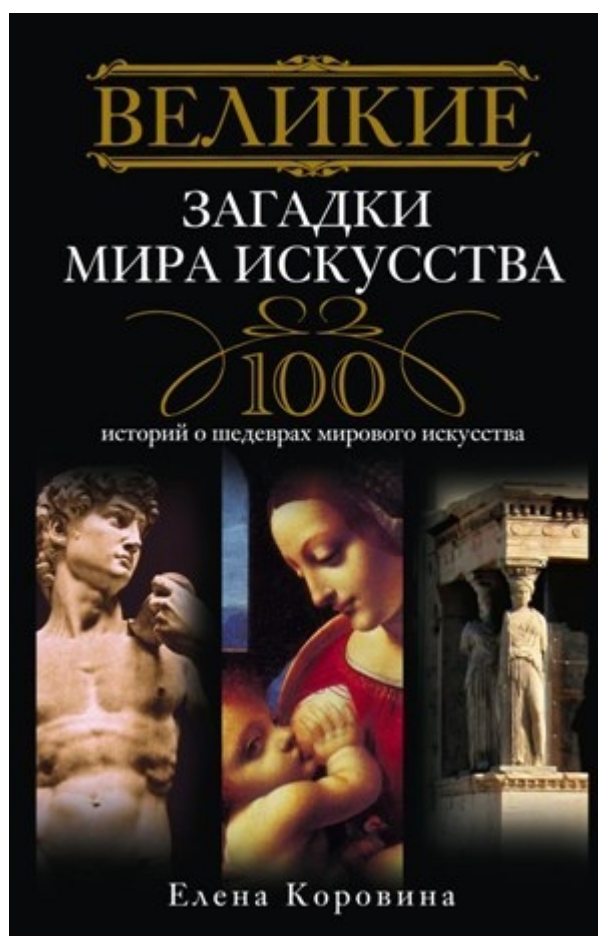

Елена Анатольевна Коровина
Великие загадки мира искусства. 100 историй о шедеврах
мирового искусства

Текст предоставлен правообладателем
«Елена Коровина. Великие загадки мира искусства. 100 историй о шедеврах мирового искусства»: Центрполиграф; Москва; 2011
ISBN 978-5-227-02478-7

Аннотация

На страницах этой книги вас ждет множество любопытных фактов о создании и «жизненном» пути величайших творений человечества. Вы узнаете главную загадку мира: какова миссия Большого египетского сфинкса? Как и почему отец-композитор оперетты Флоримон Эрве закончил свои дни в сумасшедшем доме? Как удалось Нелл Гвин, нищенке с лондонских улиц, стать примой театра «Друри-Лейн» и любовницей самого короля Карла II? Почему современники Тициана обвиняли его в убийстве? Как и по какой причине радиоспектакль по пьесе Герберта Уэллса напугал всю Америку? И много-много других загадок и поразительных явлений мира искусства, которые по сей день заставляют ученых, писателей, искусствоведов размышлять, спорить, предлагать свои версии.

Елена Коровина
Великие загадки мира искусства. 100 историй о шедеврах
мирового искусства

Застывшая красота

Главная загадка мира: миссия Большого египетского сфинкса

Это самая грандиозная в мире статуя, созданная за времена человеческой цивилизации. Высота этого мифического существа, вырубленного прямо из скальных пород, – более 20 метров, длина – около семидесяти. Впрочем, многие верят, что этого гиганта создали совсем не люди. Разброс имен создателей грандиозен и поражает умы: от древних атлантов до представителей внеземных цивилизаций. И в самом деле, вид колосса непривычен для земного глаза: у него тело и лапы льва, крылья орла и голова человека, правда, исследователи до сих пор не сойдутся на конкретике – мужчины или женщины. Воистину – мифическое существо!

Впрочем, астрологи говорят несколько иное. Они считают, что у существа тело быка (тельца), лапы льва, крылья орла (в астрологии – аналог скорпиона) и лик человека-девы. Отсюда вывод: это мифическое существо олицетворяет основные знаки зодиака (Телец, Лев, Скорпион, Дева), а значит, не просто мифическую, а вселенскую сущность. Словом, чем больше вглядываешься – тем больше загадок находится. И как правило, все они без ответа.

Большой египетский сфинкс в Гизе

Загадочная непостижимость – вот главная черта этого каменного существа. Да и как иначе – он же Великий египетский сфинкс. Громадный хищник, вечно бодрствующий, охраняющий покой пирамид в Гизе. Каменная сущность, изваянная в незапамятные времена, все видевшая, все слышавшая, но обо всем молчащая. Мистический спутник, сопровождающий человечество на всем его пути...

Кто он? Откуда взялся? Зачем поставлен? Неужели египтология, наука столь продвинувшаяся в последнее время, не может дать разгадки? Ведь этот страж стоит рядом с пирамидами тысячи веков. За это время о нем должны были бы вестись разговоры и споры, в анналах истории встречаться упоминания. Увы... Снова загадка, и совершенно мистическая: вплоть до недавнего времени ни в одном найденном папирусе или глиняной табличке Древнего Египта сфинкс не упоминался. А ведь египтологи уже узнали о многих деталях в жизни Египта: записи законов и распорядка жизни фараонов, рассказы о строительстве пирамид и храмов, о быте знати и простых людей. Сохранились таблички, упоминающие о строителях и живописцах, должниках и писцах. Но о самом величественном колоссе – ни строки!

Не говорится о сфинксе и в трудах древнегреческого историка Геродота, посетившего Египет в 445 году до н. э., хотя великий историк подробно рассказал (отчитался потомкам)

обо всем: фараонах и пирамидах, обычаях и пище египтян, украшениях и тканях. Но ни словом не обмолвился о грандиозном каменном существе. Не мог же он не заметить эдакую машину?!

Однако – не он один! Египет посещали философы Гекатей Милетский и Гекатей Абдерский, потом знаменитый путешественник-географ Страбон, оставившие и свои записи.

Но и там ни слова о сфинксе. Ну просто какой-то заговор молчания! Или они действительно не видели сфинкса?

Историки дают разные ответы, изучая такой казус. Сфинкс стоит в пустыне, которая часто заносила его песком, закрывая с головой. Но неужели любопытствующие путешественники Античности не обратили внимания на огромную гору около пирамид? Ведь и заметенный песками сфинкс становился еще огромнее. Да и провожающие путешественников египтяне отлично знали, кто скрывается под грудой песка. Почему же не рассказали? Не хотели? Не могли?

Скорее всего, и то и другое. Ведь сфинкс являлся священным для египтян, а о святынях не должно говорить с чужаками. Жители Египта трепетно относились к каменной скульптуре, следили за ней и очищали от песка как могли. В конце XIX века в Египте была найдена стела, надпись на которой рассказывала о том, что фараону Тутмосу IV (XV век до н. э.) во сне явился бог Гор Двух Горизонтов (бог сна) и повелел расчистить статую сфинкса от песка. Тутмос в то время был еще только наследником, кроме него на трон фараона претендовало еще несколько царевичей. Но Гор объявил, что, если Тутмос выполнит его приказ, трон достанется именно ему, а царство его будет ожидать процветание. Естественно, Тутмос тут же отдал приказание и не пожалел средств для работ. И царство его действительно процветало.

И это не единственная легенда веков, связанная с каменным колоссом. Собственно с ним была связана вся история Египта. Не эти ли предания – указания веков «повелели» древним египтянам не показывать своего сфинкса ни Геродоту, ни Гекатеям, ни Страбону?

По легенде, Большой сфинкс не каменное, а живое существо. Вообще-то изображение сфинкса было распространено в древней стране. Но живым считался только Большой Гигант. Древние египтяне верили, что он каждую ночь обходит – облетает – обегает (вот для чего лапы льва и крылья орла) всю страну, охраняя ее от злых духов. Отсюда и человеческая голова – надо же не просто смотреть, но осознавать, мыслить! Вот только, обходя страну, сам Сфинкс принимает на себя песчаные бури и другие разгулы стихий, и потому, возвращаясь на свой пьедестал к утру, все глубже и глубже погружается в песок.

По другой легенде, Страж сфинкс переживает за порядок страны, которую ему поручено охранять. И когда жестокое и злое поведение рода человеческого (войны, вражда, набеги) начинает его раздражать, ночью он спрыгивает с пьедестала и убегает в пустыню, чтобы хоть там обрести душевное спокойствие и отдохнуть под звездами. С горя он даже зарывается в песок и часто не может потом отряхнуться. А для того, чтобы вернуться, сфинкс должен быть уверен, что его логово (постамент) безопасно, что о нем не знают посторонние. Поэтому долгое время египтяне и считали, что о Страже нельзя говорить, сведения о нем нельзя записывать. Иначе однажды Большой Страж может и не вернуться. Тогда некому станет следить за законным порядком и мир обрушится в хаос.

Увы, настали новые времена, когда о сфинксе знает каждый человек на планете. Древний бедняга подрастерял свою благородную мистическую силу и стал туристическим брендом, «зазывателем» гостей со всех волостей. Старейшая держава оккультной мощи стала просто приманкой для любопытных зевак-туристов. Все идет на продажу: священные мумии, древнейшая погребальная утварь, папирусы с тайными знаниями. Священные места – пирамиды и Большой сфинкс – всего лишь картинки, размноженные на бесчисленных рекламных буклетах. Может, и правы были древние: мир, видящий в сфинксе только разменную монету, действительно погружается в хаос?..

Словом, сохранить Большого сфинкса в тайне не удалось. И, путешествуя сквозь века вместе с людьми, бедняга натерпелся от них воистину гигантских мучений. Когда-то

бывший священным существом для древних египтян, он стал непонятной фигурой – даже презираемой – для их дальних потомков. Мусульманские правители увидели в нем воплощение зла. Один из них приказал отбить сфинксу нос, другой – лапы. Люди уродовали статую сильнее, чем все стихии, вместе взятые. Мамелюкам пришла в голову мысль использовать лицо сфинкса в качестве мишени для своих пушек. Надо же пушечникам на чем-то тренироваться! Наполеоновские солдаты палили в бедного сфинкса из ружей. Надо же учить солдат прицеливаться! Англичане отбили у несчастного фараону бороду, которую когда-то приказал приделать к статуе еще Тутмос IV, чтобы сфинкс стал походить на правителя. Отбитый трофей увезли в Британский музей, уверяя общественность, что там-то борода лучше сохранится, чем на самом сфинксе. Ну не издевательства ли?! Воистину сбывалась старинная легенда: мир, не уважающий сфинкса, погружался в хаос.

А бедная статуя разрушалась, так и не открыв свои тайны. Люди даже не смогли узнать, когда, собственно, был создан каменный гигант. В XX веке профессор геологии университета Бостона доктор Роберт Шох рассчитал годы жизни сфинкса исходя из того, что его каменное тело сильно разъели дождевые потоки. «Когда же в Египте были века дождей? – подумал профессор. – Ведь сейчас гигант находится в пустыне...» Ученый привлек специалистов по климату, и всем вместе им удалось доказать, что были в Египте и дождливые времена – между 7 и 5-м тысячелетиями до н. э. Этими годами Шох и датировал возможность создания сфинкса. Другой ученый, Джон Уэст, пошел дальше. Он посчитал, что «основная эрозия на каменном теле сфинкса произошла в более ранний дождевой период – до 10000 года до н. э.».

Внесли свою лепту и мистики. Елена Блаватская, Николай и Елена Рерих считали, что потомки атлантов воздвигли Большого сфинкса 200 тысяч лет назад. Знаменитый американский ясновидящий Эдгар Кейси увидел в своих вещих снах, что «пирамида Хеопса и легендарный сфинкс были построены между 10490 и 10390 годами до н. э.». Словом, и тут одни загадки без ответов.

Тайна – и само место стоянки сфинкса. Многие исследователи считают, что гигант стоит на особой платформе из скальных пород. Более того, эзотерики уверены, что под скульптурой – подземный храм, соединенный скальными туннелями с пирамидами. В центре, под пирамидой Хеопса, – подземное озеро, посередине которого остров. На нем-то и спрятаны подлинны мумии правителей Египта, а те, что находят в пирамидах, – мумии не настоящих фараонов, а всего лишь слуг. Мумии властителей надежно спрятаны. Ход в их тайные усыпальницы как раз и сторожит мудрый сфинкс. Когда-то великие жрецы знали проходы от сфинкса к пирамиде Хеопса, а потом прямо к подземному острову. Но со временем тайные знания забылись. Но люди все равно стремятся к разгадке тайн.

В середине XIV века монах францисканского монастыря в Болонье, Франьо (Раньо) Неро, составил труд «Вечная книга. Оракул», ставший ныне легендарным, ибо практически все его предсказания, созданные до 2000 года от Рождества Христова, подтвердились. Так вот в своем «Оракуле» Неро упомянул и сфинкса. «Есть на Востоке великий каменный идол всех времен и народов, хранящий весь опыт человечества», – записал монах и предрек, что, разгадав загадку сфинкса, люди узнают о том, как жить вечно или продлевать жизнь до того возраста, «когда уже захочется перейти из нашего мира в мир Вечный». Неро увидел под статуей какой-то особый «сейф», где скрыты знания о болезнях, о смысле жизни, там же находится хранилище с семенами всех растений земли. То есть сфинкс – место хранения Вечной мудрости.

Удивительно, но спустя 600 лет после написания «Оракула», в середине XX века, Эдгар Кейси увидел в вещем сне похожее: под правой лапой сфинкса находится потайная камера. Ясновидец назвал ее «залом записей», где хранится вся записанная атлантами история человечества «с самого начала до постройки Великих пирамид», то есть до того времени, когда последние атланты еще жили в Древнем Египте. Словом, видения совпали. А может, просто Кейси сказал то, что прочел у Неро? Нет, американец никак не мог сделать этого! Дело в том, что рукопись францисканского монаха нашлась только в 1972 году. На нее

наткнулись случайно. Боясь церковного преследования, монах сумел надежно спрятать свой труд. Он вложил страницы «Оракула» в книгу «Травы Тосканы», явно уверенный, что это скучное творение вряд ли кто станет читать. Кейси же заговорил о сфинксе в 1945 году – почти за 30 лет до находки «Оракула» в монастырской библиотеке близ Болоньи. Но удивительно, что оба предсказателя говорили об одном. Так, может, допустить, что они правы: сфинкс – своеобразный сейф веков, где хранятся страницы Вечной мудрости?

Однако ныне мир более заинтересован в поисках золотого тельца, нежели какой-то мифической мудрости. И сфинкс все сильнее приобретает иные – далеко не благородные черты стража человечества. Каменный колосс все чаще олицетворяется с проклятьем человечества. Еще древние греки, не видя самой статуи, по слухам создали собственный образ сфинкса.

Кстати, само имя «сфинкс» греческого происхождения. Как выяснили египтологи XX века, древние египтяне называли его «шепсес анх» – живой образ. Он действительно был для них живым: благородным помощником и бесстрашным стражем. И если много веков считалось, что сфинкс был возведен в пустыне только для того, чтобы стеречь покой умерших, то XX век открыл, что это не так. Вокруг статуи археологи раскопали фрагменты древнейшего города. То есть страж охранял реальных живых людей. Египтологи даже сумели понять, что случилось с древнейшим поселением: его разрушили по приказу кого-то из первых фараонов. Город не угодил правителю, и его стерли с лица земли. Только вот уничтожить статую, которую и глазом-то охватить трудно, ни один приказ фараона не смог. Сфинкс устоял, породив сотни легенд.

Легенды, вернее, мифы древних греков всегда отдавали, как бы сказали сейчас, «триллером и сюжетами фильма ужасов». Под стать другим оказался и миф о сфинксе. Греки упразднили его мужской род, некогда существовавший в Египте: на Пелопоннесе мифическое существо стало женщиной, хотя когти льва и крылья орла остались. Зато крылатая дева-львица обрела у греков собственный статус безо всяких там тайн: Сфинга (так зовут ее на древнегреческом) стала душительницей, что, собственно, и значит ее имя. Скрупулезные греки даже выявили ее родословную: их Сфинга родилась от чудовищ Тифона (полузмея) и Ехидны (ну уж ее-то знают даже наши современники). Появилась и биографическая легенда. Высшая богиня Гера (супруга Зевса) послала Сфингу к городу Фивы – и не охранницей-стражем, как в Египте, а в качестве орудия наказания за грехи фиванского царя Лая. Любого, кто хотел войти в город, Сфинга хватала и задавала ему загадку: «Кто ходит по утрам на четырех ногах, днем – на двух, а вечером – на трех?» В другом варианте загадка звучала так: «Кто имеет утром четыре ноги, днем – две, а вечером – целых три, но и они не придают ему силы?» Ни один путник не мог отгадать коварную загадку, и греческая дева-сфинкс пожирала их. Но однажды к Фивам подошел мудрый Эдип, сын Лая и его супруги, царицы Иокасты. Впрочем, Эдип не знал об этом родстве. Он был усыновлен царем Полибом и его супругой Меропой и искренне считал их настоящими родителями.

Встретив злобного царя Лая, Эдип повздорил с ним и убил. Как сказал бы гений психоанализа XX века незабвенный доктор Фрейд, Эдип начал воплощать в жизнь комплекс своего имени, когда каждый мужчина мечтает освободиться от своего отца и завладеть своей матерью.

Конечно, древний Эдип не мог знать о своих комплексах, поэтому, встретив у стен Фив деву-сфинкса, он быстро разгадал ее загадку и вошел в город. Там он влюбился в царицу Иокасту, не зная, что она его мать, и женился на ней. Словом, комплексы доктора Фрейда восторжествовали, но злобная Сфинга была повержена. От досады, что ее загадка разгадана, она бросилась в пропасть с высокой скалы. С тех пор сфинкс становится олицетворением тайны, загадки, которая несет гибель. То есть из древнейшего стража порядка крылатый гигант со временем превратился в проводника хаоса.

Теперь уже и сам лик сфинкса воспринимался европейской цивилизацией не величавым, мощным или даже отрешенно-вечным, как в Древнем Египте, а экспрессивным,

непонятным, таинственным и ужасным в этой непонятной таинственности, впрочем, как и вся древнеегипетская цивилизация, мало понятная нынешнему европейцу. Весьма показательным оказалось восприятие сфинкса Наполеоном Бонапартом в его египетском походе. Когда в самом конце XVIII века его армия вторглась в Долину царей, пирамиды поразили французов, в том числе и будущего императора, величием и мистической мощью, а вот сфинкс прямо испугал. А все потому, что в разное время суток солнце по-разному освещает каменного стража. В утренних лучах его лик кажется спокойным и даже безмятежным. Но по мере скольжения солнечных лучей по статуе ее лик приобретает зловещий, сумрачный и даже угрожающий вид. К тому же в Египте темнеет почти мгновенно. Так что Бонапарт не раз видел, как сфинкс приобретает ужасное выражение и начинает скалить зубы. Не потому ли он приказал своим солдатам стрелять прямо в лицо древнего стража? Вот только изуродованный лик стал еще более отвратительным и угрожающим. А может, он просто предвидел ужасную судьбу самого Наполеона?..

Так, может, человечество и вправду просто приписывает сфинксу собственные зловещие черты? Идут века, и войны, эпидемии, катастрофы становятся все ужаснее, бесчеловечнее, масштабнее. Ну а сфинкс проходит историю цивилизации вместе с человечеством. Не оттого ли благородный Большой сфинкс – шеспес анх, живой образ – превращается людьми в устрашающее чудовище, символ не жизни, но смерти?..

Мистический резонанс, или Предупреждение сфинксов

Санкт-Петербург – город мостов, каждый из которых является шедевром архитектуры и техники, уникальным украшением города. У каждого – своя тайна. Мост, соединяющий Коломенский и Безымянный острова через реку Фонтанку, изначально считался чудом архитектуры, поскольку должен был висеть на тройных нитях металлических цепей и назывался Цепным. Он строился в 1825–1826 годах известными инженерами В. фон Троттером и В. Христиановичем и считался новым словом в технике: длина пролета составляла 55 метров, ширина – почти 12 метров. Украшали его фигуры четырех сфинксов, будто охраняющих мост с обеих сторон.

Египетский мост

Фигуры эти были изготовлены по моделям академика скульптуры П.П. Соколова, он же предложил украсить мост египетской символикой. Император Николай I, лично следивший за созданием моста, приказал денег не жалеть, «придавая мосту размах роскоши». Так что головы сфинксов щедро позолотили, равно как и восточные орнаменты с иероглифами. Вся эта египетская роскошь так впечатлила горожан, что мост тут же назвали Египетским. Со временем, конечно, едкие петербургские туманы согнали позолоту, роскошь сошла и сфинксы приобрели облезлый и унылый вид.

В полдень 20 января 1905 года к Египетскому мосту подошел конно-гренадерский полк. Военные были тут частыми гостями – неподалеку располагались армейские казармы. День выдался пасмурным. Солдаты, ведущие под уздцы лошадей, рассеянно смотрели на низкие напозающие тучи, на металлические конструкции и тройные нити цепей, покрытые зимней грязью и пятнами ржавчины. Навстречу полку по мосту ехали городские извозчики, шли пешеходы. Словом, кипела обычная городская жизнь. И вдруг пролеты моста, разорвавшись, рухнули на лед Фонтанки. Крики и стоны людей смешались с хрипом и ржанием упавших лошадей. Началась паника...

Уже к вечеру петербургские газеты так описали катастрофу: «Сегодня в 12 с половиной часа дня при следовании лейб-гвардии конно-гренадерского полка через Египетский Цепной мост через Фонтанку, по направлению от Могилевской улицы к Ново-Петергофскому проспекту, в тот момент, когда головная часть полка уже подходила к противоположному берегу, мост обрушился. Находившиеся впереди офицеры успели проскочить на берег, нижние же чины, в количестве двух взводов, шедшие в строю справа по три в ряд, вместе с лошадьми упали в воду. Упали также в воду проезжавшие в обратную сторону один ломовой и четыре легковых извозчика без седоков и несколько пешеходов... К 2 часам дня люди и лошади были извлечены из воды. Пострадавшие были отправлены в ближайшие приемные покои и в лазарет Николаевского артиллерийского училища. Seriously пострадавших, по официальным сведениям, не оказалось».

Однако мост уже не подлежал восстановлению. Вся его настилка вместе с перилами и скреплениями, разорвав цепи и сломав часть чугунной опоры, проломив лед, оказалась на дне реки. И только четыре загадочных и неподвижных сфинкса остались сидеть на гранитных плитах по обоим концам своего Египетского моста.

Естественно, началось расследование «причин несчастья». Тут же возникли версии: «раскачка моста кавалерией» или «не вполне прочная конструкция». Против «непрочности конструкций» восстали инженеры. Они напомнили, что Египетский мост со дня своего официального открытия – 25 августа 1826 года – ремонтировался пять раз, только в прошлом, 1904 году два раза, и был признан «находящимся в хорошем состоянии».

Что же касается «раскачки моста кавалерией», то действительно, ритмичные колебания слаженного шага военных могут вызвать эффект резонанса. Именно эта версия и показалась тогда наиболее верной. Она так поразила общество, что ученые сочли нужным включить обрушение Египетского моста во все учебники истории, физики и военного дела. Именно тогда и появилась команда: «Идти не в ногу!», которая дается любому строю перед вступлением на мост.

Казалось бы, «причина несчастья» найдена. Однако появилось множество очевидцев катастрофы. Они-то и опровергли версию резонанса, потому что утверждали: солдаты шли не в ногу, некоторые вообще проезжали мост на лошадях. И вряд ли лошади были выдрессированы «ходить в ногу». К тому же навстречу ехали извозчики, по тротуару брели прохожие. Словом, никакого слаженного хода не было, а значит, и резонанс не мог возникнуть. Его отсутствие подтвердили и физико-математические расчеты и эксперименты, проведенные учеными Петербурга. Словом, резонанс попал под вопрос.

Зато появилась версия романтическая – почти городской фольклор. Молва вспомнила, что в одном из домов на Фонтанке проживала дочь скромного почтмейстера Мария. И вот, как на грех, повадилась она посещать офицерский клуб да встретила там с бравым воякой-красавцем. Тот был жгучий брюнет с голубыми глазами, вот и не устояло сердце девичье. Да

только офицер обманул девицу: пообещал жениться, но слова не сдержал, польстившись на богатенькую. Ну а брошенную девушку его приятели-офицеры подняли на смех, прозвав Марией Египетской, то ли потому, что жила они у Египетского моста, то ли потому, что звалась так в Библии девица весьма легкого поведения.

И вот однажды обманутая Мария выглянула в окно и увидела на мосту тот самый полк, где служил ее обидчик с приятелями. И так у нее сердце разобрало, что выкрикнула она в гнев: «Чтоб вам, военным, провалиться!» Было как раз 20 января 1905 года, и, видно, Бог услышал ее молитвы – в ту же секунду мост рухнул вниз, увлекая за собой весь полк.

Вспомнилась и историческая версия обрушения. Дело в том, что мост оказался облицован особыми гранитными блоками, вынутыми из стенок рвов Михайловского замка. Почему уж так вышло, за давностью лет не понять: может, нужного камня не нашли, может, в строительной спешке что-то напутали, но только за пару недель до надвигающегося официального открытия в 1826 году быстренько привезли черный гранит с Михайловского замка и облицовали им устои моста.

А Михайловский замок пользовался в Петербурге зловещей славой. Мало того что именно там был убит император Павел I, да еще и мрачные стены замка навевали на горожан ужас уже с первого дня строительства. Поговаривали, что замок был построен по мистическому плану, насыщен мальтийской символикой. Шептались и о том, что гранит на постройку брали с мест древних капищ и потревожили прах старинных богов, которые и прокляли строительство. И вот теперь проклятый черный гранит Михайловского замка навлек новую беду на Петербург.

Но была и самая таинственная версия обрушения Египетского моста – зловещее влияние сфинксов. Историки и оккультисты давно заметили, что мистическая культура Древнего Египта, направленная на стремление к смерти, как-то неожиданно, но властно прижилась в северном городе, традиционно именуемом городом-призраком. Мало того что Эрмитаж хранил множество древних артефактов, но и прямо на пристани, напротив Академии художеств, стояли в петербургском тумане древние сфинксы, привезенные в 1832 году из самого Египта. Были те сфинксы созданы еще в эпоху Аменхотепа III и считались священными. Правда, фигуры Египетского моста такой древней «биографией» не обладали, а были всего лишь «новоделами», созданными к открытию моста. Но все равно, сфинкс есть сфинкс: чудовище, загадывающее мистические загадки и изрекающее мрачные пророчества.

И надо сказать, что Египетский мост тоже не молчал – он пел. Его даже называли Поющим. Поразительно охарактеризовала его «Петербургская газета» от 18 января 1901 года: «Поющий мост. Оказывается, и такой есть в Петербурге. Это Египетский. Он, как известно, цепной системы, и когда вы едете по нему, то его цепи издают самые разнообразные заунывные звуки. Не поет ли уже он себе погребальную песню?» Что ж, репортер газеты оказался провидцем почище самих сфинксов...

За месяц до катастрофы, в рождественские дни 1904 года, петербуржцы стали замечать, что «заунывное пение» слышится все громче. Поэты и мистики тут же заявили, что «под звон цепей моста поют четыре сфинкса». И песня эта предвещает «ужасные события». И вот пророчества начали исполняться: сначала случилось Кровавое воскресенье 9 января 1905 года, потом рухнул Египетский мост. По всем канонам мистики ожидалось третье исполнение пророчества. Увы, в начале 1905 года никто и не подозревал, что скоро события 9 и 20 января покажутся цветочками. И не рухнувший мост станет падать в пропасть, а государство, объятое вихрем революции 1905 года.

Впрочем, все несчастья когда-нибудь да заканчиваются. Закончились революции, отгремели войны. Между прочим, сфинксы пережили блокаду вместе со всем городом на Неве. После Великой Отечественной войны было разработано целых 17 вариантов возрождения Египетского моста. Победил проект инженера В. Демченко, архитекторов П. Арешева и В. Васильковского.

И вот мост возник заново – в своем классическом виде, но в новом инженерном решении и современных материалах. Строительство длилось два года (1954–1956).

Старинных сфинксов отреставрировали, добавив к ним фонари-obelisks. Возродили иероглифы, орнаменты, цветы лотоса. Казалось бы, все устои – и моста, и окружающей его жизни – вновь незыблемы. Но в 1989 году на одного из сфинксов налетел автомобиль. На его капоте почему-то красовалась алая ленточка с серпом и молотом – гербом СССР. Люди не пострадали, но чугунный сфинкс от сильного удара рухнул в воду Фонтанки. Когда беднягу вытащили, он оказался сильно поврежден. Мистики восприняли новую катастрофу как знак, предвещающий нечто зловещее. Долго ждать не пришлось – страна с серпом и молотом развалилась на части.

Конечно, в «лихие девяностые» было не до скульптур, хоть и самых значимых. Но в начале XXI века на злополучном Египетском мосту выявилось множество трещин, сколов и других дефектов. Разошлись даже гранитные блоки, на которых сидят злополучные сфинксы, и образовалась щель в 2 сантиметра. От любого толчка сфинксы могли бы рухнуть в воду! И в 2004 году власти Петербурга срочно взялись за реставрацию. Вот тут-то и вспомнилось, что головы сфинксов изначально были позолочены. Реставраторы тщательно позолотили их вновь. Старые петербуржцы вздохнули свободнее: кто знает, может, сфинксы и бедокурили оттого, что их головы оказались не в порядке?.. Словом, теперь мистические создания начали взирать на мир, словно не сфинксы, а золотые тельцы. И под их взором богатство потянулось в город. Да только опять ненадолго – начался 2008 год, и вдруг грянул кризис...

Загадка богини

Эта самая прекрасная женская скульптура окутана тайной веков. Говорят, когда-то в незапамятные времена богиня Афродита родилась из морской пены, которую прибило к острову. Но около 200 лет назад она вновь явилась людям на острове, но не из пены морской, а из темного земляного склепа. Кто и когда соорудил этот склеп – загадка, равно как и то, кто создал прекрасную беломраморную статую и зачем спрятал ее. Даже история находки Венеры Милосской полна непостижимых тайн. Впрочем, так и положено в жизни истинной богини.

Весна 1820 года выдалась нелегкой на небольшом греческом острове Милос. Сначала остров потрепали ветра Эгейского моря, за ними зарядили дожди. И только потом появились первые лучи благодатного солнца. Рыбаки, привычно и спешно переквалифицировавшись в крестьян, потянулись на пашню.

Плуг Йоргаса Кастро Буттониса застрял в большой трещине. Наклонившись, ошарашенный крестьянин обнаружил внизу старинный склеп. А на дне его – отлично сохранившуюся беломраморную богиню красоты. О находке крестьянин рассказал сыну и племяннику. Вместе они уже начали мечтать, как продадут статую и станут богачами. Ночью троюбка тайком отправилась доставать находку. Но та оказалась слишком тяжелой. И когда сын с племянником резко рванули мраморную фигуру, ее верхняя часть неожиданно отделилась от нижней. Этот бюст и принесли домой. А неподъемную нижнюю часть пришлось оставить в склепе, для надежности присыпав землей.

Венера Милосская

Покупатели нашлись быстро – на Милос как раз пожаловала французская бригантина «Лашеврет». Буттонис предложил статую молодым офицерам – поручику Дюмон-Дюрвиллю и лейтенанту Матереру. Те явились к нему под покровом ночи, скривившись от обстановки нищеты: грубо сколоченный стол, трухлявые тюфяки, соломенные циновки. Но на одной из вытертых циновок лежал мраморный бюст женщины невыразимой красоты. С первого взгляда становилось ясно – древняя античная работа...

«Нижняя часть статуи в подzemелье! – прошептал Буттонис. – Турки, нынешние хозяева острова, запретили нам иметь дела с иноземцами, но я покажу вам тайно!» И французы ринулись в ночь за хозяином. Залезли в склеп, освещая путь фонарями. Выбравшись, начали уговаривать крестьянина, путая французские, греческие и турецкие слова, никому не показывать величайшую находку и тем более не продавать! Сейчас у офицеров нет денег на покупку, но они расскажут о ней своему начальнику, французскому послу. Тот пришлет за статуей и отблагодарит Буттониса по-царски. Крестьянин, плохо понимая, слушал, но кивал.

Услышав рассказ своих офицеров, маркиз де Ривьер, страстный коллекционер антиков,

предпринял срочные меры: тайно направил на Милос посольский корабль «Эстафета». Корабль под командованием секретаря посольства, виконта Марсюллеса, прибыл на остров под вечер, но, едва вошел в залив, луна высветила там еще один корабль. Схватив бинокль, виконт рассмотрел турецкий флаг, а на берегу матросов, которые на веревках волокли нечто беломраморное и тяжелое. Видать, проклятый крестьянин нашел-таки покупателя.

«Десант, по вельботам! – заорал Марсюллес матросам. – Гребите к берегу! Если сумеете отвоевать статую у турков, всем бочка вина!» Матросы налегли на весла. «Не стрелять! – снова закричал виконт. – Можно поранить Венеру!»

Турки увидели французов и сделали невысказанное: чтобы быстрее доставить статую к своему баркасу, они сбросили ее с веревок и покатали по отлогому склону, как бочку. Марсюллес в ужасе схватился за голову: эти идиоты загубят шедевр! Наконец, французские моряки причалили к берегу и бросились на турок. Началась схватка. Все смешалось в рукопашном бою. Тогда-то статуя и треснула снова. Подхватив свою часть, турки ретировались к фелюге. А Марсюллесу, подбежавшему к месту схватки, досталась только верхняя часть Венеры, валявшаяся в грязи.

Испачканный бюст спешно завернули в рогожу и отнесли на корабль. Там Марсюллес развернул отвоеванную часть Венеры и в ужасе уставился на бюст – у богини не было рук...

Разгневанный маркиз де Ривьер отправил на Милос еще один корабль, чтобы матросы обыскали берег. Ничего! Тогда маркиз обратился к турецкому султану. Тот отказался продавать свою часть статуи. К тому же прознавшие о чудесной статуе русские купцы, торговавшие в Константинополе, тоже возжелали купить хотя бы часть статуи. Но купцам не хватило денег. Они спешно отправили бумагу в Петербург, прося ссуду у российского правительства. Просьба канула в бюрократическую трясиину. А жаль – Венера Милосская могла бы стать русской!..

Между тем Ривьер собрал нужную сумму и выкупил «турецкую часть». Но рук не было и у султана! Пришлось маркизу соединить то, что есть. Венера заняла в его коллекции почетное место, но, к сожалению, без рук... К тому времени уже начался период осложнения отношений с греками. Те заявляли: несмотря на то что сейчас Греция с Милосом и находятся в турецком владении, во времена создания Венеры греки были свободны. Так что теперь они требовали вернуть статую на ее исконную землю. Ривьер не стал дожидаться, когда его на весь мир ославят вором, а бедную Венеру – краденой. Ловкий дипломат сделал не менее ловкий ход – подарил ее своему господину, королю Людовику XVIII. Пусть разбирается! Однако и король не пожелал сомнительной статуи – богиню отослали в музей Лувра. И вот в 1821 году Венера Милосская явилась миру, выставленная на всеобщее обозрение.

Очереди в Лувр вились кольцами. Искусствоведы гадали: кто автор? Но зрителей больше интересовало, что богиня держала в руках. Дискуссия разрасталась. Одни считали, что в руках у Венеры было зеркало, другие утверждали, что богиня от стыдливости поддерживала руками покрывало. И только спустя полвека, в 1872 году, французский посланник в Греции Жюль Ферри понял, как раскрыть эту загадку. Да нужно просто спросить у Буттонисов!

Отца семейства к тому времени не было в живых, но его сын и племянник, дряхлые и нищие, все еще ютились в семейной лачуге, зная, турки не щедро с ними расплатились. Находчивый Ферри достал несколько золотых: «Вы помните Венеру? Что было у нее в руках?» Старики недоуменно воззрились на приезжего: «Конечно, яблочко, господин!»

Статья Ферри в научном журнале произвела сенсацию. Знатоки античности заахали: как такой простой ответ никому не пришел в голову? Конечно, Венера держала яблоко, ведь именно его дал ей Парис, признав прекраснейшей из всех земных женщин.

Однако общественность не удовлетворилась разгадкой. Люди хотели видеть все своими глазами. XX век начался с новой экспедиции: в 1901 году энтузиасты перерыли берег Милоса, на котором когда-то нашлась Венера. Но никаких утерянных рук...

К середине века начались сенсации. Сначала в 1964 году турецкий профессор Ахмед Ресим заявил, что знает, где находятся утраченные руки богини, но нынешние владельцы

вернут их, только если французы перевезут статую в Стамбул. Услышав такое, искусствоведы заявили, что это чистое вымогательство. Затем мир облетело известие, что Лувр получил секретное послание о нахождении «самых великих рук мира», но второго послания в музей не пришло, и газеты объявили слух рекламным трюком. Ну а потом пришло и совсем невероятное известие: некий бразильский миллионер приобрел «руки Венеры» за 35 тысяч долларов (напомним, шли 70-е годы XX века, стоимость доллара была куда выше сегодняшней), но согласно условиям продажи может предъявить покупку миру только через три года. Лувр замер в ожидании и, наконец, через три года получил копии рук. Увы, сенсации не произошло: вердикт, вынесенный учеными, был краток: эти руки чьи угодно, но только не Венеры Милосской!

Но бум было уже не унять. На протяжении всего XX века то тут, то там появлялись «чудом найденные Венерины руки». Конечно, экспериментировать над бесценной статуей работники музея не позволяли, но иногда под нажимом общественности составляли странные фото, на которых красавица появлялась то с одними, то с другими руками. Все такие фотографии вызывали шок – Венера с руками теряла красоту и обворожительность. Более того, дама с руками становилась чудовищной!..

«Ну почему нам так хочется «привинтить» руки Венере, подогнать красоту под наше понимание? – написал после одного такого эксперимента обозреватель «Фигаро». – Почему мы кидаемся улучшить? Гении прошлых веков преподнесли нам прекрасный урок: сила красоты – не в понятности, а в загадочной тайне, которую хочется приоткрыть. Но делать этого не следует!»

Наверное, обозреватель «Фигаро» прав. Ведь должна быть в женщине какая-то загадка, тем более в богине. Пока сохранена тайна, она будет притягательна и прекрасна.

Пока строится собор

Говорят, кафедральный собор в немецком городе Кельн строится вот уже восьмой век. Но разве такое возможно?! Это что: обман или какая-то тайна?

Все началось еще в середине XII века. Архиепископ немецкого города Кельна Райнальд фон Дассель вывез из итальянского города Милана великие военные трофеи – мощи трех волхвов, тех самых, что пришли на свет Вифлеемской звезды, дабы первыми поклониться новорожденному младенцу Христу и принести Мессии свои дары.

«Это же величайшая святыня христианского мира! – решил архиепископ. Их следует поместить в наидостойнейшее место». Однако действующий тогда в Кельне кафедральный собор – хоть и старинный, намоленный, почитаемый горожанами, но небольшой и невысокий – явно не подходил для такой великой миссии. К тому же собор был маловместительным, а ведь к мощам станут приходить паломники со всей Европы. Нет, для столь величественного христианского поклонения нужен был собор грандиозный, всеохватный, возможно даже, крупнейший собор в Европе, а может, и во всем мире. Его купола и шпили должны уходить в небо – туда, где светилась Вифлеемская звезда.

Кельнский собор

И вот городские власти, подстрекаемые архиепископом, постановили: снести старый собор, а на его месте возвести новый – самый большой по северную сторону Альп. Пусть все увидят, что не только в Италии христианские святыни покоятся в величественных церквях и соборах. Короче, горожан обуяла гордыня. И только настоятель старого городского храма воспротивился: «Стены нашего собора помнят еще Карла Великого! Нельзя разрушать память. Постройте новый собор, но старый оставьте!» Однако горожане не послушали настоятеля. «Разрушим старый собор! Построим на его месте главный собор мира!» – закричали они, собравшись на главной площади. И тогда громовой голос настоятеля загремел над площадью: «Да не будет же никогда достроен этот собор! А коли достроится, случится страшное – придет Апокалипсис и грянет Судный день!»

Пророчество показалось столь жутким, что строительство отложили. Но прошло несколько десятилетий, выросло поколение, уже не помнившее проклятия давно покойного настоятеля. И старый храм решено было все же снести.

В 1248 году, спустя почти сто лет, после того, как Райнальд фон Дассель привез в город мощи волхвов, новый архиепископ Конрад фон Хохштаден приказал начать строительство и собственноручно заложил первый камень в основание будущего собора веков.

Замысел был воистину грандиозный. Готические шпили собора взмывали ввысь на 157 метров – чтобы молитвы верующих как можно быстрее доходили до Бога на Небесах. Алтарь, залы, капеллы, башни, помещения внутри ограды создавали громадный лабиринт – целый мир духовного преображения на земле человека, готовящегося перейти в мир горний. Лучшие мастера трудились над фресками и скульптурами, витражами и мозаиками, ковали ограды, тесали скамьи. Но работы затягивались. За первые двадцать лет отстроили только небольшую часть главного зала, где поместили золотой саркофаг с теми самыми

легендарными мощами волхвов. Потом весь зал достраивали еще больше пятидесяти лет. Только к 1440 году в Мариенкапелле (капелле Девы Марии) появился изумительный по красоте алтарь со сценой «Поклонения волхвов» работы великого немецкого живописца Стефана Лохнера. Но видно, и он «заразился» медленными темпами – много раз дописывал и переписывал свою картину. Собор же все строился и строился...

Только 15 октября 1880 года собор наконец-то решили освятить. Это более чем через 600 лет после закладки первого камня! На освящение прибыл сам германский император – престарелый Вильгельм I и, конечно, были приглашены гости со всего мира, ведь это был повод продемонстрировать влияние Германии. Вечером монарх решил лично осмотреть строение, но, обойдя собор, наткнулся на только что начатую кладку у западного нефа. «Что это?» – удивился монарх. «Так не доделали еще, – дрожащим голосом ответил бригадир каменщиков и попытался напомнить: – Легенда есть...» И он рассказал монарху про то, что собор нельзя достраивать, иначе случится конец света. Ну а вечно недостроенный собор – настоящий Страж Апокалипсиса на грешной земле. Пока строится Кельнский собор – живет-строится и весь мир.

Император крикнул, огляделся вокруг и вдруг произнес: «Надо бы и вон ту стенку положить заново!» Бригадир каменщиков удовлетворенно хмыкнул и позвал своих рабочих. Строительство продолжилось.

Так и создается сей «вечный долгострой». Даст бог, будет возводиться вечно. И вечно будет строиться наш мир. Тогда никакой Апокалипсис не страшен. Конечно, атеистический и рациональный XX век в пророчества не слишком-то верил. Но собор в Кельне потихонечку достраивал. Удивительно, но этот шедевр архитектуры и человеческого духа уцелел и во время Второй мировой войны. Ну а то, что все-таки разрушилось, жители Кельна тут же начали восстанавливать. Но до конца опять-таки не достроили – передали эстафету XXI веку. Вот и ныне вокруг собора постоянно то тут, то там появляются строительные леса: надо поддерживать стража.

Аббатство в Шервудском лесу

Как известно, наиболее трепетно к домам относятся в Англии: «Мой дом – моя крепость». Это вполне объяснимо: ведь если по Европе за сотни веков проносились ветры войн и революций, сметающие с лица земли не только людей, но и их жилища, английский уклад жизни сохранил здания чуть не с XII века – и церкви с монастырями, и городские здания, и родовые дома. И один из самых известных таких домов – дом семьи Байрон. Вот где можно наглядно отследить, сколь велико влияние жилища на его обитателей.

Про знаменитый Шервудский лес знают все – это место «охоты» легендарного благородного разбойника Робина Гуда. Но мало кто знает, что в этом же лесу стоит и родовой дом поэта Байрона. До 1533 года поместье, обширные угодья и лесное озеро принадлежали богатому Ньюстедскому аббатству, которое мирно владело ими более трех веков. Однако указ Генриха VIII лишил католические монастыри их богатств и насиженных мест. Предметы роскоши и деньги, естественно, отошли в казну, а вот здания и земли король пожаловал своим любимцам. Так в бывших владениях Ньюстедского монастыря по милости короля Генриха VIII поселился род Байронов.

Надо сказать, что Байроны (или Буруны, как их называли в Средние века) были не просто королевскими любимцами, но храбрыми и честными воинами, не раз проливавшими свою кровь во славу Англии. Но, лишь получив настоящее поместье, они обрели родовой дом и лоск истинных аристократов. Однако распознать коварный нрав полученного королевского дара семейству Байрон удалось не сразу. Правда, крестьяне окрестных деревень честно пытались рассказать новому хозяину сэру Джону Большая Борода о том, что выгнанные с насиженного места монахи наложили на монастырь особое заклятие. Ночью, покидая стены обители, они бросили в озеро старинный аналой с изображением серебряного орла и хартию вольности, выданную монастырю на владение землями Шервуда еще в XIII

веке. При этом настоятель заявил: «Как священник я не могу наслать несчастья на новых владельцев. Но я обрекаю их на те же вечные странствия, на которые они обрекли моих монахов. И не будет покоя новым хозяевам, пока один из них не вступится за свободу и вольность гонимых и угнетенных!»

Так и вышло. И хотя сэр Джон Большая Борода переделал готическое строение во вполне спокойный и приемлемый для жилья замок, мрачный настрой Ньюстеда начал толкать до того невозмутимых и уравновешенных Байронов на крайности и авантюры. Никто из них не мог усидеть на месте, и никому из них не было покоя. Надо сказать, радости это им не приносило. Один из предков поэта в пьяном угаре носился по округе, не в силах остановиться, другой, отправившись в путешествие, убил приятеля, за что и был судим пэрами королевства, третий вообще прославился как самый злополучный адмирал английского флота. Вот вам и жажда странствий вкупе со стремлением к свободе, о которых говорилось в монашеском проклятии!

Впрочем, англичане уверены, что проклятие утеряло силу с рождением великого поэта. Ведь хотя дом и наложил на Джорджа Гордона Ноэля Байрона (1788–1824) печать мрачности и необузданного темперамента, поэт сумел переплавить их в свое романтическое творчество. И последнюю часть легендарного предсказания он выполнил – отдал жизнь в борьбе за свободу угнетенной Греции.

Тайна замка Альбрехтсбург

История изобилует совершенно невероятными поворотами. Казалось бы, начинается одно, а вдруг раз – и получается совсем другое. Именно таким неожиданным оказалось дело всей жизни немецкого алхимика Иоганна Фридриха Бёттгера (1672–1719).

К концу XVII века алхимия уже не являлась столь притягательной, как в прошлые времена. В фаворе оказались естественные науки и, конечно, медицина. Ею-то и решил заняться любознательный и способный юноша Иоганн Фридрих Бёттгер. В 1698 году, когда ему исполнилось 16 лет, он поступил в ученье к известному берлинскому аптекарю Цорну. Однако не прошло и пары лет, как Цорн обнаружил, что ученик пачками глотает книги, да вот беда, не по медицине и фармацевтике, а по алхимии и оккультным наукам.

Замок Альбрехтсбург

Почтенный аптекарь пришел в священный ужас: алхимия уже считалась нечестивым деянием. «Она приведет тебя к краху!» – завопил он. Но юный ученик только плечами пожал: «А что я получу, если всю жизнь буду растирать порошки да варить микстуры?»

Грошовое жалование – разве это не крах всем мечтам?! А если я займусь алхимией, то сумею открыть философский камень, при помощи которого стану делать золото, и разбогатею вмиг!» Словом, закусив удила, ученик захотел от жизни все и сразу. Другой бы на месте Цорна выдал его церковным властям, но почтенный аптекарь имел мягкий нрав да и привязался к Иоганну, ведь тот был умным и талантливым учеником. Так что Цорн решил: молодо – зелено, юноша перебесится да и займется растиранием порошков, а пока пусть поэкспериментирует в своих алхимических опытах.

Увы, скоро стало ясно, что быстро научиться варить золото Иоганн не в силах. Но видно, тщеславие родилось вперед него. И однажды, когда Цорн в очередной раз упрекнул его в нерадивости, Бёттгер решил поразить учителя: «На самом деле я уже давно знаю секрет, как изготовить золото из свинца. Мне открыл его один странствующий ученый грек. Он путешествовал по нашим местам и неосторожно свалился в реку. А я его вытащил. За это он открыл мне тайну: есть особая жидкость, которую нужно добавлять во время переплавки, и свинец обратится в золото!»

Аптекарь удивленно поскреб подбородок: «И что же ты никак не получишь золотишко?» – «Мне пока не удастся составить эту самую жидкость по греческому рецепту, – буркнул Иоганн. – Но как только это случится, я стану богачом!»

Вышло иначе: то ли кто-то подслушал их разговор, то ли сам Цорн по хмельному делу проговорился, но слухи об ученике аптекаря, который может из свинца делать золото, облетели Берлин и дошли до самого короля Пруссии Фридриха I. Хорошо, Иоганн проведал об этом и успел сбежать. Так что, когда в аптеку явились солдаты, чтобы по приказу короля забрать юного алхимика, того и след простыл.

Бёттгер решил переждать в Саксонии. Однако и саксонский курфюрст Фридрих-Август I (бывший в то время еще и польским королем под именем Август II) нуждался в деньгах ничуть не меньше Фридриха Прусского. Так что в Дрездене незадачливого алхимика схватили и поселили в доме, в подвале которого была оборудована тайная лаборатория. Курфюрст тоже жаждал золота.

Иоганн начал работать. Смешивал разные компоненты, сливал и разливал, варил и остужал. Тысячу раз он проклинал свое хвастовство: ну зачем хвастал перед Цорном тем, чего не умеет?! В конце концов доведенный до отчаяния Бёттгер снова решил бежать. Но его догнали, схватили и вернули. Вот только поселили уже не в благоустроенном доме, а в подвале старинного разваливающегося замка Альбрехтсбург, что рядом с городком Мейсенем. По подвалам гуляли сквозняки, а по коридорам – стражи курфюрста. Иоганн жил взаперти при подземной лаборатории, и выбор у него был невелик: либо создать золото, либо сгинуть в темном подвале...

И снова незадачливый алхимик плавил в печах наугад металлы, смешивал различные комбинации. Все напрасно! Стало только хуже, поскольку глиняные тигли, в которых кипели металлы, постоянно лопались, не выдерживая жара печи. Чтобы продолжать работу, приходилось самому делать тигли. Для этого Бёттгер запрашивал разные сорта глины. И вот однажды ему привезли красную глину из окрестностей городка Окрилля, находившегося неподалеку от Мейсена. Иоганн пришел в восторг.

«Тигель из этой глины выдерживает фантастическую температуру – больше 1800 градусов!» – рассказывал он наблюдавшему за его работой графу Эренфриду фон Чирнхаусу. Граф уже давно вел беседы с узником-алхимиком. Сначала не по своей воле – курфюрст Саксонии приказал ему надзирать за работой Бёттгера. Но Чирнхаус и сам был образованным и любопытным человеком, тяготел к естественным наукам, проводил в Саксонии геологические изыскания. Его мечтой было разгадать тайну китайского фарфора. Нигде в мире, кроме далекой восточной страны, не умели делать посуду из этого белого чуда.

Фарфор – твердый, тонкий и прозрачный – ценился на вес золота. Да что золото – однажды курфюрсту пришлось обменять пару фарфоровых чашек на целый взвод отлично обученных солдат. И вот в красноглиняных сосудах, сделанных Бёттгером, опытный

Чирнхаус почувствовал зачатки открытия.

Быстро поднявшись, он схватил красный тигель и взвесил на руке – легкий, твердый. Постучал ногтем – звонкий! «Да это открытие дороже золота! – радостно воскликнул он. – Еще немного – и мы поймем, из чего китайцы делают фарфор!»

Открытие ошеломило курфюрста. Он станет богаче всех в Европе, продавая фарфор! Следовало заставить узника замка Альбрехтсбург работать быстрее и усерднее. И потому Бёттгера перевели из подвального помещения в жилые покои.

Ему даже разрешили выходить в город. Однако до реального создания фарфора было еще далеко, ведь глина была красной, ей не хватало плавкости: при обжиге она превращалась не в стекловидную массу, а скорее в сухой камень. Глину следовало с чем-то смешать – но с чем?..

Бёттгер впал в отчаяние. К тому же его ждал новый удар – в 1708 году умер его покровитель, граф Чирнхаус, заступавшийся за него перед курфюрстом. И уже никем не сдерживаемый правитель начал яростно требовать окончания работ. Бёттгер потерял сон, но ничего не мог придумать. Разгадку подсказала сама жизнь. Однажды Иоганн отправился в парикмахерскую, и там мастер посыпал его парик белой пудрой. Бёттгер потрогал пудру – она лепилась в шарики, как глина. «Что это?» – спросил он.

Парикмахер, задрожав, признался: он сэкономил на клиенте – посыпал его волосы не дорогой французской пудрой, а так называемой шноррской землей. Оказалось, что еще лет десять назад купец Шнорр по дороге из Дрездена в местечко Ауэ заметил, что вся округа засыпана белой пылью, похожей на муку. Оказалось, что ветер разносит по округе мельчайшие частички белой глины. Купец быстро смекнул, что может разбогатеть, если наладит продажу этой «муки» вместо дорожной французской пудры.

Бёттгер не стал дальше слушать парикмахера, кинувшись на поиски белой глины. Она оказалась пригодной для работы. Для плавкости он добавил в нее кварц и алебастр. К концу 1708 года опыты были закончены, и в марте 1709 года 27-летний Иоганн Фридрих Бёттгер предстал перед научной комиссией, которой курфюрст Саксонии поручил оценить работу придворного алхимика, а вернее, первого в Европе создателя фарфора. Беттгер представил шесть чашек – белых, легчайших, почти прозрачных. Они были прочны, устойчивы к кипятку и издавали приятный звон, если по ним постучать деревянной палочкой. К тому же поверхность их была твердой и гладкой – ее не царапал даже острый нож.

Ученые мужи составили заключение, в котором чувствовалось явное восхищение: «Иоганн Бёттгер показал нам сделанный им фарфор: полупрозрачный, молочно-белый, подобный цветку лотоса...» Словом, сей фарфор ничем не уступал китайскому.

В Мейсене решено было наладить производство, основная лаборатория по-прежнему размещалась в замке Альбрехтсбург. В 1710 году фарфоровую продукцию показали на Лейпцигской весенней ярмарке, где собирались покупатели со всей Европы. Там мейсенский фарфор произвел фурор. Конечно, он был необычайно дорог, и приобрести фарфоровые посуду, вазы и фигурки могли только самые богатые люди. Обладание же целым сервизом могли позволить себе только монархи. Словом, в казну Фридриха-Августа потекли реки золота. Сам же создатель этого «золота» просто падал с ног: устанавливал новые печи, нанимал и обучал рабочих.

Производство было объявлено строжайшей тайной. Все поступающие работать на фарфоровую мануфактуру давали клятву хранить ее секреты. За разглашение полагалась смертная казнь. Были приняты и другие меры: те, кто готовил фарфоровую массу, не знали, как работают печи, те, кто занимался обжигом, не имели представления о сырье. Ну а три главных составляющих фарфоровой тайны (белая глина – каолин, добавки для плавкости и температура обжига) знали только три человека: сам Бёттгер и два его заместителя.

Отец европейского фарфора наконец-то получил то, что хотел – богатство и признание. Курфюрст щедро платил ему, так что Бёттгер жил в роскоши и достатке, но... За ним всегда наблюдали, а если он выезжал в Дрезден, слежка усиливалась. Курфюрст не доверял никому. Хуже того, ему везде виделись шпионы и доносчики. Он даже предположил, что Бёттгер

хочет продать тайну изготовления фарфора своему бывшему властителю – королю Пруссии. Это была явная нелепость, но беднягу Бёттгера на несколько недель бросили в тюрьму. Однако в его отсутствие производство на Мейсенской мануфактуре застопорилось, так что Иоганна пришлось выпустить.

Он руководил мануфактурой до самой смерти, последовавшей 13 марта 1719 года. Изобретателю-самоучке было всего 37 лет. Что ж, как известно, в этом возрасте землю покидают гении.

Уже спустя шесть лет, в 1725 году, на мейсенский фарфор начали наносить его «личное клеймо» – синие скрещенные мечи. Под этой маркой он и известен в наше время. И между прочим, это была единственная в Европе мануфактура фарфора, до тех пор пока в 1756 году во Франции деятельная маркиза Помпадур не создала Севрскую Королевскую фарфоровую мануфактуру. В замке Альбрехтсбург теперь располагается музей фарфора.

Кремлевские тайны Конана-варвара

Истории таинственных сокровищ всегда будоражат воображение. Но эта загадка по-своему уникальна, ибо имеет развязку как в реальном, так и в виртуальном мире.

Все началось осенью 1718 года. Место действия – Москва, Преображенский государев приказ. Главный герой – Конан (по-иному Конон) Осипов, пономарь церкви Иоанна Предтечи, что на Пресне. Несколько раз сей тощий пономарь пытался прорваться к главе приказа, объясняя свое дело большой важностью. Но видно, и в те времена чиновничий люд не стремился к разговорам с просителями. Стража просто выбрасывала настырного Осипова вон, а однажды даже побила. Вот тогда-то пономарь и не стерпел – гаркнул прилюдно: «Государево слово и дело!» Такой клич означал уже не личную нужду, а дело государевой важности. И потому стражники не посмели вновь выгнать Конана, а пропустили к царю – пусть разбирается. В конце концов, если настырный пономарь соврал и дело его не важно для государя, могут и на дыбу вздернуть, язык вырвать или глаза выколоть.

Спасская башня Московского Кремля

Однако у Осипова нашлись веские доказательства для употребления тайного клича. Причем такие, что простого пономаря тут же отвезли в дом князей Ромодановских, где в то время гостил самый влиятельный представитель этого старинного рода – личный друг самого императора Петра I, глава Сысного приказа И.Ф. Ромодановский, приехавший из Петербурга.

Хитрый пономарь речь повел исподволь. Объяснил, что по долгу церковной службы частенько сталкивается с историями, всплывающими на исповеди того или иного высокопоставленного прихожанина. Конечно, пономарь – не священник, но и у него есть уши. Вот и услышал он как-то сбивчивое повествование бывшего дьяка приказа Большой казны Василия Макарова. Тот рассказывал о каком-то старинном тайнике в подземельях Московского Кремля. Деньги там, видать, немалые. Ну а нынче все понимают, что молодое государство Петрово остро нуждается в средствах, вот Конан и решил рассказать, что узнал.

Ромодановский только хмыкнул. Кажись, дело скучное – обычный донос или, того хуже, выдумка. Но следующее имя, произнесенное Осиповым, заставило князя прислушаться. «Речь идет о мятежной царевне Софье!» – выдохнул пономарь. Князь напрягся. Опальная старшая сестрица императора Петра I, правившая 7 лет – с 1682 по 1689 год, – до сих пор считалась «персоной вражьей», хотя ее уж давно и на свете не было.

«Это случилось в первый год ее правления, – начал объяснять Осипов. – Дьяк Василий Макаров в то время занимал в Большой казне одно из высших мест. И вызвала его царевна Софья: повелела пойти с проверкой в тайное подземелье. Шел он через весь Кремль

секретным подземным ходом от Тайницкой башни до Собакиной, она же Арсенальная Угловая. Ход был древний, осыпавшийся. Софья лично проинструктировала Макарова, где, как и куда сворачивать. Доверяла, значит. И дьяк доверие оправдал. Перекрестился три раза у входа, положился на милость Божью и шагнул в темный, осыпающийся проход. Освещая путь потрескивающим факелом, пробрался под Благовещенским собором, потом под Грановитой палатой. А дальше увидел справа две черных толстенных железных двери, запертые на тяжелые висячие замки, а поперек дверей – навертены цепи железные. Открывать замки дьяку не было приказано, а велено было поступить по-другому: посветить свечой в оконца, вырубленные около каждой двери. Оконца те забраны были железными решетками, но коли всунуть через решетки свечу, станет видно, что внутри. Макаров так и сделал, да и обомлел. За каждой дверью оказалось по каменной палате, и обе заставлены сундуками аж под самые своды. Вокруг – вековая пыль, так что ясно: к ним давно уже не притрагивались. На сундуках – замки и смутно белеющие огромные восковые печати – все нетронутые. Словом, царский тайник в целостности и сохранности».

«Ну а что могло бы там храниться? – уставился Конан на князя Ромодановского победным взором. – Ясно, богатства несметные, веками накопленные. Вот бы добраться до тайника да вынуть сокровища!»

Ромодановский снова хмыкнул: «А тебе, конечно, десятину, которая наводчику полагается! А вдруг там не золото с бриллиантами, а одежонка ненужная или книги старые, ветхие? Вроде потерянной библиотеки царя Ивана Грозного, коя называлась Либерией?» Конан только плечами пожал: «Что ж, может, я стану спасителем сей Либерии?»

В октябре 1718 года начались поиски. Ромодановский дал Осипову в помощь подьячего Петра Чичерина и повелел кремлевским дьякам оказать нужную помощь. По тем временам – приказ серьезный. И поиски начались споро. Да так же быстро и закончились. Вот как описывает это историк того времени:

«И оный подьячий тот вход осмотрел и донес им, дьякам, что такой выход есть, токмо засыпан землею. И дали ему капитана и 19 солдат, и оный тайник обрыли и две лестницы обчистили, но стала земля валиться сверху. И оный капитан... послал записку (без бумаги наверх и в те времена было никак не обойтись! – *Авт.*), чтоб подвести под той землею доски, чтобы тою землею людей не засыпало. И дьяки людей не дали и далее идти не велели, и по сию пору все не исследовано».

Как же так?! А приказ Ромодановского, неужто его ослушались? Увы... Просто глава Сыскного приказа к тому времени уехал в Петербург. Там кипит жизнь и совершаются великие государственные дела. Ну а москвичи – народ спокойный да медленный. Тут своя политика: меньше знаешь – крепче спишь. А скорее – дольше живешь. Наверное, это и втолковали наконец Конану Осипову, который еще пару раз порывался искать сокровища. Ну а чтобы больше не пытался – вынудили его уехать из Москвы. Так и сгинул любопытный Конан невесть где.

Век никто не интересовался тайными сокровищами кремлевских подвалов. Но вот в роковой 1812 год в Москву пожаловали незваные французы. Наполеон, склонный к разным загадочным историям, прознал про давний рассказ о «макарьевских сундуках» и начал их поиски. Да только раз уж тайник своим не дался, то куда до него французам! У них быстро нашлось более важное дело – отступать обратно. Вновь про рассказ Конана Осипова вспомнили только летом 1894 года, когда исследованиями подземелий Кремля занялся сиятельный любитель старины князь Н.С. Щербатов. Но и ему не хватило денег на раскопки. Хоть князь и сумел организовать расчистку нескольких тайных ходов, но к «макарьевским сундукам» не пробился.

Больше повезло российскому историку, археологу И.Я. Стеллецкому. Он изучал подземелья Кремля еще с 1908 года, свято поверив в существование некогда потерянной библиотеки Ивана Грозного. Впрочем, и от других находок он бы не отказался. Стеллецкий начал быстрые и успешные раскопки в 1914 году, но их остановила Первая мировая война. Словно сама История с большой буквы не позволяла раскрывать тайны Кремля. Но

неугомонный Стеллецкий от мечты не отказался и после Октябрьской революции начал забрасывать письмами Моссовет, ЦИК, Совнарком. Бесстрашно обратился, наконец, к самому Сталину. И отец народов дал добро. 1 декабря 1933 года Стеллецкий с бригадой рабочих из Управления коменданта Московского Кремля начал раскопки под Угловой Арсенальной (Собакиной) башней.

В первые же дни случились радостные открытия: оказалось, свод тайного хода не поврежден, он просто заложен белокаменными глыбами на крепчайшем растворе. Когда замуровку проломил на полтора метра, открылся более узкий проход, в конце его лестница, потом сводчатые арки, снова ходы. В одном из таких ответвлений ученый и признал тот самый тайный ход, ведущий к «макарьевским сундукам». Тут, как и полагается, состоялось заседание специальной комиссии, куда входили представители комендатуры Кремля, директор Оружейной палаты В. Клейн и виднейшие архитекторы А. Щусев и Н. Виноградов. Комиссия дала добро на дальнейшие работы, но... в Кремль Стеллецкого больше не впустили. Ему просто не выдали пропуск, ничего не объясняя. Подземелья же вообще замуровали. Чистая мистика!

Впрочем, были и реальные объяснения. Одни ученые считали, что всему повредило убийство С.М. Кирова – все хоть в чем-то сомнительные дела были прикрыты. Другие напоминали, что работы не совсем свернули. Просто всем видимые раскопки оказались прекращены. Но возникла небольшая группа «поисковых специалистов», которые работали тайно, привлекая в качестве рабочей силы солдат-срочников. И потому немудрено, что часть современных исследователей считает, что советские спецы все же пробились к сундукам, о которых рассказывал Конан Осипов. Что же случилось с сокровищами? Как пишет известный историк-кладоискатель: «Они были использованы по прямому назначению. Иными словами, они теперь украшают чей-то скромный, но почти царский быт».

Поразительно иное: исчезнув с реального горизонта, «сокровища Конана» неожиданно появились в мире виртуальном. Виной всему оказался молодой американский писатель Роберт Ирвин Говард. С 1932 года он начал сочинять истории о легендарном Конане-варваре. Впрочем, вначале этот персонаж не произвел фурора, зато к концу XX века каждый землянин уже знал о приключениях легендарного Конана в его волшебном-виртуальном, кинематографическом и компьютерном, мире. И знаете, что самое поразительное? Вначале Говард назвал своего героя «спасатель», что звучало как Конан-осиа (от древнееврейского – «спасать»). Ну прямо – Конан Осипов! Вот и не верь после этого во взаимопроникновение реального и вымышленного миров... Особенно если вспомнить, что в одной из историй бесстрашный Конан спасает прекрасную принцессу, заточенную свирепым братом в Красную башню (не напоминает вражду Софьи и Петра?). И между прочим, принцесса посылает своего мужественного спасителя в подземелья, где в тайных сундуках хранятся ее сокровища. В начале XXI века рассказ перевели в компьютерную игру – и вот до сих пор народ увлеченно бродит по подземельям в поисках кладов. Так, может, уже не важно, есть ли тайник в реальности – в виртуальном мире каждый найдет свои сокровища...

Всадник над городом

Эта скульптура – символ города на Неве. Петербуржцы даже дали памятнику имя собственное – одновременно романтическое и мистически-устрашающее – Медный всадник. Он является и хранителем города и его проклятьем. Но ведь и сам Петр Великий считается и реформатором Руси и одним из ее могильщиков. Известно, что Пушкин считал Медного всадника болваном, великаном, чья пята попирает беззащитный город, писатели и поэты Серебряного века видели в Медном всаднике мистическое олицетворение ужаса Северной столицы.

Однако простые горожане искренне верили, что бронзовый царь бережет свой великий город. Историки рассказывают, что, когда в 1812 году Петербургу грозила опасность захвата наполеоновскими войсками, император Александр I решил уберечь главные святыни города,

и в первую очередь легендарный памятник Петру. Уже был отдан приказ вывезти скульптуру в Вологодскую губернию, но неожиданно князь Голицын пересказал Александру сон, который неотвязно преследовал его друга, майора Бутурлина. Тому снится, что стоит он на Сенатской площади и слышит голос ожившего Петра Великого: «Покуда я на месте, моему городу нечего опасаться!»

Медный всадник

Рассказ об этом сне так поразил Александра, что Медного всадника решено было оставить в городе. И Наполеон туда даже не пошел!

Однако у противников памятника есть и другая легенда. По преданию, именно бронзовый Петр виноват в наводнениях, которые регулярно обрушиваются на город. Ведь жестокосердный правитель считает, что потомки не достойны его реформ. Одно из таких наводнений, 7 ноября 1824 года, вдохновило Пушкина написание его бессмертной поэмы «Медный всадник», где Петр, а вместе с ним и всадник изображены весьма нелицеприятно. Что ж, тогда весь центр Петербурга оказался поглощен яростным водоворотом бушующей стихии. Люди гибли. А холодный бронзовый истукан бесстрастно наблюдал за страданиями своего народа...

Вот уже много веков люди переносят на Медного всадника свое отношение к власти, ведь Петербург вплоть до 1918 года был столицей Российской империи. А власть незаконна и безжалостна к простым людям, не обладающим богатством и нужными связями.

Недаром Достоевский горестно писал: «Мне сто раз среди этого тумана задавалась странная навязчивая греза: «А что как разлетится этот туман и уйдет кверху, не уйдет ли вместе с ним и весь этот гнилой, склизлый город, поднимется с туманом и исчезнет, как дым, и останется прежнее финское болото, а посреди его, пожалуй, для красы, бронзовый всадник на жарко дышащем, загнанном коне?»

Что ж, отношение Достоевского понятно. Однако показательно: даже мечтая об

исчезновении «гнилого города», чуткий к истинной красоте писатель считает, что Медный всадник должен остаться на века. Ибо он не просто воплощение царя, который «Россию поднял на дыбы», но и величайшее произведение искусства. И у него есть собственные тайны создания...

Скульптор Этьен Морис Фальконе (1716–1791) приехал в Россию в 1766 году по рекомендации самого философа Дидро. Тот считал Фальконе лучшим скульптором Франции и полагал: «Месье Фальконе больше всех подойдет для вашего грандиозного замысла – поставить достойнейший памятник великому государю Петру». Действительно, к тому времени скульптор снискал европейскую славу. Уже одна из первых его работ – «Милон Кротонский» на античный сюжет – произвела в Париже фурор. Сама маркиза Помпадур, всесильная фаворитка короля Людовика XV, обратила внимание на талант Фальконе. Впоследствии по ее заказу он создал немало изящных скульптур – «Грозящего Амура», «Купальщицу», «Пигмалиона и Галатею», множество моделей статуэток для знаменитой севрской фарфоровой мануфактуры, которую возглавлял почти 10 лет. И всегда был успех! Но вот, представив на суд императрице Екатерине II модель памятника Петру I, Фальконе по нахмуренным бровям правительницы понял, что не достиг взаимопонимания. Дело в том, что скульптор видел будущий памятник как символ самодержца: Петр I должен стоять на высокой колонне посреди большой площади, чтобы все проходящие могли перед ним снимать шляпы. Но Екатерина хотела от памятника иного. «Русскому императору не нужно, чтобы перед ним снимали шляпу, как перед простым бургером! – вспыхнула Екатерина. – Петр был реформатором, полководцем, любимцем Фортуны. Он должен представлять перед подданными на коне, как римский император!»

Когда скульптор наконец выбрался из лабиринтов Зимнего дворца, в голове у него шумело. Эта властительница знает, чего хочет! Теперь и сам скульптор понимал, что был дураком, замыслив почтенного правителя, перед которым снимают шляпы подданные... Может, в каком-нибудь немецком городе зеваки и пришли бы в восторг от такой идеи, но не в бурном, динамичном, непредсказуемом Петербурге. Здесь все огромное, шумное, взвихренное, как метель, и непонятно грандиозное, как стихии природы. Конечно, Екатерина права: Петр был неукротимым и дерзким реформатором, обладал железной волей, построил не только этот город, но и возродил всю свою страну. Но как изобразить такого?..

Фальконе удивленно оглянулся: куда он попал, выйдя из дворца? В тусклом свете подъездного фонаря блестит мокрый гранит Дворцовой набережной. Где-то впереди глухо ревет и пугающе пенится вздымающаяся Нева. Говорят, что в бурную полночь свирепый ветер гонит волны залива обратно и река течет вспять. Мистика какая-то! Сноп холодных брызг окатил скульптора. Порыв ветра чуть не снес шляпу. В круге прорвавшейся сквозь туман луны Фальконе вдруг увидел громадного темного всадника, осадившего огромного коня прямо перед гранитным парапетом. Миг – и призрачный незнакомец прыгнул на другой берег реки. Фальконе ахнул: Нева не крохотная речушка, ее нельзя перепрыгнуть даже на самой громадной лошади!.. Неужели он увидел одно из тех легендарных привидений, о которых, крестясь, шепчутся петербуржцы?..

Сердце Фальконе сжалось от леденящего ужаса, и, не разбирая дороги, он кинулся назад ко дворцу. Как добежал, как нашел свою карету, как доехал до дому – не помнил. Очнулся уже в собственной гостиной, где его помощница и ученица Мари Калло хлопотливо начала отпаивать его чаем. Плеснула в чашку привезенный из Франции дорогой коньяк, заставила выпить залпом. И только когда огненная жидкость обожгла горло, Фальконе пришел в себя и сбивчиво рассказал о таинственном всаднике.

– А ведь это знаковая встреча! – ахнула Калло. – Вы увидели призрак самого Петра. Да-да! Слуги часто рассказывают, что Петербург – призрачное место. Говорят, что именно на Дворцовой набережной часто появляется императорский призрак. Выезжает на горячем коне и, словно гордясь построенным градом, кричит: «Все – Божье и мое!» И перепрыгивает реку. Потом кричит с другого берега: «Все – Божье и мое!» И снова возвращается ко дворцу. Говорят, что так бывало и при жизни царя. Но вот однажды, как гласит предание, он

возгордился и крикнул, забыв о Боге: «Все мое!» И тут же, сорвавшись, упал в реку. Простыл в ледяной воде да и помер.

– Путают слуги что-то. – Фальконе поднялся из-за стола. – Петр действительно умер от простуды, но прыгнул в ледяную воду, спасая своих матросов. Великий и милосердный был царь...

Ночью Фальконе проснулся от того, что огромная белая луна заглядывала в окно. Он забыл задернуть и шторы и полог кровати. В воображении снова ожила призрачная картина: могучий всадник поднимает на дыбы громадного коня. Вот так когда-то Петр Великий поднял на дыбы всю старую Русь. Вот таким его и надо изваять – в едином порыве, едином движении. И пусть царь не держит никакого жезла – напротив, пусть огромная и мощная рука Петра-защитника прикрывает город от всех напастей.

А постамент?.. Фальконе словно прозрел: никаких колонн! Постаментом должен быть крупнейший камень, ведь само имя Петр в переводе с греческого означает каменную глыбу. И камень этот должен быть похож то ли на вершину скалы, то ли на гребень могучих невских волн.

Все нашлось, и даже камень – не изысканный мрамор, а мощный, грубый, полный природной силы гранит. Его искали по всей стране. Нашли неожиданно близко – в деревне Конная Лахта под Петербургом. Осенью 1768 года крестьянин Семен Вишняков сообщил, что в окрестностях деревни издревле лежит гранитная глыба, на которую, по преданию, во времена Северной войны поднимался сам Петр Великий, дабы обозреть местность. Тогда неожиданно началась гроза, в каменную гряду ударила молния. Однако государь не пострадал и даже зашелся хриплым смехом: «Меня Бог бережет!» А вот на граните осталась черная отметина, с тех пор глыбу и величают «Гром-камень».

Тащили глыбу весом 1600 тонн, длиной 44 фута, шириной – 22, а высотой – 27 футов с чисто русской гениальной смекалкой: огромную деревянную платформу взгромоздили по желобам на железные рельсы, а чтобы облегчить скольжение, подкладывали под тяжеленную платформу бронзовые шары. Катили, конечно, трудно и долго: 400 человек больше полугода. Сэкономили и время: пока катили по дороге, и обтесывали. На Финском заливе погрузили на специальную баржу. Когда же, наконец, доставили в Петербург, Екатерина приказала выбить памятную медаль со словами «Дерзновению подобно» и наградить участников.

Настало время переводить модель в натуральную величину. Но тут выяснилось, что портрет Петра не нравится Екатерине. Выручила Мари Калло – изваяла дерзновенный лик владыки, в глазах которого сверкала молния.

Государыня пришла в восторг. Памятника столь грандиозного масштаба не было во всем мире. Мастер виртуозно преодолел все технические сложности: его конь, поднявшийся на дыбы, имел всего две точки опоры, две другие опоры скульптор провел через хвост коня и змею, которую конь топчет. Такое решение было революционным.

Через четыре года, 7 августа 1782-го, в Петербурге при огромном скоплении народа на Сенатской площади состоялось грандиозное действо. Екатерина II появилась на балконе Сената в парадном платье. Тысячи горожан встретили государыню ликующими возгласами. Все деятели культуры толпились в первых рядах. И только создателя монумента, скульптора Фальконе, пригласить на открытие из Франции не соизволили. О нем вообще предпочитали не вспоминать. Да и к чему, если на памятнике красовалась надпись: «Петру Первому – Екатерина Вторая»? Императрица желала быть единственной хозяйкой праздника. Ведь это она, а не кто другой, воздала почести великому владыке. Он был первым, а она стала второй. Значит, тоже – великой...

Когда новость дошла до Парижа, Фальконе занемог. Вскоре его разбил паралич, и больше восьми лет он пролежал без движения. И только верная ученица Мари умела понимать его. 24 января 1791 года он умер на ее руках.

А бронзовый всадник, которого, с легкой руки Пушкина, стали называть Медным, стоит, возвышаясь над своим великим городом. Одни считают его проклятием, виноватым в

бедах Петербурга. Другие, однако, верят, что он – защитник города, простирающийся над ним свою охранительную длань. Но все сходятся в одном: пока стоит над Невой Медный всадник, Петербург будет жить. Недаром же монумент не вывозили из города даже во время Великой Отечественной войны. Вместе с жителями Ленинграда он пережил блокаду и страшные смертельные зимы. И неудивительно, что, когда после блокады всадника освободили из-под укрывавших его мешков с песком и досок, на камне оказалась нарисованная мелом медаль «За оборону Ленинграда». Великий Петр защищал свой великий город.

Дом семи чертей

Прага – город старинный и мистический. И странных мест там множество. Ну а самый невероятный и таинственный дом носит совершенно мистическое название – Дом семи чертей или Дом у семи чертей. Это уж кому как хочется.

Говорят, в своем доме и стены помогают. Так что именно к ним и стоит относиться внимательнее. Вот почему преуспевающий адвокат Вацлав Немцов, купивший в 1820-х годах двухэтажный дом на Мальтезской площади в Праге, с особым вниманием выслушал последний пункт в купчей бумаге:

«Никогда и ни при каких обстоятельствах ничего не прислонять к стенам: ни мебель, ни напольные вещи и прочее, не вешать ни ковров, ни часов, ни картин и так далее, не вбивая ни одного гвоздя».

Странный уговор? Но при соблюдении его владелец пан Страков продавал дом чуть не вдвое дешевле. Семейство Страковых, старинный дворянский род, владело этим домом уже два столетия. Но вот обеднели, и нынешний владелец решил продать дом, хоть и со странным условием. Впрочем, практичный покупатель, адвокат Немцов, купил не удивляясь. Чего не сделаешь, коли цену снижают вдвое! А если у пана Стракова такие странные условия, то ведь запрос не бьет в нос. А вот цена-то падает – и замечательно. Да при такой стоимости можно пообещать жить вообще не прислоняясь ни к одной стене. Да и кому надо отираться о стены?!

В 1859 году после смерти Вацлава Немцова дом перешел к его 40-летней дочери – незамужней пани Алоизе. Чтобы на что-то жить, она начала сдавать комнаты. Но от постояльцев требовала соблюдения все того же неукоснительного правила: к стенам ничего не придвигать и ничего на них не вешать.

Жильцы протестовали против такой странности, но уйти не могли – хитрая дочь адвоката брала плату вперед. А потом постояльцы заметили странное: всех, кто хоть пару месяцев проживал в доме, охватывала неодолимая страсть к рисованию. Надо сказать, что и адвокат Немцов в свое время баловался живописью, и пани Алоиза марала бумагу акварелью.

А однажды в доме поселился профессиональный художник. Так ему вообще житья не стало – другие постояльцы то и дело несли ему свои работы и просили совета. В конце концов художник сорвался и высказал свое мнение всем разом: «Вы – бездари!» И тогда соседи устроили ему бойкот.

«Это не дом, а логово нечистой силы! Тут живут упыри, вытягивающие из меня все соки!» – возопил живописец и съехал на другую квартиру. Но соседям отомстить все же успел: за ночь до отъезда нарисовал на каждой из шести колонн здания по черту, а под дверным гербом написал: «Дом у семи чертей», подразумевая, что седьмой черт – сама сумасшедшая хозяйка.

Бедная пани Немцова стала посмешищем всей Праги и потому не смогла продать дом, а, умирая, завещала его больнице ордена Серых сестер, но на все тех же странных условиях. Сестры не нарушили ее завета, однако дом ветшал, и со временем им пришлось начать ремонт.

Выяснилось потрясающее: у дома оказались двойные стены, а за ними – прекрасные

старинные фрески работы известного швейцарского художника рубежа XVII–XVIII веков Яна Рудольфа Бисе, который некогда прятался в пражском доме дворянина Яна Петера Стракова от ретивой инквизиции и в награду за помощь расписал стены дома своего спасителя.

Дальновидный пан Страков, опасаясь за собственное благополучие, все же спрятал фрески, но вот отнять у стен дома тяги к живописи уже не смог: вот всех, кто жил в «доме художника», и охватывала страсть к рисованию. Но может, в этом и нет ничего плохого?..

Роковая ночь

17 декабря 1837 года в Санкт-Петербурге было почти праздничным днем. В столице гастролировала всемирно известная балетная прима – Мария Тальони. Вечером в Большом петербургском театре она танцевала свою звездную партию – Баядерку в балете «Бог и баядера». На спектакле присутствовал сам император Николай I с супругой и наследником-цесаревичем Александром.

Балет был уже в разгаре, когда внезапно в царскую ложу вошел дежурный флигель-адъютант и, не спросив по этикету прощения у императрицы, зашептал что-то прямо на ухо самому Николаю I. Тот изменился в лице и тут же вышел из ложи. Императрица обернулась к личной охране: «Что стряслось?» – «Кажется, что-то горит в Зимнем, ваше величество!» – обтекаемо прозвучал ответ.

На самом деле дворец пылал. Это было видно уже на пути, пока сани императора скользили к Зимнему. Адъютант торопливо проговорил: «В Зимнем загорелась сажа в печной трубе, которая проходит между залами Петра Великого и Фельдмаршальской. А трубу, как на грех, заложили отдушником – ну чтоб не дуло, зима ведь! Вот огонь и пополз, но даст бог, пронесет...»

Увы, зрелище было ужасным! Дворец, дрожа, трещал по швам. Пламя уже ползло на крышу. Выбежавшие из дворца люди в страхе кричали, молились, гвардейцы Преображенского и Павловского полков тащили ведра с водой. Побелевший Николай, прыгнув с саней, перекрестился и вдруг закричал грубым мужицким басом: «Все по местам! Гвардии – выводить людей! Главное – не дворец спасти, главное – люди!»

Не глядя на суетящихся гвардейцев, сам Николай ринулся к боковому входу – на «детскую половину». Отец одержал верх над государем. Николай ворвался в коридор со спальнями младших детей. От испуга он командовал по-армейски: «Все подъем! Марш – в Аничков дворец!» Именно от такого армейского лексикона няньки и гувернеры пришли в себя и, замотав, августейших воспитанников в одеяла, потащили их вон из горящего Зимнего.

Император снова выбежал на Дворцовую площадь и опять заорал: «Выносить что можно! Складывать прямо сюда!» Он ткнул рукой в Александрийский столп, возвышающийся посреди площади, а сам снова отважно ринулся во дворец. Солдаты, обмотавшись мокрыми тряпками, уже мужественно выносили из дворца вещи. И тут на площади появились сани государыни. Выскочив на снег, императрица Александра Федоровна закричала не хуже мужа: «Там моя больная фрейлина Голенищева-Кутузова! Она не ходячая! Пока ее не увижу, не уйду!»

Адъютант с офицерами кинулись к лазаретному крылу и вынесли из дворца больную. И, то ли бросая вызов упрямым спасателям, то ли салютуя их мужеству, над крышей взорвался очередной снап искр. Площадь перед дворцом наполнялась дворцовым имуществом, которое выносили мужественные спасатели. У Александрийского столпа уже лежали военные знамена, регалии, императорский трон из Георгиевского зала, образа, утварь и обстановка ризницы из дворцовой церкви. Потом площадь заполнилась столами и стульями, картинами и сервизами, люстрами и зеркалами, мраморными статуями и убранством дворцовых покоев.

К полночи спасательные операции стали уже смертельно опасны – Зимний дворец

представлял собой сплошное пылающее море огня. «Всем солдатам и офицерам – вон! – скомандовал Николай. – Больше не рисковать!» Но тут к нему пробрались какие-то незнакомые горожане – зрелые бородатые мужики, замотанные в тряпье, облитое водой, будто купались в проруби. «Разреши, государь! Мы – пожарные умельцы», – прогудел главный. Николай махнул рукой: «Только берегитесь!» Мужики ринулись в огонь.

А император уже кричал солдатам: «Всем строить стену!» Потом повернулся к адъютанту и объяснил: «Я велел привезти камень и кирпич. Возведем стену, чтобы огонь не перекинулся на Эрмитаж. Там картины, скульптуры. Дворец можно отстроить заново, а Рафаэля не перепишешь!»

Дворец горел 30 часов – то есть с вечера 17-го до раннего утра 19 декабря. В тушении пожара приняли участие все пожарные команды города и 20 тысяч солдат и офицеров. Погибло 13 человек. Их семьям были назначены достойные пенсии.

На момент пожара в Зимнем находилось почти 5 тысяч человек – придворные, гости, слуги, рабочие, охрана, караульные. Каждый проявил стойкость и мужество. Начальник караула Мирбах, не получив поначалу приказа о выводе своих офицеров, собрал караульных и благословил на почетную смерть. Сам он встал на пост во главе. Видать, судьба – сгореть заживо. Но никто не впал в панику и не бежал. Правда, спаслись все – приказ покинуть пост пришел вовремя.

Служащие Эрмитажа не по приказу, а по личному выбору ринулись в огонь спасать галерею портретов героев 1812 года, написанных некогда знаменитым живописцем Герардом Доу. Там же висел и «Георгий Победоносец» великого Рафаэля. И портреты, и «Георгия» вынесли из огня в числе первых.

Спасенные вещи три дня лежали вокруг Зимнего дворца. Но никто ничего не украл ни из обстановки, ни из ценностей. В страшную роковую ночь народ увидел в Зимнем не дом властителя, а свой собственный главный ДОМ России. А родной дом свят. Его нельзя разворовать и расхитить. Вот почему золотые и серебряные канделябры, драгоценные камни и ювелирные украшения, которые так легко было опустить в карман, вернулись на склад, который организовали для особо ценных вещей в Генеральном штабе. Правда, дотошный историк двора В.М. Глинка сверил все со списком обстановки, вещей и ценной утвари, бывшей в Зимнем. Оказалось, что не хватает некоторых серебряных вилок с ложками и бочонков вина. Об этом написали в газетах. Петербург ахнул: неужто в такую роковую ночь город не выстоял испытания и совершил грех кражи?! Но через пару дней столовое серебро нашлось внутри свернутых гардин, ну а вином оказались залиты ступени подвала – видно, бочки лопнули от пожара.

Однако одна пропажа все-таки была – тарелка из парадного императорского сервиза. Ее искали всем городом. Она нашлась только весной. Сошел снег, и лошадь одного из кучеров наступила на нечто хрупкое прямо на Невском проспекте. Это и оказалась тарелка. Кучер принес осколки злополучной тарелки на склад Генерального штаба. Дотошный историк Глинка проставил галочку – все на месте.

Город недолго взирал на чудовищные остовы здания, некогда возведенного великим архитектором Растрелли. Еще воздух не очистился от ужасного смрада, дыма и чада тлеющих обломков, а уже начались работы по восстановлению дворца. Архитектору В. Стасову была поручена наружная отделка, архитектору А. Брюллову (брату знаменитого художника) – внутренняя. По 8 тысяч строителей ежедневно трудились на восстановительных работах. Зато уже через год с небольшим, на Пасху 1839-го, Зимний дворец, как птица феникс, возник из руин еще краше, чем был.

Осталась только одна загадка. В ту же самую роковую зиму 1837/38 года страшный пожар случился не только в Петербурге, но и в Лондоне, и в Париже. В ночь с 10 на 11 января сгорела Лондонская биржа. А в Париже в январе вспыхнул театр «Опера-комик». «Не есть ли это знамение? – восклицал известный историк-писатель Погодин. – Три главных народа лишились в одно время тех предметов, которые были для них всего на свете дороже: жилище царское для русского, биржа для англичанина и театр для француза. Слабое

человечество! Тебе подаются знаки, но нет к ним ключа у тебя...»

Действительно, что символизировал этот тройной пожар? Судьба показывала, что от блеска до мрака, от счастья до трагедии – один шаг? Или предупреждала: то, на что вы возлагаете надежды, хрупко, готово согнуться вмиг? Действительно, французы видели счастье в наслаждениях во что бы то ни стало, англичане – в том, чтобы иметь как можно больше денег, ну а россияне верили в царя-батюшку и непогрешимость его власти. Но все не вечно. Развлечения проходят, деньги уходят, а царская власть ведет к революциям...

Возрождение во времени, или Обман веков

Как приходят замыслы к художникам? Кто знает – это дело тайное. Но вот замыслы итальянского скульптора Алчео Доссена явились в мир самым невероятным образом, возможно, самым загадочным в истории искусства.

В тот летний день 1915 года в мастерской Алчео Доссена было душно и жарко. Камнерез с утра долбил камень – вырезал очередной барельеф для оконного карниза. Год назад в Риме началась мода на украшение домов такими поделками, вот Доссена и старался. Но сегодня, то ли из-за духоты, то ли от того, что Алчео был сыт по горло дешевыми поделками, работа продвигалась туго. Резчик задыхался от каменной пыли, плотной завесой покрывавшей крошечную мастерскую. Голова его закружилась, перед глазами поплыли разноцветные круги, и в их завораживающем свете камнерез вдруг увидел прямо перед собой мужчину, одетого по моде далекой эпохи Возрождения...

Камнерез попытался встать – надо же хоть смахнуть пыль со стула, если вдруг этот странный господин в дорогом, расшитом золотом старинном платье решит присесть. Но голова кружилась, и встать Доссена не мог. Зато незнакомец с любопытством огляделся, потрогал пальцем надрезы на камне и повернулся к резчику: «Я – Симоне Мартини, живописец. Мы, конечно, незнакомы, ведь я жил 600 лет назад, но вы видели мои картины». Доссена ахнул – да он всю жизнь восторгался Мадоннами этого художника, ставил его выше всех мастеров эпохи Проторенессанса! И, словно отвечая на мысли камнереза, Мартини сказал: «Я рисовал своих Мадонн с красавицы Лауры, возлюбленной поэта Петрарки. Я написал и портрет самой Лауры, но он погиб, как и многие мои картины. Вот если бы я ваял из камня – мои работы были бы живы. Ведь камень может пройти сквозь время...»

Алчео очнулся и замотал головой. Какие странные видения возникают в этой духоте – так недолго сойти с ума! Надо выйти из дому, проветрить голову. Но на римских улицах было немногим лучше – от палящего солнца, казалось, плавился сам воздух. Одна надежда на музеи, ведь там поддерживается определенная температура. Может, там не будет так жарко?

В первом же попавшемся музее Алчео наткнулся на изысканно красивую грустную «Мадонну» Симоне Мартини. Резчика поразила рельефность ее форм – казалось, фигура выступает из картины. Да она просто просилась быть изваянной из мрамора!

Домой Доссена вернулся с великими замыслами. Хватит ковырять резцом дешевые поделки – пора стать не камнерезом, а скульптором! И начнет он со скульптур, которые не сумел создать Симоне Мартини.

Мадонна!.. Алчео схватился за голову – никакой Мартини не мог прийти к нему в мастерскую! Путешествия из XIV века в XX невозможны. Но если художник не доделал что-то при жизни, разве не мог он попросить другого закончить работу?..

В заброшенных каменоломнях Доссена выискал подходящие блоки старинного мрамора. На окраине Рима приспособил сарай под мастерскую. Тщательно изучил картины Мартини и скульптуры его времени. Почти год кропотливо овладевал резцовой техникой, которой со времен Возрождения уже не пользовались. Наконец появилась первая беломраморная «Мадонна с Христом». За ней последовал целый цикл «ваяний Симоне Мартини». Это было поразительно! Сначала Алчео брал в руки уголь, еще не зная, что будет рисовать. И будто чья-то рука вела его – появлялся четкий и яркий набросок с четырех

сторон. Потом Доссена хватался за рубило, в ход шли резцы... Всё – как в тумане. И только когда скульптура оживала под последним взмахом резца, новоявленный скульптор приходил в себя.

После «ваяний Мартини» Алчео Доссена не мог остановиться: он изучал книги о скульптуре Возрождения, колесил по музеям Италии. Однажды увидел несколько деревянных статуй великого Джованни Пизано и два дня не мог заснуть от волнения. А на третью ночь увидел во сне самого маэстро Джованни. «Мрамор хорош, – сказал Пизано, – но холоден. Фигуру Мадонны лучше создать из живого и теплого дерева!»

Наутро Доссена кинулся искать подходящую древесину, а уже через полгода на свет появились «скульптуры Пизано».

И началось! Целая очередь ваятелей Возрождения одолевала теперь беднягу во сне. То мастер скульптурных саркофагов Мино показывал свои эскизы, то утонченный Якопо да Сангалло торопливо объяснял, что не успел сделать Венеру, то сам хмурый Микеланджело твердил что-то о старом Пане из черного мрамора. Конечно, работать за «самого» Алчео не решился, но вот творения Мино и Сангалло воспроизвести смог.

И однажды в мастерской Доссена появился покупатель. Мелкий торговец барельефами Альфредо Фазоли в изумлении уставился на беломраморную «Мадонну»: «Где ты ее взял? Украл?!» Алчео гордо вскинул голову: «Я сам сделал по картинам Симоне Мартини!» Фазоли обошел скульптуру со всех сторон, пощупал мрамор и выдохнул: «Прилично получилось! Я возьму несколько скульптур на продажу как работы под старину». Алчео вздохнул, погладил беломраморную «Мадонну» и согласился – таким скульптурам нельзя просто стоять в старом сарае – пора выходить к людям!

Уже на другой день предприимчивый Фазоли кинулся к своему приятелю – торговцу Палесси, который имел обширные связи в мире искусств. Осмотрев скульптуры, Палесси предложил простой выход: «Предложим скульптуру в один из музеев Рима. Скажем: это новонайденный Мартини. Напомним, что художник не работал с мрамором, но мечтал. А потом попросим об экспертизе». Фазоли воспротивился: «Если они сделают экспертизу, сразу станет ясно, что это подделка!» Палесси ухмыльнулся: «С чего ты взял? Твой чудак скульптор использовал мрамор из старых каменоломен, резал тоже по старинке. К тому же открытие скульптурной работы Симоне Мартини – сенсация. Какой музей захочет ее упустить?»

И вот «Мадонну с Христом» отправили на художественную экспертизу. И Палесси оказался прав. Семь римских экспертов, тщательно исследовав скульптуру, заявили: «Это работа XIV века. Только мастера Возрождения могли создавать подобные шедевры!» В пересчете на доллары стоимость статуи составила 30 тысяч. Приятели ахнули и понеслись к Алчео. «Твою скульптуру купили как копию старинной работы! – с порога выкрикнул Фазоли. – Так что тебе причитаются хорошие деньги в твердой валюте – 300 долларов!» Доверчивый Доссена пришел в восторг. «Но теперь ты должен подписать с нами контракт на эксклюзивную продажу твоих копий!» – заключил деловой Палесси и протянул заранее заготовленную бумагу. И не подозревающий ни о каком мошенничестве Алчео поставил свою подпись.

По ночам Доссена вновь снились его любимые скульпторы Возрождения. Все сидели в ряд за пышным столом и пили за великие статуи. «Теперь их увидят люди!» – радовался Симоне Мартини. А другие мастера уговаривали Алчео трудиться побыстрее не покладая рук.

Он так и делал. Появились «ваяния» флорентийца Дезидерио да Сеттиньяно, далматинца Франческо Лаураны и даже «подлинные скульптуры Древней Греции эллинистического периода». За семь лет Алчео создал больше тридцати статуй. Работал день и ночь, спал на пыльном матрасе посреди скульптур и почти не выходил из мастерской. Он так и не прознал, что торговцы-мошенники продавали его работы в музеи Рима и Берлина, Нью-Йорка и Мюнхена, Бостона и Кливленда. И всегда как подлинные статуи эпохи! Но в 1928 году спрос на старинное искусство резко возрос, и обнаглевшие от бешеной прибыли

Фазоли и Палесси прислали Алчео новый контракт, который обязывал скульптора создавать по шесть статуй под старину в год. Скульптор схватился за голову – такой договор, будто сдача в рабство самому Сатане...

С горя скульптор отправился туда, где заливают любую невзгону, – в пивную. А там вдруг увидел старинного дружка. Тот занимался историей Возрождения и поведал Алчео о новом буме в находке ренессансных статуй, даже подробно описал и статуи и их стоимость. У Доссена голова пошла кругом – это же его работы! Он трудился, света божьего не видя в прямом смысле, а мошенники заработали на нем кругленькую сумму!..

Поразмыслив, скульптор отправился в библиотеку и запросил газеты за последние семь лет. Оказалось, его «Мадонну Джованни Пизано» за астрономическую сумму приобрел музей Кливленда, «Саркофаг Мино» после многочасового аукциона, где цена взлетела до небес, достался музею Бостона, «Греческая девственница» куплена нью-йоркским Метрополитен-музеем. А месяц назад мошенники предложили одну из его скульптур в другой музей Нью-Йорка – Собрание Фрика, да вот только эксперты пожелали выяснить, где итальянцы находят столько старинных творений. И вот агент музея уже плывет на родину Возрождения.

Доссена вздохнул. Если правда раскроется, все станут насмехаться над ренессансными скульпторами: будут говорить, что их работы не стоят и гроша, ведь их может подделать даже простой римский резчик. Нет, такого нельзя допустить. Во всем виноваты только мошенники-торговцы! И Алчео подал судебный иск.

На суде выяснилось невиданное. Да, предприимчивые ловкачи заработали на скульпторе-простофиле больше двух миллионов долларов. Но к ним не может быть предъявлено никаких претензий, поскольку они заплатили Алчео Доссена точно по контракту. Да и музейных покупателей они не надували, ведь «предварительно и чистосердечно» просили каждый музей сделать экспертизу. Разве они виноваты в ее результатах?..

Сам же Доссена, естественно, тоже был не виноват ни в каком мошенничестве. Ведь он продавал торговцам «статуи под старину». К тому же руководитель Бостонского музея заявил, что не намерен убирать прекраснейший «саркофаг Мино» из экспозиции: «Независимо от времени создания он – творение гениального мастера! Разве скульптор виноват, что живет в XX веке?! Его труд достоин находиться рядом с делами рук великих художников!» Римские же эксперты прямо заявили: «Доссена – гений! Он возродил создания из времен Ренессанса!»

Словом, дело закрыли. Доссена вернулся в мастерскую и вновь принялся за привычное дело, ведь еще множество скульпторов Возрождения ждали воплощения своих замыслов. Правда, теперь ему приходилось к каждой статуе прилагать «заверение в подлинности предлагаемой подделки». Работы его не стоили выше 700 долларов, но скульптор относился к этому философски – не многие из его обожаемых гениев Возрождения купались в роскоши. В 1935 году Доссена выпустил «Официальный перечень работ, которые я выполнил по просьбе моих предшественников». И сделал это вовремя – через месяц мастера Возрождения уже встречали его в горнем мире.

К тому времени шумиха вокруг его имени уже утихла. Какие-то музеи постарались поскорее избавиться от работ «непревзойденного мастера подделок» и потихоньку сбыли их через художественные салоны. Другие, как, например, лондонский Музей Виктории и Альберта, оказались прозорливее. Сменив таблички, они дождались, пока цены на работы покойного скульптора стремительно пошли вверх. Так что в наши дни творения Алчео Доссена – это уже, безусловно, произведения искусства. А в начале XXI века в Сиене даже открылась выставка, на которой были показаны работы Алчео Доссена – то ли «величайшего короля подделок», то ли действительно мастера, жившего не в свое время.

Злосчастное поместье

Рассборо-Хаус – одно из известнейших старинных поместий Ирландии. Его называют «поразительным архитектурным памятником XVIII столетия» и «жемчужиной края», включают во все туристические справочники. Вот только, рассказывая о нем, гиды употребляют странные эпитеты: роковое, невероятное, таинственное.

Впрочем, до определенного времени никто особо не распространялся о злополучном Рассборо. Но в 1973 году имя поместья запестрело во всех газетах мира. Весной в Рассборо-Хаус прибыл его новый владелец – баронет Альфред Бейт. Был он уже немолод и счел, что вполне может уйти на покой. Тем более что состояние имел миллионное. Что-то получил от покойного дядюшки – южноафриканского миллионера, в честь которого и был назван. Еще больше заработал сам, ибо занимался продажей алмазов, сначала вместе со знаменитой компанией «Де Бирс», потом самостоятельно. Также его дядюшка вложил часть огромного состояния в картины старинных мастеров, ну а сэр Альфред решил продолжить семейное дело. За долгую жизнь он стал истинным коллекционером – приобрел жемчужины живописи: работы Рембрандта, Хальса, Вермера, Рубенса, Гойи, Тициана и других, всего около трехсот полотен. Он решил создать в Рассборо картинную галерею, открыв поместье для всех желающих. Пусть смотрят!

Картины прибыли в огромных специальных трейлерах. Хозяин в нетерпении не находил себе места на мраморной лестнице Рассборо. Наконец, первую картину, обернутую в мягкую ткань и обвязанную бечевками, рабочие понесли по ступеням в холл. Но бечевка неожиданно лопнула, и показался фрагмент дорогой золоченой рамы.

«Святой Патрик! – раздался резкий шепот дворецкого. – Это – живопись?!» Хозяин обернулся на голос: «Конечно, здесь будет висеть коллекция Бейтов!» Дворецкий побелел как мел: «Но это же Рассборо-Хаус... Здесь не место картинам...» Бейт хмыкнул: «Почему? Здесь антикварная мебель, гобелены и скульптуры. Сам Бог велел повесить сюда картины!» Дворецкий забормотал: «Нельзя! Есть же легенда, сэр... Наше местное предсказание... Я расскажу...»

И вот что услышал изумленный Бейт: оказывается, еще век назад владелец поместья, граф Мидлтаун, поручил местному художнику написать картины для украшения дворцовых залов. Художник работал день и ночь, но картины заказчику не понравились. Не заплатив ни пенни, он велел бросить их в огонь. Возмущенный живописец в сердцах проклял и обидчика, и его поместье: «Пусть ни одна приличная живопись не уживется на стенах Рассборо!» С тех пор замечено: стоило хозяевам приобрести картину какого-нибудь известного живописца, как в дом залезали грабители, а то и вовсе случался пожар и ценная покупка превращалась в гору пепла.

Бейт только скривился, услышав старинную байку. Да он уже принял все меры и от пожара, и от краж! Мало того что на окнах стоят решетки, так везде еще и электронные замки. К тому же коллекция застрахована. Друг сэра Альфреда, почтенный мистер Дагдейл, директор известнейшей страховой компании «Ллойд», лично составил контракт. Так что пусть дворецкий не бледнеет – живописи в Рассборо ничто не угрожает!

Апрельским вечером 1974 года Альфред Бейт и его супруга, леди Клементина, урожденная Митфорд, сидели в малой гостиной, наслаждаясь коллекционным коньяком, полученным из Франции. Обслуживали себя сами, поскольку в доме остался только дворецкий. Слуги же уехали по делам в Дублин. И тут неожиданно пожаловала дочка страховщика – Бриджит Роуз Дагдейл. Бейты не слишком-то жаловали эту странную девицу. Та была «из отвязных»: водила знакомства с какими-то модными «истинными героями Ирландии». Говорили даже, что Бриджит связана с террористами запрещенной Ирландской республиканской армии. Впрочем, что бы ни говорили, не принять дочь почтенного друга-страховщика нельзя. Так что и Бриджит предложили коньяка. Все чокнулись, выпили по рюмочке, и в сознании Бейта наступил провал. Ну а когда он очнулся, то обнаружил себя на кресле связанным, с пластырем на рту. По обе стороны от него сидели также связанные супруга и дворецкий.

Но самое ужасное было в том, что четверо патлатых парней выносили из гостиной

картины. Бейт нечленораздельно замычал. И тут же поверх его головы раздалась автоматная очередь. Глаза у Бейта от ужаса полезли на лоб, и он снова отключился. Словом, когда слуги вернулись из Дублина, им пришлось вызывать скорую помощь с полицией. Выяснилось, что отвязная девица, действительно связанная с террористами из Ирландской республиканской армии, подсыпала Бейтам снотворное и впустила сообщников. Те скрутили старика дворецкого и спокойно вынесли из дома 19 полотен, среди которых были работы Вермера, Рубенса и Гойи. Выходит, хоть верь старинной легенде, хоть нет, но картины в Рассборо не прижились...

Правда, Бриджит Дагдейл быстро нашлась вместе с картинами. Оказалось, что полотнами террористы хотели заплатить выкуп за освобождение своих товарищей из тюрьмы. Но фокус не удался, и девице пришлось самой сесть на нары. Бейт снова развесил картины и поставил в поместье передовую сигнализацию: стоит только прикоснуться к рамам, начинается выть сирена. Рассборо открыли для посещения. О старинном проклятье позабыли.

Но в мае 1986 года, когда супруги Бейт пребывали в Лондоне, случилось невероятное. В два часа ночи в Рассборо завывала сирена. Вызванная дежурным охранником полиция прибыла через четыре минуты. Отключила сигнализацию, тщательно обыскала дом, но никого не нашла. Через час, однако, сирена завывала снова. Опять прибыла полиция и убедилась – все картины на месте. Но час спустя опять раздался вой. И тогда охранник решил, раз сигнализация неисправна, выключить ее, а полицию не звать. Вот только к утру обнаружилось, что 18 картин нет на месте. Общая стоимость похищенного приближалась к 100 миллионам долларов!

Бейт объявил огромное вознаграждение. Действия ирландской полиции тут же активизировались, и на одном из пустырей Дублина обнаружился автомобиль, где лежали семь похищенных полотен. Но самые дорогие пропали: опять же Вермер, Рубенс и Гойя. Дело получило международный резонанс. Пришлось подключить знаменитый лондонский Скотленд-Ярд во главе с шефом художественно-антикварного отдела Чарльзом Хиллом. Но и тому не отыскать бы пропажу, если бы не стечение обстоятельств. Звезда Голливуда, легендарная актриса Одри Хепберн, получила письмо от главаря дублинской мафии Мартина Кэхила. Тот, восхищенный игрой красавицы в фильме «Как украсть миллион» (а именно там герои устраивают несколько ложных тревог, чтобы добиться отключения сигнализации), гордо писал: «Вдохновленный Вами, я пошел по Вашим стопам, но получил не один миллион, а сто». Ошарашенная звезда принесла письмо в полицию – и завертелось!

Хилл начал слежку за мафиози. Полицейские проследили судьбу девяти полотен, и их удалось вернуть. Но Вермер и Гойя пропали. Однако настойчивый Хилл нашел их в хранилище Люксембургского банка. Правда, когда холсты изымали, Хилл получил серьезное ранение, но картины вернулись в Рассборо.

Скотленд-Ярд был доволен успехом, но вот на сэра Артура кражи повлияли самым трагическим образом. Он начал выспрашивать дворецкого о старом проклятье, читать древние книги, выискивая там разные заклинания. Даже к магам и экстрасенсам обращался – хотел защитить свою коллекцию. Но не успел – в 1994 году его не стало.

Леди Клементина Бейт в мистику не верила. Она просто приказала установить во всех помещениях чудо современного интеллекта – особую лазерную защиту, мимо которой не смог бы пролететь и комар. Но в теплый июньский день 2001 года, когда леди преспокойно завтракала, раздался оглушительный грохот, и хозяйка в ужасе увидела, как в комнату... въехал огромный грузовик. Он просто пробил стену, и никакие высокие технологии не помогли. Выскочившие из грузовика трое грабителей в черных масках грохнули монтировкой по двум рамам, сноровисто вырезали полотна Белотто и Гейнсборо и были таковы. Вся операция заняла три минуты. Очнувшаяся хозяйка кинулась звонить не в местную полицию, а в Скотленд-Ярд. Прилетевший из Лондона Чарльз Хилл бесстрашно отправился напрямик к дублинской мафии. Он уже понял, в чем дело. Прежний главарь, любитель кинозвезды Хепберн, был застрелен, и на его место заступил молодой и горячий

Мартин Глэндор. Молодца схватили, обе картины нашлись. Но каково было объяснение?! Глэндор всерьез уверял судей, что не мог поступить иначе. Во сне ему явился призрак бывшего главаря и повелел совершить «ритуальное ограбление». «Только так ты докажешь, что достоин занять мое место! Отныне кража из Рассборо станет своеобразной инициацией главаря дублинской мафии», – зловеще шипел призрак. Что оставалось делать? Глэндор выполнил волю покойного. «Я и так взял не 19 картин, как он, а всего-то две!» – оправдывался молодой преступник.

Горячего ирландского парня упрятали за решетку. Полотна вернулись в Рассборо. Но однажды, когда Глэндора перевозили из одной тюрьмы в другую, он попытался бежать и был застрелен охранниками. Детектив Хилл насторожился. Ведь гангстерам предстояло выбрать нового главаря. А кто знает, может, тому тоже захочется пощеголять «ритуальной кражей»? Словом, сыщик Хилл позвонил леди Клементине с предупреждениями. Но старая леди его утешила: «У нас сейчас гостит сам куратор Национальной галереи Ирландии. Кругом полно полиции!»

Но наутро, когда все еще спали после обильного ужина, к заднему фасаду дома тихо подъехал тягач и стукнул тяжелой стальной бабой по окну холла. Окно разлетелось вдребезги. Пятеро молодцов взяли каждый по картине и скрылись через пару минут. Это было уже четвертое ограбление – дерзкое, как насмешка. Преступников искала вся полиция Ирландии. Уходя от погони, воры сменили пять машин. Такого и в самом захватывающем детективе не прочитаешь! И бандитам удалось-таки скрыться – свой ритуал они соблюли. Но и полиция не ударила в грязь лицом: через три месяца картины нашли у перекупщиков.

Леди Бейт решила больше не искушать судьбу. Конечно, можно и посмеяться над местной легендой о проклятье живописца, но ведь картины в Рассборо действительно так и не прижились: за четверть века из «злосчастливого поместья» было похищено полсотни великих картин. Так что леди Клементина решила поскорее передать лучшие полотна Национальной галереи Ирландии. Пусть висят спокойно. В Рассборо же Клементина Бейт пожелала устроить музей-усадьбу. А для этого подойдут и третьеразрядные картины. Украдут – не так жалко. Передача великих полотен из коллекции Бейтов состоялась в начале 2005 года. Ну а в ноябре, проводя инвентаризацию оставшегося имущества, кураторы музея Рассборо недосчитались еще трех картин. Словом, об обидах старинного живописца еще рано забывать. Пусть знают богачи, как обижать бедных художников!

Убить Русалочку

В истории искусства существуют выдуманные герои, которые оказывают огромное влияние на реальную жизнь людей. Такой трогательной героиней вот уже почти 200 лет является мужественная и преданная своей любви к принцу Русалочка из бессмертной сказки Х.К. Андерсена. И нет ничего удивительного, что датчане решили поставить памятник своей героине в столице Дании – Копенгагене. Но вот поразительно: вокруг бронзовой Русалочки начали происходить совершенно загадочные и трагические события.

Скульптура Русалочки

В сказке Андерсена Русалочка мечтала познакомиться с людьми, узнать их поближе. Она подплывала к портам и ночью тайно разглядывала корабли, матросов, огни городов. В 1913 году бронзовая Русалочка обрела свое законное место прямо в порту Копенгагена – у входа в гавань. Кажется, она только что появилась из морских волн и примостилась на камне, чтобы лучше рассмотреть и запомнить незнакомую ей земную жизнь. Наконец-то сбылась ее мечта: она попала в загадочный, волнующий ее мир людей. И теперь она, трогательно сложив руки, смотрит на проплывающие мимо нее корабли, на прохожих, которые приходят на набережную Лангелини, чтобы полюбоваться ею. Что ж, без Русалочки и сказки Андерсена – не сказки, и Копенгаген – сирота. Эта хрупкая бронзовая фигурка стала гербом, символом датской столицы.

Дать Русалочке реальную жизнь предложил большой почитатель творчества Андерсена – пивовар Карл Якобсен. Он финансировал создание памятника и поручил его молодому скульптору Эдварду Эриксену. Помните сказку Андерсена «Ребятня болтовня»? Там дети богатых и знатных родителей презрительно говорили о том, что из детей, носящих простонародные фамилии, оканчивающиеся на «сен», ничего не выйдет. А вот и вышло! И Андерсен, и Якобсен, и Эриксен как раз и были «на сен». Их Русалочка появилась в гавани Копенгагена 23 августа 1913 года и мгновенно стала самой любимой скульптурой не только в Дании, но и во всей Европе. Жаль, что многочисленные туристы не всегда знают: этот памятник не только дань любимой сказочной героине, но и дань самой Любви. Ибо позировала скульптору Эриксену его горячо любимая молодая жена – Элине Эриксен (сценический псевдоним – Эллен Прайс), известная балерина, солистка Королевского театра оперы и балета. Любовь скульптора чувствуется в каждой линии Русалочки, в ее трогательном повороте головы, мечтательном взгляде.

Копенгагенцы считают Русалочку своим талисманом добра. Моряки перед уходом в плавание приходят на набережную Лангелини. Жены и возлюбленные моряков просят у Русалочки благополучного возвращения мужчин. Поразительно, но люди воспринимают бронзовую девочку как реальную. В холодные зимы на нее набрасывают шубу, а на голову – шапочку. Боятся, что она простудится, потому что для всех она живая.

И каким же бурным стало негодование датчан, когда ранним утром 25 апреля 1964 года они увидели тяжелейшее злодеяние: Русалочку казнили – ей отрезали голову. Люди в ужасе

поспешили к памятнику. К полудню вся набережная Лангелини была запружена ошеломленной и возмущенной толпой. Слава богу, полиция догадалась прикрыть изуродованную статую белым покрывалом. Дания замерла, словно наступил траур.

Власти пообещали награду за поимку преступника и находку головы несчастной скульптуры. Увы, результата не было.

Награда возросла с 3 до 7 тысяч крон. Но раскрыть подлое и варварское преступление не удалось. Пришлось отлить новую голову для статуи. Это тоже было непросто. Нужен был слепок, но где его взять? Повезло: в Копенгагенском музее изобразительного искусства обнаружилась гипсовая форма, сделанная самим скульптором Эриксоном. Это было истинным чудом. Потом случилось и второе чудо: нашелся сын мастера бронзовых дел, который в 1913 году отливал Русалочку. Он и взял на себя руководство новой работой. За это время со всего мира шли в Копенгаген мешки писем взрослых и детей, которые надеялись, что их любимая Русалочка вновь оживет. «Иначе все это не имеет смысла, если мы не сможем ее спасти!» – написал один мальчик из Оклахомы.

Словом, весь мир кинулся спасать бедную Русалочку. Уже через месяц состоялось новое открытие статуи. Растроганные копенгагенцы завалили бронзовую девочку цветами. На второе рождение прибыла даже 85-летняя Эллен Эриксен, некогда блестящая балерина Эллен Прайс. Чтобы вандалы не смогли больше надругаться над бронзовой фигуркой, решено было осветить ее мощным прожектором и рядом поставить полицейский пост. Увы, это не помогло! Геростратов XX века тянуло на беззащитную фигурку бронзовой девочки как мухна мед. Список подлейшего вандализма напоминает списки зверств фашистских концлагерей.

Летом 1964 года бронзовой девочке попытались ножовкой отпилить руки. В 1976-м изранили хвост. В 1984-м сумели отпилить руки. В 1990-м хотели отпилить голову, но не смогли, а только перерезали шею. В 1998-м голову таки отсекали. Правда, ее сумели найти и воссоединили с телом. В 2003-м статую, взорвав, сбросили с пьедестала. В 2004-м бедную девочку одели в мусульманские одежды в знак протеста против того, что Турцию хотят включить в Евро союз.

Сколько же злобы и ненависти надо иметь, чтобы портить и убивать беззащитный памятник?! Но откуда эта ненависть и почему? Ведь героиня сказки Андерсена ничего, кроме любви и преданности, не несла в этот мир. Неужели эти основополагающие качества так опасны для кого-то?

Однако вспомним, что бронзовая Русалочка не единственная скульптура, которую калечат вандалы. Еще в начале XVI века, когда великий Микеланджело только начал ваять своего «Гиганта» (так он величал «Давида»), он получал письма с угрозами. Ну а когда беломраморного юношу установили на главной площади Флоренции, Микеланджело и его друзьям пришлось по очереди дежурить по ночам, поскольку не раз обезумевшая толпа пыталась сбросить и разбить статую. Да и в последующее время «Давид», уже обожаемый флорентийцами, ставший символом города, подвергался нападениям. В 1527 году ему отбили правую руку. В 1873 году – раздробили бедро. После этого статую и перенесли под защиту зала музея Академии. Но и там на мраморного «Гиганта» нападали. В 1990 году обезумевший человек раздробил ему пальцы на левой ноге.

Доставалось и другим работам Микеланджело. Его «Пьета» (беломраморное «Оплакивание Богородицы») тоже подвергалась нападениям. Представляете, вандалы кидались на саму Богородицу, которая, рыдая и плача, держала на коленях своего погибшего Сына!.. Самым известным стало нападение в 1972 году, когда один из зрителей кинулся на скульптуру с кувалдой. С тех пор «Пьета» закрыта саркофагом из непробиваемого стекла.

И вот что показательно: среди вандалов есть, конечно, и подвыпившие хулиганы, но их меньшинство. Большинство нападений совершается осмысленно и... деятелями искусств. Например, в первом обезглавливании Русалочки в 1961 году признался в 1997 году художник-ситуационист Йорген Наш. В мемуарах он рассказал, что утопил ее голову в одном из озер Копенгагена. На «Пьету» Микеланджело в 1972 году напал венгр-эмигрант

Лаци Тот, тоже художник. А на «Давида» в 1990 году – скульптор Пьер Каната. И между прочим, все эти деятели впоследствии признаны судом невменяемыми.

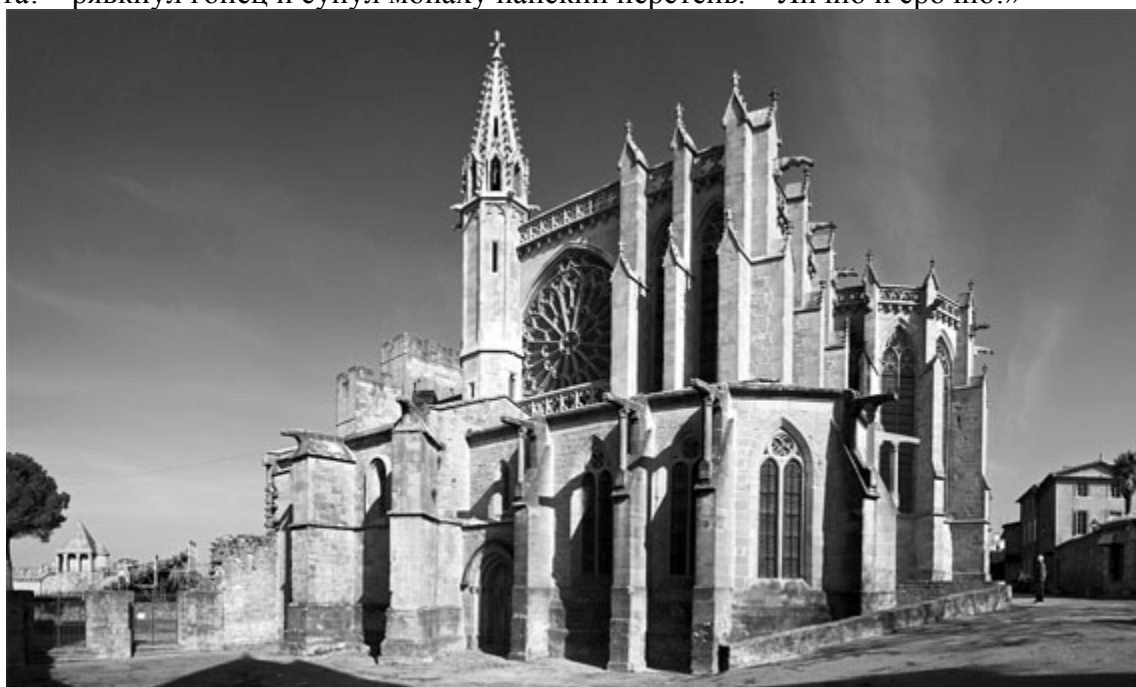
Так что же происходит? Разрушение памятников психически ненормальными людьми? Или это все-таки битва Зла с Добром, ведомая руками обезумевших? Сказано же было древними: чтобы победить народ, надо уничтожить его богов. А ведь великие произведения искусств – это своеобразные боги нашей цивилизации. Так, может, кому-то хочется уничтожить человеческую цивилизацию? Чтобы люди перестали быть людьми, верить в Любовь, Красоту и Самопожертвование...

Таинственная игра красок

Чудо монастыря Сен-Назер

История полна открытиями, создатели которых и не подозревали, что их творения будут востребованы в веках. Одни из таких открытий уничтожались, другие забывали, третьи же объявлялись чудесами...

Гонец в черном капюшоне осадил коня перед воротами монастыря Сен-Назер, что на Луаре, с размаху ударил в висящий над воротами колокол. Где же привратник, почему не открывает? Наконец ворота затрещали и открылись. «Письмо настоятелю от самого папы Климента! – рывкнул гонец и сунул монаху папский перстень. – Лично и срочно!»

Базилика Сен-Назер

Через пару часов посланец, накормленный и напоенный, сладко спал в гостевой келье. Зато отец настоятель нервно мерил шагами монастырскую трапезную. Экое ответственное поручение взваливает на его плечи папа – а вдруг Бог не сподобит справиться?! Папа Климент V обидчив, крут характером и, главное, чрезвычайно алчен. Правда, ему есть отчего алкать земных богатств – под натиском крепнущих европейских монархий папская власть быстро приходила в упадок. Два года назад, в марте 1309 года, Климент был вынужден перенести пребывание римских пап в Авиньон – город, который хоть и находился на французской территории, но принадлежал неаполитанскому королю, вассалу испанской короны. Получалось, что папа попал в «авиньонский плен». Однако хитроумный Климент начал действовать – раз он не может вырваться из «пленения», он решил собрать средства,

чтобы выкупить у неаполитанцев... весь город. И вот его очередной шаг – повеление ученойшему монастырю Сен-Назер срочно изготовить «философский камень», с помощью которого можно было бы превращать ртуть в золото. А в качестве руководства к действию Климент прислал в Сен-Назер алхимический трактат Арнальдуса Виллановануса, прославленного химика и врача, чье имя гремело по всей Европе. Правда, не все признавали ученость Арнальдуса. Церковники Парижа обвинили его в колдовстве, так что бедняга был вынужден спасаться бегством на Сицилию.

...Монах Лоренцо Пика, крестясь, вертел в руках трактат алхимика: «Эти писания запрещены церковью... Почему папа Климент прислал их нам?» Настоятель поморщился: «Деньги понадобятся, и запрещенные книги в ход пойдут. Скажи лучше, брат, ты сможешь выполнить повеление папы и провести опыты так, как описано в этом трактате?» Лоренцо пожал плечами: весьма сомнительное поручение... Конечно, он вот уже четверть века занимается изучением естественных наук, и весьма преуспел в этом. Однако монастырь Сен-Назер славится и другими учеными мужами. «Может, вы поручите эти опыты более мудрым? – попытался отказаться Пика. – Брату Ансельму или брату Мартину?» – «Ну да – одному из них 60 лет, другому и того больше! – хмыкнул настоятель. – Да у них уже все из рук валится. Глядишь, до конца опытов не доживут. Нет уж, берись за дело сам. Благословляю! Но помни: сроку нам дано ровно год...»

Охая и ахая, Лоренцо Пика вернулся в свою келью. Как же он успеет за год?! Да одно только чтение трактата займет уйму времени...

Однако уже через месяц трапезная монастыря была переоборудована в лучшую по тем временам лабораторию. Монашеская братия питалась теперь через пень колоду и чем бог пошлет, поскольку кухонным очагам и чанам Лоренцо тоже нашел работу. Сам же он почти не выходил из лаборатории, трудясь не покладая рук. Покой и сон потерял, уже несколько раз делал, как предписывалось в трактате алхимика, но результата не выходило. Уже и все монахи, хоть сколь-нибудь разбирающиеся в химии, помогали ему, и что?! Либо все они были идиотами, либо трактат Виллановануса – чистой воды шарлатанство! Десять раз Лоренцо повторил одно и то же. Сначала нужно сделать два раствора. Один из ртути и азотной кислоты с примесью соединений йода. Другой – из серебра и той же кислоты. Потом соединить их так, как описывалось в трактате. И действительно, при взаимодействии растворов на дно сосуда выпадал осадок желтоватого цвета. Но это было что угодно, но только не золото!

За неделю до отведенного срока в монастырь прискакал тайный посланец папы. Лоренцо заканчивал последнюю версию опыта. Весь монастырь во главе с настоятелем сутки провел в молитвах. Но видно, Богу они не были угодны. Посланец Климента вернулся в Авиньон со склянкой желтоватого раствора и слезным письмом о том, что результат опыта печален: получить по рецепту Виллановануса золото невозможно. Вскоре в Сен-Назер пришло повеление разгневанного папы: провинившийся ученый должен пройти на коленях «путь покаяния» по берегам Луары – вплоть до Авиньона.

Что делать?! Папская воля – закон! Став на колени, Лоренцо Пика пополз в далекий путь. Только и утешался тем, что ему 40 лет. Было бы, как отцу Ансельму, шестьдесят, умер бы по дороге...

Дрожащей рукой брат Лоренцо толкнул ворота монастыря Сен-Назер. Бог явил ему небывалую милость – возможность вернуться в родные стены! Счастье, что гнев папы поостыл и он, покричав, выгнал неуча монаха обратно в свой безграмотный монастырь. И вот Лоренцо дома. Но почему ворота монастыря открыты? Монах ступил на мощеный двор. Вокруг толпы народа. Невиданное дело!

Навстречу вернувшемуся монаху уже спешил настоятель. Не дав Лоренцо переодеться и ничего не объясняя, он повел его в базилику. Там на самом видном месте висела икона, которой не было, когда Лоренцо покидал монастырь, – в золотом кружеве оклада смутно виднелся образ святого Назера, покровителя монастыря. Хор затих, умолкли звуки органа. В наступившей тишине каноник, служивший литургию, воздел руки к небесам и торжественно

произнес: «Если ты слышишь нас, святой Назер, если будешь просить Бога за нас, ответь – дай знак!» И будто в ответ на этот зов произошло чудо – лик святого, теряя аскетическую желтизну, залился алым жизнерадостным румянцем. «Он воскресает! Он жив! – восторженно возликовала толпа. – Он будет просить Бога за нас!»

Ошеломленный брат Лоренцо смотрел на десятки подносов, заваленных подношениями благодарных прихожан. Вот она – цена чуда: деньги, слитки золота, драгоценные камни, ювелирные изделия. Уверовавшая в свое небесное спасение паства не пожалела ничего. Взволнованный настоятель прошептал: «Когда я узнал, какую сумму озлившийся Климент повелел нашему монастырю отсылать в Авиньон каждый год, у меня чуть сердце не разорвалось. Подумал: монастырь разорен. Но с такими сборами нам никакие папские поборы не страшны – а все благодаря твоему открытию!»

Брат Лоренцо прикрыл веки. Конечно, он сразу понял, как «ожила» икона Сен-Назера. Когда, повторяя опыт алхимика Виллановануса, Пика получил желтоватый осадок, то попробовал высушить его на жаровне. Вот тогда-то и произошло невероятное – осадок изменил цвет на красный. И сколько бы ни повторял Лоренцо этот опыт, под влиянием температуры волшебный порошок всегда превращался из желтого в красный. И вот теперь предприимчивый настоятель приказал написать образ покровителя монастыря красками, в которые подмешан волшебный порошок. «Но как удастся «подогреть» краски?» – шепотом осведомился Лоренцо. Настоятель хитро прищурился: «Проще простого! Позади образа святого Назера за тоненькой перегородкой ставим жаровню с раскаленными угольями. И вот, сам видишь, случается чудо!»

Лоренцо вспомнил, как папа Климент, рассмотрев непонятный желтый порошок, закричал в гневе: «На что сгодится эта желтая пыль? Да за нее не дадут и самой мелкой монеты!» И вот вам – не мелкие монеты получил монастырь, а богатейшие взносы от прихожан и паломников. И каждый год, когда лик святого Назера станет «оживать» на глазах у верующих, богатство монастыря будет множиться, не говоря уже о его славе, которая обойдет и Францию и все другие страны.

Столетия спустя новый вид красок, открытый монахом Лоренцо Пика, ученые назовут термочувствительными. И этим термокраскам найдется множество применений. А вот недалекий папа Климент V так и не смог утолить свою алчность. В 1312 году он даже дал согласие на роспуск и арест ордена тамплиеров, надеясь воспользоваться его богатствами. Но опять его обошли – основные сокровища достались французской короне. Тогда Климент пошел на невиданное: вызвал к себе того самого, опального алхимика Арнальдуса Виллановануса, да тот не сумел добраться до Авиньона: то ли разбойники убили, то ли умер в одночасье. А вот монастырь Сен-Назер славился своим чудом еще несколько веков – пока не выцвели краски на волшебной иконе.

Первая в мире женщина-скульптор

Судьбе было угодно, чтобы в 1491 году в Болонье в семье богатого и знатного горожанина родилась дочь, которую родители назвали Проперцией. И еще судьбе было угодно, чтобы эта самая Проперция воспылала страстью к... ваянию и живописи.

Если вы думаете, что это было благо, поскольку девочка с детства обладала ярким талантом, то вы ошибаетесь. Конечно, на дворе стояли времена Возрождения, когда человек вдруг осознал, что он – истинное создание Божье и может достичь божественных высот. Вот только достигать высот полагалось мужчинам. Женщина же оставалась в привычном, предназначенном для нее мире: дом – муж – дети. По воскресеньям – посещение церкви и молебны по праздникам. Все. А чего же еще нужно?!

Мужчины осваивали мир, уходя в плаванья, торгуя, украшая жизнь фресками, картинами и скульптурами. Они приносили домой деньги, которых становилось все больше и больше. Если, это, конечно, были дома уважаемых мужчин. Женщины вели хозяйство – экономно и рачительно. Это была высшая добродетель женщины. Чего же еще желать?!

Но монна Проперция возжелала заняться искусством. Конечно, аристократические девушки вполне могли нанять учителя рисования и рисовать карандашом или сангиной, а в крайнем случае делать небольшие наброски природными красками. Но вот написать фреску – это не женское дело. Это дурной тон – ведь придется лезть на леса, которые возведут перед стеной, чтобы достичь верха. Тем более нельзя обучаться скульптуре: не пристало женщине рубить мрамор, нажимать на тяжелые резцы, вгрызаясь в глубину камня.

Однако Проперция пошла наперекор мужскому мнению. Она начала заниматься скульптурой, резьбой по камню и дереву, а также гравюрой, что тоже не приветствовалось, ведь при гравировании используются и острые резцы, и иглы, и вредные для здоровья составы, которыми протравляют рисунки. Но Проперции удалось уговорить знаменитого гравера-художника Маркантонио Раймонди, лучшего в своей области, чтобы он давал ей уроки. И мастер посчитал Проперцию талантливой!

Впрочем, возможно, ничего этого не удалось бы болонской девушке, если бы не богатый отец. Он был сторонником новых веяний и вполне мог не скупясь заплатить за учебу дочери звонкими золотыми. Отец не ошибся в таланте дочери: она достигла больших успехов за короткое время. Жаль, что время не сохранило ее гравюр. Но если вы думаете, что после этого окружающие начали восторгаться талантом девушки, вы опять ошибаетесь: успехи Проперции стали препятствием на ее пути к хорошему замужеству. Ибо женщина, занимающаяся мужским ремеслом, – это уже угроза самим мужчинам. Недаром первый биограф Проперции великий историк живописи Джорджо Вазари (1511–1574) в своей книге «Жизнеописания наиболее знаменитых живописцев, ваятелей и зодчих» (1549–1550) начал статью «Жизнеописание мадонны Проперции деи Росси» со знаковых слов:

«Удивительно, что во всех доблестях и во всех видах деятельности, к которым женщины когда-либо имели желание приобщиться, прилагая к тому хотя бы некоторые усилия, они неизменно достигали наивысшей степени совершенства и стяжали себе нечто большее, чем просто известность...»

Ну как прикажете мужскому миру реагировать на такие заявления?! Хорошо было Вазари признавать женский талант, ведь он и сам был гением. Но простые люди отнеслись к «ваятельнице» Проперции куда строже: перед ней просто закрыли двери большинства домов. Почтенные болонцы не желали, чтобы их дочери, как она, занимались «всяческими искусствами». Однако подвергнуть Проперцию остракизму не удалось. Девушка была красива, умна, находчива и весела. Она играла на разных музыкальных инструментах, превосходно пела, сочиняла стихи и песни и, по словам Вазари, «была способна не только к делам домашним, но и к очень многим наукам, так что завидовали ей не только женщины, но и все мужчины». Словом, Проперция была истинной дочерью эпохи Возрождения: она обладала множеством талантов, как и все известные люди того времени.

И как в сказке, красивая и талантливая, она все же сумела удачно выйти замуж. Ее супруг, мессир деи Росси, тоже был богат, принадлежал к древнему аристократическому роду и имел влияние в Болонье. Правда, он был намного старше супруги. Но главное – он был не против того, чтобы жена занималась искусством. Более того – он приходил от ее работ в восторг. Еще до замужества Проперция вырезала на персиковых косточках сцены всех страстей Христовых. Тонкость работы, изящность манеры исполнения, умение выразить множество чувств героев – от спокойствия до трагизма – произвели на Росси большое впечатление. И он, расчувствовавшись, решил, что, женившись, всегда станет поддерживать супругу в ее стремлении к искусствам.

В середине 1520-х годов собор Сан-Петронио в Болонье посчитал нужным украсить скульптурами три портала главного фасада. Конечно, попечители собора хотели пригласить мастеров из Флоренции, где, как известно, живут самые лучшие скульпторы в Италии. Но мессир Росси предложил поручить работу не каким-то приезжим скульпторам, а своей, болонской ваятельнице – его дорогой монне Проперции. Попечители пришли в растерянность: они не хотели отказывать мессире, ведь Росси вносил богатейшие вклады в соборную казну, но и поручить столь ответственную работу, состоящую из множества

огромных скульптур, женщине было неподобающе...

Мессир Росси нашел выход. «Пусть моя супруга выполнит мраморный портрет графа Гвидо Пепполи, отца главного попечителя собора – графа Александра! – предложил он. – И вы увидите, что она достойна получить такой масштабный заказ!» Проперция вырубил мраморный портрет Гвидо Пепполи (хвала Мадонне, он сохранился и сейчас находится в соборе Сан-Петронио в Болонье). Эта работа произвела большое впечатление на попечителей собора, и они поручили монне Проперции создание скульптур для трех порталов. Увы, большинство работ не сохранилось, но уцелели два барельефа, созданные в 1525–1527 годах: один с изображением Прекрасного Иосифа, второй – с Соломоном и царицей Савской, а также рельеф с двумя ангелами. По этим работам можно судить, что Проперция действительно прекрасно владела мастерством скульптора. Одна из этих работ раскрывает и тайну самой монны Проперции.

Ее муж был стар. А самой ей было чуть за тридцать. Всю жизнь она работала, мечтала достичь успеха. И вот ее мечта сбылась – она создает творения для главного городского собора. Чего еще ей желать? Оказалось – есть чего. Она многого достигла в жизни, но не узнала любви...

Прекрасный юноша, Антонио Галеаццо ди Наполеоне Мальвазия, с темно-оливковыми глазами, вьющимися черными волосами и сильными руками, посетил однажды соборную балюстраду, на которой Проперция установила очередной, только что выполненный рельеф. «О Мадонна, я не видел ничего более прекрасного!» – взволнованно прошептал юноша. О чем он говорил?.. Проперции показалось: не только о рельефе. Разве не ей самой часто шептали мужчины, что она прекрасна?..

Антонио приходил снова и снова, сопровождал Проперцию в ее прогулках по соборной внутренней площади. Там не гуляли посторонние, правая сторона двора вообще была закрыта деревянной решеткой, ибо там белела беседка, куда могли войти только избранные. И однажды, войдя в это священное место, Проперция протянула руки к юноше. Но тот лишь улыбнулся: «Монна Проперция, я восхищен вашим искусством, но...»

Бедная девушка не знала куда деваться. Сколько раз она сама вот так криво улыбалась, услышав очередной комплимент, но сердце ее было холодно. Как сейчас сердце этого юноши. Проперция выскочила из беседки, закрыв лицо, и только дома пришла в себя. Нет, ведь не все еще потеряно! Антонио сказал, что восхищен ее работами. Что ж, она создаст барельеф с особым сюжетом, где расскажет о своем нелегком чувстве. Это будет сюжет об Иосифе Прекрасном. Из Библии известно, что жена домоуправителя фараона влюбилась в прекрасного юношу Иосифа, а тот, как и Антонио, не ответил ей взаимностью. И тогда женщина, отчаявшись склонить его своими мольбами, просто сорвала с него одежды. Это будет сцена страсти. И если робкая Проперция не может объясниться своему возлюбленному в любви, пусть искусство сделает это за нее.

Увы, красавец болонец не понял послания ваятельницы. Но поняла вся Болонья. Недаром Вазари написал в своей книге: «Работа эта была всеми признана прекраснейшей, ей же (Проперции) доставила большое удовлетворение, словно она этой фигурой из Ветхого Завета хотя бы частично облегчила свою столь жгучую страсть». Правда, Вазари писал свою книгу уже четверть века спустя после описываемых событий. А в жизни ваятельницы все происходило не столь благостно. Болонцы зло шептались за ее спиной – радовались ее разбитому сердцу и судачили: так и надо гордячке. Ишь – решила уподобиться мужчинам в их ремеслах! Потом пошли разговоры о том, что и талант Проперции оказался не столь уж велик. Скульптор и живописец Амико Аспертини начал обвинять ее в неумелости. Правда, и сам Амико, известный своей неумной завистью к любому удачному творению, никакими достижениями не блистал. Но зато он побывал и во Флоренции, и в Риме, и в других городах, а значит, видел много выдающихся работ. «Но я нигде не видел, чтобы женщина занималась ваянием! – кричал он на каждом углу. – Она же позорит почтенный город Болонью!» Прислушавшись к его наветам, попечители собора заплатили Проперции самую ничтожную сумму. Еще бы! Ведь в это время умер ее супруг, единственная надежда и опора в жизни.

Ваятельница еще пыталась закончить работу. Изваяла для собора двух ангелов. Они и сейчас стоят в соборе Сан-Петронио. Но людская молва уже заставила ее перестать заниматься скульптурой. Она решила перейти к гравюре. Но работы ее не покупались. Воистину, нет славы в своем отечестве! Однако о возвышенном и благородном таланте Проперции прослышал сам папа римский Климент VII. Он пожелал вызвать первую в мире женщину-скульптора в Рим. Увы, его вызов опоздал – монна Проперция деи Росси скончалась в 1530 году, не дожив до 40 лет. Как заметили современники, «ее сгубили несчастная любовь и непризнание сограждан». Впрочем, у кого из великих было это самое признание? К сожалению, мало у кого...

Живописец дьявола

Вот уже шесть веков в истории эпохи Возрождения существуют жуткие и зловещие легенды, связанные с жизнью знаменитого живописца Андреино ди Бартоло ди Симоне ди Барджила из деревни Кастаньо, которого исследователь искусства Джорджо Вазари назвал коротко – Андреа дель Кастаньо. Его имя всегда окружалось легендами и произносилось шепотом. Потому что легенды были жуткими. Но его живопись всегда притягивала и завораживала. Потому что манера его была страстной и истовой. И что бы ни изображал Андреа дель Кастаньо, его мощная кисть сбрасывала на картину или фреску такой поток энергии, что становилось страшно. Поневоле вспоминалась легенда, что ради своей проклятой живописи он отдал душу дьяволу.

Отец Андреа сразу понял, что мальчишка проклят, ведь тот, едва родившись, орал целыми днями. Потом, правда, притих, но уже в раннем детстве стало понятно, что у мальчика злобный нрав и черный глаз. Ну а когда отец увидел пачкотню своего строптивного сына, оставленную на стене сарая, пришел в ярость. Отец хоть и был простым крестьянином и дровосеком, но в церковь ходил, изображения святых видел, так что сразу понял – не Бог руководил рукой его дерзкого сына, а дьявол. Разве здесь нарисован куст?! Да у него щупальца, как у осьминога. И разве это – дворовый пес?! Да это не собака, а монстр какой-то!

Отец избил Андреа. Надо же выбивать дурь из головы. Избил и младших сыновей – чтоб неповадно было. Он вообще учил детей побоями и голодовкой. То, что произошло потом, Андреа помнил всю жизнь. Вернее – пытался забыть. Огонь. Гарь. Грохот. Деревянный дом отца вспыхнул, как щепка, и полыхал всю ночь. К утру не осталось ни дома, ни отца. Детей разобрали соседи. Андреа не пустили ни в один дом. Все знали, что у него ужасный характер и дурной глаз. В конце концов мальчишку взял дядя и отправил пасти овец. Для Андреа же это был подарок судьбы. Ведь дядюшка не избивал и не морил голодом. Более того, разрешил ходить учиться к местным деревенским живописцам.

И тогда случилось чудо. Флорентийский дворянин из самой влиятельной семьи Бернадетто деи Медичи увидел однажды, как Андреа лихорадочно рисовал углем на стене, на камне, на всем, что подворачивалось под руку. В 1440 году Бернадетто забрал юного художника с собой во Флоренцию и отдал учиться в лучшие мастерские. Правда, к кому – неизвестно. То ли к Мазаччо, то ли к Учелло. Да что имена учителей! Даже возраст Андреа неизвестен. То ли было ему семнадцать, то ли двадцать три. Точнее историки узнать не смогли. Словом, дата его рождения колеблется между 1417 и 1423 годами.

В том же 1440 году по Флоренции распространилась первая страшная легенда. Андреа получил заказ на изображение то ли повешенных врагов дома Медичи, то ли казненных изменников в битве при Ангиари. Собственно, это не столь важно, поскольку фреска все равно не сохранилась. Зато в людской памяти сохранилось впечатление от этой фрески. И оно было столь жутким, что Андреа с тех пор стали звать Андреа дель Имппиккати – то есть Андреа Повешенных. Со стены на зрителей смотрели повешенные за ноги люди в ужасающих позах с невероятным страданием в глазах. Те, кому хоть раз пришлось увидеть эту картину, вспоминали ее в холодном поту, просыпаясь по ночам. И по городу поползли

слухи – не мог молодой художник так натурально изобразить столь жуткое зрелище! Нашлись и свидетели, которые видели, как Андреа тащит что-то в темноте. Наверное, с кладбища. Скорее всего, труп, чтобы повесить у себя в мастерской и рисовать. Нашлись и другие доброхоты. «Зачем ему труп? – шептали они. – Вон он какой здоровенный! Он с живым человеком расправился, подвесил и рисовал его смертные муки, а дьявол ему помогал!»

Странно, что церковь не взялась за Андреа. Наверное, потому, что его покровителями было семейство Медичи. А Медичи во Флоренции, как известно, могут всё. Собственно, Медичи – это и есть сама Флоренция. Но все-таки Андреа пришлось уехать от греха подальше. Два года он провел в Венеции. И именоваться дель Импиккати не захотел. Он взял себе прозвище от родной деревушки и стал Андреа дель Кастаньо.

Флоренция приняла его снова. Город строился, дома вырастали на глазах. И в каждом доме модно было иметь росписи и картины. Андреа сразу получил заказы и кинулся выполнять их с тем же неистовством, что всегда. У него не было ни друзей, ни жены, ни детей. Все, что он знал в своей короткой жизни, – работа. До бессонницы. До обмороков. До стертых в кровь пальцев.

Однажды он писал изображение на верху стены. Пришлось воспользоваться лестницей. За работой наблюдали мальчишки. Один из них, бахвалясь перед товарищами, толкнул лестницу. Чуть не сломав себе шею, Андреа в гневе кинулся за ним. А мальчишка, чтобы избежать наказания, долго рассказывал, как этот дикий художник прямо на глазах превратился в страшного зверя. Не иначе этот дикий в сговоре с дьяволом!

В другой раз подмастерье, подглядев за работой Андреа, шепотом рассказал, что злобный художник рисует кровью. Конечно, нашлись любопытные – проверили. Оказалось, Кастаньо делает предварительные наброски на стене темно-красным красителем. Но об этом узнали единицы. А молва о крови обошла весь город.

Однако Медичи пресекали слухи, по-прежнему покровительствуя Кастаньо. Вот и почтенное семейство Монтагути заказало Андреа фреску для дома – традиционное «Распятие». А он написал такое – смотреть страшно! Распятый Христос в конвульсиях, Богородица рыдает. Не мудрено, что однажды ночью служанка услышала настоящий вопль с той стороны залы, где висело «Распятие». Почтенный отец семейства приказал стереть фреску со стены, но краски не поддавались. Тогда Монтагути повесил прямо на фреску другую картину, написанную на дереве. Слава богу, все успокоилось. Но только в доме...

По городу же стремительно разнеслись слухи. Андреа скрылся в монастыре. Нет, он не стал монахом, просто принял заказ на роспись всего монастыря Санта-Аполлония. Это займет много лет, а ему уже давно пора написать что-то масштабное. Ведь он чувствует в себе громадную силу.

И вот между 1445 и 1450 годами Кастаньо начал интенсивно работать над циклом фресок – «Тайная вечеря», «Распятие», «Пьета», «Положение во гроб», «Воскресение». Даже жить перебрался в Санта-Аполлония по монастырскому уставу. Только братия быстро стала замечать – не часто приходит художник на мессы. А если и придет – стоит с отсутствующим видом, так и норовит сорваться к своей фреске. Что он там пишет – неизвестно. Зато по ночам из трапезной, где работает, доносится странное бормотание. Настоятель говорит, художник молится, а монахи слышат сдавленные ругательства. Нечестивец, одним словом!

То, что предстало взорам, когда фрески оказались законченными, повергло всех в шок. На большой стене на высоте полутора метров от пола разыгрывалась сцена Тайной вечери. Да только разве это была тихая и скорбная вечеря? Посреди стола, накрытого белоснежной скатертью, сидел хмурый Христос, почему-то седой старец. По его сторону стола – все ученики. По другую – один проклятый Иуда. Все – в страшном напряжении. Да разве это будущие апостолы? Это же грубые крестьяне из окрестных деревень. Какие резкие черты лица и неукротенные страсти в глазах. Словно сидящий насупротив Иуда – порождение их же грешных страстей. Словно это они сами создали его из своих грехов, а затем исторгли. И вот теперь замерли перед грехом своим как каменные. А сзади них – настоящий камень:

мраморные квадраты с жуткими разводами – лиловыми, красно-коричневыми, малахитовыми. Нечеловеческое зрелище. Какая же это Тайная вечеря? Это адская сцена!

Словом, фрески Кастаньо в бенедиктинском монастыре Санта-Аполлония просуществовали недолго. Их стали закрашивать, приглашая новых художников рисовать прямо поверх них. Живопись Кастаньо пугала своей силой и яростью. Судьба не была милостива к Андреа при жизни, но еще хуже отнеслась к нему после смерти. Ведь именно после его смерти по миру распространилась «самая страшная легенда Кастаньо». Молва утверждала, что нелюдимый и вечно хмурый Андреа подружился с художником Доменико Венециано, приехавшим во Флоренцию из Венеции, человеком мягким и светлым. Такой же мягкой и лучезарной была живопись Доменико, с ее чистыми и прозрачными тонами – светло-розовым, голубым, салатным, сиреневым. Друзья не только работали вместе, например расписывали церковь Санта-Мария Нуова, но и вместе музицировали. Доменико прекрасно играл на лютне, Андреа любил петь. Они даже поселились в одном доме.

Вот тут-то якобы дьявол и потребовал платы. Он подтолкнул Андреа убить друга. Потому что трудно, отдав всю жизнь живописи, вдруг узнать, что кто-то рисует лучше. Оскорбленный Кастаньо напал на ничего не подозревавшего Доменико в тихом переулке и убил его. А потом притворно горевал на похоронах.

Вот как рассказал об убийстве первый исследователь искусства Возрождения Джорджо Вазари: «Андреа свинцовыми гирями пробил Доменико лютню, а вместе с тем и живот. Но этого ему показалось мало, и он той же гирей нанес ему смертельный удар по голове. И потекла кровь...»

Что за жуткая история! Вазари и сам ужасался, пока писал, но именно так рассказывали ему о преступлении этого проклятого художника. И вот со времени выхода книги Вазари «Жизнеописание наиболее знаменитых живописцев, ваятелей и зодчих» (1549–1550) имя Андреа дель Кастаньо было предано проклятию. Более 300 лет, вплоть до конца XIX века, читатели и знатоки живописи роняли слезы над описанием вероломной дружбы Андреа и Доменико. Еще бы – ведь это был первый исторический рассказ об «эффекте Моцарта – Сальери».

Фрески Кастаньо тоже пали под проклятием. Под толстыми слоями последующих подлинных фресок монастыря Санта-Аполлония, о которых долгое время бродили легенды, они были обнаружены только в 1890 году. Реставраторы очистили небольшой кусок, и на них сверкнул злобный взгляд. Из-за вековой штукатурки выглянул Иуда из «Тайной вечери».

Опытнейший итальянский реставратор синьор Беннини подтвердил, что это работа Андреа дель Кастаньо. Всю же фреску расчищали еще долго – почти 40 лет. Но когда в 1929 году она предстала в своем первоначальном виде, мир ахнул. Оказалось, что по накалу страстей и глубине воздействия живопись Кастаньо не с чем сравнить, разве что с истовостью великого Эль Греко. Энергетика фресок была столь мощна, что в монастырь Санта-Аполлония потянулись люди со всего света. Там открыли музей Кастаньо и собрали почти все работы мастера. После нескольких веков забвения Андреа дель Кастаньо наконец был признан великим художником.

Неудивительно, что исследователей заинтересовали подробности его биографии. Оказалось, почти все рассказы о Кастаньо – легенды. Красочные. Зловещие. Но выдуманные. Например, то, что художник рисовал якобы кровью. Просто под слоями его фресок нашли прорисовку темно-красным красителем. Ничего особенного. Тогда живописцы использовали для контурных прорисовок разные цвета. Великий Леонардо да Винчи, например, рисовал коричневым, а знаменитые мастера Гирландайо делали наброски синим цветом.

Даже, казалось бы, доказанное убийство друга Андреа – Доменико Венециано – тоже оказалось чьим-то злобным наветом. Из сохранившихся документов явствовало: Кастаньо скоропостижно скончался во Флоренции в 1457 году от чумы. Причем за четыре года до того, как в темном переулке Флоренции погиб Доменико Венециано. Так что это Доменико пришлось оплакивать безвременно ушедшего друга. В ту пору Андреа дель Кастаньо шел всего-то 34-й год. И не было за ним грехов. Или все-таки были?..

Во флорентийской церкви Сантиссима-Аннунциата сохранилась фреска на тему покаяния святого Джулиано, которую Кастаньо написал незадолго до своей смерти. Так вот, в образе святого Джулиано художник, согласно документальным свидетельствам, изобразил самого себя. А за спиной каявшегося святого нарисовал крестьянский дом в горах, поразительно напоминавший дом его отца. Но что мог делать Джулиано в доме, который сгорел? Да и в чем он вообще каялся? Для нас в XXI веке это может показаться неразрешимым вопросом. А в те далекие «непросвещенные» времена каждый прихожанин знал: святой Джулиано раскаивался в самом страшном смертном грехе. Он отцеубийца.

Так что если Андреа и убил кого, то не своего друга Доменико Венециано, а изверга отца, который морил своих детей голодом и запрещал старшему сыну рисовать во славу Божью.

Но может ли убийца, пусть и самый справедливый, создавать шедевры во имя Господа? Ведь гений и злодейство, как известно, две вещи несовместные. Не потому ли на фреске в церкви Сантиссима-Аннунциата над головой святого Джулиано возвышается странный Господь – прекрасный и мрачный одновременно? Кто он – прощающий ангел или карающий демон? И что это за черная собака в прыжке, написанная в необычном ракурсе, чудом сохранившаяся на верхней фреске в церкви Сантиссима-Аннунциата? Тот самый пес, изображение которого увидел отец, а после избил сына? Или все-таки это черный друг судьбы, который всегда следовал за художником, заставляя его создавать свои мрачные и неистовые творения? Конечно, судьба заставила Андреа дель Кастаньо пройти тяжкий путь. Но разве его фрески и картины того не стоили?..

Мятежный дух великого Мазаччо

В 1429 году в капелле Бранкаччи флорентийской церкви Санта-Мария дель Кармине по средам не проходили службы. Зато с утра собирались молодые художники со всей Италии копировать великие фрески, созданные рукой Томмазо Мазаччо. Вот и сегодня в капелле тишина – все сосредоточенно рисуют. Вдруг скрипнула дверь. На пороге возник 23-летний Филиппо Липпи. «Берегитесь! – крикнул кто-то. – В этого одержимого вселилась душа покойного Мазаччо!» И художники в ужасе кинулись врассыпную.

Филиппо в недоумении огляделся: вокруг перевернутые мольберты и упавшие краски. Приятели ринулись от него как от прокаженного. Еще вчера просвитель капеллы торжественно объявил, что рисунки Филиппо Липпи лучшие. Что же случилось сегодня?

Мазаччо. Чудо со статуей. Ок. 1427–1428

Юноша выскочил из церкви, успев схватить за рукав толстяка Нардо. Тот попытался вывернуться, но хватка Филиппо была железной. Толстяк взвизгнул: «Пусти, оборотень!» В ярости Филиппо тряхнул его, и Нардо залепетал: «Сам знаешь про пророчество Мазаччо!» Филиппо ослабил хватку: «Ничего я не знаю!» Придя в себя, толстяк ухмыльнулся: «Я и забыл, что ты – монастырское отродье. Где уж тебе знать флорентийские сплетни! Так вот, год назад, в 1428-м, Мазаччо в Риме отравили завистники. Не перенесли его гениальности. Но когда он умирал, то пригрозил убийцам, что его искусство воскреснет в живописи другого художника, даже если ему самому придется переселиться в другое тело. И теперь все говорят: дух Томмазо Мазаччо вселился в тебя – ведь ты рисуешь как одержимый!»

...Липпи понуро брел по улице. Он действительно трудился как одержимый, копируя фрески мастера. Но как можно устоять при виде таких гениальных работ? Ведь впервые за всю историю живописи люди, деревья, цветы выглядели на этих фресках как живые. И чувства людей были понятны с первого взгляда. Например, на одной из фресок Томмазо нарисовал святого Петра в набедренной повязке, так казалось, что видно, как он, бедняга, дрожит от холода. Мазаччо даже рискнул показать обнаженных Адама и Еву. Неслыханно – впервые в живописи! Не за это ли богохульство его отравили? А ведь художнику не исполнилось и 27 лет...

И вот теперь еще худшая молва пойдет про него, Филиппо Липпи. Да если это услышат в монастыре кармелитов, Филиппо тут же запретят рисовать! Ведь Липпи принадлежит монастырю – там он воспитывался с шести лет, а в двадцать стал монахом. Отец его, неудачливый торговец, умер, едва сыну исполнилось два года. Мать же вообще скончалась при родах. Так что монахи его воспитывали и учили. Только вот он не смог воспринять никакого учения! Хоть и сажали мальчишку за книги, да он только страницы разрисовывал всякими уродцами. Уж и колотили Филиппо, и без обеда оставляли, а он все за свое: как уголек в руки получит, начинает рисовать – ну точно одержимый! Однажды разрисовал весь мощный двор монастыря огромной сценой, как римский папа вручает отцу настоятелю устав монастыря. За неимением красок малевал зеленой землей. Закончил и ужаснулся: прибьет его настоятель! Но тот два часа по двору ходил – рисунок рассматривал. А потом повелел купить молодому послушнику кисти с красками. Так самоучкой Филиппо и начал

осваивать азы живописи.

И все шло прекрасно до этих дурацких разговоров! Ну как душа одного художника может переселиться в тело другого?! Конечно, Филиппо лучше и быстрее всех копирует живопись Мазаччо, будто действительно свою собственную. Ему даже подарили кисти покойного живописца. Но ведь свои картины Липпи рисует по-другому. Хотя... Филиппо вспомнил только что написанную «Троицу». Она и вправду вышла похожей на фреску Мазаччо в церкви Санта-Мария Новелла. Да и, изображая Богоматерь, Липпи почему-то поло жил много киновари, как любил Мазаччо. Неужели и вправду его рукой водила кисть покойного? Может, он и впрямь одержимый?

«Конечно, святая церковь не верит богохульным наветам, но тебе лучше уехать из Флоренции!» – проговорил отец настоятель и отправил Липпи в Неаполь. Южный город встретил молодого художника непереносимой жарой. Как-то вечером истощенный пеклом Филиппо отправился с друзьями прокатиться на лодке вдоль берега. Светили звезды, дул легкий бриз. Товарищи и не заметили, как их унесло в море. Там их взяли в плен контрабандисты, а потом продали в рабство берберам. Вот когда начались настоящие мучения! Все тело Филиппо горело от побоев. Желудок сводило от спазмов голода. Да он съел бы сушеных скорпионов, если б только попались!.. По ночам в лихорадочных снах перед Филиппо возникали дневные картины – пытки, издевательства. Но однажды приснился странный сон – Мазаччо протянул ему уголек и сказал: «Ты должен использовать наш Дар!»

На рассвете Филиппо нарисовал углем на стене портрет хозяина в пышных берберских одеяниях. И произошло невероятное. Войдя в сарай для рабов, хозяин остановился, пораженный. Долго смотрел на свой портрет и вдруг повелел освободить художника и вернуть в Неаполь.

Конечно, из Неаполя Филиппо ринулся в родную Флоренцию. И снова начались заказы и странствия в их поисках. Художник – существо подневольное: идет туда, где платят...

Филиппо в сердцах пнул мольберт. Неужели он вырвался из берберского плена, чтобы всю жизнь корпеть в плену монастырских стен?! Конечно, кармелиты не требуют, чтобы он вернулся в родные стены, разрешают художнику разъезжать по Италии в поисках заказов. Но ведь монахам это выгодно: к середине XV века фра Филиппо Липпи стал самым высокооплачиваемым художником, и десятина его заработков по-прежнему идет в монастырь. Липпи работал в Падуе, Прато, Пистойе, Перудже, и везде о его работах говорили, что они созданы так изящно и прекрасно, что лучше и не сделаешь. Фра Филиппо даже получил покровительство всесильного семейства Медичи. Да что Медичи – сам папа римский благоволил ему!

Сколько раз Липпи просил снять с него сан – и все без толку! А какой из него монах?! Он же обожает веселые компании, ни одной юбки не пропускает. О работе готов забыть, если предстоит свидание. Однажды пообещал правителю Флоренции Козимо Медичи написать картину, да, как на грех, подвернулась прелестная подружка. Чтобы заставить Филиппо работать, Козимо запер его наверху своего загородного дома. Так сластолюбец разодрал простыни на веревки и по ним спустился вниз. Бедный Козимо потом неделю искал своего живописца по притонам Флоренции.

Но теперь с этим покончено! Год назад, в 1450-м, греховодник остепенился. Липпи тогда писал фрески в женском монастыре Святой Маргариты в Прато. Монастырь был крошечный – низкие своды, глухие коридоры. На каменных стенах сплошная тьма. Измученный художник раздумывал, как бы положить на фрески побольше солнечных бликов, изобразить что-то светлое, струящееся, как золотистые женские волосы. Оторвался от рисунка и замер...

Она стояла рядом, мило переминаясь с ноги на ногу, и головной платок медленно сползал с ее волос, открывая золотой водопад. И во взгляде ее было столько тепла и света, сколь могло быть только в чистейшем взоре Мадонны. Потом Филиппо узнал, что она – Лукреция Бути, дочь флорентийского купца, чьи дела расстроились, и он отослал дочь в монастырь. Еще Филиппо узнал, что девушка пока не Христова невеста. И сразу решил, что

она ею не будет, чего бы это ему ни стоило. Он видел ее не в монашеской рясе, а в красивом платье. И еще он видел ее с младенцем на руках – со своим младенцем.

Свет земной и небесный! В 1456 году он украл ее из монастыря. И теперь все Мадонны, которых он рисовал, были похожи на Лукрецию – Мадонну его жизни. Но художнику было уже пятьдесят, а ей – всего восемнадцать. Он должен был обеспечить ее и, главное, жениться! Но как он, монах, мог сделать это?! И снова Липпи приснился тот странный сон, где Мазаччо шепчет: «Ты должен использовать наш Дар!» Наутро Филиппо отыскал заветные кисти, что когда-то принадлежали великому Томмазо, и начал рисовать как одержимый. Лукреция позировала ему целыми днями. И вот в монастырь полетело покаянное письмо, а к высокому покровителю Козимо Медичи отправились картины, где Мадонна с чистым обликом Лукреции благословляла мир. И случилось неслыханное! По ходатайству Медичи папа Пий II в 1461 году снял с Филиппо монашеский обет, и он обвенчался, наконец, со своей украденной Мадонной. К тому времени их первенцу Филиппино (Лукреция назвала его маленьким Филиппо в честь любимого мужа) было 4 года. И отец в восторге рисовал его рядом с матерью то в виде Святого Младенца, то в виде ангела. А в 1465 году родилась дочь Александра. И теперь счастливый отец рисовал целое семейство – Мадонну с двумя ангелочками.

В феврале 1470 года молодой, но уже известный при дворе Медичи живописец Сандро Боттичелли усердно работал над очередным алтарным образом. Почти не выходил из дому. Однажды чуть не заснул у мольберта, да вдруг услышал стук в дверь. Распахнул и замер: на пороге стоял двенадцатилетний сын его старого учителя Филиппо Липпи – Филиппино. Сандро знал, что полгода назад, в конце 1469 года, учитель умер таинственной смертью в городке Сполето, куда поехал расписывать тамошний монастырь. Говорили, что старый греховодник (художнику шел уже 64-й год) приударил там за очередной юбкой, и родственники опоили его отравленным вином. Но среди художников пошли слухи – Филиппо Липпи отравили завистники, как некогда великого Мазаччо. «Раз дух Мазаччо переселился в Филиппо, то и конец его должен был стать таким же!» – сетовали живописцы.

И вот теперь маленький Филиппино стоит у дверей Боттичелли. «Матери тоже больше нет!» – бормочет он, утирая слезы. Боттичелли вздыхает и думает: «Видать, неугомонный Филиппо, как встарь, украл свою Мадонну – теперь уже на Небеса. А мне остается позаботиться о его сыне, пусть продолжит династию».

Сандро Боттичелли, величайший художник раннего Возрождения, сдержал слово – Филиппино Липпи стал известнейшим живописцем времен Высокого Возрождения. Как и отец, Филиппино славился бурными любовными похождениями, а еще обожал разные розыгрыши. Нарисовал однажды занавеску и поставил рисунок в нишу. А заказчику сказал: твоя картина за этой занавеской! И с хохотом смотрел, как заказчик пытался ее отодвинуть. Да что люди! Филиппино рисовал столь правдиво, что обманул даже пчел – поставил на окно нарисованный букет, на который слетелись сборщицы меда.

Словом, слыл Филиппино виртуозом кисти. И никто не удивился, когда именно ему поручили дописать фрески капеллы Бранкаччи, так и оставшиеся незавершенными со дня смерти Мазаччо. Филиппино принес бережно завернутые в тряпочку старые кисти, взял одну и с опаской окунул в краску. И случилось неожиданное – кисть, вспомнив давно забытую работу, заскользила по стене, потянув за собой упирающиеся пальцы Филиппино. Восхищенно вздохнув, он уже больше не сопротивлялся. И все, кто увидел его работу, признали ее достойной кисти самого Мазаччо. Но никому и в голову не пришло, что это действительно была та самая – его кисть...

А через некоторое время (шел 1504 год) 48-летний Филиппино вдруг захворал. И три дня спустя умер с кровавой пеной на губах. Лекарки объявили – от лихорадки. Но художники Флоренции еще долго шептались, что беднягу Филиппино, как некогда Мазаччо и старика Липпи, отравили завистники. «А что поделаешь? – вздыхали живописцы. – Уж если дух Мазаччо вселился в Филиппино, как некогда в его отца, конец стал таким же. Уж больно мятежный дух у нашего Мазаччо – вечно требует великого мастерства. А мастерство – это

всегда куча завистников. Вот вам и проклятье в действии!»

Весна Сандро Боттичелли

Сегодня мы называем эту картину культовой. «Рождение Венеры» вполне может поспорить с легендарной «Джокондой» за первенство картины номер один в мире. Вот уже шестой век Венера, созданная великим мастером раннего Возрождения Сандро Боттичелли, является символом женской красоты и загадочности, впрочем, так же, как и другие его женские образы. С первого взгляда видно: на всех работах великого мастера изображена одна и та же женщина. Но кто она?

Сегодня ее имя мало кому известно. А во второй половине XV века ее боготворили все, ибо она была музой искусства того времени и первой красавицей при дворе знаменитых флорентийских правителей и банкиров Медичи.

Ее с восторгом рисовали лучшие художники Возрождения – загадочную, прекраснейшую и в богатых одеждах, и беззащитной нагоде. Однако сама она обнаженной ни одному живописцу не позировала. Каждый художник пользовался лишь собственным воображением. Великий Боттичелли был влюблен в нее всю жизнь. Она – его Венера, его Весна, его Мадонна и Афина. Она – Симонетта Веспуччи. И на картинах не только ее красота, но и ее тайна.

29 сентября 1469 года огромный флорентийский дворец Медичи – палаццо на Виа Агра – сиял как драгоценный камень. Тысячи свечей и сотни канделябров освещали пышный прием, который давал Лоренцо Медичи. Молодой Америго Веспуччи привел в палаццо родственников – кузена Марко Веспуччи с женой. Купец Марко оглядывался вокруг жадно и завистливо. Америго неприятны были такие взгляды. Сам он считал Медичи не только правителями Флоренции, но и частью своей жизни, ведь он не просто состоял при дворцовом карауле, но и дружил с обоими братьями. Он вообще никогда не повел бы во дворец жадного Марко, но месяц назад кузен вернулся из Генуи вместе с юной женой – дочерью удачливого купца Каттанеи. И вот перед шестнадцатилетней Симонеттой Америго не смог устоять. Она так просила взять ее во дворец! И за что этому Марко, уже растолстевшему в свои 25 лет, досталась такая красавица?!

Гранатовый зал приемов гудел как улей. Лавируя между гостями, Америго повел родственников к хозяину, шепча: «Бывший правитель Пьеро Медичи умер пару месяцев назад. Теперь все в руках его сына Лоренцо. Друзья называют его Великолепным. В нем и вправду все великолепно. Жаль только, что он не красавец».

Лоренцо с возвышения видел, что Веспуччи ведет к нему своих родственников. Он не любил приемов, но ради дружбы с Америго приготовил маленькую любезную речь. Марко с женой склонились в поклоне, распрямились... и Лоренцо забыл все слова. Он лишь молча смотрел на юную жену Марко. Мягкие золотистые локоны, темно-золотые с крапинкой глаза, чистый лоб и нежные алые губы. Боже! Она была похожа на Мадонну или на юную богиню. И Лоренцо впервые за 20 лет жизни пожалел, что он некрасив, невзрачен, мал ростом. Кем он может стать для такой красавицы?! К тому же в начале этого 1469 года он женился, чтобы успокоить умирающего отца. Ах, почему эта красавица не появилась во Флоренции, когда он был свободен?

Лоренцо медленно поднялся: «Я рад, что вы посетили мой палаццо, синьор Веспуччи!» Но речь его обрела неожиданную нежность, когда он повернулся к госте: «Надеюсь, вам понравилась Флоренция, монна Симонетта?» Однако юная красавица молчала. Только начала тяжело дышать. Марко засуетился: «Простите мою жену за робость, мессир! Она родом из Порто-Венере, а там все женщины молчаливы. Да и вообще то место странное. Говорят, именно там родилась из пены морской сама богиня любви». Марко еще что-то говорил, но Лоренцо уже не слышал. «Венера!» – пронеслось у него в голове, и тут только он осознал, что юная красавица по-прежнему молчит и смотрит мимо него. Лоренцо обернулся – сзади, в тени огромного кресла, стоял его младший брат 16-летний красавец Джулиано...

Не прошло и нескольких месяцев, как жизнь семейства Марко Веспуччи разительно изменилась. Чуть не каждый день, раздуваясь от гордости, Марко разворачивал очередное приглашение с золотыми вензелями. Вот что значит выгодно жениться! Красота Симонетты приносила большие проценты, чем ее громадное приданое. Марко заключил уже немало выгодных сделок по рекомендациям Медичи. К тому же оба брата буквально завалили Симонетту дорогими подарками. Но эту дурочку не поймешь. Больше всех драгоценностей ей оказались дороги надушенные бумажки со стихами. А уж если эта упряmica вобьет что в голову – никто не переубедит! Даже серьезный не по годам Лоренцо начал рифмовать строчки. При виде Симонетты этот молчун вздыхает и рассыпается комплиментами. Что уж говорить о младшем Джулиано, влюбленном по уши? Раньше этот гордец и повеса чуть не каждую неделю устраивал с друзьями попойки, а теперь вдруг – нате вам! – воспылил любовью к искусствам. Собрал вокруг поэтов, музыкантов, художников, философов. Все сочиняют, рисуют, философствуют. Даже повеса Анджело Полициано, год назад на спор пролежавший весь день в городском фонтане, теперь пишет изысканные поэмы о любви. Вся эта компания любителей искусств называет себя «странниками в садах Медичи» и свои творения посвящает Симонетте, величая ее Прекрасной Дамой. Они даже устраивают рыцарские турниры в ее честь. Потому что все влюблены!..

25-летний придворный живописец семьи Медичи, Сандро Боттичелли, тоже влюбился в Симонетту с первого взгляда. Но кто он и кто она? Если даже сам Джулиано лишь платонически восхищается Прекрасной Дамой, то как быть простому художнику? Шесть лет Боттичелли восхищался музой только издали. И вот в конце 1475 года Джулиано заказал Сандро портрет своей возлюбленной. Боттичелли пришел в восторг – это судьба, наконец-то он сможет видеть красавицу вблизи, говорить с нею. Симонетта встретила художника в палатце младшего Медичи не стесняясь – в мягком непарадном платье с полураспущенными волосами. Она быстро утомилась от сеанса и закашлялась. Со стаканом воды прибежал сам Джулиано. И Боттичелли вдруг понял – Симонетта больна!

Через неделю художник узнал, что доктора определили у нее чахотку. Перепуганный Америго, не дожидаясь возвращения Марко, повез кухню к морю в деревушку Пьомбино. Джулиано, соблюдая приличия, остался во Флоренции, но каждый день слал гонцов. 20 апреля Симонетта вернулась. Она никого не принимала, хотя врач и сказал, что ей лучше. Но надежды на выздоровление не сбылись. 26 апреля 1476 года Симонетта умерла. Через день ее похоронили в церкви Оньисанти в семейном склепе Веспуччи.

Лоренцо был в другом городе, но, узнав страшную весть, прискакал домой. Хоть он и загнал коня, но на похороны опоздал. Джулиано, закрывшись в своем палатце, несколько суток прорыдал в голос. Симонетту оплакивала вся Флоренция. Ибо простой народ считал, что она мягко и ненавязчиво укрощает бурный нрав семейства Медичи. Один лишь Марко не особенно расстраивался и уже месяц спустя женился вновь.

Джулиано изменился до неузнаваемости. Стал необщителен и молчалив. Часто молился – просил Бога забрать его к Симонетте. Медичи даже забросили государственные дела. И это привело к трагедии. Через два года после смерти Симонетты, день в день – 26 апреля 1478 года – влиятельное во Флоренции семейство Пацци попыталось свергнуть Медичи. Группа мятежников ворвалась в кафедральный собор Санта-Мария дель Фьоре во время торжественного пасхального богослужения. Джулиано увидел опасность первым. Раскинув руки, он шагнул на заговорщиков. Будто хотел этим плавным жестом унять их злобу. Десятки кинжалов вонзились в его тело. Джулиано даже не успел вскрикнуть. Только взгляд его метнулся по церкви и ударил прямо в глаза Лоренцо. И тот понял – Джулиано шагнул к смерти сознательно. Ведь это был его долгожданный путь к Симонетте.

Сам Лоренцо был ранен кинжалом в шею. Верный Полициано отсосал кровь из раны – боялся, что кинжал был отравлен. Слава богу, горожане не поддержали Пацци. Мятеж провалился. Заговорщиков повесили. А Флоренция вновь погрузилась в глубокий траур – по красавцу Джулиано. Ведь он был так молод – всего 23 года...

А к лету по Флоренции поползли слухи. Будто бы красавица Симонетта умерла вовсе

не от чехотки. Якобы, узнав о болезни возлюбленной, Джулиано послал за неким Домеником Салкедо. Синьор этот служил в тайной должности при дворе Медичи: он был ловцом вампиров. Желая любыми средствами сохранить возлюбленной жизнь, Джулиано повелел раздобыть вампира для Симонетты. Пусть лучше она тоже станет вампиром, зато не умрет, ведь вампиры живут лет по триста. Салкедо доставил во дворец отловленного где-то вампира. И после его укуса Симонетта действительно стала выздоравливать. Однако вскоре странные повадки начали проявляться и в поведении самого Джулиано. Он стал бояться солнечного света, перестал встречаться с друзьями. Поговаривали, что он тоже превратился в вампира. Осознав ужас ситуации, несчастная Симонетта бросилась вниз с высокой городской башни и разбилась насмерть. И еще начали поговаривать, что Пацци были правы, когда избавили Флоренцию от вампира Джулиано. И не казнить их надо было, а вознаградить.

Боттичелли услышал все эти дикие рассказы в трактире. Господь небесный! Ну как можно вообще говорить о подобной чертовщине?! И что только не выдумают враги, чтобы опорочить Медичи!

Бедные Симонетта и Джулиано!.. Они просто хотели любить и быть вместе. И вот их нет. И никакая магия с вампирами и колдунами не сможет вернуть их к жизни. И только он – художник – сможет. Он нарисует их по памяти на одном портрете. Будто они позируют живые. И они навсегда останутся вместе.

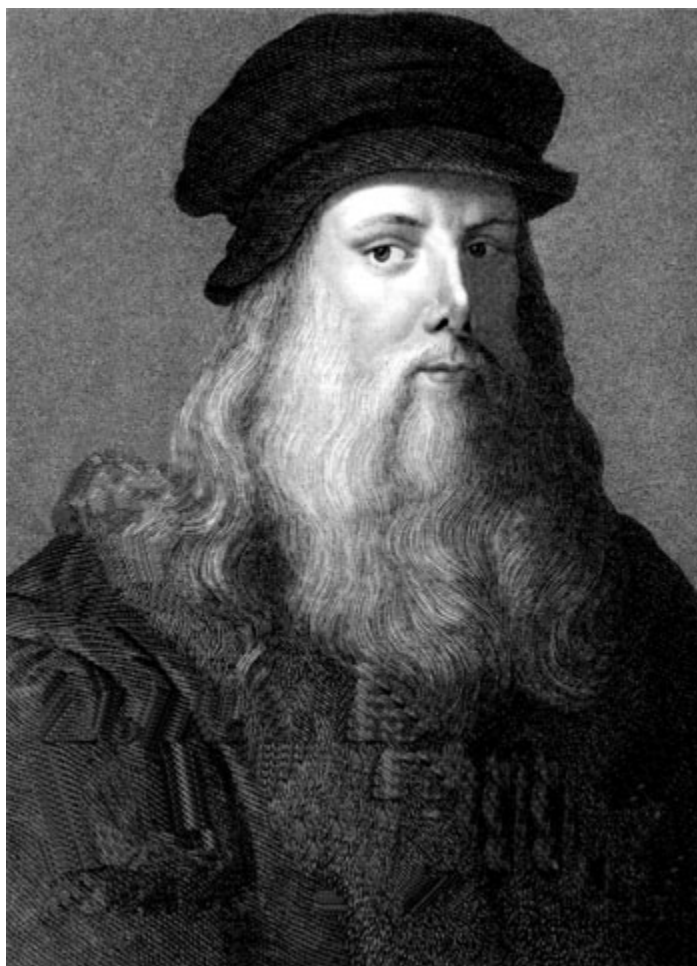
Художник схватил кисть. Он еще не знал, что всю оставшуюся жизнь будет рисовать красавицу Симонетту по памяти. Все грации и прелестницы его знаменитой «Весны» – она. Все богини и нимфы его аллегорий – тоже. И великая боттичеллиевская Венера, выходящая из пены морской, – она, Симонетта, которую недаром называли Жемчужиной Флоренции. В этих шедеврах – вечная Весна и вечная Жизнь Симонетты. И конечно, его – робкого влюбленного Сандро Боттичелли. Правда, многие удивляются: отчего прелестная, полная жизни и грации головка Венеры не подходит к почти неподвижному телу богини. Художник отшучивается: Венера еще не осознала, что родилась. Но самому ему понятно, в чем тут дело: он же никогда не видел своей обнаженной возлюбленной. К тому же после смерти Симонетты художник живет как монах, не встречаясь с красотками. Не потому ли он каждый день дорисовывает мазок за мазком на картине, не желая продавать «Рождение Венеры», что ждет: вдруг от последнего мазка она все же очнется?

Рок... Наваждение... Может, красавица и вправду была вампиром – приворожила кисть Боттичелли? Он уже никогда и никого не писал, кроме нее...

Последний великий художник раннего Возрождения, он пережил Симонетту на 34 года и завещал похоронить себя на кладбище Оньисанти. Там и был погребен 17 мая 1510 года рядом с Симонеттой Веспуччи.

«Джоконда»: тайны портрета номер один

О «Джоконде» не скажешь в двух словах: она вся состоит из сплошной тайны. Но все загадки упираются в два главных вопроса: кого изобразил на холсте великий итальянский живописец Леонардо да Винчи (1452–1519) и отчего изображенная дама (кем бы она ни была) оказывает на зрителей столь ошеломляющее, прямо-таки завораживающее воздействие?

Леонардо да Винчи

Сегодня портрет монны Лизы («Джоконда») самый известный в мире. Его фантастическая популярность привела к тому, что он стал абсолютно узнаваемым изображением, брендом и даже торговой маркой. По большому счету он стал символом самой человеческой цивилизации. Вот только символом красоты он не стал. Непонятно, ведь на нем изображена, как уверяют нас вот уже полтысячи лет, наипрекраснейшая Лиза Гередини, добрейшая супруга флорентийского торговца Франческо дель Джокондо. Однако мир готов признать в этой даме любое достоинство, кроме перечисленных, ибо большинству людей она кажется некрасивой и уж совсем не добрейшей. Но почему же тогда все так рвутся посмотреть на нее?

Вот уже который век толпы посетителей мечтают хоть раз в жизни заглянуть в глаза женщины, которую служители Лувра зовут просто «Флорентийской дамой», а то и еще короче – «№ 779». Служители-то знают ей цену и никогда не останутся с ней наедине после закрытия музея. «Посмотрит – и жизнь высосет!» – говорят они. Впрочем, и зрители, толпящиеся перед портретом днем, часто уходят с дикой головной болью, а то и падают в обморок. В Лувре давно уже знают: если звучит команда: «Врача!», медикам стоит поторопиться в зал к «№ 779». Таково вот влияние красоты «Джоконды» – ну просто вампирское. Но народ все равно толпится – кто-то и разочаровывается, а кто-то ужасается увиденному, но все равно готовы прийти вновь. Да что за власть дана этой женщине над людьми?!

Спокойно. Начнем разбираться по порядку. Мы же определили две главные загадки «Джоконды». Итак, первая: кого изобразил Леонардо? Ответ дает исследователь искусства Возрождения – сам знаменитый Джорджо Вазари в своем труде «Жизнеописания наиболее знаменитых живописцев, ваятелей и зодчих», составленном всего-то спустя 30 лет после

смерти Леонардо: «Леонардо взялся написать для Франческо дель Джокондо портрет монны Лизы и, потрудившись над ним четыре года, так и оставил его незавершенным». Вазари также описывает подробности, которые Леонардо изобразил на портрете: «глаза, которые обладали блеском и влажностью», «розоватая и нежная кожа», «густые ресницы», «алость губ», «биение пульса на шее». Словом, «мадонна Лиза была очень красива». К тому же молода – к 1503 году, к которому относят создание портрета, ей было лет 20.

Мона Лиза. 1502

Ну а теперь вспомним «Джоконду» – «№ 779» из Лувра. Где же ее розово-нежная кожа, алость губ и прелестные очи, опущенные густыми ресницами?! Кажется, там же, где и ее 20 лет, – в прошлом. На портрете предстает зрелая женщина, много осознавшая и понявшая в этой жизни. Ее тонкие, уже давно бесцветные губы змеятся в иронической улыбке, словно она говорит зрителю: «У меня ужасный день, а ты заставляешь меня улыбаться. Право, я стараюсь... Что тебе еще от меня надо?!»

Дальше Вазари описывает, как Леонардо, дабы вызвать у портретируемой Лизы веселую улыбку и поддерживать ее легкое расположение духа, постоянно приглашал на сеансы музыкантов, певцов и даже шутов, чтобы молодая женщина смеялась. Но вспомните улыбку Джоконды: она похожа на что угодно, только не на беззаботный смех. К тому же, помните, Вазари написал, что Леонардо удалось передать биение пульса на девичьей шейке. Правда, непонятно, как он сумел сделать это в той статичной позе, в которой восседает Джоконда. Ведь, чтоб было видно вену на горле, Лиза должна была повернуться на три четверти...

А теперь обратимся к описанию художника Франческо Мельци (1493–1570), любимого

ученика Леонардо, сопровождавшего мастера во Францию, куда в последние годы жизни Леонардо пригласил король Франциск I, в замке которого великий художник и скончался, оставив королю в подарок свою «Джоконду». Именно так картина и оказалась во Франции. Так вот, Мельци описал «Джоконду» как «величайшее полотно живописного искусства». И его описание таково: девушка изображена в костюме Весны. Она чуть повернулась и немного склонила голову в характерном для Леонардо наклоне головы – именно так он обычно и изображал всех своих героинь, включая Мадонн. Слегка улыбаясь, девушка держит цветок-коломбину. Но ведь ничего этого нет и в помине на луврском портрете! Нет, портрет, конечно, явно леонардовский, но – девушка?! Или это вообще НЕ ТА девушка?..

Надо сказать, что многие исследователи творчества Леонардо задавали себе те же вопросы. И приходили к тому же выводу: на луврском портрете – никак не юная монна Лиза, вышедшая замуж всего четыре года назад и счастливая в браке. Но кто это? И откуда вообще известно, что она – супруга купца дель Джокондо? Оказывается, об этом рассказал все тот же Вазари Мельци, встречавшийся с летописцем в 1566 году. Впрочем, Мельци лишь упомянул, что портрет, с которым Леонардо никогда не расставался и который всю жизнь возил с собой, Мастер называл «джиокондо», что значит улыбающаяся. Так же стали называть его и ученики – сам Франческо и Андреа Салари (1480–1524). Словом, Мельци говорил не о фамилии, а о странно-завораживающей улыбке модели, изображенной на портрете. Улыбка действительно была не из рядовых. Вообще не из реальных улыбок, скорее – из таинственных метаморфоз. Вот только связал название луврской картины с фамилией не сам Леонардо или его ученики, а позже – лишь после разговора с Мельци – Джорджо Вазари. Дело в том, что исследователь знал, что у Леонардо была натурщица Лиза, которая вышла замуж за торговца по фамилии Джокондо. Ее портрет и написал Леонардо. Но является ли именно тот портрет нынешней «Джокондой» из Лувра? Та ведь предстает не в костюме Весны.

Но если «Джоконда» из Лувра – не монна Лиза, то где же тогда реальная?! Ответ на эту загадку еще в середине XX века предложил известный советский искусствовед и литератор, профессор М.А. Гуковский. Профессор был уверен, что портрет монны Лизы в костюме Весны существует. Вот уже несколько веков он спокойно висит в Эрмитаже в Санкт-Петербурге. Это картина, приписываемая кисти самого Франческо Мельци, – «Коломбина». Вот там-то действительно девушка в мифологическом образе Весны смотрит с милой и задумчивой улыбкой на цветок-коломбину. И улыбка ее «настолько приятная», как писал когда-то Вазари, что кажется не улыбкой женщины, но божественной Мадонны. И что еще показательно: в альбоме Леонардо найдены эскизы к этой «Коломбине». Да и то, что картина висит под именем Мельци, – косвенное подтверждение, ведь известно, что именно ему выпала честь заканчивать «Мону Лизу» Леонардо.

Но если это так, почему искусствоведы всего мира не выстраиваются у этого небольшого полотна в Эрмитаже? Новая реальная «Джоконда» – это же мировая сенсация! Надо же срочно ее переатрибутировать и, конечно, луврский портрет. Да только кто же отважится?! Кто решится на то, чтобы отнять у «№ 779» славу портрета номер один?! Ведь именно луврская дама – мировой бренд, символ...

Надеюсь, вы уже поняли, дорогие читатели, что никто и никогда не решится на переатрибутирование. Это потеря не только бренда, но, главное, – денег, выгоды, символа, обладания главным портретом мира...

Стоп! Но ведь, кем бы ни была «Джоконда» Лувра, взглянуть на нее едут и летят в Париж миллионы людей. Чем-то же она притягивает, завораживает, не отпускает, заставляет думать...

Итак, вторая загадка «Джоконды»: отчего эта картина оказывает на нас столь ошеломляющее воздействие?

Сначала разберемся: о чем мы думаем, глядя на картину? Вот несколько отзывов зрителей. «Кажется, она знает обо мне все. А я о ней ничего». «От этой картины становится не по себе». «Она интригует всех, но не открывает свою тайну никому». Словом, так или

иначе, все говорят о некоей тайне.

Взглянем же без предвзятости. Что мы видим?

Далеко не юную женщину в простом, непарадном платье. Ее волосы распущены так, словно она позирует в домашней обстановке, ведь флорентийские дамы никогда не выходили на улицу без прически и простоволосыми. К тому же на пальце дамы нет обручального кольца. Может, она вдова? Или просто сняла кольцо? Но из истории мы знаем, что флорентийки никогда не снимали его, если только... Что – только? Если они не ждали ребенка! Ведь в интересном положении пальцы женщины отекали, и тогда неснятое кольцо могло причинить боль владелице. Так неужели луврская дама ждет ребенка? Невероятно, но это подтверждает и ее странное на первый взгляд положение рук. На самом деле – это охранительный жест. Дама прикрывает своего будущего ребенка и словно отталкивает от себя нескромные взгляды зрителей. Отсюда и ее странная улыбка и еще более странный взгляд – дама смотрит не на какой-то определенный предмет, не на зрителей. Она загадочно смотрит мимо, словно прислушивается к какой-то тайне в самой себе. Становится понятным и выражение лица, по которому читается: «Я знаю то, что вам неизвестно. Мне открыта тайна, но вам я ее не открою». Отсюда и взгляд несколько свысока, полный то ли скрытого сарказма, то ли презрения, ведь у этой Джоконды есть собственный мир, недоступный никому. Она – будущая мать – имеет сейчас полное право быть выше всех и больше всего любить сейчас саму себя. Ведь на самом деле она любит не себя, а своего ребенка.

Словом, Леонардо снова представил зрителям свой любимый и самый пронзительный мотив: мать и дитя. Любимый – понятно почему: культ Девы Марии – самый распространенный из человеческих культов. Но почему у Леонардо он такой пронзительный и таинственный? Все становится ясно, когда мы вспоминаем, что Леонардо – незаконный сын синьора да Винчи, прижитый им от служанки Катерины. Кстати, есть свидетельства, что она славянка по происхождению, взятая в плен турками, возможно, даже русская женщина. Так что Леонардо конечно же наш парень! Но не об этой загадке сейчас речь. Важно то, что мальчик вырос без матери. Ей крайне редко разрешали навещать сына. Не ее ли грустную, таинственную улыбку, сулящую не только неизбежную любовь, но и скорую разлуку, пытался всю жизнь запечатлеть на своих картинах Леонардо?

А то, что «Джоконда» не только портрет, но и картина, полная таинства, – видимый факт. На полотне не просто женщина – символ рождения человеческой жизни. За ней на заднем плане – всеобъемлющий пейзаж невероятного вида. Там горы и деревья, поля и озера. Природа в ее первозданной красоте. И если женщина ждет ребенка, то первобытная природа словно вмещает в себя зарождение всей жизни на планете. Героиня словно говорит зрителям: «Я владею всеми силами на этой земле, ибо за мной стоит сама природа».

Получается, луврская «Джоконда» – олицетворение всей природной жизни на планете Земля. Такой, какой видел ее великий художник Леонардо, который был еще величайшим изобретателем и ученым своего времени.

Да что там Земля! Ум Леонардо пытался охватить не только процесс зарождения жизни на планете, но и в космосе. Недаром его земное полотно обретает вселенские масштабы. Если взглянуть внимательнее, пейзажи за спиной Джоконды превращаются в некие космические видения: скалы, лунный грунт, странная почва песчаных бурь. Да и земная женщина при более пристальном взгляде теряет тепло, покрываясь ледяным безвоздушным холодом. Земная цивилизация выходит на космические просторы. Недаром холодной и безжалостной, как древний космос, становится таинственная улыбка Джоконды. И становится понятно: она старше скал, что за ее спиной. Как звезды и планеты, она умирала сотни раз и столько же раз воскресала, брала силу у всех и каждого, словно вселенский вампир, но имела на это полное право. Ибо она познала и перестрадала все в жизни. А может, она и есть сама жизнь? И как сама жизнь, она притягивает и пугает одновременно. От нее хочется спрятаться, но невозможно оторваться. Она знает Будущее и потому соединяет в себе Добро и Зло.

И вот теперь она охраняет самое главное – ребенка, который должен родиться. И этого

ребенка назовут Леонардо. Не потому ли портрет этой женщины так похож на автопортрет самого художника? Иначе и быть не могло: не изображение монны Лизы возил он с собой всю жизнь. Портрет супруги торговца давно был отдан заказчику. Теперь он висит в зале Эрмитажа. А вот с портретом матери, за неимением модели рисованным с самого себя, Леонардо не смог расстаться до последнего часа жизни. Ведь мать – та самая Вселенная, которая вмещает и планеты, и звезды, и космос. Та любовь, с которой все начинается.

И правы оказываются те, кто говорит: «Не важно, кого и когда изобразил великий художник. «Джоконда» не только достояние искусства – в ней весь смысл цивилизации».

Загадка Сикстинской Мадонны

«Сикстинская Мадонна» – главная алтарная картина мира. Но кто послужил моделью великому Рафаэлю, оставалось тайной до XIX века. Имя натурщицы забылось. А может, было забыто специально? Ведь под кистью Рафаэля она явила миру лик Мадонны. Однако сама Маргарита Лути никогда не блистала святостью.

...Папаша Лути уцепился за дверь траттории и замахнулся на дочь: «Убирайся, деревенская блудница!» Маргарита отскочила, уклоняясь от удара отца. Что связываться с пьяным?

Было время, когда синьор Лути снабжал свежеспеченным хлебом всю округу, но после смерти жены пристрастился к выпивке. В конце концов пекарня перестала приносить доход. Так что красавица Маргарита оказалась бесприданницей. Три года сидела на выданье, и только в начале этого 1514 года, когда ей исполнилось восемнадцать (последний срок, когда, по деревенским меркам, девушка могла выйти замуж), отец сбыл ее с рук, хуже того – продал за 50 дукатов. Ее, красавицу и умницу, – невежественному пастуху-грубияну Томазо Чинелли, который пасет скот местного богача синьора Киджи. До свадьбы было еще несколько месяцев, но жених, не дожидаясь колоколов, уже воспользовался всеми правами мужа. Маргарита стерпела – думала, это судьба. Но ошиблась...

В то утро она спряталась от приставаний Томазо в роще на берегу реки. Неожиданно со стороны виллы Киджи подошли двое. Один – высокий, черноволосый, одетый с изысканной небрежностью, но видно, что у лучшего портного. Сразу понятно: богач и модник. Второй – почти мальчик в мятой, забрызганной красками рубашке. Тоже ясно – подмастерье.

«Разве вы не будете заканчивать фрески, мастер?» – почтительно поинтересовался мальчишка. «Мне не с кого писать здесь Психею!» – махнул рукой его изысканный спутник. Он повернулся, и Маргарита узнала художника из Рима, которого банкир Киджи пригласил расписывать свою роскошную виллу. Кажется, его зовут Рафаэль Санти. Ему 31 год. Он слышет виртуозом кисти и любимцем папы римского. Но всем этим баловням судьбы лучше не попадаться на глаза. Маргарита попыталась тихонько скрыться, но сухие ветки затрещали под ногами. Миг – и противный мальчишка-подмастерье уже вытащил ее, смущенную и оробевшую, прямо перед взоры столичного мастера. Яркий солнечный луч ударил Маргарите в глаза. Она ничего не разглядела, кроме изумительного мужского лица, сквозь которое на нее светило солнце...

Рафаэль Санти

«Кто ты – нимфа или богиня?» – восхищенно ахнул Рафаэль. «Я всего лишь дочь булочника, синьор!» – зарделась Маргарита. «Выходит, ты – Форнарина, то бишь юная булочница! Впрочем, нет! Ты – Психея. И тебя послала мне Мадонна, чтобы я мог закончить фреску. Я ведь живописец из Рима. Ты бывала в Риме, красавица?»

Рим... Столица... Вечный город... Маргарита совсем смутилась. Ну кто бы мог предположить, что Рафаэль действительно возьмет ее с собой и она увидит Рим?..

Поразительно, но это чудо случилось. Поначалу, правда, отец запретил Маргарите позировать художнику. Кричал, чуть не драться кинулся. Но Рафаэль сумел его уговорить. Он вообще со всеми умел договариваться. Вот и папаша Лути притих, едва Рафаэль вытащил кошелек. Да и женишок Томазо отстал, пересчитав свою долю. В общей сложности Рафаэль выложил «родственничкам» за Форнарину 3 тысячи дукатов. Это же какие деньги!..

Сикстинская Мадонна 1513–1514

Рим встретил Маргариту соблазнами большого города. Рафаэль снял своей красавице прекрасный дом, накопил модных нарядов и драгоценностей. Сам приходил чуть не каждый день, приносил подарки и красиво объяснялся в любви. Но о свадьбе не заикался. Маргарита понимала: сколь ни сильна любовь, на таких, как она, не женятся. Иногда она думала: может, лучше было бы остаться дома и выйти замуж за пастуха Томазо? Тогда она была бы почтенной женщиной. Но не знала бы любви. А за любовь Рафаэля Маргарита была готова на все – даже на то, что ее считают падшей.

Впрочем, в блистательном Риме таких, как она, величали «по-благородному» – куртизанками. Хотя, как ни назови, суть не изменится. Конечно, многочисленные друзья, которых Рафаэль приводил к ней, дабы погордиться красотой новой пассии, улыбались Маргарите и даже целовали ручки, но в свои почтенные дома не приглашали никогда. Однако быстро нашлись и иные знакомые: почуяв легкую добычу, в дом к «новенькой» потянулись искатели любовных радостей. И никто не понимал, отчего красавица не принимает ничьих ухаживаний.

Ну как объяснить им, что для нее ярче всех увеселений тихие вечера, проведенные с Рафаэлем? А тот все чаще приходит к ней с кистями и красками. Ему нравится рисовать возлюбленную. В конце концов, художник устроил в ее доме настоящую мастерскую.

Рисуя, Рафаэль рассказывал о себе. Маргарита узнала, что родился он в Урбино в Страстную пятницу 6 апреля 1483 года. Его отец, Джованни деи Санти, был придворным живописцем герцога Урбинского. И сама герцогиня Елизавета Гонзага покровительствовала мальчику.

Теперь Рафаэль – известнейший живописец. Знатнейшие заказчицы роem вьются вокруг, но Рафаэль рисует ее – Маргариту. О чем же еще мечтать? Может, только о том, чтобы он не комкал ее портреты, смеясь: «Я на тебе учусь».

Разве Маргарита не понимает, что ему нечему учиться? Ведь он и так волшебник кисти. Но Маргарита понимает и другое: портрет куртизанки не повесишь в гостиной почтенного дома. Вот он и летит в мусорную корзину.

Но однажды, придя к Маргарите, Рафаэль долго смотрел на возлюбленную и вдруг сказал: «Я пишу для собора в Болонье «Святую Цецилию» и слева от нее хочу изобразить тебя как Марию Магдалину».

Мария Магдалина – куртизанка времен Христа. Маргарита стиснула зубы. Конечно, кого же еще с нее писать?..

Но весной 1515 года Рафаэль ворвался, загадочно блестя глазами: «Монахи из монастыря Святого Сикста заказали мне алтарную картину – Мадонну с Младенцем. Слева на картине я напишу покойного папу Сикста, справа – красавицу святую Варвару. А внизу – двух маленьких ангелочков». – «И кого ты будешь писать с меня – ангелочка?» – тихо осведомилась Маргарита. «Мадонну!» – выдохнул Рафаэль.

Маргарита в ужасе уцепилась за край стола: «Я не могу быть Мадонной! Я грешница! Я знаю, как страшна жизнь...» Рафаэль жестко вскинул глаза: «Именно так! Ты видишь, как страшен мир, но тебе придется принести в него самое дорогое – свое дитя... Вдохни глубже, Маргарита! Этому миру не нужна глупая девчонка, не ведающая, что творит. Этому миру нужна героиня...»

Маргарита решила стать достойной своего возлюбленного. Понимая, что при всей красоте она всего лишь «деревенщина», девушка начала учиться правописанию и счету, танцам и хорошим манерам. Теперь она могла играть на лютне, сочинять стихи и писать вполне литературные «куртуазные записки» возлюбленному. Она старалась, как могла. Но осенью 1519 года по Риму поползли слухи: кардинал Библиена хочет выдать за Рафаэля племянницу – Марию Довици. Библиена всегда покровительствовал Рафаэлю, поручил написать собственный портрет, подыскивал новые заказы. Теперь он обещал похлопотать за художника перед папой Львом X, чтобы тот за особые заслуги перед Ватиканом пожаловал Рафаэлю кардинальскую шапку.

От такой новости Маргарита похолодела. Она прекрасно понимала, что если Рафаэль откажет кардиналу, то рискует остаться без выгодных заказов. А ведь художник еще с детских лет при урбинском дворе привык жить на широкую ногу, как богатый вельможа.

«И когда же помолвка?» – чуть слышно прошептала она. «Через четыре года. А за это время все может случиться! – беспечно улыбнулся Рафаэль. – К тому же если я выполню заказы папы Льва X, то перестану оглядываться на Библиену».

Теперь Рафаэль трудился по 20 часов в день. Но ведь такая работа – на износ. Однажды он ввалился в дом к возлюбленной в настоящей лихорадке. Что-то бормотал всю ночь. Утром Маргарита попыталась его удержать, но он вырвался. Кричал, что срочно должен закончить картоны для новой фрески. Хлопнул дверью и ушел. А на другой день чуть свет прибежал его верный ученик Бавьеро. Задыхаясь, закричал с порога: «Маэстро при смерти!»

Маргарита в чем была кинулась к Рафаэлю. Тот, бедняга, еле дышал. Лекари не нашли лучшего средства, как пустить ему кровь. Ему – и до того вымотанному работой и лихорадкой!.. Через пару часов прибыл кардинал-исповедник из Ватикана. Презрительно покосился на Маргариту, сидевшую у постели возлюбленного, держа его за руку, и процедил: «Я не могу передать благословение святейшего папы в присутствии этой женщины. Она – не венчанная жена!»

Художник с усилием разлепил веки и прошептал: «Нас венчала жизнь. И Бог не был против...» Кардиналу пришлось исповедовать Рафаэля в присутствии Маргариты. Уходя, он бросил: «Святой художник и падшая женщина! Создатель Мадонны и блудница!» Как будто этот надутый индюк не знал, что именно она, блудница, и была рафаэлевской Мадонной...

Наутро, в Страстную пятницу 6 апреля 1520 года, Рафаэля Санти не стало. Ровно через 37 лет, день в день, как он родился. Говорят, тот, кто умер в день рождения, прямиком попадает в рай.

Присутствовать на похоронах Маргарите не разрешили. Тогда она надела то самое

наголовное покрывало, в котором позировала для «Сикстинской Мадонны», и пошла в близлежащую церковь. Разве Мадонна не услышит ее повсюду?..

Через день прибыл поверенный. Оказалось, Рафаэль отписал возлюбленной приличное состояние. Ничуть не стесняясь похорон, в дом Маргариты повалили многочисленные поклонники, соболезнуя и пылко интересуясь: кого теперь выберет в покровители эта донна – прелестная и к тому же весьма обеспеченная? О, Маргарите даже сделали пару предложений! Ей – презренной куртизанке...

Маргарита не выбрала ни одного из щеголей. Она приняла ухаживания своего земляка, синьора Киджи, давнего друга Рафаэля. Но синьор был стар и в одночасье умер. И Рим снова всколыхнулся слухами: «Эта женщина угробила и синьора Киджи! Может, она – вампир?»

Вот тогда-то Маргарита и укрылась в стенах небольшого монастыря – подальше от ненавистного Рима. Ехала в смятении: а вдруг ее, блудницу, не примут? Но оказалось, при ее теперешних деньгах матери настоятельнице все равно, кем она была. Маргарита постриглась в монахини и приняла новое имя. Впрочем, имя было привычным – она стала МАРИЕЙ.

Гений и злодейство

Эта тайна вошла в историю как знаменитое «венецианское убийство». Еще его называли «блестящим злом» или «схваткой великих», ибо оба участника этого загадочного преступления считались великими мастерами славного города Венеции, а их творения современники без тени лукавства называли блестящими. За свои заслуги в живописном деле, прославляющем Венецию, оба они получили почетное звание «Сын города». Имя одного из них мы и сейчас произносим с эпитетом «великий» – это Тициан. Имя другого почти забыто – это Антонио Порденоне.

Тициан Вечеллио (1476/1477 или 1488–1576) еще при жизни был признан великим. Кроме того, ему покровительствовали не только венецианские власти, но и сам Карл V – император Священной Римской империи. Может, поэтому он сумел преодолеть обвинение, брошенное ему людской молвой. В 1539 году жители сразу двух городов Италии – Венеции и Феррары – обвинили Тициана в убийстве известного венецианского живописца Порденоне.

Джованни Антонио ди Анджеоло де Лодесанис де Сакки (ок. 1483–1539), прозываемый Порденоне по местечку, где он родился, был очень моден и любим в Венеции. Он с огромным успехом работал также и в других городах, даже в самом Риме. Например, в Кремоне он написал «Распятие», поразившее зрителей экспрессивным и совершенно необычным ракурсом, на котором Христос словно пытается вырваться с креста ценой невероятного, почти нечеловеческого усилия. Слава Порденоне постепенно достигла таких высот, что современники начали ставить его выше Тициана, стравливая тем самым обоих мастеров. Конечно, это не нанесло Тициану большого урона как художнику, но весьма ударило по материальной стороне его жизни, поскольку многие заказы перешли к его сопернику.

Однако и Порденоне оказался измотан этим бурным творческим соревнованием, ведь ему приходилось создавать картины и фрески в самые короткие сроки, чтобы удовлетворить многочисленных заказчиков. Это вымотало художника, и в 1539 году он уехал в Феррару – город более спокойный, нежели вечно бурлящая Венеция.

Порденоне хотел отдохнуть, набраться новых сил. Однако буквально сразу по приезде он скорострительно скончался. Любопытные видели, как это произошло. Художник сидел в трактире, обильно закусывал и пил молодое вино. Вдруг он вскрикнул, захлебнулся вином и упал лицом в столешницу. Добрые люди понесли его наверх, в комнаты для гостей. Он пролежал там пару дней и умер, не приходя в сознание.

И все бы ничего, да вот доброхоты видели, как в миг, когда Порденоне захлебнулся вином, из трактира стремительно выбежал человек в черном плаще. И доброхоты утверждали, что этот закутанный в плащ человек весьма походил на соперника бедного живописца Порденоне – Тициана Вечеллио. Выходит, этот завистник не стерпел чужой

славы и ухитрился отравить вино, которое выпил Порденоне.

Обвинение было абсурдным. Мало того что Тициан в те дни не ездил в Феррару: многие знали, что он писал срочный заказ, не выходя из мастерской. Но все равно слухи росли. И только вмешательство официальных властей их прекратило.

Но и тут нашлись злобные языки. «Этого придворного маляра, Тициана, просто отмазали!» – утверждали они. Говорят, почти через сорок лет, умирая, патриарх Тициан (ему ведь было то ли сто, то ли за девяносто лет!) калялся в многочисленных грехах, но божился, что не виноват в смерти Антонио Порденоне. Но ему мало кто поверил.

Впрочем, убедиться в зависти и коварстве всегда привычнее. Ибо это эффективней, ярче, красочней. Это разжигает огонь в крови. Но и еще приятней – убеждает, что никаких гениев нет, они, как и все смертные, при случае могут пасть ниже низкого – стать кто вором чужого сюжета, а кто и вовсе убийцей собрата по творчеству. И никто не задумывается о том, что гении не убийцы, ведь убийцы не останутся гениальными. Ибо Зло губит Талант, сводит его на нет. Недаром же наш Пушкин скажет впоследствии: «Гений и злодейство – две вещи несовместные!» Ведь Тициан еще много лет (он прожил почти век!) творил шедевры. Правда, и загадок в его судьбе осталось множество...

Тициановская сивилла

Старый князь Гогенлоэ неспешно писал мемуары. Воспоминаний хватало: князь вел полную опасностей жизнь прусского генерала. Его ценили не только в родной стране: сам русский император Александр I за мужество в борьбе с Наполеоном наградил Гогенлоэ орденом Святого Андрея Первозванного. Но старый вояка вспоминал не о наградах. Он обмакнул перо в чернила и вывел:

«У некоторых полотен есть собственная жизнь – таинственная и непредсказуемая, когда ни автор, ни владелец не в силах ничего изменить. Можно только рассказать потомкам. Итак, случилось это десять лет назад...»

Приближалось Рождество 1795 года. Гогенлоэ направлялся в Несвиж, во владения своего давнего друга – князя Радзивилла. Впервые в жизни он выполнял странное поручение – сопровождал шестилетнюю девочку, маленькую графиню Агнессу Ланскаронскую. Ее родители умерли, и теперь сиротке предстояло жить у дяди – князя Радзивилла.

Всю поездку девочка была тиха и ко всему безучастна. Ни о чем не спрашивала, ничем не интересовалась.

«Ничего! – думал генерал. – В гостеприимном семействе Радзивиллов она быстро придет в норму. Будет играть с детьми князя, повеселеет и постепенно забудет свое горе».

Экипаж медленно подкатил к парадной лестнице Несвижского замка, который уже почти двести лет служил главной резиденцией князей Радзивиллов. Нынешний князь с гордостью рассказывал, что его род, один из самых уважаемых в Речи Посполитой, известен почти десять столетий и ведет начало от высшего жреческого сословия древней языческой Литвы. В память об этом Радзивиллы собирали книги и манускрипты о старинных магических обрядах, картины и рисунки, изображавшие древних пророков и античных предсказателей.

Наконец экипаж остановился. Генерал Гогенлоэ вздохнул: в Европе неспокойно, разрастается пожар Французской революции, а здесь, в глухой провинции, покой и зачарованная тишина. Тут можно отдохнуть душой. Станный вздох прервал мысли генерала. Маленькая Агнесса тихо произнесла: «Как здесь красиво! Я никогда отсюда не уеду...»

С тех пор девочка прожила в замке три года. Несвиж стал почти родным. Но была в нем одна тайна. И сегодня ночью Агнешка решила эту тайну раскрыть. Ну или хотя бы понять...

Девочка откинула одеяло и прислушалась. Слава богу, гувернантка спит в своей комнате. Даже слуги наконец-то утомнились. В доме родителей Агнессы не было такого

количества слуг. А в Несвижском замке и шага не ступишь, чтобы кто-то не оказался рядом. Но сейчас Агнессе никто не нужен. Девочка неслышно выскользнула из постели, тихо отворила дверь и вышла. Коридор, переход, анфилада и вот, наконец, парадный зал. Маленькой «путешественнице» явно везло – она никого не встретила.

Зал обдал девочку таинственной холодностью и строгостью, будто не желал, чтобы кто-то чужой постигал его тайны. А их было множество! В зале размещалась одна из лучших коллекций Европы – картины, статуи, драгоценные камни, ювелирные украшения. Сокровища, собранные многими поколениями Радзивиллов, поражали воображение. Конечно, сейчас, ночью, все это тонуло во мраке, ведь в зале горело всего несколько дежурных свечей. Но маленькой Агнессе хватило бы и одной. Ее не интересовали ни алмазы, ни рубины. Подняв канделябр, девочка шагнула к центральной стене. Ее интересовала только вот эта женщина – красавица с волосами цвета граната, жгучими глазами и странной призывной улыбкой. Она глядела на девочку из тяжелой позолоченной рамы, но казалось, еще миг – и она легко скользнет вниз, на роскошный мозаичный пол зала. Агнесса видела эту картину уже несколько раз, и всегда ей чудилось: красавица зовет, хочет сказать что-то, только не может сделать это днем, у всех на виду. И вот Агнесса пришла к ней ночью.

Страшный крик пронзил темноту. Захлопали двери замка, послышались быстрые шаги. Слуги вбежали в парадный зал. На полу без чувств лежала маленькая графиня Ланскоронская. А рядом стоял канделябр. Хорошо, хоть пожара не случилось...

Утром недовольная княгиня Радзивилл вошла к племяннице: «Я привела к тебе нашего библиотекаря, Агнесса! Он расскажет тебе о картине, и ты сама поймешь, пугаться нечего. Это почтенное творение великого венецианского художника Тициана». Княгиня смерила племянницу презрительным взглядом и удалилась.

К кровати девочки подошел библиотекарь замка – маленький сморщенный человечек неопределенного возраста: «Вы хотели узнать о «Кумской сивилле», ваша светлость? Этой картине двести пятьдесят лет, и уже двести лет она висит в нашем замке». Агнесса приподнялась на подушке: «Кто эта сивилла?»

Библиотекарь заулыбался: «Сивилла – по-гречески значит «женщина-предсказательница». Тициан изобразил одну из античных пророчиц, которые жили в храме Аполлона в Кумах – древнегреческой колонии на территории нынешней Италии. Считалось, что дар предсказания сивиллы получали от античных богов, и потому все люди их уважали. Даже римские правители чтили сивилл. Самая знаменитая кумская сивилла по имени Демофила однажды явилась к царю Тарквинию Гордому и предложила ему за большие деньги купить у нее девять книг, в которых кумские сивиллы записали свои пророчества. Тарквиний презрительно отказался. Тогда Демофила бросила три книги в огонь. «Треть мудрости погибла! – произнесла она. – Но цена за оставшуюся та же!» Тарквиний скривился: «Я не стану платить за шесть книг, как за девять!» Демофила хладнокровно бросила в огонь еще три книги: «Тогда придется заплатить за три книги, как за девять!» И тут двери открылись, и в ноги царю бросились его советники: «Купи хотя бы последние книги, повелитель!» Случилось это в VI веке до нашей эры. Тогда Тарквиний передал три оставшиеся «Книги сивилл» в римский храм Аполлона, и вынимались они только в случае крайней необходимости, когда нужно было сверить судьбу государства».

«И где теперь эти книги?» – поинтересовалась девочка. Библиотекарь улыбнулся еще шире – если сейчас девочка интересуется историей, как же приятно будет учить ее, когда она подрастет. А вслух он сказал: «В IV веке нашей эры книги сгорели. Но не стоит горевать. Пророчества сивилл редко предсказывали счастье, чаще грозили всем бедой».

И тут Агнесса вскочила: «Какое мне дело до всех?! Эта сивилла грозила бедой мне!»

Странные дела начали твориться в Несвижском замке. Когда по праздникам семья Радзивилл собиралась в парадном зале и к взрослым должны были присоединяться дети, гувернантке приходилось силой приводить Агнессу. Но уже через несколько секунд бедную девочку начинала бить дрожь, на глазах выступали слезы и она, вырываясь, убегала. Ни уговоры, ни наказания не помогали. Агнесса боялась таинственной картины. В остальном же

она была примерной девочкой... Училась с удовольствием, читала много. Часто заходила в библиотеку и беседовала с хранителем книг. Однажды дождавшись, когда разойдутся другие посетители, быстро прошептала: «Расскажите о Тициане и его картинах!»

Библиотекарь добросовестно начал рассказывать, что художник прожил без году сто лет и умер в Венеции в 1576 году. Был он богат, знатен и почитаем за свои творения. «Прямо ангел какой-то!» – фыркнула Агнесса.

Библиотекарь вздохнул и поведал, что и с этим ангелом случилась зловещая история. Он был на вершине славы, когда современники начали превозносить до небес творчество другого живописца – Антонио Порденоне. И вот, говорят, Тициан не выдержал этого и на одной из пирушек подмешал яд в вино соперника.

Библиотекарь поднял глаза на слушательницу и пожалел, что вспомнил об этой зловещей легенде. Агнесса задрожала и вскрикнула: «Убийство!»

Хлопнула дверь, и перепуганная девочка выбежала из библиотеки.

Теперь Агнесса страшилась картины Тициана до такой степени, что обходила всю центральную часть замка, где размещался парадный зал. Когда же госпожа Радзивилл звала племянницу к себе, та предпочитала переходить из своего крыла в покои благодетельницы через двор. Даже если на улице дождь или снег – лучше промокнуть насквозь, чем увидеть проклятую сивиллу!

Но годы шли, Агнесса из девочки превратилась в прелестную 18-летнюю девушку, и к ней посватался молодой, красивый и богатый жених. Все бы чудесно! Но вот на праздники, устраиваемые по случаю обручения, невеста не являлась, ведь все они проходили в том самом парадном зале, где висела зловещая «Сивилла» Тициана. Князь Радзивилл объяснял жениху, что бедная Агнесса просто смущается толпы гостей. Не рассказывать же будущему родственнику, что ему досталась невеста со странностями! Но однажды в Несвижский замок приехали родители жениха, был объявлен бал на всю округу. Накануне вечером княгиня Радзивилл пришла в покои воспитанницы: «Надо взять себя в руки, Агнесса! Вспомни, что ты принадлежишь к славному и мужественному роду графов Ланскоронских».

И вот Агнесса, одетая в воздушное белое платье, расшитое драгоценными жемчужинами, вышла к гостям. После торжественного обеда подруги повели ее, как подобало по старой традиции, по украшенным анфиладам замка. Потом жених представил нареченную родителям в Малом зале. Там же все выпили шампанского. Началось веселье, зазвучали здравницы и поздравления.

Князь и княгиня Радзивилл переглянулись – слава богу, все шло чудесно. Княгиня поманила воспитанницу, и втроем они вышли из Малого зала. «Тебе следует немного освоиться!» – прошептал князь и, подведя Агнессу к дверям парадного зала, неожиданно втокнул ее внутрь.

Невеста попыталась открыть двери, но тщетно – князь не давал. «Тебе нужно преодолеть свои детские страхи!» – крикнул он.

Агнесса в ужасе застучала по двери: «Умоляю, откройте! Неужели вы не понимаете: этот художник – убийца, а его сивилла пророчила мне гибель!»

Вопли девушки становились все громче. Взволнованная княгиня кинулась к мужу: «Откройте, князь!» И в это время за дверью раздался страшный грохот. Радзивилл вбежал в зал.

Бедная Агнесса лежала на мозаичном полу. Ее череп был раскроен проклятой картиной, сорвавшейся со стены. Но сама «Кумская сивилла» не пострадала ни капельки, даже тяжелая позолоченная рама не треснула. Роковая красавица глядела с полотна вполне осмысленно и даже укоряюще. Пронзительные черные глаза словно говорили: «Я же предупреждала! Почему вы меня не послушались?!» Но кто же со времен Кассандры слушается пророчиц?..

...Генерал Гогенлоэ дописал страницу своего дневника. Когда-то он был на том самом празднике, обернувшимся трагедией. На похоронах юной Агнессы Ланскоронской он стоял рядом с библиотекарем замка Несвиж. «А Тициан-то оказался прав!» – горестно вздохнул тот. Гогенлоэ изумился: «Что вы имеете в виду?» И старый библиотекарь ответил:

«Существует легенда, что умирающий художник покаялся в том, что на одной из своих картин изобразил невиданного убийцу. С тех пор знатоки искусства гадают, что он имел в виду. А может, гадать уже не стоит? Разве зловещая картина не самый невиданный убийца?!»

Загадка отсутствующего портрета

В зале Совета десяти Дворца дождей в Венеции помещены портреты всех правителей, возглавлявших Венецианскую республику. Но одна овальная рама задрапирована черным крепом и помечена надписью: «Здесь мог бы быть Марино Фальер». Загадка этой «черной рамы» будоражит воображение туристов со всего света и по сей день.

События эти начались 11 сентября 1354 года, когда блестящий венецианский патриций – полководец и дипломат Марино Фальер – был избран 55-м дожем Венеции. Этот уникальный государственный пост давался пожизненно и делал своего обладателя государем Венецианской республики. Вот только реальная власть и права дожа были строго ограничены. На деле всем заправляли Большой совет и Совет десяти, который являлся и судом, и трибуналом, и карающей рукой – этаким своеобразной государственной инквизицией. Именно с его подачи Фальер и был избран дожем, и, невиданное дело, заочно, поскольку находился в Риме, улаживая при папском дворе дела Венеции.

Богатый, властный и честолюбивый, Фальер слыл «лучшим из венецианцев». Как дипломат, он не раз успешно разрешал споры с соседями Венеции. Как полководец, выиграл немало битв. При осаде города Зары разбил 80-тысячную армию венгерского короля, а команду флотом республики, победил в легендарном сражении под Капо-д'Истрия. К тому же он давно перешагнул 60 лет – почтенный возраст, с которого, как гласит закон, можно выбирать мудрого дожа. Теперь ему почти восемьдесят. Словом, Фальер был убежден, что его избрание дожем – наилучший выход. Только вот Судьба, возможно, думала иначе...

Прервав свою дипломатическую миссию, новоявленный дож поспешил на родину. У венецианского берега он пересел на величественную ладью дожа «Буцентавр». Но неожиданно на море опустился густой туман. Из-за него огромная ладья не смогла доставить нового правителя прямо ко Дворцу дождей, как полагалось при традиционном Первом Входе в город. Пришлось пересаживаться на маленькую юркую гондолу. Хорошо, хоть та, немного попетляв по каналу Сан-Марко, сумела причалить. Фальер перекрестился и ступил на мощенную камнем набережную. Но, едва разобрав в тумане очертания ближайших домов, ужаснулся. Гондольер высадил его не перед Дворцом дождей, а левее – на том самом Проклятом месте, где вот уже сотни лет устраивались казни преступников. «Не к добру это», – подумал дож, однако отступить уже было поздно.

Через несколько дней состоялся традиционный обряд «Обручения Венеции с морем». Сначала в залив вышла барка, задрапированная малиновым бархатом, в которой сидело высшее духовенство города. Святые отцы читали молитву, благословляя морские волны. За кораблем духовенства в благословенные воды в сопровождении лодок со знатными венецианцами устремился величественный «Буцентавр», над которым гордо развевался флаг республики. С берега процессию провожали звон колоколов и напутственные крики горожан. На палубе «Буцентавра» на алом троне гордо восседал Марино Фальер в горностаевой мантии. На голове его блистала корона дожа, украшенная 70 редчайшими алмазами, рубинами и изумрудами, не говоря уже об отборном жемчуге. Когда галера дожа вышла к острову Лидо, Фальер торжественно поднялся с трона и исполнил древний обряд – бросил от имени Венеции в морские волны золотой перстень.

Эжен Делакруа. Казнь дожа Марино Фальера. 1826

«Мы обручаемся с тобой в знак истинной и вечной власти!» – зычно выкрикнул он символические слова. А сам подумал: кто более него подошел бы для такого обряда, ведь именно его имя Марино означает «морской». И теперь, когда море приняло его перстень, он – истинный владыка моря и суши.

Во дворец Марино явился взволнованный и разгоряченный. Сунул руку в потайную складку своего парадного одеяния, надеясь найти там платок, чтобы вытереть пот со лба, но пальцы нащупали массивное кольцо. Покрывшись холодным потом, Фальер вынул его и ахнул – это был тот самый перстень дожа, который он бросил в волны Адриатики.

Как такое могло случиться?! Неужели море не приняло его дар и обручение не состоялось?! Значит, это еще одно предостережение Судьбы и плохой знак. Или это козни врагов и кто-то тайно подложил ему второй перстень – но зачем?!

Другое ужасное предзнаменование Марино получил прямо во Дворце дождей. Как новый правитель, он должен был узнать тайны главного дома Венеции. И вот из зала Совета десяти он с сопровождающим советником поднялся по секретной лестнице наверх. Там находились самые страшные камеры для узников – «Свинцовые кровли» или, проще, «Пьомбы» («Свинцы»). Войдя в одну из них, Фальер едва разглядел в тусклом свете решетки, стены, изъеденные дождями и сыростью, узкое каменное ложе. И вдруг... тяжелая дверь, угрожающе заскрипев, захлопнулась. Дож оказался в заточении. У провожающего его советника ключей не было, пришлось срочно бежать за тюремщиком. Когда дверь сумели наконец открыть, Фальер, едва живой, лежал на каменном ложе. В голове его крутилась одна мысль: что же означает и это предзнаменование?..

Однако, несмотря ни на что, дела у нового дожа поначалу складывались удачно. Венеция процветала, и ее благополучию не угрожали ни новые войны, ни эпидемии. Повезло Фальеру и в личной жизни. Он сумел жениться на молоденькой и весьма привлекательной дочери своего старинного приятеля. Может, раньше сей чванливый патриций и отказал бы ему в сватовстве, но теперь Марино – дож, а дожам не отказывают.

Вот только у прелестной Анджелины еще с девических времен оставалось множество пылких поклонников. Ну да это не беда, уговаривал себя старик муж. Пусть все видят, какую красавицу ему удалось заполучить, и завидуют! К тому же и сам он совсем не чувствует себя стариком. Мужская сила не покинула его, как не оставила и сила физическая. Он и теперь способен одним ударом перерубить железную цепь, как в молодости.

Стараясь угодить своей жене-догарессе, Марино часто организовывал великолепные

праздники, столь любимые венецианцами. Весной 1355 года он устроил в собственном палаццо блестящий маскарад, собрав сливки венецианской аристократии. Старику так хотелось погордиться прелестной молодой женой. И надо же было случиться, что на этот праздник пробрался ее прежний поклонник – юный красавчик Микеле Стено, который, не особенно церемонясь, у всех на глазах крепко поцеловал трепещущую деву в алом маскарадном костюме. Присутствующие ахнули. Все отлично знали: под маской Алой девы скрывается догаресса. Знал об этом и Фальер и потому недолго думая приказал слугам вытолкать безобразника вназад. Юноша оскорбился: поцелуи на маскараде были обычным делом того времени. За что же старик Фальер выгонял благородного юношу из богатой, уважаемой семьи? Да к тому же делал это прилюдно, сознательно унижая Стено в глазах всех венецианских патрициев, а главное – прелестной Анджолины!

Словом, оскорбленный юноша решил отомстить. Он пробрался во Дворец дожей и на спинке дубового кресла правителя в зале Совета десяти вырезал ножом оскорбительную надпись: «Фальер содержит красавицу жену, а пользуются ею другие». Надпись, конечно, прочли, автора сыскали и по требованию взбешенного дожа бросили в одну из камер «Пьомбо». Состоялся суд, но вердикт был странно легок: всего лишь год изгнания из Венеции. Впрочем, что тут странного? Венеция известна своими распущенными нравами. Станным стало другое: члены Совета десяти начали ухмыляться за спиной дожа: «А может, надпись не лжет? Не станет же юная красотка хранить верность мужу-старика?»

От таких насмешек у Фальера чуть рассудок не помутился. Что с того, что его жена любит повеселиться, все равно она – честная женщина. А вот члены Совета оказались презренными людьми и нанесли ему страшное оскорбление. Такого нельзя прощать! Как нельзя прощать разнузданные нравы, царящие в городе, между прочим, с попустительства властей. Да и вообще, разве это власти?! Вся сила их рассредоточена по разным советам. Это же куча бесполезного народа. Нет, Венеции нужен единоличный правитель! И им должен стать он сам – умный, храбрый и благородный Марино Фальер.

Дож решился на заговор. Привлек на свою сторону служителей Арсенала во главе со старым другом Бертуччио и личную охрану. Оказалось, даже среди самых знатных патрициев нашлась сотня недовольных нынешними порядками. Был разработан простой план. 15 апреля 1355 года, когда члены Совета десяти и Большого совета соберутся на общее заседание, звонарь колокольни Сан-Марко, тоже вовлеченный в заговор, ударит в колокол, а Бертуччио с охраной накрепко закроют непробиваемые двери дворца. И никто не сможет прийти на помощь представителям старой власти, когда их схватят и бросят в «Пьомбо». Ну а затем народу объявят о начале единоличного правления дожа Марино Фальера.

Однако заговор не удался. Бертуччио, не думая ни о чем плохом, предупредил своего приятеля, чтобы тот 15 апреля не приходил во Дворец дожей. Приятель заподозрил неладное и известил Совет десяти. Вот так и вышло, что в «Пьомбо» оказался сам Фальер и десять его самых активных сторонников. Интересно, вспоминал ли старый дож, как всего несколько месяцев назад случайно оказался заперт тяжелой свинцовой дверью тюрьмы?

17 апреля ему вынесли смертный приговор, а 18-го отрубили голову на том самом Проклятом месте, где по роковому стечению обстоятельств его высадила гондола при Первом Входе в город. Выходит, он так и не сумел прочесть тайные знаки, которые подавала ему судьба. Память о мятежном доже постарались стереть. Его патрицианский щит разбили в щепки, герб вычеркнули из Венецианского списка. Его имя, как и его изображение, должно было кануть в Лету.

Казнили и всех сторонников мятежника. А вот супруге дожа Анджолине удалось бежать из Венеции. Говорят, ей помогли родственники Микеле Стено. Может, юноша чувствовал свою вину? А вот и нет – Микеле любил прелестную Анджолину! И доказал это, впоследствии женившись на ней. Парадокс Судьбы – через несколько десятилетий Стено тоже стал дожем Венецианской республики. Тогда он и сделал невозможное – предоставил возлюбленной Анджолине стать догарессой второй раз. А почему бы нет? Любовь может все!..

Похороны Амура

Об этом живописце трудно писать. Но и не написать невозможно. Ибо тайна его странных, небольших по формату полотен, населенных еще более странными мифическими, мифологическими и даже историческими личностями, до сих пор не дает покоя ни искусствоведам, ни историкам. Его имя традиционно пишется как Антуан Карон, однако так ли это – достоверно неизвестно. Он жил в далеком XVI веке. Возможно, родился в 1521 году и умер в 1599-м, но, может быть, и нет. Историки традиционно определяют его как «французского живописца и декоратора, представителя школы Фонтенбло». Действительно, он работал при французском дворе – сначала при короле Генрихе II, потом там же, но уже при сыновьях Генриха. Впрочем, правильнее сказать, при дворе их матери королевы Екатерины Медичи, ибо именно она твердой рукой правила при всех своих сыновьях – Франциске II, Карле IX и Генрихе III. Вот только с королевой Антуан Карон не ужился... Впрочем, с ней мало кто мог ужиться, недаром же ее ненавидел весь двор, при виде ее люди тайно крестились, ибо были уверены, что Екатерина Медичи отравительница и душегубица. Ее даже звали Мадам Змея.

Антуан Карон родился в городе Бове и там же начал работу живописца, затем переехал в Париж. В 1540 году ему повезло – его привлекли к участию по оформлению Фонтенбло, любимого замка короля Франциска I, а затем и его сына Генриха II, который впоследствии перестраивал замок так, чтобы он понравился его фаворитке, легендарной красавице Диане де Пуатье. Карон расписывал фрески и исполнял другие заказы по оформлению Фонтенбло вплоть до 1550 года. Руководили работами лучшие живописцы и декораторы того времени – итальянцы, специально выписанные Франциском. С 1540-х годов работы возглавлял прославленный художник-маньерист из города Болоньи – Франческо Приматиччо (1504–1570). Так возникла живописная школа Фонтенбло, ориентированная на опыт итальянского Возрождения.

По образцам итальянских маньеристов Карон сначала создавал изящные композиции, наполненные фигурами с удлинёнными пропорциями, несколько жеманными жестами и танцующими позами, аллегорические картины – «Триумф лета», «Триумф зимы», «Апофеоз Семелы», но изображал и современные сюжеты и даже вполне научно-передовые, например «Астрономы, наблюдающие затмение солнца».

В 1561 году Карон стал придворным художником королевского дома Валуа. На этой должности ему пришлось много времени уделять именно оформлению празднеств, придворных церемоний – торжественного въезда Карла IX в Париж (1569), бракосочетания короля Наваррского (будущего короля Генриха IV) и Маргариты Валуа, той самой, которую в народе любя называли юной королевой Марго. Художник писал картоны для гобеленов, оформлял придворные спектакли. Так что можно предположить, что творческую манеру живописи Карону подсказало само занятие оформительским делом и театральными декорациями. Многие аллегорические картины Карона создавались под впечатлением костюмированных празднеств. Недаром часто его мифологические боги, богини и амурчики одеты по современной художнику парижской моде.

Некоторые произведения Карона содержат отголоски политических событий эпохи. Впечатления от религиозных войн отразила картина «Массовые избиения во времена Триумвирата» (два варианта: 1562, Дижон, Музей изящных искусств, и 1566, Париж, Лувр). Понятный современникам намек на публичное покаяние, принесенное Генрихом IV папе Григорию VII в Каноссе, содержит картина «Авраам и Мельхиседек» (ок. 1590, Париж, частное собрание). Картина же «Мученичество Томаса Мора» (ок. 1591, Блуа, Музей старинного искусства) отразила исторический факт. Работал Карон и над гравюрами на мифологические и исторические сюжеты – «История Артемисии» и «История французских королей».

Но до нас дошли и картины Карона, трудно поддающиеся прямому прочтению. В те времена художники изъяснялись в своих живописных работах на аллегорическом языке, который легко понимали их современники. Нам же трудно правильно интерпретировать, например, его знаменитую картину «Похороны Амура» (ок. 1566, Париж, Лувр), где голые малыши-амурчики в траурных капюшончиках шествуют вокруг гробика своего товарища – то ли в какую-то непонятную игру играют, то ли действительно хоронят маленького рыцаря Любви.

Что это за сюжет? Чья любовь умерла?

Можно вспомнить, что за события происходили при французском дворе в это время. Впрочем, ничего касательно Любви там не случилось. Да и не было уже никакой любви, ибо правящий в те годы Карл IX, жестокий, но слабовольный и изнеженный, во всем подчинялся матери Екатерине Медичи. Он умел только громко трубить в охотничий рог и убивать оленей, которых к нему гнали загонщики. Ему было всего 16 лет, и женат он, естественно, не был. Впрочем, и на девиц почти не глядел, все больше валялся на кровати, если не стрелял оленей в парке.

Однако далеко от французского двора, практически в изгнании именно в 1566 году (в апреле) скончалась легендарная возлюбленная Генриха II (отца Карла IX) – Диана де Пуатье. Именно она считалась во Франции той, кого французы называют Несравненной, Дамой Сердца, Великой Возлюбленной. Именно ей французская культура обязана тем взлетом, который именуется ныне французским Возрождением – эпохой Фонтенбло, ибо это Диана Пуатье покровительствовала искусству, заступалась за мастеров и поручала им исполнение тех или иных заказов. Но главное – она поощряла и вдохновляла живописцев и скульпторов, литераторов и композиторов, ювелиров и зодчих, являясь их признанной музой. Любовь ее и короля Генриха воспета в стихах, полотнах, скульптурах и даже архитектуре того времени.

Эта любовь была необычайной, ибо Диана оказалась почти на 20 лет старше короля. Но эта любовь осталась непреходящей, ибо Генрих любил красавицу с детства и до дня смерти. Он родился 31 марта 1519 года и умер от несчастного случая на рыцарском турнире 10 июля 1559 года. Впрочем, его любовь осталась с Дианой и после его смерти. Недаром Генрих написал ей когда-то символические строки:

Снова король, о моя Единственная Королева,
Признается в любви, которая постоянно
Будет охранять вас и от времени, и от смерти!

После трагической гибели Генриха II королева Екатерина Медичи удалила соперницу от двора. Диана перебралась в свой замок Анэ, который был построен для нее виднейшим архитектором французского Возрождения Филибером Делормом в 1540-х годах и ныне представляет жемчужину архитектуры. В Анэ Диана прожила еще семь лет. Умерла она 25 апреля 1566 года. В часовне церкви замка ей поставили памятник из белого мрамора, как истинной античной богине. Диане де Пуатье шел 67-й год, но современники подтверждают, что до последнего дня она выглядела молодо и свежо. Королеве Екатерине Медичи доложили о случившемся особой запиской, в конце которой с явной издевкой приписали: «Диана лежала в гробу молодая и прекрасная, будто заснула!»

Екатерина, страшненькая и в юности, а к 40 годам превратившаяся в старуху, сожгла записку и в гневе разбила зеркала своих личных покоев. Потом изрезала все портреты соперницы, не посмотрев, что той на небесах было уже все равно. Но уничтожить картины и фрески Фонтенбло, изображавшие и воспевавшие красавицу Диану Пуатье, королева не могла. Ибо, как и пообещал Генрих возлюбленной, любовь охранила ее и от самой смерти. Ведь что есть смерть? Забвение. Но о Диане Пуатье не забыли и спустя века. Надо сказать, что до сих пор в день ее упокоения к мраморному надгробию в замке Анэ ложатся две белые розы. Кто их приносит – не знает никто. Это тайна веков. Но все знают, что одна роза – от Генриха, другая от тех, кто до сих пор помнит прекрасную Диану.

Так что же: любовь не умирает?

Скорее всего, да. Если это, конечно, истинная Любовь.

Стоит вспомнить, что Антуан Карон, не любивший королеву Екатерину Медичи, в свое время стоял на стороне Дианы Пуатье. А вернее, на стороне Генриха и его возлюбленной. Потому что понимал, что их любовь истинна. Так не о ней ли плачут амурчики на его таинственной картине? Диана Пуатье, олицетворение Любви, умерла. По улице движется процессия в черном; между прочим, именно в этом цвете Диана проходила всю жизнь, после того как в молодости потеряла своего супруга, хотя красавица не любила, а только уважала мужа, великого сенешаля Франции, ведь он был старше ее чуть не на 60 лет. Единственной любовью Дианы впоследствии стал Генрих. Он и сам всю жизнь проходил в черных одеждах – цветах своей Дамы.

И вот – «Похороны Амура». Неужели похороны Любви?! Но почему тогда на картине Антуана Карона последний амурчик в похоронной процессии вдруг обернулся к зрителям и скорчил веселую гримаску? Может, они играют в похороны напоказ? Пусть, мол, интриганка Мадам Змея Медичи поверит в смерть любви. На самом деле озорные амурчики обманывают всех. Любовь жива! Недаром же к подножию беломраморного памятника Диане вот уже шестой век ложатся белые розы. Недаром когда-то она сочинила короткие стихотворные строки:

Две розы лягут к подножию мрамора.
Бабочки к ним подлетят беспечно.
Нам отчаиваться не рано ли?
Мы будем вечно.

Окна иного мира

Человечество всегда интересовалось иными, потусторонними мирами. Правда, что это за миры, никто не знает, никто ведь там не был. Но и представители иных миров интересовались человечеством. Разные окна и двери открывались, чтобы увидеть из одного мира другой. Результатом такого «общения» являлись весьма нестандартные ситуации – то барабашки в домах, то таинственные надписи на стенах. Особо активно и часто распахиваются эти двери и окна в искусстве. Часто поэты жалуются, что им приходится с чужого голоса записывать стихи, которые сами они не сочиняли. Иногда и художники рисуют одно, а оказывается – совсем другое. Будто кто-то «использует» картины то как дверь, чтобы выйти в наш мир, то как окно, чтобы оглядеться вокруг. Происходит это во все времена, и тому накопилось немало свидетельств.

В 1485 году флорентийцы удивленно взирали на странную фреску Доменико дель Гирландайо (1449–1494) в капелле Сассетти. Все в ней вроде было правильно – верная перспектива, достоверное изображение, радующий взгляд сюжет. Прекрасные дамы в модных нарядах разговаривали о чем-то своем. Розовощекие детишки резвились рядом. И по траве степенно расхаживала пара беленьких единорогов. Но не единороги удивили зрителей. Конечно, в нашем мире этих существ никто не встречал, но их обожали изображать художники и воспевать поэты. Ведь единороги служили символом верной и трепетной любви. Зрителей поразила трава. Она оказалась... оранжевой.

Гирландайо и сам был обескуражен, ведь он писал все как положено – зелень так зелень. Однако фреска – это не та техника, где можно что-то подправить. Пришлось смириться со странной травой. Но нашелся заказчик, попросивший повторить понравившийся сюжет в уменьшенном варианте. На этот раз Гирландайо нарисовал картину на дереве, скрупулезно выверяя палитру. Удивительно, но, когда краски высохли, оказалось, что и на картине единороги снова расхаживали по оранжевой траве.

И это не единственный случай странного поведения таинственных единорогов. В 1505

году молодой Рафаэль (1483–1520) решил изобразить обобщенную женскую верность и написал «Портрет женщины с единорогом». Так ему друзья-завистники хохоча принесли ведро зеленой краски. Еще бы! Ведь и пейзаж, и деревья позади дамы оказались... синими.

А может, художники не виноваты? Возможно, волшебные единороги не умели существовать в земном пейзаже? Или, может, они захотели показать зрителям и художникам свой мир – тот, в котором трава могла быть разной – синей, оранжевой, но только не зеленой?..

В 1850 году немецкий художник Адольф фон Менцель (1815–1905) решил написать цикл исторических полотен, воссоздающих повседневную жизнь прусского двора XVIII века. Менцель был рьяным поклонником короля Фридриха Великого (1712–1786), но не столь Фридриха-полководца, сколь Фридриха-музыканта. Ведь король с детских лет практически профессионально играл на флейте, сам писал замечательную музыку. Однако его отец, правящий монарх Фридрих-Вильгельм I, человек властный, жестокий, считающий «всякие искусства – разлагающими стойкость и мужество человека», запретил сыну заниматься и музыкой, и литературой. Да он даже книги читать запретил бы, если б по ним не нужно было учить грамоту. Впрочем, и грамоту монарх не уважал. Юному сыну Фридрих-Вильгельм запретил даже подходить к музыкальным инструментам. Он хотел воспитать в юноше лишь воина-аскета. Однако, едва получив корону в 1740 году, Фридрих, который продолжал жить в простоте и скромности, никогда не жалел средств на свое музыкальное образование, вечера, концерты и театральные выступления. Не прошли даром и уроки отца, мечтавшего видеть во Фридрихе великого воина. За выигранные сражения Фридриха действительно прозвали Великим. Но и в походах он не забывал о музыке. Любимую флейту всегда брал с собой, даже когда отправлялся в очередную военную кампанию. А в мирное время в королевском дворце Сан-Суси регулярно проводились концерты, на которых король выступал сам – и соло, и в ансамбле.

К тому времени, когда Менцель собрался изображать Сан-Суси, многое переменилось. Обстановку дворцовых покоев частично пришлось воссоздавать по старинным гравюрам, проштудировав массу исторических свидетельств ушедшей эпохи. В результате появились поразительные холсты Менцеля – «Круглый стол Фридриха II в Сан-Суси» и «Концерт Фридриха в Сан-Суси». Но еще поразительнее оказалась первая выставка полотен. Приглашенные повсюду обсуждали картины, когда один из приятелей спросил художника: «А их ты написал согласно мемуарам?»

Все повернулись к «Концерту». Там, на полотне, Фридрих стоял, солируя на флейте. Его слушали придворные, сидевшие вокруг. Но там, куда указал дотошный приятель, были изображены только своды дворца, уходящие в темноту, да тяжелые бархатные занавеси. А впрочем...

Менцель напряг зрение. В темноте сводов и занавесей он вдруг явственно различил лица, фигуры. Бородатый старец усмехался сквозь усы. Скрюченный гном в остроугольном колпаке шурился на свет. Толстяк в круглой славянской шапке выглядывал из темноты. Но там никого не должно было быть – ведь художник никого не рисовал!

А дотошный приятель уже совал Менцелю какую-то старинную книгу. «Вот! – радостно вопил он. – Тут написано, что на некоторых концертах в Сан-Суси слушателям становилось как-то не по себе. И Фридрих шутил, что это духи приходят послушать концерт – так хороша музыка».

Выходит, сам того не ведая, художник изобразил на картине не только реальных, но и тайных гостей дворца Сан-Суси – духов и привидения. И при этом Менцель не думал ни о чем подобном. Получается, что картина может распахнуть окно в иные миры, существующие где-то рядом, невидимые глазу, но инстинктивно улавливаемые оком истинного художника.

Цветы зла

Творчество непревзойденного кудесника кисти Джузеппе Арчимбольдо (1527–1593) –

одна из самых загадочных страниц в живописи. Его работы оценивались парадоксально по-разному: от активного восхищения до полного неприятия и возмущения. Так в чем же загадка такого отношения?

...Солнце едва встало. На тихой Златой улочке благословенной Праги защebetали ранние пташки. Торопливо перекусив, Джузеппе Арчимбольдо выскользнул на улицу – надо спешить на Староместский рынок, чтобы закупить побольше свежих цветов, овощей и фруктов. Они нужны не для приготовления пищи. Художник Арчимбольдо рисует их. И не просто рисует – он из них создает волшебные портреты. Выкладывает словно мозаику: из бело-розовых флоксов – атласную кожу лица, из алых роз – румянец щек, из ягод земляники – сочные губы. Бутон лилии прекрасно изображает нос, ромашки – кружево воротника. А из сочного кочана молодого салата выходит пышный рукав. Одно слово – метаморфозы. Но разве вся жизнь художника – не таинственная метаморфоза?

Джузеппе Арчимбольдо

Он родился в Милане и с семи лет помогал отцу – живописцу миланского собора Бьяджо Арчимбольдо, а с пятнадцати – трудился наравне со взрослыми. В двадцать лет Джузеппе создал картоны для витражей из жизни святой Екатерины, которыми восторгался весь Милан. Да только изготовить витражи по своим картонам ему не дали. Вот уж воистину – нет пророка в своем отечестве! Зато Фердинанд I, император Священной Римской империи, король чешский, венгерский и немецкий, увидев его картины, пригласил молодого художника к своему двору. Вот Арчимбольдо и перебрался в Прагу. Сначала был простым придворным портретистом у Фердинанда, потом главным художником и декоратором у его сына – Максимилиана II. Ну а уж сын Максимилиана – Рудольф II даровал художнику

дворянское звание с высшими привилегиями. Право, жизнь удалась!

И вот Джузеппе шел по тихим улочкам и думал: сколь прекрасна старая Прага! Весной благоухает розами, зимой – свежееиспеченными ватрушками, а поздним летом, как в этом, 1586 году, – спелыми яблоками и немножко корицей, которую добрые хозяйки добавляют в пироги и шарлотки. От избытка чувств Арчимбольдо даже затянул песенку, да осекся – Златая улочка еще спала. Ведь здесь жили «ночные люди»: алхимики и маги, астрологи и предсказатели. Недаром в народе это место прозвали кварталом колдунов. Со всего мира они тянулись в Прагу под крыло Рудольфа II, обожавшего все мистическое и таинственное, мечтающего о философском камне и трансмутации металлов в благородное золото. В любой другой столице всех этих колдунов сожгли бы на костре, но император Рудольф не только скрывал их от инквизиции, но и щедро оплачивал их опыты.

Подойдя к рынку, художник заторопился в цветочные ряды. Однако девчонки-цветочницы неожиданно кинулись врассыпную. И даже старая Ханна, у которой Джузеппе всегда брал по несколько букетов, перекрестившись, прикрыла свои горшки с цветами.

Удивленный художник повернул в овощные ряды. Но и торговцы овощами, едва завидев его, спешно принялись закрывать товар холстинами, боязливо крестясь. «Твои картины – порождение дьявола! – услышал Арчимбольдо свистящий шепот. – Розы на них становятся цветами ада, а овощи – сатанинскими символами. А люди, изображенные на твоих портретах, умирают!»

Джузеппе обернулся, пытаясь рассмотреть, кто это говорит. Но обвинитель уже растворился в рыночной толпе. А к художнику приблизилась старая Ханна и боязливо зашептала: «Уходите, мессир! Люди напуганы. Вчера утопилась Марушка, дочка старосты церкви Девы Марии Снежной. Люди судачат, это случилось потому, что вы написали ее портрет...» Арчимбольдо ахнул. Кошмар! Но при чем тут портрет?! Он и сам слышал, что Марушка не хочет замуж за того, кого выбрал ей отец. Вот бедная девушка и кинулась во Влтаву. Но как докажешь это людям, которые считают твои картины порождением дьявола?..

Все началось с того, что Фердинанд возжелал, чтобы его художник создал полотна, которые превзошли бы работы лучших мастеров Возрождения. Арчимбольдо ахнул: чем можно превзойти старых гениев? Уж точно не мастерством или техникой. Только какой-либо выдумкой... И тут художник вспомнил диковатые картины Босха, рисунки Леонардо да Винчи, наполненные то ужасными животными, то оживающими растениями. Метаморфозы – вот жанр еще неизведанный. Разве люди не похожи на различных животных и птиц? Разве не кажется: вот этот господин – вылитый осел, хорек или заяц? Впрочем, вряд ли наследнику трона понравится осел. Нет, нужно нечто изящное, тонкое, прелестное. А что, если нарисовать метаморфозный портрет, например, Весны, составленный из цветов?

Фердинанд от такой выдумки пришел в восторг. Поручил Арчимбольдо написать целую серию «Времена года». Художник быстро составил фигуры «Лето» и «Осень» из цветов и плодов своего времени. А вот «Зиму» изобразил как сухое корневище, напоминающее своими ветками и отростками человеческую голову. Ну а потом, уже для императора Максимилиана, Арчимбольдо нарисовал серию «Элементы природы». «Вода» представляла в виде фигуры, составленной из рыб, осьминогов, кораллов, жемчуга, «Воздух» – из стаи птиц, «Земля» – из различных животных. Но эффектней всего оказалась фигура рыцаря «Огня»: доспехи из пушек, лицо из воска запальных свечей, волосы из горящих факелов. Никто и никогда не рисовал ничего подобного!

Заказчики, особенно дамы, повалили толпой. Каждая видела себя то Флорой, то Венерой, то Дафной. Только успевай закупать цветы! И никто никогда не говорил чушь, подобную той, о которой судачат сегодня на рынке. Арчимбольдо вздохнул и пошел к выходу. Сегодня явно не его день! Но у ворот его перехватил молоденький паж в одежде императорских цветов: «Мессир Джузеппе, властитель Рудольф срочно просит вас прийти!» Арчимбольдо ринулся за мальчишкой. Нетерпеливый и нервный император Рудольф не любит ждать. Тем более что Арчимбольдо был для императора не только художником, но и наставником с юных лет, даже врачевателем – готовил ему отвары трав, помогающие от

уныния и апатии. С возрастом Рудольф впадал в черную меланхолию все чаще. Ведь он происходил из рода испанских Габсбургов, «славящихся» своими душевными расстройствами. Его родную прабабку даже прозвали Хуана Безумная.

«Сюда, мессир!» Паж распахнул в стене замка тяжелую, обитую медными полосками дверь. Арчимбольдо шагнул внутрь, но дверь вдруг зловеще заскрежетала и захлопнулась. Художника обступила тьма. Он что – пленник?! Арчимбольдо поднял руку: та уперлась в низкий каменный потолок, осклизлый от влаги и грязи. Видно, он в тайном подземелье королевского замка... Но кто посмел заточить в подземелье известнейшего художника Европы – Джузеппе Арчимбольдо, любимца всемогущего императора Рудольфа II?!

Глаза художника, привыкающие к темноте, различили вдали слабый свет. Осторожно ступая, Арчимбольдо побрел вперед. Коридор круто повернул, и ошарашенный узник увидел прикрученный к стене факел. За ним вдали – другой и третий. Факелы словно заманивали в глубь подземелья. Идти – не идти? Но не стоять же здесь, эдак и замерзнуть можно. Художник побрел вперед. Подземный ход сделал крутой поворот и вывел к каменной лестнице. Ступени уперлись в приоткрытую кованую дверь. Художник толкнул ее плечом и замер на пороге.

Перед ним был вовсе не мрачный каземат, а небольшая, но вполне светлая комнатка с оконцами поверху. В центре стояли стол, стул и... мольберт с натянутым холстом. Джузеппе кинулся к нему, как утопающий к спасительному кругу. На столе разложены кисти и краски. У стены на лавке в вазах цветы – те самые, что он рисует на своих картинах. Что за черт?! Выходит, кто-то похитил художника, чтобы заставить его рисовать? Арчимбольдо повернулся к мольберту. Как же он не заметил сразу? К холсту была приколоты записка: «Пока не напишешь прекрасную Йошку в виде нимфы, отсюда не выйдешь!»

Да кому понадобилось таким идиотским способом заказывать портрет дочки дворцового садовника?! Ведь если о похищении узнает Рудольф, любому, даже самому высокопоставленному поклоннику «прекрасной Йошки» несдобровать! Впрочем, любовь творит и не такие безумства. Уж он, Джузеппе, знает об этом не понаслышке – сам был влюблен по уши.

Это случилось 12 лет назад – в 1574 году. Джузеппе был тогда в расцвете сил и равнодушен к женскому полу. Юная Каролина, дочь мелкого судейского чиновника, вскружила ему голову. Девушка и впрямь была хороша: щеки – как розы, губы – алые гвоздики, глаза цвета васильков, а волосы – золотистые пряди льна. Хоть сейчас пиши портрет. Арчимбольдо и написал. Отец Каролины пришел в восторг – лучший императорский художник рисует его дочь. Девушка же от портрета как-то скисла: «Неужели у меня вместо волос – пакля, а вместо груди – два кочана красной капусты?»

Джузеппе тогда отшутился, заплатил судейскому папаше 200 флоринов отступного и взял Каролину в домоправительницы. Накупил платьев, чепцов, драгоценностей. А когда вечером вошел в ее спальню, грезя о жарких любовных ласках, случилось странное... Он дотронулся до теплой девичьей груди, а почувствовал упругую крепость кочана капусты, провел рукой по шелковистому податливому телу, а там – охапка цветов. Да и волосы Каролины действительно показались паклей на ощупь. У Джузеппе голова пошла кругом, к горлу подкатил ком тошноты. Жуть какая-то, мистика, колдовство! Неужто в погоне за метаморфозами он разложил бедную Каролину на цветочные составляющие?! Заменял живую девушку на поддельную растительность и теперь воспринимает как клумбу или огородную грядку? Неужто он разрушил единство человеческого Целого?..

В ту ночь Арчимбольдо так и не притронулся к Каролинке. Правда, потом дело поправилось. Но еще долго Джузеппе помнил дьявольское ощущение, кошмарную трансмутацию: живая девушка превращалась в бездушную охапку овощей и цветов...

Впрочем, сейчас об этом нечего вспоминать. Больше Каролина ему не позировала, зато родила прелестного сына Бенедетто. Арчимбольдо добился от императора разрешения признать ребенка. Рудольф, и сам умелец по женской части, только гоготнул и подписал бумагу. Еще бы не подписать – он тоже прижил шестерых незаконных детей. И с кем? С

дочкой аптекаря – Марией де ла Страда. Двор дивится: аптекарша и император?! Но Рудольф только захихикал: «Хочу – сплю с аптекаршей, хочу – с садовницей!»

Однако сейчас не до чужих проблем. Самому бы выйти живым из этого заточения! Художник начал торопливо смешивать краски. С портретом Йошки он управится быстро: розы – на щеки, сливы – на темные глаза, смородинка – на родинку у виска. Кисть привычно скользила по холсту, выписывая округлости лепестков. Арчимбольдо работал, не замечая времени. Опустился на стул и... заснул. Проснулся от какого-то скрипа. Оказалось, пока спал, принесли еду: хлеб и воду. Ну точно – узник!

Есть он не стал, а принялся заканчивать работу. Когда последним взмахом кисти проставил подпись, перед глазами уже все плыло. Выпил воды и провалился в темноту.

Очнулся от тряски. Его куда-то тащили. Хотел вырваться, но сил не хватило. Рядом кто-то захихикал – противненько, но знакомо. И Арчимбольдо вновь погрузился в темноту.

Очнулся он дома на Златой улице. Над ним со свечкой в руке (значит, уже ночь) склонилось испуганное лицо Каролины. «Почему ты так кричишь, Джузеппе? Ты проспал два дня. Тебя принесла стража, говорят, упал в обморок на рыночной площади». Джузеппе отвернулся к стене. Выходит, страшное подземелье ему просто приснилось. Да и портрет «нимфы Йошки» по чьему-то тайному приказу он тоже писал во сне. Но тут дверь распахнулась, и тоненький одиннадцатилетний Бенедетто бросился к отцу: «Где ты был два дня, папа?» Арчимбольдо обнял сына и перевел укоризненный взгляд на Каролину: «А ты говоришь, я два дня спал дома!» Каролина смутилась: «Так велели сказать стражники, что принесли тебя час назад. И ты тоже так считай. Это высочайшее повеление».

Художник откинулся на подушки. Высочайшее повеление... Какой же он осел! Сам ведь недавно видел, как император Рудольф выходил, отряхиваясь, из темной аллеи сада. А минут через пять оттуда выскочила розовощекая Йошка и дала стрекача. Только такой наивный дурень, как он, Джузеппе, мог не понять, что произошло в этой уединенной аллее! А хихиканье, которое он слышал, когда стража грузила его, обессиленного, на носилки, – разве оно не показалось знакомым Арчимбольдо? Конечно, это же был Рудольф!

Однако хороша шуточка – запихнуть его в злое подземелье, чтобы тайно получить портрет?! И почему тайно? Наверное, потому, что, если о новой любовнице проведают Мария де ла Страда, беды не миновать. Недаром придворные шепчутся, что Мария хоть и незаконная спутница императорской жизни, но поколачивает Рудольфа похлеще законной супруги. Да и сам Рудольф хорош – его шутки над придворными давно приобрели садистский характер. Правда, по отношению к Арчимбольдо император жестокостью никогда не отличался. Но все имеет свое начало... Вот и случилось подземелье. Только что будет в конце – настоящая тюрьма, пытки под веселое хихиканье? Предупреждал же императорский лекарь – наследственная душевная болезнь Рудольфа прогрессирует...

«Каролина, – тихо сказал художник, – завтра же начинай собираться. По семейным делам мне нужно съездить в родной Милан». – «Мы вернемся в Прагу?» – взволнованно спросила Каролина. «Всем говори: да. Но сама знай: нет. Никогда!»

Родной город встретил блудного художника неласково. Но неунывающий Арчимбольдо бодро взялся за кисть: как только миланцы увидят его необыкновенную живопись, от заказчиков отбоя не станет. Но вышло иначе. Уже через пару недель к художнику пожаловал местный аббат Игнаций Поцци. Он долго рассматривал начатые работы и наконец процедил: «Император может позволить себе свободомыслие, но мы нет. Вот это что?» Палец аббата уперся в почти законченный диптих «Адам» и «Ева».

«Это наши святые прародители! – объяснил Арчимбольдо. – Мы все вышли из них, поэтому я и нарисовал их тела, состоящие из множества еще не родившихся детей. Это философская аллегория!» Аббат скривился: «Это ересь! Коверканье человеческого обличья. А ведь оно дано нам по образу и подобию Божьему!»

«Все мы – творения Его! – выпалил Арчимбольдо. – Я хочу создать «метаморфозный» портрет Христа. Ведь если признать, что все сущее на земле – Его творение, значит, Он состоит из всего: из добрых и злых людей, красивцев и уродов, из цветов и фруктов, домов и

деревьев, солнца и луны, небес и бездны». И тогда аббат не сдержался. «Это кощунство! – завопил он. – Тебя отлучат от церкви и проклянут настоящие художники! Ты совершаешь преступление!»

После разговора с аббатом Арчимбольдо долго бродил по Милану. Какой недобрый и холодный город, не то что Злата Прага! Ночью у художника начался озноб, потом дикие боли. Врачи сказали: это камни в почках. Между приступами художник думал: раз не суждено написать Христа, может, написать портрет своей болезни? Камни в почках – какие они? Теперь он весь, кажется, состоит из этих камней...

Через месяц начался бред. В беспамятстве Джузеппе звал старых мастеров – Леонардо, Рафаэля и Боттичелли – и пытался оправдаться перед ними: «Я не хотел расчленять человека на составные части! Я только искал новые пути в живописи!»

11 июля 1593 года Джузеппе Арчимбольдо не стало. Ему было 66 лет. Сын художника попытался продать его оставшиеся картины, но выручил всего 11 флоринов. Зато через 300 лет XX век оценил работы Арчимбольдо миллионами долларов. А великий Сальвадор Дали назвал странного художника родоначальником нового течения в живописи – сюрреализма.

Роковой портрет Рокотова

Уже третий век портрет юной Александры Струйской, написанный Федором Степановичем Рокотовым (1735–1808), берedit души восхищенных зрителей. Невозможно забыть эту девушку, словно тающую в зеленоватой дымке: светлое платье, коса до пояса, глаза в пол-лица, смотрящие на зрителя, подошедшего к ее портрету, с изумлением и вопросом: отчего ожидаемая радость жизни все не приходит и придет ли вообще?

Обаяние портрета прошло сквозь века и в XX веке поразило поэта Н. Заболоцкого.

Ты помнишь, как из тьмы былого,
Едва закутана в атлас,
С портрета Рокотова снова
Смотрела Струйская на нас?

Ее глаза – как два тумана,
Полуулыбка, полуплач,
Ее глаза – как два обмана,
Покрытых мглою неудач...

Только вдумайтесь – девушка, которой уже века нет на свете, стала музой поэта. Это ли не лучшее доказательство того, что юная красавица до сих пор живет своеобразной жизнью в искусстве? Но что мы реально знаем о ней?..

Портрет – взмах кисти художника в ответ на взмах темных девичьих ресниц. Еще вчера Сашенька Струйская сидела в мастерской Рокотова, то улыбаясь, то недоуменно поднимая брови. Но завтра портрет уже нужно отдать. Это же заказ...

Художник вздохнул – такова его доля. Любопытно живописец – человек подневольный. Тем более он – Федор Степанович Рокотов. Он же хоть и пишет портреты светских красавиц и щеголей, блистающих при дворе императрицы Екатерины II, но сам-то живет на «незаконных основаниях».

Ведь хоть и рос он в барском доме князя П.И. Репнина, но рожден был от крепостной девушки. Князь сыном его признать так и не сумел, но помогал средствами и продвигал по жизни. Рокотов стал членом Академии художеств, прикупил в Москве собственный дом, был принят в домах знати. Вот и заказчик этого портрета, Николай Еремеевич Струйский, называет художника милейшим другом. К концу этого, 1772 года Рокотов написал два портрета – 24-летнего Струйского и его 18-летней супруги Александры.

Портрет А.П. Струйской. 1772

Чета Струйских приехала в Москву из села Рузаевка Пензенской губернии. Там у Николая Еремеевича богатейшие поместья и крепостных до тысячи душ. Можно жить вольготно, ни в чем себе не отказывая. Струйский так и живет – дает по Москве балы, скупает наряды и драгоценности для молодой жены. Отчего же тогда цепкий взгляд художника увидел в лице красавицы Сашеньки не просто грусть – неотвратимость беды?..

Юная Александра Петровна Озерова, дочь помещика той же Пензенской губернии, пошла замуж за Струйского по собственной воле, без нажима родителей. Впрочем, отчего ж не пойти? Николай Еремеевич хоть и молод еще, но уже успел лихо послужить в лейб-гвардии Преображенского полка, был замечен самой Екатериной II, которая считалась патронессой преображенцев. Выйдя в отставку и вернувшись в родовое имение, Струйский не потерял связей с императрицей. Теперь он пишет стихи, собирает их в книги, печатает в собственной типографии, которую завел в Рузаевке, и посылает с дарственной надписью в Петербург. Екатерина гордится таким стихотворцем-издателем, показывает его книги иностранным послам, приговаривая: «У нас и за тысячу верст от столицы процветают искусства и художества!»

Словом, Струйский обласкан не только богатейшим наследством, но и монаршим вниманием. В юную супругу влюблен – пушинки сдувает. До того ее бережет, что приказал Рокотову невероятное сделать. Дело в том, что Струйский уже был женат, да супруга его умерла четыре года назад. Остался от нее один лишь портрет. Так теперь, влюбившись в Сашеньку, Струйский велел на портрете бывшей жены написать мужскую одежду. Объяснил: не хочу тревожить Сашеньку, а молодой человек не будет вызывать ее ревности. И все равно – при эдакой-то любви! – глаза у Сашеньки полны грусти. Отчего это? Может, просто Рокотову хочется видеть эту тайную грусть? Может, права старая нянька художника,

вздыхающая жалостливо: «Уж не влюбился ли ты, голубчик Федя?»

Художник в сердцах отбросил кисть – этого не должно быть! Живописец не должен влюбляться в модели. Мало ли зрелых красавиц рисовал Рокотов, неужто именно полудевочка Сашенька Струйская тронула его душу?

Получив парные свадебные портреты, Сашенька взглянула на них удивленно. Странно – она старается всегда быть веселой, а на портрете грустна. А муж всегда выпячивает грудь, чтобы показать, какой он важный вельможа, а на портрете выглядит каким-то щупленьким и нервным. Неужто художник Рокотов оказался прав: и веселость – не в радость, и важность – напоказ?..

Муж вообще меняется на глазах. Пока ездили на медовый месяц в Москву, он был внимателен, обворожителен, одевался по моде. Ну а вернулись в Рузаевку, все пошло по-иному. Конечно, соседи говорят, что Николай Струйский – чудака и оригинал, но ведь всему же есть предел!

Одевается теперь Николай странно: носит с фракком парчовый камзол, подпоясывается розовым кушаком, на туфли прикрепляет бантики, а на голову повязывает накладную длинную прусскую косу. Вся страсть его ушла теперь в стихотворство. На самом верху барского дома он завел покои, названные «Парнасом», в святилище свое никого не впускает, даже пыль сметать не разрешает. Иногда по неделе не выходит к обеду, все пишет стихи. Написавши, мучает жену их чтением. А стихи-то длинные – часа по два читает. Поначалу Сашенька слушала с любопытством. Она и сама обожала поэзию, особенно любила стихи Сумарокова. Но куда Николаю до петербургского поэта! Даже провинциалы-соседи понимают, что бедняга Струйский просто графоман, который никак не может сладить со своей пагубной страстью к маранию бумаги. Но каково Сашеньке?! Стихи-то ведь большей частью ей посвящены. Муж величает ее Богинею, Сапфиною и изводит элегиями:

Достойна ты себя, Сапфира, и Небес!
Почтить твои красы, как смертный, я немею,
Теряюсь я в тебе, тобой я пламенею...

Из эдаких элегий Струйский составил целую толстенную книгу «Еротоиды. Анакреонтические оды». С ума сойти!

Иногда Александре действительно кажется, что муж сходит с ума. Особенно когда он возвращается после поездок по деревням. Тогда жене выходить из дому не разрешается, муж не хочет ее тревожить. Но Александра и так знает ужасное: муж привозит проштрафившихся (как ему кажется) крепостных и сажает их в специально оборудованную в сарае тюрьму. Ну а когда его стихотворная муза не является, идет в эту тюрьму и мучает людей. Причем средневековые пытки он изучил по историческим книгам и в точности воссоздал орудия «труда». Конечно, крепостные в России все равно что скот, но ведь и собаку бить жалко, а тут пытать ни в чем не повинных людей только для того, чтобы получить «виршевое вдохновение»!.. У Александры красные круги перед глазами разливаются, когда после эдаких вдохновений Николай читает:

Музы, вы мое богатство,
И спокойствие душевно,
И блаженство жизни краткой...

А однажды вышло и вовсе ужасное. Струйский, который все писал о своей Богине и Сапфире, проиграл ее в карты приятелю-помещику. Выходит, никакая Александра не «властительница поэтического сердца», а такая же вещь, как и крепостные Струйского. Хорошо, выигравший ее помещик, привезя чужую жену домой, опаматовался и отвез обратно. А если б выгнал в чисто поле? Сгинула бы там Сапфира...

И ведь все эти выкрутасы продолжались почти четверть века! За это время Александра

Петровна родила мужу 18 детей, из которых 10 умерли в младенчестве. Это сколько же мук и горя!.. Струйского не стало в 1796 году. И тоже – по престранному случаю. Его, всю жизнь боготворившего Екатерину II, хватил удар при известии о ее кончине.

После похорон Александра Петровна произвела в помещичьей жизни «реформы»: выпустила из жуткой тюрьмы крепостных – забитых, грязных и уже безумных. Правда, семи-восьмилетние девочки, которые работали в ткацкой мастерской, прикованные к станкам, там так и остались. Муж любил изделия, тканые по-особому, да и Александра их любит. К тому же мастерские приносят хороший доход. Ну а то, что девочки слепнут и умирают от пыли, так их по деревням много. Прелестная Сашенька давно забыла о романтических юношеских устремлениях. Не терять же комфорт и выгоду, распуская крепостных по домам?

Теперь она правила в своих вотчинах крепкой рукой. Приходила на порку «порушенных» девок, которые попадались в любовных шашнях. Надо же поддерживать моральные устои! Ну а то, что «рушили» крестьянских девок ее же собственные взрослеющие сыновья, Струйскую мало заботило. Да хоть в каждом дворе по незаконному внуку или внучке – все хозяйству только на пользу. Хотя беременных девок выдрать, конечно, нужно.

Может, жестокость покойного барина оказалась заразной для хозяйки Рузаевки? Большого шума наделал дикий случай. Пьяный сынок Александры надругался над малолетней девочкой-крепостной. Ее отец, озверев, отрубил топором хозяину-бандиту голову да и положил ее на крыльцо барского дома. В сердцах Александра Петровна приказала четыре дня не давать ни людям, ни животным еды и воды. А на пятый день состоялась жестокая экзекуция виновного. Случай этот даже попал в газеты, вот только, в чем состояло наказание, не сообщалось – о такой жестокости и написать было невозможно.

Наверное, все чаще поглядывая на романтически-милый портрет своей молодости, Струйская думала о том, что жизнь обещала ей радостный праздник, а дала жестокие помещичьи будни. Таинственный образ все дальше уходил из ее жизни, унося с собой и все несбывшиеся мечты. Прелестное видение в туманной дымке жило на холсте своей жизнью, а погрузневшая, во многом разочаровавшаяся женщина – своей. А может, портрет и был не романтическим, а роковым? Ведь все лучшее и прелестное ушло на полотно, оставив в реальной жизни одну тоску и ужас... Не потому ли Александра Петровна перевесила рокотовские портреты из гостиной подальше на галерею?

Ее не стало в 1840 году. Она прожила 86 лет. И что удивительно – ее имя обессмертил не муж, писавший в честь ее нескончаемые пламенные вирши, а художник, создавший портрет – единственный, но прекрасный. Так, может, все-таки Федор Рокотов любил свою Сашеньку сильнее? Он ведь так и не женился, даже чтобы продолжить свой род. Но вот бессмертие любимой девушке дать сумел...

Страсти по Репину

В истории русской живописи множество загадок и тайн. В самом деле, чем сильнее талант и гениальнее художник, тем больше легенд вокруг его творений. И пожалуй, более всего это относится к картинам Ильи Репина (1844–1930).

И. Е. Репин

Илья Ефимович Репин – фигура наизаметнейшая, наиярчайшая. Уже его выпускное полотно «Воскрешение дочери Иаира» вызвало в Петербургской Академии художеств, которую он заканчивал, яростные споры. Одни восхищались, другие страстно ниспровергали. Сюжет картины был взят из Библии. Иисус Христос, войдя в дом Иаира, наложением руки воскрешал его умершую дочь. Однако удивительно, что под пером Репина библейский сюжет приобрел совершенно мистическую окраску. Казалось, не одна только сила протянутой руки Иисуса поднимает с ложа выздоровевшую девушку, но и сила кисти самого живописца.

Репин быстро вошел в число ведущих живописцев России. Казалось, ему нет равных. Его великие полотна – «Не ждали», «Бурлаки на Волге», «Иван Грозный и сын его Иван» – сделали его славу недосыгаемой. Но вот натурщиков художник подбирал с огромным трудом.

Почему? Да потому, что быстро стало известно роковое обстоятельство: те, кого он рисует, долго не живут. Даже здоровенные бурлаки-профессионалы, с которых он делал наброски, скончались в одночасье. Молва ходила о том, что, едва Репин закончил портреты Мусоргского, Писемского, Пирогова, итальянского мастера сцены Мерси д'Аржанто, их вскоре не стало. Конечно, при этом как-то забывалось, что Мусоргский слыл запойным пьяницей, Пирогов давно болел, Аржанто был весьма невоздержан в удовольствиях жизни. Тяга к мистике и всяческим странным загадкам, сильная во все времена, и тут перевешивала.

Дошло до того, что известный собиратель живописи, создатель Третьяковской галереи Павел Михайлович Третьяков побоялся заказывать Репину портрет престарелого поэта Тютчева. Но все же не сдержался – заказал. И что бы вы думали? Едва художник взялся за кисть, поэт заболел и вскорости скончался. Недаром среди художников поползли странные и мистические догадки: мол, «Репин обладает необычайной способностью переплавлять в краски живую плоть и кровь человеческого тела».

Но воистину мистическим стало полотно «Иван Грозный и сын его Иван 16 ноября 1581 года». Репин выставил его на передвижной выставке 1885 года, и сразу вокруг него начался скандал. Общественность оказалась шокирована «такими страстями и количеством крови». Полотно вызвало гнев и у властей предрержащих: правительство обвинило Репина в

«клевете на царскую персону», а церковь – в том, что кистью художника водил сам дьявол. В конце концов Святейший синод запретил показ картины.

Выручил опять тот же Павел Третьяков – приобрел холст. Однако выставить его не рискнул. Поместил в особую комнату и показывал только избранным. Племянница Третьякова вспоминала:

«Павел Михайлович позвал нас как-то. Мы вошли гуськом в открытую им небольшую комнатку, оглядываясь на картину Репина, закрытую огромной белой простыней. Тут дяденька и откинул простынь. Мы онемели от ужаса... Изображенное было ужасно. Но еще ужаснее оказался эффект воздействия картины на зрителей. Красный персидский ковер, лежавший на полу комнатки, казался продолжением ковра, изображенного на картине. Чудилось, что убитый сын Грозного лежал прямо на полу этой комнаты. И мы с ужасом стремглав кинулись прочь, стараясь не смотреть на картину».

Воскрешение дочери Иаира. 1871

Видя трепет домашних, Третьяков начал запира́ть комнату на ключ. Но и мимо закрытой двери дети и слуги старались, крестясь, пробежать побыстрее. А спустя несколько лет, когда картину уже разрешено было показывать, в репинском зале галереи стало твориться нечто странное. Зрители то рыдали перед полотном, то впадали в ступор от ужаса. Случались и истерические припадки. А однажды молодой художник-иконописец Абрам Балашов кинулся на картину с ножом, крича: «Довольно крови!»

Случилось это 16 января 1913 года. Располосованные головы Грозного и его сына удалось отреставрировать. А вот Балашов сошел с ума и умер в лечебнице для душевнобольных. Ох, недаром Репин, еще только задумав свое полотно, боялся браться за работу:

«Страшно было подходить – понималось, что несдобровать... И нет возможности удержаться... Да и показывать этого ужаса никому не хотелось...»

И все-таки художник не выдержал – перенес страсти на холст. А как иначе, если, как говаривал Третьяков, «душа на холст вылетает»?..

Однако даже наброски портретов, которые Репин сделал для картины, оказались роковыми. Художник Мясоедов, с которого Илья Ефимович написал царя-убийцу, и сам в гневе чуть не убил своего малолетнего сына, которого, между прочим, звали так же, как и убитого царевича, – Иваном. Пришлось приятелю Мясоедова, пейзажисту Киселеву, забрать мальчишку от греха подальше и воспитать в своей семье. Еще ужаснее оказалась судьба писателя В.М. Гаршина, которого Репин уговорил позировать для образа «убиенного царевича». Бедняга Гаршин вообще сошел с ума и покончил с собой, бросившись в пролет

лестницы.

Зная о подобных «страстях» вокруг репинских полотен, посетители выставок даже делали «заказы» художнику. Так, на одной выставке Репин услышал: «Что же вы, господин художник, гениев нашей культуры рисуете? Раз у вас кисть черная, написали бы лучше членов Государственного совета!» Окружающие дружно поддержали «заказ» – госсоветчиков ненавидели все.

Вскоре Репину действительно поручили написать огромное монументальное полотно «Торжественное заседание Государственного совета». Работа оказалась выматывающей. Хотя живописцу и помогали художники Б. Кустодиев и И. Куликов, Репин заболел в процессе создания столь масштабного полотна. Картина оказалась законченной только к концу 1903 года. Вскоре начались всяческие волнения, а в 1905 году грянула первая русская революция.

И что бы вы думали? Изображенные на картине пали ее жертвами: кто поплатился постами и званиями, а кто-то и жизнью, как великий князь Сергей Александрович, граф А. Игнатъев, министр В. Плеве.

Похожий случай повторился и в 1909 году. На одном из художественных вечеров известный шутник, тогда еще молодой писатель, Корней Чуковский в шутку попенял Репину: «Что за зловещая сила в ваших портретах?! Кого ни изобразите, всяк тотчас и помрет!» Все заулыбались – в начале XX века модно было декадентство с его культом мистики. Но присутствующий писатель О.П. д'Ор вдруг проговорил умоляюще-карикатурным голоском: «В таком случае, Илья Ефимович, сделайте милость, изобразите, пожалуйста, Столыпина!» Все засмеялись. Над премьер-министром Столыпиным среди интеллигенции было модно подтрунивать, и весьма зло.

Но какова же была оторопь той же интеллигенции, когда через некоторое время Саратовская дума и вправду заказала Репину портрет Столыпина. Художник начал работу, но, едва успев закончить, узнал, что Столыпин отправился в Киев, где его и застрелили.

Так в чем же тут дело? Сей вопрос уже не к художникам и ценителям, а к историкам мистики. Еще в трактате известнейшего ученого-алхимика, философа-чернокнижника Корнелия Агриппы Неттесхеймского, жившего в XV веке, сказано, что «вся Вселенная проникнута соответствиями и двойниками. Но часто двойники эти начинают войну. И тогда выживает тот, кто сильнее». Далее же Агриппа говорит: «Бойтесь кисти живописца – его портрет может оказаться более живым, чем оригинал».

Отсюда напрашивается мистически-парадоксальный вывод: если портрет удастся, выглядит как живой, и живописная «копия» ничуть не уступает оригиналу из плоти и крови, а порой и превосходит его, портрету и портретируемому становится тесно вдвоем на одном свете. Вот и приходится тому, кто слабее, уходить на тот...

Выходит, чем гениальнее живописец, тем осторожней следует быть портретируемому. Говорили же Павлу Третьякову старые собиратели картин, когда он только начал создавать свою коллекцию: «Картина – весьма мистический образ. Иная сама тебе силы даст, а другая и все твои из тебя вынет».

Вот такие страсти по живописи...

Василий Суриков: «Что-то страшное стало со мной твориться...»

Масштабные исторические полотна Василия Ивановича Сурикова (1848–1916) производят на зрителей неизгладимое впечатление. Любой понимает, насколько это мощная, страстная, трагическая живопись. Но мало кто знает, что замысел этих истовых полотен явился художнику в абсолютно таинственной и мистической форме.

В.И. Суриков

Конечно, историей этот выходец из старинного сибирского города Красноярска, потомок свободолюбивых казаков, заинтересовался еще в детстве. Недаром потом он скажет: «Ничего нет интереснее истории. Только читая про время историческое, понимаешь настоящее». И еще: «В Сибири, скажу я вам, народ другой, чем в России: вольный, смелый. Про нас говорят: красноярцы – сердцем яры». Не это ли «ярое сердце», то есть сердце бога Ярилы – солнечное сердце, помогло художнику воспринимать чужую давнюю, историческую боль как свою – сегодняшнюю?

Переезд в Москву сыграл в творчестве Сурикова решающую роль. Он и раньше бывал в Первопрестольной и, видя старинные улицы, думал о том, что вполне сможет изобразить старинную жизнь как современно-живую, динамичную и даже трагическую. Вспоминались рассказы о том, что в числе его предков имелись и стрельцы петровской поры. «Вот стрелец с черной бородой, – вспомнит он, – Степан Федорович Торгошин, брат моей матери. А бабы – это, знаете ли, и у меня в родне такие старушки были, сарафанницы, хоть и казачки. А старик – это ссыльный один лет семидесяти...» Словом, Суриков уже с самого начала своей творческой деятельности грезил об образах старины. Только для него эта старина была живой.

И вот Академия художеств, находящаяся в Петербурге, направляет своего выпускника почему-то не в заграничное турне, как обычно, а посылает в Москву для росписи в строящемся храме Христа Спасителя. Ну не рука ли это судьбы? Неизвестно, чем увлекся бы Суриков в Италии или Германии, но в Москве случилось иное – почти нереальное...

По вечерам, после работы в храме, художника так и тянуло на старинные улицы Первопрестольной, на Красную площадь – к кремлевским стенам. Вот как описал все это сам живописец:

«Начало здесь, в Москве, со мною что-то страшное твориться. Куда ни пойду, а все к кремлевским стенам выйду. Эти стены сделались любимым местом моих прогулок именно в сумерки. Темнота начинала скрадывать все очертания, все принимало какой-то незнакомый вид, и со мною стали твориться странные вещи. То вдруг покажется, что это не кусты растут у стены, а стоят какие-то люди в старинном русском одеянии, или почудится, что вот-вот из-за башни выйдут женщины в парчовых душегрейках и с киками на головах. Да так ясно все, что даже остановишься и ждешь: а вдруг и в самом деле выйдут?»

И вот однажды иду я по Красной площади, кругом ни души. Остановился недалеко от Лобного места, засмотрелся на очертания Василия Блаженного, и вдруг в воображении вспыхнула сцена стрелецкой казни, да так ясно, что сердце забилось. Почувствовал, что если напишу то, что мне представилось, то выйдет потрясающая картина...»

Вот так высшие силы показали художнику явственную картину, названную потом «Утро стрелецкой казни». Видно, ее написание было предопределено Судьбой. Но работа оказалась почти такой же жуткой, как и само событие. Суриков жаловался друзьям: «Как только начал писать стрельцов – ужаснейшие сны видел. Каждую ночь во сне казнь. Кругом – кровь и кровью пахнет. Боялся я ночей...»

Картина произвела на современников сильнейшее впечатление. Художник Бенуа вспоминал, что к нему после просмотра трагического полотна стал являться ночами «бесовский стрелец» со свечой, от чего даже самым невероятным способом чуть не случился пожар в его реальной квартире. Виктор Васнецов жаловался, что слышит, как воют бабы в голос, прощаясь с отцами и мужьями, уходящими на Лобное место. Конечно, художники – народ, верящий в разную мистику, но есть свидетельство великого князя Сергея Александровича о том, как он, посетив Третьяковку, услышал то ли крики, то ли стоны, исходящие от суриковских картин.

Собиратель русской живописи Павел Михайлович Третьяков увидел огромный трагический холст еще в 1881 году в мастерской молодого Сурикова, «красноярца» или «сибирского медведя», как его величали. Про этого невысокого, плотного, действительно походящего на неуклюжего молодого медведя художника, работавшего по 20 часов в сутки, по Москве ходили легенды. Говорили, что он ничего не боится, потому что у себя в Красноярске водил дружбу с местным палачом. А ведь всем известно, что палачи – сильнейшие колдуны. На самом деле Суриков, конечно, не дружил, а просто видел палача однажды в детстве. Тот расхаживал по помосту в красной кумачовой рубахе, засучив рукава, и отпускал зловещие шутки толпе, окружавшей лобное место. Конечно, самой казни мальчишка Суриков не видел, родные увели. Но ощущение ужасного человека, от которого дух захватывает, осталось.

Еще по Москве рассказывали о том, сколь придирчиво относился молодой художник к работе. Говорили, что однажды он продал купцам две работы за огромную цену, а на другой день рванулся вдогонку за покупателями. Бросил им деньги, выхватил картины да и уничтожил. Не правдивы, вишь ты, вышли холсты! Купцы только ахали: хорошо, картины ножом вспорол, а не нас самих!

Третьяков сразу же почувствовал великий талант молодого живописца. Он начал приглашать «сибирского нелюдима» к себе домой. И в домашней обстановке сразу стало ясно, что сибиряк хоть и мог быть пугающе страшным с чужими, но со своими оказался невероятно нежен и доверчив.

Увидев трагическое изображение стрелецкой казни, Третьяков тут же купил его за громадную сумму – 8 тысяч серебром. Тогда же от художника услышал и совершенно мистическую историю создания картины. Когда же полотно повесили на стене Третьяковской галереи, оно с первых же мгновений обросло таинственными историями. Не мудрено, что старшая дочь Третьякова, Верочка, до того напугалась, взглянув на жестокий лик молодого царя Петра, лично руководившего стрелецкой казнью, что даже заболела нервной горячкой. И в лихорадке ей мерещился грозный царь.

Но самое символичное, что трагическое «Утро стрелецкой казни» появилось на

передвижной выставке в один из самых кровавых дней российской истории: 1 марта 1881 года в Санкт-Петербурге был убит террористами император Александр II. Зрители шептались меж собой: неужто пришло время расплаты за кровавые убийства прошлого? Мистика, верно?.. Или нет? Может, прав был Павел Третьяков, считавший, что Суриков нашел «тропу между нынешним днем и трагически-великим прошлым»? А Александр Бенуа, художник и историк живописи, отметил, что Суриков – «русский чародей», «гениальный ясновидец, обладающий даром исторического прозрения».

Тайная жизнь картин

Сегодня модно развешивать по стенам картины на старинный манер – особенно собственные портреты. Конечно, гонорар художника весьма облегчит ваш кошелек, но как приятно показать полотно пришедшим гостям. И мало кто подозревает, что каждая ваша картина пожелает жить собственной жизнью. И кто знает, сможете ли вы ужиться друг с другом?

Старые коллекционеры честно предупреждают начинающих: «Собирание картин – дело сумеречное. Разные художники разное изображают: любовь, страх, ненависть. А вы, господа купившие, все это в свой дом понесете – станете чужие чувства переживать, чужими страхами маяться. А еще попадаются картины мистические. Особливо портреты почивших красавиц. Заглядишься на такую, а она из тебя жизнь-то и высосет...»

Выходит, нелегка жизнь посреди полотен-то. И ведь не каждый из нас может построить собственную галерею по примеру купца Третьякова. Так что, покупая картины и развешивая их по стенам собственного дома, присмотритесь повнимательнее: как они себя станут вести. Ну а уж если вдруг кому-то из ваших домашних станет некомфортно в присутствии новоприобретенных картин, не мешкайте – продайте или подарите. Особенно если вам становится плохо в присутствии портретов.

У портретов, как и у живых людей, имеются собственные характеры. Они и друг к другу относятся по-разному. Иные картины, как и сами художники в жизни, не уживаются вместе. Требуют, чтобы их разместили подальше друг от друга. В крайних случаях даже начинают враждовать. Однажды великий собиратель картин Павел Третьяков повесил в своей галерее рядом два блестящих портрета художника Владимира Лукича Боровиковского (1757–1826): красавицы Лопухиной и князя Куракина. Почему бы им вместе не повисеть, ведь одного художника создания?

Но наутро бедного князя Куракина нашли на полу с разломанной рамой – капризная красавица выжила его со стены. Пришлось Третьякову, чтобы понять нравы своих «подопечных», заняться изучением истории. И что он выяснил? Оказывается, юная Лопухина и при жизни терпеть не могла старого волокиту-князя.

У красавицы Лопухиной вообще была таинственная история с портретом Боровиковского. Она очень хотела, чтоб ее изобразил не кто-нибудь, а именно этот художник. Но родители противились: в их представлении Боровиковский живописцем не был, его ведь не приняли в Академию художеств. Однако капризная девушка настояла на своем. И вот страшный результат: через три года после написания портрета она умерла.

К.П. Брюллов. Всадница. 1832

И между прочим, подобная «портретная болезнь» вообще не редкость. Через три года после написания портрета умер, например, мальчик Вася, которого художник Василий Григорьевич Перов (1833/1834–1882) поместил в центре своей изумительной жанровой сцены «Тройка». Говорят, мать Васи не хотела, чтобы ее сын позировал художнику. Но Вася убежал к Перову тайком.

Или вспомним знаменитую картину Карла Павловича Брюллова (1799–1852) «Всадница». Ее «великий Карл» создал в Италии в 1832 году. На прекрасном стройном коне гарцует юная Джованнина Паччини, племянница итальянского композитора Н. Паччини. Весь Рим тогда знал, что Джованнине необыкновенно повезло – после смерти дяди ее взяла в воспитанницы русская богачка-красавица графиня Юлия Самойлова. Все думали, что девушку ждет радужная жизнь. И что?! Говорят, ее затоптал конь. Может, и не тот, что на блестящем портрете, но от этого не легче...

Неспроста, видно, старые коллекционеры говорили, что картина из реальности переводит жизнь в некое виртуальное пространство полотна. Может, и так. Не зря же, глядя на «Тройку» Перова, зрители отчетливо видели, что мальчик в центре явно болен, измотан до предела. Ну а смотря на гарцующую всадницу Брюллова, невольно думалось, что у коня слишком тонкие ноги и он может не удержать девушку. К тому же у черного скакуна так грозно и яростно раздуваются ноздри – опять же не к добру!..

Вот и не верь после этого в то, что на полотне картины начинается новая жизнь – пусть пока и виртуальная, но ведь между ней и реальностью такая тонкая грань. Миг – и переход станет возможен...

Талисманы для влюбленных, иногородних и любителей спиртного

В каждом произведении искусства заключена собственная тайна, своя энергетика и поэтому личное влияние на зрителей. Иногда перед прелестной картиной побудешь, а станешь как выжатый лимон. А иногда и трагическое полотно созерцаешь, а будто сил наберешься. Знатоки утверждают, что таков, например, «Девятый вал» Ивана Константиновича Айвазовского (1817–1900). Огромное полотно трагического наполнения, кажется, волны из рамы чуть не на зрителей переливаются, а посидишь в Русском музее напротив картины, и все печали словно смываются. Недаром в музее прямо напротив картины лавочки выставлены – садитесь оздоравливайтесь!

Действительно, не было бы положительного энергетического воздействия – не бродили толпы зрителей по галереям и музеям. Каждая великая (да и не очень) картина – своеобразный талисман. Вот, например, что рассказывали старые москвичи о полотнах пейзажиста Исаака Ильича Левитана (1860–1900). На его «Золотой осени» в Третьяковской галерее – все оттенки золотого, и потому московские купцы верили: если сумеешь отличить полдюжины оттенков, приманишь богатство. А гимназистки с курсистками простаивали перед другой картиной этого же художника – «Осенний день. Сокольники». Барышни шептались, что этот пейзаж Левитан написал еще восемнадцатилетним влюбленным юношей. И потому среди барышень ходило поверье: если посмотришь на картину достаточно долго, увидишь тень молодого человека, к которому спешит девушка на картине. Ну а если ухажер появится на холсте, жди его и в своей жизни.

Но особым вниманием у москвичек пользовалась знаменитая «Аленушка» Виктора Михайловича Васнецова (1848–1926), висевшая там же, в Третьяковке. Эта картина оказалась талисманом для... иногородних. По легенде, художник нарисовал свою героиню с одной рыжей девчонки, которую встретил, когда гостил в подмосковной усадьбе Мамонтовых – Абрамцеве. Впоследствии та юная крестьянка весьма удачно вышла замуж за москвича. Так что все деревенские девчонки, перебравшиеся на заработки в Москву, верили, что «Аленушка» принесет удачу и им.

Недаром же за «сироткой на камушке» Васнецов, большой знаток русского фольклора, изобразил небольшую березку со щебечущими ласточками на ее ветвях. А уж любая девчонка в деревне знает, что молодая березка утешает в несчастье, а ласточка приносит добрые вести. Да и сама сказка про Аленушку заканчивается волшебной свадьбой.

Леонардо. Аполлон Бельведерский. Около 340 г. до н. э.

Множество поверий существует и о скульптурах. Говорят, что, когда у «Ивана Грозного», созданного скульптором Марком Матвеевичем Антокольским (1843–1902), начинает сползать с колен книга, которую он читает, жди перемен. Ну а для русского человека перемены, ясное дело, ничего хорошего не несут. Как-то не случаются у нас перемены к лучшему-то...

А вот в Лувре имеются свои рассказы о поведении и характере подопечных скульптур. Оказывается, после захода солнца не следует глядеть на мраморную «Горгону Медузу», а то голова заболит. А к «Вакху» нельзя подходить на нетрезвую голову: он враз унюхает и обидится, что ему не поднесли, – замучает вас ночными кошмарами. Зато «Аполлон Бельведерский» может исполнять желания. Только просить его надо на восходе солнца. Одно плохо – музей в это время закрыт. Получается, что магией Аполлона могут пользоваться только сами сотрудники Лувра. Правда, посетители, зная об исполнении желаний, иногда прячутся в залах. Поэтому те, что прилегают к «Бельведерскому», проверяются особо тщательно. Но был все же случай, когда некий юноша сумел спрятаться в старинном саркофаге, да, видно, не рассчитал свои силы и к утру... сошел с ума. Саркофаг ведь – старинный гроб. Жутко проснуться в гробу-то!

Особо внимательно смотрители наблюдают за Венерой Милосской. Говорят, она может исчезать. «Зачем?!» – спросите вы. «Руки свои ищет!» – отвечают смотрители.

Конечно, все эти картины и скульптуры – национальное достояние. Но ведь и обычные жилища ныне принято с особым усердием обвешивать полотнами и обставлять скульптурами. При этом никто не думает, какую энергетику этот антиквариат несет в себе. Так что, даже водружая на стенку своей квартиры скромную акварель, взгляните в нее повнимательнее – что она может принести в вашу жизнь?..

Загадки «Неравного брака»

Возле этой картины живописца Василия Владимировича Пукирева (1832–1890) всегда толпы зрителей. Ее рассматривают с любопытством и напряжением, как телевизионный сериал, гадая, что будет дальше. На большом холсте несколько фигур в реальный человеческий рост (что уже само по себе необычно): в полутемной церкви старенький священник надевает обручальное кольцо на дрожащий пальчик совсем юной невесты – напуганной, покорно опустившей заплаканные глаза. Рядом с юной красавицей стоит жених – старый, как дряхлая жаба, но прямой, как осиновый кол. На груди – ордена, глаза скошены вниз презрительным и собственническим взглядом. Просто показательный неравный брак: сластолюбивый, уродливый, богатый старик берет в жены беспомощную красавицу бесприданницу.

Пукирев написал это полотно в 1862 году, когда ему исполнилось ровно 30 лет. Картину молодого преподавателя знаменитого Училища живописи, ваяния и зодчества приняли по-разному. Одни говорили, что «очень хороша рама, таких ни у кого нет». Другие, среди которых был известный критик Стасов, называли ее «трагической картиной русской школы». Однако ни одна галерея не пожелала заполучить эту работу, так что Пукирев был рад и тому, что полотно по-дружески приобрел художник А. Борисовский. И только почти через 10 лет, в 1871 году, «Неравный брак» купил Павел Михайлович Третьяков. Заплатил 1500 рублей серебром, повесил на всеобщее обозрение, и стало происходить странное.

В.В. Пукирев

Жалостливо глядя на полотно, москвичи рассказывали друг другу, что автор изобразил на картине собственное горе: его любимую девушку насильно выдали замуж за богатого сановника. А что мог поделать бедный художник?! Только изобразить самого себя рядом с любимой. Видите молодого чернобородого человека с горящим взглядом, что стоит, скрестив руки, в правом углу картины? Это он, Василий Пукирев.

Потому так и пронзительна, страстна вся картина. Видно, работая над ней, художник хотел перенести на холст случившееся несчастье, облегчить свое горе. Как мог, отомстил проклятому богачу – состарил его до невозможности. И что поразительно – тот вскорости и умер. Но и это не помогло: любимая Пукирева не вернулась к живописцу, а ушла в монастырь.

На самом-то деле история была несколько иной. Нет, несчастная любовь у художника Пукирева действительно имела место. Василий был влюблен в родственницу своего приятеля, художника Сергея Варенцова – Прасковью Варенцову, но Пукирев был беден, никому не известен, и родители насильно выдали девушку замуж за богача. Но на эту историю наложилась и другая: сам Сергей Варенцов влюбился в дочку богородского купца Софью Рыбникову, но ее родители тоже выдали дочь замуж за нелюбимого, зато крайне богатого купца первой гильдии Андрея Корзинкина.

Существовала даже легенда: сначала Пукирев изобразил на картине справа своего друга Варенцова. Но тот оказался недоволен таким «компроматом». И тогда, чтобы никто не признал Варенцова на картине, Пукирев пририсовал ему усы и бороду. На самом деле ничего художник не пририсовывал – это сам он, Василий Пукирев, носил бороду с усами. Это себя он изобразил, памятуя о собственной любовной драме. За доказательством ходить не надо: достаточно взглянуть на автопортрет тех же лет, чтобы понять – на картине в качестве шафера изображен лично Пукирев.

Между прочим, семейная жизнь Сони Рыбниковой и миллионщика Корзинкина сложилась неплохо. Купец вскоре умер, оставив жене огромное состояние. А вот жизнь Прасковьи Варенцовой, любимой девушки Пукирева, с нелюбимым мужем не задалась. Говорили, что муж ее хоть и не был ни стар, ни дурен собой, но жену юную тиранил почем зря. Уж такой злой у него был характер. И Пукирев знал об этом. Но что он мог сделать? Только написать картину, где и выплеснулось на холст все его горе.

Неравный брак. 1862

Но картина не просто изображение жизни, но и художественный образ. На ней не нарисуешь красавицу невесту рядом с молодым женихом – этак ведь никакой драматической коллизии не передашь. Вот и Пукирев решил, что на холсте рядом с юной беззащитной девушкой предстанет эдакий Кошей Бессмертный ужасающего вида.

Но чтобы изобразить такового, требуется натура. Художник быстро нашел своего «жуткого старикашку». Им оказался князь Павел Цицианов – высохший и истлевший от времени на вид, но на самом-то деле – милейший человек, меценат, помогающий начинающим художникам. Вот и для «Неравного брака» Цицианов позировал бесплатно, зато в собственных орденах.

Надо сказать, что в то время тема неравного брака являлась весьма актуальной для российского общества. Родители сплошь и рядом безжалостно выдавали дочерей без их согласия за богатых стариков, пытаясь поправить свое материальное положение. Дошло до того, что девицы, попадающие в такую жуткую ситуацию и не имеющие возможности ни к какому сопротивлению, ибо по закону они находились в полной зависимости от родительской или опекунской воли, начали травиться и резать себе вены. Газеты постоянно печатали материалы о том или ином самоубийстве очередной бедной девушки.

Трагическая и впечатляющая картина Пукирева оказалась на волне общественной жизни. Стоит только вспомнить, что, когда отчеты о «неравных браках» в Российской империи легли на стол государя императора, их предваряла небольшая копия полотна Пукирева. Ну а когда вышел закон Священного синода, по которому запрещался брак, если жених был на 20 лет и более старше невесты, Пукирев почувствовал себя причастным к этому общественному событию. Получается, что именно его картина помогла многим бедным девушкам избежать печальной участи.

Однако себе он помочь уже не смог. Более того, его больной мозг уже полностью уверился, что возлюбленная была отдана на поругание старику-упырю. Потом его

распаленному уму стало казаться, что его преследует собственная картина. Он начал писать ее уменьшенные копии, на одной из которых расписался черной траурной краской прямо на своем изображении. Постепенно Пукирев спился, начал скитаться по чужим домам, жил на подачки друзей и умер в бедности и безвестности 1 июня 1890 года. Словом, хоть он и рисовал другие полотна, был академиком живописи, но в народной памяти остался только как художник одной картины. Зато какой!

Его картина уже давно жила собственной жизнью. Москвичи рассказывали друг другу, что полотно оказывает почти мистическое влияние на публику. Старики, готовящиеся жениться на молоденьких, совершенно не могут перед ней находиться: у одного начинает страшно болеть голова, у другого – сердце, а кто и вовсе сознание теряет. Недаром зрители прозвали картину «Кощей с невестой». Сам Репин рассказывал, что «Неравный брак» «много крови испортил не одному старому генералу да чиновнику». А известный писатель-историк Н. Костомаров лично сознался друзьям, что, увидев картину Пукирева, отказался от намерения жениться на молодой девушке.

Да и с девушками на выданье, смотревшими на картину, начинало твориться что-то неладное. То жених предложение обратно возьмет, то свадьба разладится, а то и после венчания брак несчастливым окажется. Ну а уж когда одна курсистка, собиравшаяся под венец, выйдя из галереи, бросилась под колеса проезжавшей конки, среди московских невест прочно утвердилось поверье: нельзя смотреть на картину Пукирева перед свадьбой. В иное время – пожалуйста, а перед свадьбой – нельзя!

И последняя загадка «Неравного брака». Для современного зрителя она непонятна, потому что обычаев того времени мы не помним. Но для современников создания полотна эта загадка легко разгадывалась. Тогдашние зрители, смотрящие на картину, понимали главное: происходящее на ней действие еще не венчание – это только обручение. Ибо на невесте надето платье с большим декольте, обнажающем и плечи и грудь, что абсолютно не дозволялось при самом таинстве венчания. Но главное, над невестой и женихом шаферы не держат золотых венцов, полагающихся при совершении обряда. Да и не сам жених надевает на пальчик девушки обручальное кольцо, а всего лишь священник. То есть все происходит не по чину венчания, но по возможности пока еще обручения.

Словом, еще есть время. Венчание как невозможность поворота событий еще впереди. И можно одуматься. Не губить свою судьбу. Не потому ли шафер, которому на венчании положено держать венец над невестой, столь пристально смотрит на нее? Может, она одумается и все еще можно будет изменить? Не потому ли Пукирев столь истоково повторял и повторял сюжет своей картины, что все время на что-то надеялся? Ведь это только обручение. Еще не венчание. Все можно изменить!..

Мистика красоты

Иван Николаевич Крамской (1837–1887) традиционно считается главой русской реалистической живописи, вождем передвижников. Но удивительное дело: посреди сотни реалистических работ, созданных Крамским, самыми известными и притягательными остались полотна мистические и таинственные.

Правда, о мистике Крамской не помышлял. Своих «Русалок» он задумал как полотно «по народным мотивам», взятым из «Майской ночи» Гоголя. Вот только вышло странноватое зрелище: тяжелый лунный свет, колдовское затягивающее озеро, призрачные русалки, вышедшие на ночной берег... Устроители первой выставки Товарищества передвижников (1871) повесили эту жутковатую картину рядом с трогательным пейзажем Саврасова «Грачи прилетели». И случилось невиданное: не понравились ночным русалкам дневные птицы – в первую же ночь пейзаж упал со стены.

Собиратель Третьяков купил оба полотна. «Грачей» повесил в свой кабинет, а «Русалкам» никак не мог найти места – перевешивал из комнаты в комнату. Он и раньше сталкивался с капризными творениями. Если какому-то полотну не нравился «сосед»,

картины начинали воевать – то краска полопается, то рама треснет, а то и вовсе одна из картин на пол рухнет. Но «Русалки» повели себя хуже всех – из залы, где их пристроил Третьяков, по ночам стало раздаваться заунывное пение. Там отказались убираться служанки. А дети Третьякова боялись даже ходить мимо. Увидев однажды картину ночью при свете лампы, 6-летняя дочка Павла Михайловича Верочка подняла страшный крик. Девочке показалось, что русалки зовут ее к себе, в свой жуткий и призрачный мир.

Третьяков и сам начал замечать, что, как только подольше побудет возле «Русалок», чувствует страшную усталость. Потом и посетители стали поговаривать, что рассматривать сцену из «Майской ночи» тяжело. А затем по Москве пошел слух, что какая-то барышня, насмотревшись на картину Крамского, утопилась в Яузе. Хорошо, что старушка нянька, жившая в семье Третьяковых, присоветовала: «Повесьте картину в самый дальний угол, чтобы на нее свет не падал. Трудно русалкам при солнечном свете, оттого они даже ночью не могут успокоиться. А как попадут в тень, разом перестанут колобродить!» Так и сделали. С тех пор, если речные девы на полотне и поют свои русалочьи песни, посетителям это не мешает.

Волнующий аромат тайны окутывает и другую картину Крамского. Его «Неизвестная» – портрет красавицы, написанный вполне реалистично. Вот уже более 120 лет зрители, критики, художники захлеб восторгаются ею. Но она смотрит на всех свысока из открытой коляски, медленно проезжающей по Невскому проспекту. Ее лицо вспыхивает презрительным румянцем, губы кривятся, словно все вокруг недостойны ее красоты. И кажется, что она – не реальная женщина, а мистическая королева холодного, туманного Петербурга.

Это сейчас мы видим в ней утонченную аристократку. Но современники, глядя на ее моднейший наряд, легко «прочитывали» ее социальное положение. Дело в том, что для истинной дамы высшего света столь ультрамодное одеяние да еще и макияж считались совершенно неприличными. Можно, конечно, было надеть изысканную шляпку или пальто – но по отдельности. Две ультрамодные вещи – это уже перебор. А на прекрасной незнакомке «писк моды»: бархатное, отороченное мехом и синими атласными лентами платье-пальто, называемое «скобелев» и шляпка-беретка «франциск». На губах помада, на щеках румяна, и брови подведены. Так что, несмотря на шик, красоту и статью, современники понимали, что перед ними одна из дам полусвета, проще говоря, содержанка. Но кто она?!

Крамского забросали вопросами: «Она существует?» Художник усмехался и показывал на полотно: «Конечно – вот!» Публика снова кидалась к картине, восторженно ахала, пытаясь высмотреть, понять, разгадать тайну красоты.

Лишь один человек не разделял всеобщих восторгов – коллекционер Павел Михайлович Третьяков. Долго стоял, пристально и пытливо вглядываясь в холодно-презрительные глаза незнакомки, потом резко повернулся и стремительно вышел из зала. Крамской обиделся и продал свою красавицу в одну небольшую частную коллекцию.

Отчего же Третьяков отказался купить «Неизвестную»? Может, оттого, что слишком хорошо знал – портреты красавиц не приносят ничего хорошего. У коллекционеров даже поверье есть, что красавицы с картин пьют жизненную энергию у зрителей. Недаром и «Джоконду» Леонардо, и красавиц Боттичелли или Тициана называют «вампирами», а фанатики пытаются их порезать и уничтожить.

«Неизвестная» тоже пошла по несчастливой дорожке. Правда, первое несчастье она принесла себе, когда вместо известнейшего собрания Третьякова попала к мелкому коллекционеру, а потом никак не могла успокоиться, переходя из рук в руки. К тому же, едва она появлялась на очередной выставке, публика начинала шептаться, что обладание картиной приносит горе: одного ее владельца бросила жена, у другого – сгорел дом, третий – обанкротился.

Но самое страшное случилось в семье ее создателя – меньше чем через год после создания «Неизвестной» у Крамского умерли два сына. Потрясенный художник выразил трагедию как умел – написал полотно «Неутешное горе»: посреди пустой комнаты стоит

плача его несчастная жена. Понимая, что такую горестную картину никто не купит, Крамской безвозмездно отослал ее Третьякову. Но собиратель русской живописи обладал наидобрейшим сердцем – он тут же передал семье художника большой гонорар. И что удивительно: если шикарно-блестящая «Неизвестная» приносила одни несчастья, то скромное полотно, полное трагизма, стало давать людям облегчение. Посетители Третьяковки задерживались перед «Неутешным горем» не только чтобы посочувствовать матери, но и чтобы попросить у нее заступничества за своих детей. И больные дети выздоравливали...

А «Неизвестная» странствовала по России и даже ухитрилась побывать за рубежом. И говорят, еще много нервов помотала... Только в 1925 году она попала, наконец, в Третьяковскую галерею и с тех пор успокоилась. Может, потому, что всегда мечтала попасть именно сюда? Только вот тайна ее по-прежнему не раскрыта. Впрочем, может, именно Тайна и есть самое интригующее и манящее в этой красавице? Она по-прежнему смотрит свысока. Правда, на ее «соседей» по Третьяковской галерее так особо не поглядишь. Там любая картина – шедевр. И у каждой свои Тайны...

Миры Эдуарда Мане

Художник Эдуард Мане (1832–1883) был воистину великим – ибо создавал не просто картины, но творил миры, которые жили собственной жизнью – мистической и скандальной.

Уже в 15 лет непокорный Эдуард, старший сын влиятельного парижского судейского чиновника Огюста Мане, заявил нечто из ряда вон выходящее: он не пойдет по стопам отца, а станет художником. Судья угрожал сыну безденежьем, отлучением от семьи, в конце концов, отправил строптивого мальчишку в плавание к Южной Америке – может, посмотрит мир, одумается.

Эдуард Мане

Не помогло! Едва 22 января 1850 года «бунтовщику» исполнилось 18 лет, он поступил

в мастерскую известного исторического живописца Тома Кутюра. Но, поучившись, понял, что напыщенная историческая живопись не привлекает его. «Возвышенный сюжет действует мне на нервы! – восклицал он. – Я хочу быть живописцем современной жизни!» Во времена господства академического стиля это был настоящий бунт. Недаром полотна Мане почти не принимали на официальные выставки. Из мастерской Кутюра художнику тоже пришлось уйти. И вот весной 1856 года он начал самостоятельную творческую жизнь.

На паях с друзьями Мане снял мастерскую на улице Лавуазье. Художники сложились и на общего помощника. Мальчишка Александр мыл им кисти, бегал за провизией, но больше всего любил позировать. Мане охотно рисовал с него этюды. Однажды написал небольшую картину – лукаво улыбаясь, мальчишка ест вишни, и спелый сок течет по пухлым губам. Друзья посмотрели и скривились: да у мальчишки будто кровь на губах!

Через неделю Мане пришел в мастерскую вечером – забыл что-то. Открыл дверь и остолбенел – на огромном гвозде висел... Александр. Много ночей потом снился Мане этот ужас – он пытается вынуть мальчишку из петли, но веревка врезалась в тело, и приходится вырезать ее прямо из окровавленного мяса. А на губах мальчишки выступает кровь...

Уже на следующий день после трагедии Мане решил сменить мастерскую. Искал долго – все напрасно! Однажды набрел на просторное помещение, хотел даже остаться, но взглянул на стену. Там торчал огромный гвоздь.

«Здесь кто-то повесился!» – побледнел Мане. «Откуда вы узнали?» – недовольно пробурчала консьержка. Но художника уже и след простыл. Весь день он бродил по бульварам, никак не мог унять дрожь. А ночью ему опять приснился Александр. «Мне одиноко здесь. Страшно одному!» – жаловался он. «Зачем ты сделал ЭТО?» – в ужасе спрашивал Эдуард.

Но мальчишка не желал дать ответ, хотя с тех пор постоянно мучил Мане своими жалобами. Художник уж и спать боялся. Но однажды увидел репродукцию картины Мурильо «Мальчик с собакой» и вдруг подумал: почему бы не нарисовать Александра с четвероногим другом? Так и сделал – создал свое полотно «Мальчик и его собака». И удивительно – юный самоубийца отстал от художника. Ведь у него появился друг...

А между тем таинственность и скандальность стали уже визитными карточками Мане. «Вот уж 15 лет публика готова швырять в меня гнилыми яблоками. Она этого не делает только потому, что ей для меня и яблок жалко!» – горестно писал художник своей жене Сюзанне. В феврале 1865 года Мане закончил полотно, которое решил написать на самый уж, казалось бы, традиционный сюжет, – «Спящую Венеру». Он даже композицию взял с картины Тициана, хотел стать «истинным продолжателем классических традиций». В конце концов, ему уже 33 года, он должен зарабатывать на жизнь, кормить жену и сына Леона.

Картину выставили во Дворце промышленности и тут же окрестили Олимпией – по строке культового тогда поэта Закари Астриюка «Лишь успеет Олимпия ото сна пробудиться». Такой скандальной известности не знало ни одно живописное творение!

Толпы посетителей осаждали зал. Бедных служителей раз двадцать сбивали с ног. Просто чудо, что никого не затоптали и не порвали полотно. Газеты обозвали обнаженную Олимпию «бесстыдной куртизанкой после ночи любви». Потом пошли дальше: «Что за извращенный демонизм? Надо же дойти до того, чтобы изобразить у ног этой маленькой гетеры черного кота?!»

И вот по Парижу поползли слухи. Якобы еще в юности, когда Мане плавал в Южную Америку, он познакомился там с местными негритянскими культурами и стал их пропагандировать. Вот откуда на проклятой «Олимпии» чернокожая служанка с дарами экзотических цветов! Мане только плечами пожимал. Он действительно плавал в Америку, но жил в цивилизованном Рио-де-Жанейро. Какие еще культуры?! А черная кожа служанки написана, чтобы просто оттенить белизну самой Олимпии.

Но слухи продолжали множиться. Дамы падали в обморок перед полотном, а придя в себя, уверяли, что Олимпия своим пронзительным взглядом выкачивает из них силу. Она же настоящая ведьма, вон и черный кот сидит у ее ног! С котом тоже начались истории.

Некоторые посетители, приходя, не видели его. Мане оправдывался – просто черный кот написан на фоне темного угла. Но посетители утверждали: котяра спрыгивает с полотна и уходит. Разве его удержишь? Разъяренный Мане прибежал вечером на выставку и остолбенел – кота не было! Оторопелый художник поморгал, и... кот снова появился на своем месте. Мане тогда решил – пригрезилось.

Но вот уже сто лет служители Лувра, где висит загадочная «Олимпия», тайком крестятся. Еще бы, ведь с полотна иногда слышно противное мяуканье. Да и если взять несколько репродукций картины, на двух из трех явно не увидишь никакого котика...

Скандалная известность сделала Мане лидером молодых живописцев. Теперь мастерская Мане забита поклонницами. Они зовут его inferнальным и скандальным и постоянно пытаются соблазнить. Но этот скандалист по вечерам спешит домой, ибо больше всего на свете ценит домашний комфорт. Но в любую размеренность когда-нибудь вторгается Наваждение...

Ее зовут Берта Моризо. Она – молодая художница. У нее струящиеся темные волосы и бездонные глаза насыщенного зеленого цвета, которые кажутся черными. В одежде она тоже предпочитает только черное и белое. Во всем ее облике явственно проступает что-то первобытное, цыганское, колдовское.

«Зеленоглазая русалка! – озабоченно шепчет жена Мане Сюзанна. – Такие затягивают!» Жена права. Мане теперь живет как в лихорадке. Знакомые говорят, у него вид безумного. Он и вправду становится все безумнее, ведь у его любви нет будущего. Художник женат, а зеленоглазая Берта согласна только на венчание. Каждый раз, едва она появляется в его мастерской, Мане хватается за кисть и лихорадочно пишет ее очередной портрет, словно боится, что она исчезнет. Она написана уже с десятков, но не может остановиться. Он сохнет, теряет сон, и неизвестно, что случилось бы с ним, если бы Берта сама не разорвала это наваждение. Она вышла замуж за... младшего брата художника – юриста Эжена Мане.

Нана. 1877

Мане не спился и не удавился. Работа – вот лекарство. Он создавал все новые картины. А критики между тем все больше укрепляли его скандальную известность! Они обозвали безнравственной картину «Нана» (ведь это – «ночная бабочка» Парижа!), скандальной – «Стирку» (ведь там – прачки!). А Мане все трудился. Уже смертельно больной, он написал «Бал в Фоли-Бержер» – гимн вечной радости и восторгу жизни. Как это ему удалось, смертельно больному, великая тайна. Он умер 30 апреля 1883 года от гангрены.

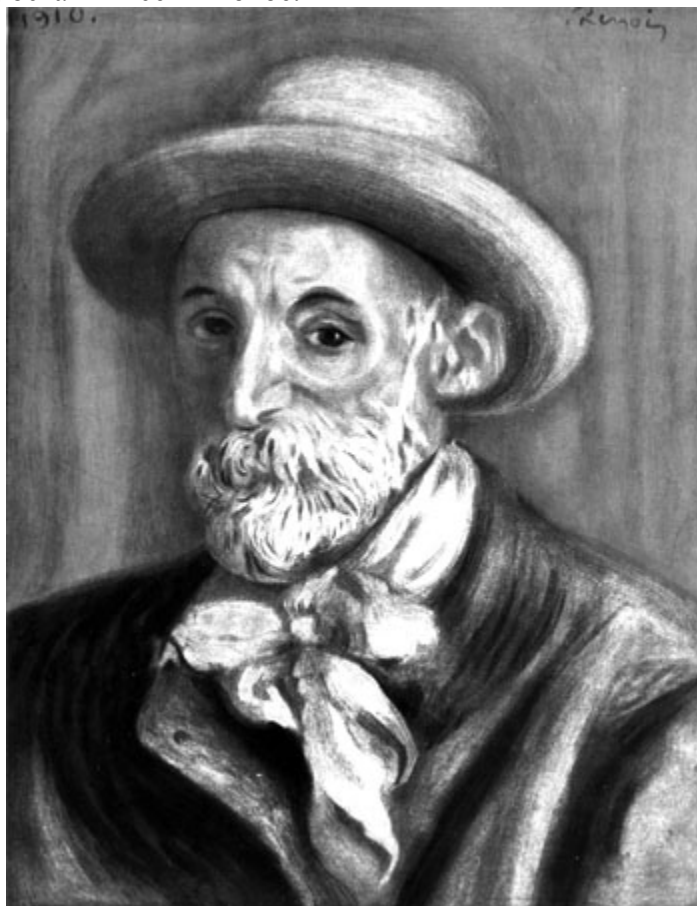
Но спустя несколько лет появились новые полотна художника Эдуарда Мане. Мир был ошарашен. Выяснилась поразительная вещь: один из племянников Сюзанны, тоже, между прочим, Эдуард, так проникся полотнами великого дяди, что стал писать в его манере. Создал полотен сорок, и весьма искусно. Даже сама Сюзанна не могла различить, где работы ее мужа, а где племянника. А может, просто Эдуард Мане, проживший всего-то 51 год, не успел написать всего, что хотел. Вот и пришел на помощь другой Эдуард. Миры ведь должны жить...

Волшебная кисть Ренуара

«Думаешь, почему тебе, Огюст, так удается изображение королевы Марии-Антуанетты? – Папаша Ренуар усмехнулся, рассматривая фарфоровую тарелку, расписанную

его 14-летним сыном. – Да потому, что мы и сами – благородных кровей. Может, даже королевских. Не смотри, что я – портной, а дед твой – башмачник. Это – поворот Судьбы. Дед твой был сыном знатного аристократа. Но когда началась революция, та самая, что срубила голову бедной Антуанетте, родители-аристократы подкинули сына в дом бедняку-башмачнику. Самих-то их казнили, но мальчик выжил. Вот теперь ты, его внук, и рисуешь королеву...»

Прекрасная семейная легенда. Да только на нее хлеба не купишь. А ведь хочется – и с маслом... Юный Пьер Огюст Ренуар (1841–1919) работал с 13 лет: сначала на посудной фабрике, потом в мастерской, где расписывали шторы и веера. Кисти и краски стали его единственными игрушками. Еще в два года мальчишке можно было сунуть в руки цветной карандаш, и он затихал, оставив всех в покое.

Огюст Ренуар

Однако денег на учебу не было. Ренуар заработал их сам: расписывал тарелки на фабрике фарфора, веера, скатерти и ширмы, пока не собрал на оплату Школы изящных искусств в Париже. Начал писать картины, да они у начинающего живописца мало что стоили. Приходилось работать «по бартеру»: портрет жены башмачника – за пару башмаков, булочника – за бесплатный хлеб на месяц. Да Ренуар не гнушался даже подбирать тюбики, выброшенные другими учениками, чтобы выдавить оставшуюся краску!

Но и после окончания учебы мир искусства не признавал «портняжку». Официальные художественные салоны регулярно отвергали его полотна. Да и первую выставку импрессионизма, где Ренуар показал семь картин, не обругал только ленивый.

В 1876 году Огюст Ренуар познакомился с известным издателем Шарпантье. И его картины так понравились жене издателя, что уже через пару недель мадам Шарпантье заказала молодому художнику свой портрет, затем – портреты детей, потом представила Ренуара другим богатым знакомым. И пошло-поехало! Вот только с моделями была напряженка.

Ренуар стоял на Монмартре на улице Монет и робко оглядывал дефилирующих красоток. Еще с училища художник мечтал писать обнаженную натуру. Женская нагота – красивая, чистая, – что может быть притягательнее? Но профессиональные натурщицы считают такое позирование «безнравственным». Так не попробовать ли поискать среди монмартрских кокоток? В те времена «ночные бабочки» щеголяли в неприлично коротких (по шиколотку!) юбочках из блестящего шелка и прятали деньги в черный чулок. Но первая же красotka, к которой подошел Ренуар, отбрила его: «Я этим не зарабатываю!» Вот так! Раздеться перед клиентом – пожалуйста, а перед художником – неприлично...

В конце концов брат Ренуара Виктор, юноша куда более активный, чем робкий Огюст, привел в мастерскую художника известную ночную диву – Нини Лопес. Правда, уговорить ее позировать обнаженной даже оба брата не смогли. Тогда Ренуар изобразил ее в жанровой картине «Ложа», где пресыщенная и горделивая дама полусвета презрительно разглядывает театральную публику. Критики подняли бучу – совершенно непристойный сюжет! Но через месяц Нини прибежала в мастерскую Ренуара с восторженным блеском в глазах. Оказалось, драгоценности, которые нарисовал художник на героине «Ложи», ей таки достались. Поклонник, увидев на картине такую красу, и вправду не пожалел денег.

С тех пор по Парижу пополз слух – полотна Ренуара приманивают удачу. Эта легенда особо стойко держалась на Монмартре – ночные красавицы всерьез поверили, что волшебная кисть художника может наколдовать им лучшую жизнь. Теперь они соглашались позировать даже обнаженными. «Пусть рисует нас чаще!» – подытожила «ночная роза» Анжель. Саму ее Ренуар писал и обнаженной, и одетой, а как-то раз изобразил в компании веселых «прожигателей жизни». И что бы вы думали? Анжель действительно выскочила замуж за богатого поклонника. По настоянию мужа она даже нанесла Ренуару визит вежливости. И тут же зашептала на ухо, пока муж не слышит: «Арман знает, что я позировала голой. И что у меня были дурные знакомства. Но он не знает, что я часто кричала: «Дерьмо!» Умоляю, не говорите ему!» Вот так – иметь дурные знакомства еще можно, но ругаться – ни-ни! Ренуар долго смеялся над такой «скромностью», но тайну Анжель не выдал.

Однажды в мастерскую художника вошла самая разборчивая «звезда» полусвета – мадмуазель Анна. Ничуть не смущаясь, оглядела скромную обстановку и проговорила: «Почему бы вам не написать себе мебельюшку получше? Ведь все судачат: то, что вы рисуете на холсте, сбывается в жизни!» – «Я попробую!» – усмехнулся Ренуар. – Но, может, нарисовать сначала вас?» Анна кивнула и, ничуть не стесняясь, начала раздеваться. Всего за пару сеансов Ренуар написал свою лучшую картину – «Обнаженную». Вот где роскошное – живое тело! Вены просвечивают сквозь теплую розовую кожу. Полная атласная грудь вздымается. Анна дышит!

И подумать только, про это роскошное тело критики написали, что оно пошло зеленоватыми пятнами и стало похоже на разлагающийся труп. Ренуар чуть не поперхнулся, услышав такое. Идиоты! Да это же дымка от зеленоватой ткани, на которой сидит Анна. Дураку видно, что такой прием еще больше подчеркивает молочную матовость кожи!

Сама Анна ликовала – не зря пришла к Ренуару! Совершенно неожиданно она и вправду удачно выскочила замуж – за солидного, еще не старого банкира. И, демонстрируя мужу столь весомую красоту, изображенную Ренуаром, нагло врала, что она – дочка маркиза, только незаконная. И банковский муж млел от восторга. Вот вам и волшебство кисти!

Когда 38-летний Огюст встретил 18-летнюю Алину Шариго, он так и представился: «Ренуар – тот, который рисует картины». Наивная Алина подумала: «ренуар» – какая-то редкая профессия, и, между прочим, оказалась недалеко от истины. Он и вправду мало что умел, кроме живописи. И потому Алина, став женой Ренуара, взяла на себя и дом, и быт, и заботы. Всё! Лишь бы Ренуар рисовал. Алина даже не ревновала мужа к натурщицам. Те бродили по мастерской в чем мать родила, Ренуар ругал их и грозил палкой, когда они небрежно держали позу. А сердобольная Алина, ободряя, похлопывала по спине. А потом мчалась на кухню – варить обед на всех. В конце концов, Ренуар достоин писать большую красоту. И сытую. Недаром как-то художник рассказал жене, что к нему пристала тощая

девица из дамского журнала: «Зачем вы рисуете таких объемных красавиц? Это же не модно!» Ренуар ответил вполне философски: «Мода пройдет. А мои красавицы будут жить вечно!»

Наверное, он прав... Алина взяла со стола альбом. Их сын Жан увлекся фотографией и вклеил туда снимки картин отца. На Алину, как всегда, заморожено улыбаясь, смотрели ренуаровские «девушки с зонтиками», «девушки в черном», танцовщицы, купальщицы. И она вдруг с трепетом осознала – все они, написанные Ренуаром еще задолго до знакомства с ней, похожи на нее, Алину. Даже Мария-Антуанетта с чудом сохранившейся фарфоровой тарелки, расписанной 14-летним Ренуаром. Мистика какая-то! Алины еще на белом свете не было, а Ренуар уже изображал ее. Не видя, не зная, он рисовал ее лицо, ее тело. Что-то изменял, правил, добивался совершенства. И наконец, создал свой прелестный канон красоты. И уже после того, как красота эта выплеснулась в красках, в его жизнь вошла реальная Алина.

Да ведь Ренуар и детей своих также создал. Если сравнить прелестные портреты чужих детей, которые он рисовал, не имея своих, станет ясно – задолго до реальности он сотворил их на полотне – движением своей кисти.

«Нас всех нарисовал папа!» – сказала Алина детям. И дети поверили ей. Жан Ренуар, ставший выдающимся кинорежиссером XX века, даже всерьез описал этот мистический феномен в своей книге об отце. И надо сказать, что все дети Алины и Ренуара оказались весьма талантливы. Первенец Пьер стал блестящим актером, а младший Клод продолжил дорогу отца в искусстве – стал замечательным керамистом.

Что ж, Огюст Ренуар был творцом. Вот и творил согласно собственному плану: создавал не просто картины, но и свой мир – окружающих и родных. Жадный до творчества, Ренуар рисовал, даже когда артрит скрючил его пальцы. Все удивлялись: «Как такими пальцами вы создаете такую красоту?» А насмешник Ренуар только отшучивался: «Разве вы не знаете, что у меня волшебная кисть?» Даже когда болезнь приковала художника к инвалидному креслу, он не унывал. Тем более что сообразительная Алина нашла простой выход: купила мужу техническую новинку – автомобиль. Ренуар сел в машину, и шофер возил его то в гости, то просто по окрестностям – «на этюды». А Ренуар со вкусом шутил: «Вот и я – как дорогая кокотка. Езжу только в авто!»

2 декабря 1919 года Ренуар попросил подать ему карандаш: «Я понял, каковы идеальные женские пропорции. Хочу нарисовать прекрасную вазу, используя их!» Вдруг карандаш выпал из его скрюченных пальцев. «Краски мне скорей! Дайте палитру!» – прохрипел он и потерял сознание. К ночи его не стало. Ему шел 78-й год. Тайна идеальных пропорций осталась неразгаданной. Ясно одно – пресловутые 90–60–90 XX века привели бы Ренуара в ужас. А худышка Барби снова свела бы в могилу. Век необратимо менялся. Но удивительно, красота полотен, созданных Ренуаром, только возрастала в цене. Когда-то его скандально знаменитую «Ложу» с грехом пополам удалось продать за 425 франков. Сегодня творения его волшебной кисти стоят миллионы долларов.

Ван Гог: тайна в соломенной шляпе

Любое полотно Винсента Виллема Ван Гога (1853–1890) – загадка. Но судьба одного его автопортрета воистину невероятна.

В те зимние дни Париж восторженно готовился к пышным праздникам: близилось Рождество 1900 года – дата, выпадающая раз в столетие. Торговые дела, как никогда, пошли в гору, а уж на лавки антиквариата и художественные салоны вообще пролился золотой дождь – каждый мечтал купить нечто связанное с искусством. В магазине Амбруаза Воллара, самого известного в Европе торговца картинами, было не протолкнуться. Однако к концу дня поток покупателей схлынул. Воллар уже было собрался закрывать магазин, как звякнул колокольчик у двери. Вошел совершенно необычный для лучшего магазина Франции посетитель – оборванец-клошар, из тех, что перебиваются кое-как под мостами Парижа. И

что самое неожиданное – он протянул Воллару свернутый холст: «Купите картину Ван Гога, месье!»

Винсент Ван Гог

Воллар схватился за холст. Неужели Винсент Ван Гог?! Еще десять лет назад никто не интересовался живописью этого художника, ну, разве что судачили, что он – сумасшедший. Но после смерти Ван Гога в 1890 году его картины стремительно начали набирать и в славе, и в цене. Интересно, сколько запросит этот клошар и что за полотно он принес?

Торговец развернул скатанный в трубочку холст и застонал. Вот незадача! «Где ты взял эту подделку, любезнейший?» – грозно рявкнул он на оборванца. «Почему подделку?! – затрясся тот. – Мой приятель выменял холст на целую бутылку можжевелевой водки у одного официанта, который когда-то обслуживал Ван Гога. И тот, узнав, что официант собирается наняться стюардом в плавание, подарил ему свой портрет. Сказал, что будет рад, если портрет попутешествует, посмотрит мир. Сам-то художник болел и не мог уехать из Франции». – «Глупая история и совершенно неправдоподобная! – убежденно отрезал Воллар. – А картина – подделка! Оригинал этого «Автопортрета в соломенной шляпе» висит над камином у барона Ротшильда. Я сам видел его неоднократно. Так что можешь смело выбросить эту мазню в Сену, тебе не получить за нее и франка!»

Клошар скривился и, в сердцах бросив картину, выскочил в ночь. Все его надежды встретить хоть одно Рождество по-человечески превратились в дым. Стоит ли вообще жить после такого?! И стоит ли удивляться, что после окончания рождественских торжеств Воллар прочел в хронике происшествий, что некий бродяга вместо праздников предпочел закончить свой жизненный путь в темных водах Сены?..

Торговля после Рождества шла вяло. От нечего делать Воллар опять развернул злополучный холст «под Ван Гога». Ужасная грязь! Привыкший к чистоте торговец протер картину и удивился. Тусклые цвета преобразились в солнечный желтый и карминно-красный. Воллар кинулся на кухню, трясущимися руками почистил картошку и потер ею холст, как обычно делают художники. Проявились нервные, «червивые» мазки, характерные

только для одного художника в мире – Ван Гога. Поразительно! Но как же тот портрет над камином у миллионера Ротшильда?! Наглая копия? Или просто авторский вариант? Известно же, что Ван Гог часто повторял свои полотна. Например, одних «Подсолнухов» написал пять штук...

Словом, не углубляясь в исследования, Воллар выставил «Автопортрет в желтой соломенной шляпе» на продажу. Покупатель нашелся тут же. Некий сеньор Лопес, крупный землевладелец из Аргентины, не скупясь, выложил кругленькую сумму. За картиной приехала его красавица дочь. Похлопала ресницами: «Какой чудный портретик! В нем так много солнца. Я повешу его в своей спальне особняка в Буэнос-Айресе и никому не буду показывать. Пусть это солнце светит только мне!»

На следующий день Воллар прочел в газетах о чудовищном происшествии. Возвращаясь с покупкой в дом на бульваре Распай, где землевладелец Лопес снимал огромную квартиру, его дочь встретила в лифте двух своих пылких поклонников. Обуреваемые ревностью, они зарезали бедную девушку, разрубив предмет своей страсти по принципу «не доставайся же ты никому!». Уже на другой день аргентинский латифундист вернул картину Воллару. Вот тогда торговец и вспомнил странные слова клошара о том, что сам художник хотел, чтобы его автопортрет путешествовал по миру, а не висел у кого-то дома, как в плену. И вправду, изображенный на холсте человек был похож на бродягу-путешественника, чье лицо обожжено солнечными лучами и обветрено всеми ветрами дорог. И соломенная шляпа только усиливала это впечатление.

Нет, Воллар не хотел больше рисковать. Тот, кто общается с картинами, знает, что их жизнь полна мистических событий. Мало ли что может случиться... Поразмыслив, торговец решил отыскать для «портрета-бродяги» хозяина, который странствует, как гражданин мира, и предложил портрет известному политику Жоржу Клемансо. «А этот холст мог бы путешествовать с вами!» – посоветовал он.

Клемансо согласился, но, вернувшись домой, тут же вставил холст в роскошную раму и повесил над кроватью на самый надежный гвоздь. Нечего таскать такую дорогую картину по странам и континентам! В тот же вечер на него было совершено покушение.

Неделю политик пролежал в кровати – приходил в себя. Его пришел проведать друг-промышленник – «сталелитейный король» Генри Фрик, которого приятели называли «королем гвоздей», ибо Фрик владел не только сталелитейными заводами, но выпускал самое большое количество гвоздей в мире. Клемансо рассказал ему о покупке автопортрета Ван Гога. «Король гвоздей» подозрительно потрогал тяжелую раму и изрек: «Не знаю, сколько стоит картина, но за твою жизнь не дам ни сантима. Ни один гвоздь не выдержит такой тяжести, тут надо шурупы ввинчивать. Иначе портрет рухнет тебе на голову!»

Политик в ужасе воззрился на картину и вдруг соскочил с кровати. И вовремя! Тяжелая рама рухнула прямо на его ложе. «Король гвоздей» залиvisto захохотал. «Чему ты смеешься?! – завопил политик. – Это же картина-убийца!» Промышленник подавил смех: «Просто она не для тебя. Продай мне!»

На другой день Генри Фрик улетел с автопортретом Ван Гога в далекий Нью-Йорк. Там он сначала повесил полотно в своем офисе в небоскребе, потом перевез на ранчо в Техас, затем поместил в только что выстроенное здание художественной галереи на углу Пятой авеню и Восточной 70-й улицы в Нью-Йорке. Однако Фрик регулярно предоставлял произведение Ван Гога на выставки по всей Америке. Словом, портрет вполне утолил свою жажду путешествия и повидал мир. В 1919 году «король гвоздей» умер, галерея досталась его дочери Хелен, которая весьма расширила семейное собрание картин, превратив его в известную Галерею Фрика. В середине XX века цена автопортрета Ван Гога подскочила до миллиона, и наследники «короля гвоздей» решили запретить картину в сейф своего чикагского особняка.

И началось невероятное! Чуть не каждую ночь сигнализация дома трезвонила, словно по комнатам носились стада бизонов. Когда же приезжала полиция, все замолкало. Потом в доме начались непонятно откуда взявшиеся возгорания – то проводка искрилась, то комнаты

наполнялись дымом. В конце концов наследники вызвали экстрасенса. Он-то и обратил их внимание на странную ауру портрета Ван Гога и изрек вердикт: «Продать немедленно!»

В октябре 1973 года наследники «короля гвоздей» продали портрет за 20 миллионов песет наличными одному молодому испанскому коллекционеру, не разглашая его имени. Коллекционер отправил в Чикаго своего личного тайного связного. Тому не впервой было выполнять щекотливые поручения шефа. Вот и сейчас он должен был из рук в руки передать адвокату продавцов кейс с деньгами, получить рулон с холстом и поторопиться обратно в Мадрид. Ведь скоро Рождество, и его шеф хочет пригласить на праздник близких друзей, чтобы полюбоваться новым приобретением.

Под вечер 19 декабря 1973 года связной коллекционера сошел с авиалайнера в аэропорту Мадрида, но пронести с собой холст не смог. В тот день, как на грех, был убит председатель испанского правительства Карреро Бланко, и охрана, полиция и таможня, действуя заодно, зверствовали вовсю. Холст сочли незаконно приобретенным и конфисковали. Дальше – хуже! Связного посадили. А когда сам коллекционер приехал разбираться, и его обвинили «во множестве незаконных сделок с художественными изделиями». Дело передали в суд. Им заинтересовался даже сам диктатор Франко, и, конечно, его интерес не сулил ничего хорошего. Коллекционера заключили под стражу. А его собрание картин отобрали «в пользу нации» и разместили в одном из франкистских дворцов.

Ничто не вечно под луной – в конце ноября 1975 года умер диктатор Франко. Так что Рождество коллекционер встретил уже дома. К счастью, его родственникам удалось сохранить семейное дело, а значит, и состояние. Поэтому, не считая денег, коллекционер вновь принялся за собирательство и, главное, за поиски автопортрета Ван Гога. Искал в Испании, потом в Европе. Нашел аж за океаном – в частной галерее Нью-Йорка. Как ни в чем не бывало портрет висел на стене и лучился всеми цветами желтого и золотого.

«Попался, бродяга, теперь я с тебя глаз не спущу!» – чуть не завопил коллекционер, да вовремя сдержался. Еще примут за сумасшедшего за разговоры с картинами. Коллекционер поступил просто – не торгуясь, купил портрет. Но как везти его в Испанию? Ведь коллекционер выехал из Мадрида, не объявив на таможне, что увозит с собой не только задекларированную, но и незадекларированную валюту. Уж очень не хотелось платить пошлину. Но разве же он мог подумать, что в далеком Нью-Йорке встретит своего «портретного бродягу»?!

Словом, коллекционер опять пошел на подлог. Завернул холст в картон, картон закатал в персидский ковер и так провез его через таможню мадридского аэропорта. Но доставлять столь ценный ковер домой на такси коллекционер побоялся и потому вызвал в аэропорт свою секретаршу. Та явилась на крыльях любви – вызов шефа сулил ей большие перспективы. Ну в самом деле, какая секретарша не мечтает стать женой шефа?

«Дорогуша, я привез тебе в подарок роскошный персидский ковер!» – радостно объявил ей коллекционер прямо в аэропорту, благо рядом все еще толпились таможенники. Секретарша взвизгнула от счастья и повезла шефа в офис. Ну а уж там, едва войдя, раскатала на полу пресловутый персидский подарок и упала на него сама. Тут и шеф не оплошал, несмотря на возраст. Отчего не вкусить любовных утех, коль те предлагаются с пылу с жару?

Однако, едва очнувшись, коллекционер поинтересовался: «В ковре лежала картонная обертка, где она?» – «Я выкинула ее за дверь!» – беспечно ответила секретарша. Шеф пулей выскочил за дверь. Но там ни в коридоре, ни на лестнице ничего не было. «Портретный бродяжка» снова ухитрился сбежать...

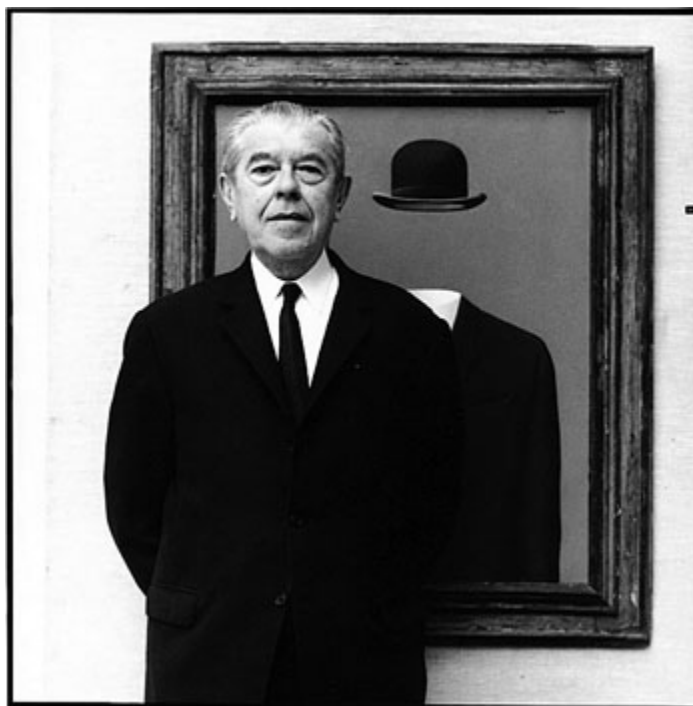
Конечно, было проведено расследование. Так дело попало в газеты. Хорошо еще, что без упоминания имен, все-таки коллекционер был человеком уважаемым, к тому же пострадавшим от прежнего режима. Выяснилась история, достойная самой нелепой комедии. Пока шеф с секретаршей проверяли на мягкость персидский ковер, по коридору прошлась уборщица. Увидев выброшенные картонные обертки, она выбросила их в мусоропровод. Дальнейшее покрыто мраком. Наверно, портрет был уничтожен вместе с другим мусором.

Вот только коллекционер никак не верил в это. Недаром он снова отправился на поиски. И что же? В зале Института искусств Детройта он увидел своего бродягу в соломенной шляпе. Оказалось, это тот портрет, что некогда был в собрании Ротшильдов. Или не тот?..

Таинственные мысли Рене Магритта

Рене Франсуа Гислен Магритт (1898–1967) – один из самых великих, но и загадочных живописцев XX века. Практически каждая его картина – неожиданная, парадоксальная, иногда философская, иногда озорная, иногда и хулиганская, но загадка.

Реальная, детальная действительность не привлекала Магритта. Он вообще считал, что не существует «простого мира». «Мир хоть и реален, но непостижим, – писал он. – Основа его – часто не та, какой видится». Действительно, Магритт был убежден, что самая сокровенная тайна скрывается в простой обыденности, свойственной всем вещам. И он писал обычный видимый мир, но оказывалось, что мир этот полон таинственной сути. Например, художник рисовал современный город, прохожего и белую розу на мостовой и давал картине название «Ящик Пандоры». И современный город с его бело-розовыми иллюзиями открывал свою истинную суть соблазна и раздора. В другой картине художник изображает мужчину и женщину, прижавшихся друг к другу в любовном порыве. Картина так и названа – «Влюбленные». Вот только лица их закрыты белыми холстами. Они хоть и рядом, но не видят ни друг друга, ни прекрасного мира, изображенного за ними. И ведь сколь точный и емкий символ! Ведь люди, полностью погруженные в свою любовь, действительно уже не видят мира вокруг, но ведь они не видят и друг друга – для каждого ценно именно его собственное чувство.

Рене Магритт

Поразительна по философскому взгляду и самая известная картина Магритта – «Голконда». На ней изображены городские дома и небо над ними, полностью пронизанные фигурками людей – большими, поменьше и вообще уменьшенными до дождевых капель. Люди попадают в город, как капли дождя. Но они же и похожи друг на друга как эти самые капли. Действительно, город делает жителей одинаковыми, так же как их желания и стремления. Впрочем, даже капли воды, столь схожие на первый взгляд, на самом деле имеют абсолютно разное содержание. Так и люди Магритта – они похожи, усреднены,

одинаковы, но... Недаром картина названа «Голконда». Так называется самое большое и знаменитое в мире индийское месторождение бриллиантов. Получается: каждый «одинаково-усредненный» горожанин – истинный бриллиант.

Отсюда ясно, что для Магритта было чрезвычайно важным не только изображенное, но и название полотна. Недаром один из самых вдумчивых исследователей творчества Магритта заметил: «Название изображения вступает в брак с картиной не потому, что оно оказалось более или менее удачным или остроумным комментарием. Инспирированное изображением, название возникает из просветления, соответствующего тому, что оно должно назвать». Действительно, к видимому описанию (картине) подмешивается невидимое (обозначенное словом в названии), и в сознании зрителя возникает путь, ведущий к таинству. И как пишет другой исследователь творчества Магритта, «речь идет не о двойной иллюзии – но о поддержании вдохновляющей силы духовной сущности предмета».

Но были в творчестве Магритта и особые картины – те, на которых художник осознанно предоставлял свои холсты «таинственной силе» и осознанно помогал ей открывать «ее таинственные пути». В 1952 году он написал маленькую картину, изобразив на ней два витых подсвечника со свечами. Левая свеча почти догорела и оплавилась. Правая же согнулась от какого-то дерзкого и стремительного порыва ветра. Порыв был так силен, что согнул даже металлический подсвечник и проделал рваную дыру в стене. Что это было? На то дает ответ подпись под картиной. «Милюзина» – написал Магритт крошечными буквами.

Так вот в чем дело! Фея Милюзина, известная по пьесе-сказке Метерлинка «Синяя птица», была здесь и прошла сквозь картину в свой мир. А то, что увидел зритель, – всего лишь последствия этого волшебного посещения. Вот она – была и нету...

«Невидимое – это просто скрытое видимое! – утверждал Магритт. – Надо только откинуть шторы! Правда, иногда приходится поломать голову над тем, что же ты видишь...»

Место, которое художник увидел на своей, возможно, лучшей картине, сам он долго не мог ни понять, ни назвать. Уникальное пространство, в котором сверху – в ночном небе – светит месяц, внизу же – на земле – играют лучи полуденного солнца. Справа деревья зеленеют первой весенней листвой и тут же распускаются пышным цветением лета, а слева – алеют клены в осеннем убранстве, а за ними сверкают в морозном инее оголенные деревца. В центре же этого удивительного мира стоит массивный, по-деревенски основательный двухэтажный дом. Дом, где никто не потревожит путников. И перед этим домом – маленький согбенный человечек, добравшийся наконец со своим старым чемоданом туда, где можно отдохнуть. Туда, где есть ВСЁ и ОДНОВРЕМЕННО: день, ночь, зима, лето. В гостиную, которую устроил Бог. А может, это – Сам Бог возвратился туда, где наконец-то и Он сможет отдохнуть? В ту нулевую точку, с которой и начинается мир. Картина так и называется – «Гостиная Бога».

«Не стоит напрягаться, – написал как-то Магритт другу. – Таинственное окно откроется, если захочет само. Надо только всегда быть к этому готовым. Ведь за любым покрывалом может быть своя тайна».

Искусствоведы причисляют Магритта к сюрреалистическому направлению, сравнивая с Сальвадором Дали, или к авангардистскому, соединяя с живописью этой школы. Однако наиболее прав сам художник, однажды заметивший, что он – «художник мысли». А «мысль реальна, когда она становится тем, что ей предлагает мир, и когда это предложение она возвращает таинству, без которого никакой мир и никакая мысль не были бы возможны...»

Отблеск счастья и страстей

Великая камея Франции

Дверь сотрясалась от мощных ударов. Питер Пауль Рубенс лихорадочно заталкивал

под кожаный переплет книги письмо, которое только что закончил писать. Его не должны найти! Пальцы художника предательски дрожали. Еще бы, гвардейцы кардинала Ришелье – опасные гости, особенно если лоялятся в ваш дом темной ночью. Им явно безразлично, что хозяин этого дома не только знаменитый живописец, которого пригласила в Париж сама королева-мать Мария Медичи, но и дипломат, находящийся на службе у испанского короля Филиппа IV...

Рубенс отбросил книгу под стол, мазнул лицо и руки влажной краской и распахнул дверь. В дом ввалились двое «верных слуг Господина». Именно так они громогласно именовали себя с тех пор, как в прошлом, 1624 году Ришелье, ставший премьер-министром Франции, объявил гвардию своей личной охраной. Охрана ему и вправду была нужна. Кардинала не любили ни король Людовик XIII, ни высшая знать. Народ же шепотом величал этого церковника «дьяволом в пурпурной мантии». И угораздило же Рубенса ввязаться в споры с церковью!

Камя Тиберия. 37 г.

А все его приятель – Клод Никола Фабри де Пейреск. Большой знаток и собиратель искусств, он усомнился в одной из церковных реликвий – древнеримской камее I века до н. э. невероятной красоты. Та была изготовлена из черно-белого оникса с вкраплением багровых пятен и не могла не поражать воображение, ведь это самая большая камья в мире, размером 31 на 26 сантиметров. Церковь считала, что на ней изображен библейский Иосиф, которого чествует фараон Египта. Именно из-за почетного сюжета камья и считалась святой. Но вот Пейреск усомнился в сюжете и принес камью Рубенсу, ибо художник слыл знатком античных гемм. «Как городской советник, я взял ее под честное слово из государственного хранилища, – сообщил де Пейреск. – Как на твой взгляд, что здесь изображено?» Рубенс внимательно осмотрел камью:

«Если это сюжет об Иосифе и фараоне, то почему правитель Египта изображен в одежде римского воина, а рядом какая-то женщина в типичном одеянии патрицианки?! Нет, тут что-то не так». Вот тогда-то де Пейреск и уговорил Рубенса заняться изучением сюжета камьи. И к чему это привело – к визиту слуг кардинала?..

«Почему не открывали так долго?» – рявкнул гвардеец. Художник поднял заляпанные

краской руки: «Когда я рисую, то ничего не слышу и не вижу. Особенно когда выполняю работу по заказу королевы-матери». Имя королевы произвело впечатление. Гвардейцы переглянулись, но уходить не собирались. Рубенс надменно вскинул подбородок и брезгливо протянул на манер высокопоставленного вельможи: «Так что угодно, господа?»

И тут один из незваных гостей произнес нечто неожиданное: «Мы хотим переговорить с вашим слугой Костеном!»

Рубенс чуть не присвистнул: вот, значит, в чем дело! Правда, он уже давно подозревал, что Костен шпионил за ним. Со времен кардинальства Ришелье Франция стремительно обростала соглядатаями. Соседи следили за соседями, слуги за господами. Хорошо, что несколько дней назад он выгнал этого бесстыжего парня. Иначе письмо, которое Рубенс еще не успел отправить посольской почтой в Антверпен своему старшему сыну, наверняка оказалось бы в руках ночных гостей. А ведь в этом письме – явная ересь, подлинная история священной камеи, которую Рубенс уже успел выяснить.

Художник смерил гвардейцев самым высокомерным взглядом, на который был способен: «Костен оказался нечист на руку, и я уволил его!» Гвардейцы переглянулись. Они явно не рассчитывали на такой поворот дела. Рубенс между тем повысил голос: «Врываться в дом королевского дипломата, чтобы поговорить с его слугой, возмутительно. О вашем визите завтра же утром узнает кардинал!» – «Вы сможете рассказать ему сами! – хмыкнул старший гвардеец. – Вот предписание вам явиться завтра в Пале-Рояль!»

Заперев дверь за непрошеными гостями, Рубенс вернулся в свой кабинет. Вынул из книжного тайника письмо сыну и перечитал его еще раз.

«Мой дорогой Альберт!

Твои познания в латыни и древнегреческом оказали мне неоценимую помощь. Сразу видно, что братья августинцы, которым я поручил твое воспитание, отличные преподаватели. Учись лучше, мой мальчик, а когда выучишься, я отдам тебе свою коллекцию античных редкостей, которую собираю всю жизнь. Жаль только, не могу присоединить к ней самую большую камею в мире, ведь она – собственность французской короны и реликвия церкви. Во Францию камея попала еще в 1239 году, когда король Людовик IX купил ее у императора Латинской империи Балдуина II. А тому она досталась от крестоносцев, взявших штурмом Константинополь в 1204 году. Тогда, мой мальчик, были ужасные времена. Великий город был разграблен, население перебито. Слава богу, удалось спасти хранившиеся в городе христианские святыни. Среди этих уникальных реликвий была и «резная картина на камне, рассказывающая о жизни святого Иосифа», как назвали ее современники.

Смотри, мой мальчик, я зарисовал камею. А соотнеся латинский текст, который ты перевел, и знания, полученные мною из старинных источников, я понял, что на камее изображен вовсе не библейский Иосиф, а император Тиберий, живший в I веке н. э. Вот почему вокруг него изображены римские воины и красавицы в античных одеждах. Над центральной группой парит величественный император Август, который к тому времени отошел в мир иной, оставив трон Тиберию. Внизу же, в скорбных позах, группа пленных варваров, которые умоляют императора о прощении. Всего изображено 20 фигур, и каждая с изумительным мастерством и тончайшими деталями, – словом, настоящая картина в камне. Неудивительно, что по распоряжению одного из византийских императоров это сокровище «одели» в золотую оправу, усыпанную драгоценными камнями и жемчугом».

Рубенс оторвался от чтения письма. Ну надо же было вляпаться в такое! Да, он помог своему другу Пейреску установить истину: на камее изображен не библейский герой, а реальный римский император. И что теперь? Получается, он, Рубенс, лишает французскую церковь ее знаменитой реликвии. Кто потерпит такое? Уж точно не кардинал Ришелье. Он уже пригрозил Пейреску церковным судом. Но даже если завтра Рубенс окажется в

Бастилии, все равно нужно, чтобы мир узнал разгадку сюжета камеи. Надо только спрятать письмо. Испанский посланник обязательно заглянет в тайник и перешлет письмо сыну Рубенса.

Впрочем... Рубенс снова сел за стол и дипломатично приписал: «Надеюсь, мой мальчик, ты понимаешь, что я провел все эти изыскания по истории камеи только во благо Франции, ее короля и всемилостивейшего кардинала. Аминь!» Пусть любой, кто случайно прочтет, будет уверен – художник лоялен к французской власти.

Как ни странно, но на другой день слуги кардинала во дворце Пале-Рояль встретили Рубенса весьма корректно. Быстро провели через залу официальных аудиенций в кабинет Ришелье. Художник был поражен: сколь торжественно обставлены парадные залы и сколь аскетично выглядит рабочий кабинет кардинала: огромный стол красного дерева, заваленный бумагами, черное кожаное кресло и стеллажи с книгами и футлярами на всех стенах с пола до потолка. Видно, на первое место Ришелье ставил не роскошь, а государственные дела. Вот и сейчас он что-то торопливо читал. Но едва слуга ввел Рубенса, Ришелье поднял голову и преувеличенно широко улыбнулся: «Я жду вас, друг мой! Вы хорошо потрудились. Тем более что провели все свои изыскания «во благо Франции» – не так ли?»

У Рубенса перехватило дыхание: он выгнал лакея-шпиона, не впустил гвардейцев, но все равно кто-то из слуг донес на него. И вот кардинал цитирует его письмо!

«Я тоже увлекаюсь историческими штудиями, – еще шире улыбнулся кардинал. – Но мои успехи скромны, не то что ваши. Это же открытие в мире искусств: выяснить, что ониксовая камья посвящена императору-язычнику. Но что это дает? Вы лишаете нашу церковь святой реликвии!» Рубенс похолодел. «Все в руках Божьих, – произнес он. Сглотнул и добавил: – И ваших, ваше преосвященство. Все знают, что вы истинный ценитель античных редкостей. Так неужели вам не нужна истина?»

Кардинал прищурился: «Расскажите. Но не о старинных временах – о тех, что поближе!» Рубенс осторожно проговорил: «Я установил, что камья очень понравилась королеве Екатерине Медичи. Она приказала присовокупить к золотой оправе драгоценные камни и жемчуга. Потом подарила камью старшему сыну – королю Франциску II. Затем она переходила к другим Валуа как символ власти». Кардинал скривился: «И все сыновья Екатерины умерли насильственной смертью, кто от яда, кто от кинжала... Забавно, не правда ли?»

Рубенс стиснул тонкие пальцы: беседа принимала неприятный оборот. «За свою долгую жизнь произведения искусства всегда обрастают легендами, – тихо проговорил он. – В старинных рукописях часто упоминается, что ониксовая камья оказывает на владельцев зловещее влияние. Считается, что, поскольку на ней изображены несчастные пленники императора, камья не приветствует никаких властителей и, больше того, стремится отобрать у них власть. Но это легенды, ваше преосвященство...»

«Конечно! – Ришелье вскинул на художника холодный взгляд. – Мы благодарны вам за изыскания, но настоятельно рекомендуем вам и вашему другу де Пейреску забыть о них».

И кардинал величественно взмахнул тонкой рукой, показывая, что аудиенция окончена. Однако, едва за Рубенсом закрылась дверь, Ришелье рывком открыл ящик своего стола. Там таинственным черно-багровым светом поблескивала огромная камья.

«Я подозревал, что ты приносишь несчастья, черное чудовище! – прошептал кардинал. – Недаром твои багровые вкрапления словно пятна крови... И надо же было проклятой королеве Медичи отыскать тебя! Лежала бы себе спокойно в казне... Но я не желаю, чтобы трон опять зашатался. Хватит с бедной Франции потрясений!»

И, обернув руку пурпурным рукавом сутаны, Ришелье подцепил черную камью, как зловредного скорпиона, и бросил ее в нижний ящик старинного комода. Пусть лежит там и никому более не попадает на глаза!

Так и осталась камья в укромном ящике комода. Давно отошли в мир иной и кардинал Ришелье, и король Людовик XIII. На троне вот уже которое десятилетие пребывал великий

Людовик XIV, сделавший Францию не только самой мощной державой Европы, но и законодательницей моды, манер, искусства.

В то хмурое осеннее утро король явно хандрил. За завтраком откусал мало, не принял ни одного министра. В припадке меланхолии он воскликнул: «Сколько можно любоваться на одно и то же? Неужели нет ничего новенького?» И тут кто-то из приближенных и подал королю огромную камю: «Сир, это античное сокровище нашлось в старинной мебели!»

Король оглядел находку, но она ему не понравилась: «Какая-то она не царственная – черно-белая, и эти противные багровые пятна... Отдайте ее дофину Людовику. У него как раз скоро день рождения».

Приказано – выполнено. Сын Людовика XIV получил камю в подарок. Но через полгода, в апреле 1711-го, он подхватил оспу и умер. Наследником престола был объявлен его старший сын – герцог Бургундский, которому вместе с прочими регалиями передали и черно-белую камю. Но не прошло и года, как и он скоропостижно скончался. Бедный Людовик XIV объявлял все новых своих наследников, но его дети и внуки не задерживались на этом свете. Так что когда Людовик-Солнце скончался в 1715 году в преклонном возрасте, наследником был объявлен его правнук – Людовик XV. Малолетнему ребенку, конечно, никаких регалий передавать не стали. А его опекун, блестящий и расточительный регент герцог Орлеанский, ценил только золотые луидоры. Камю он запер в ящике секретера, а потом и ключ потерял. Так что правление Людовика XV не было омрачено ничем. Он единственный из всех королей Франции правил в свое удовольствие.

За ним корону принял Людовик XVI. А у него обнаружилась особая страсть – король обожал вскрывать и чинить старые замки. Так что когда ему на глаза попался пыльный секретер столетней давности, он вскрыл его с огромным удовольствием. Между рассыпавшимися бумагами там лежала огромная камю. Людовик пришел в восторг, показал находку своей жене Марии-Антуанетте и более с камеей не расставался. Однако счастья королевской семье она не принесла – дальнейшая трагическая судьба этой венценосной четы известна всему миру.

Вскоре после революции 1789 года драгоценности французской короны (в том числе и камю Тиберия) были выставлены на всеобщее обозрение в Париже как народное достояние. Ну а потом камю попала на глаза первому консулу Франции – Наполеону Бонапарту. Тот жаждал покорить мир и потому обожал все истинно королевское. Узнав, что черно-белая камю долгое время считалась в королевской семье символом власти, Бонапарт окрестил ее Великой камеей Франции, приказав вставить в большую золотую оправу в стиле ампир. А при своей коронации повелел положить камю рядом с другими монаршими регалиями.

Что было дальше, опять же известно. Покорения мира не случилось, зато последовал крах империи и последующая ссылка Наполеона на остров Святой Елены. Камю же стала разменной монетой в расчетах с победителями. Ее вместе с другой уникальной геммой, которую называли камеей Гонзага, предложили в качестве «сердечного дара» русскому императору Александру I. Но русская душа – загадка. Александр выбрал не Великую камю Франции, а сардоникс Гонзага. Недаром же эзотерики до сих говорят, что русский император был одним из посвященных: может, он знал о проклятии камю Тиберия?.. Но факт остается фактом – сего дня в петербургском Эрмитаже мы можем восторгаться именно камеей Гонзага из трехслойного сардоникса.

Французы же благоразумно стараются не трогать свою Великую камю: лежит она спокойно в музее на привычном месте – и пусть себе лежит. Так надежнее.

Корона королевы Виктории

Историю, конечно, творят люди. Но встречаются и странные, почти мистические создатели истории. Так случилось с легендарным родовым сапфиром династии Стюарт. Камень сам начал влиять на исторические события.

Этот драгоценный камень издревле принадлежал шотландскому королевскому дому.

Говорят, его носил еще король Александр II в 1214 году. В XIV веке Давид II подарил этот камень Уолтеру Стюарту, за которого вышла замуж его сестра Маргарита Брюс. От этой пары и началась династия Стюартов. Прошли века, и в середине XVI века камень достался молодой королеве Марии Стюарт.

От настоятеля Эдинбургского монастыря королева узнала, что сапфир считается даром Небес. Услышала и пророчество: когда главный камень Шотландии соединится с главным камнем Англии, эти земли обретут мир и истинное могущество.

Королева Виктория

Мария цепким взглядом окинула темно-синий камень. Конечно, он красив. Но о чем толкует монах? Неужели хочет, чтобы Мария Стюарт подарила сапфир своей сестрице-сопернице – Елизавете Английской, чтобы примирить давнюю вражду Шотландии с Англией? Ну уж нет! Проклятая Елизавета и так незаконно восседает на престоле, на который должна была бы взойти она – Мария Стюарт. Даже отец Елизаветы, покойный король Генрих VIII, считал девчонку незаконной. А у Марии чистейшая родословная – она наследница древних английских и шотландских королей. Это она должна восседать на престоле в благословенном Лондоне, а не прозябать в полуразрушенном Эдинбурге, где осыпаются крепостные стены старого замка Холируд.

Впрочем, не стоит гневить Бога – ей ли жаловаться, когда она только что вышла замуж за 19-летнего красавца Генри Дарнлея?! Королева страстно вздохнула. Вот кому она отдаст драгоценность – возлюбленному мужу! В спальне Мария сняла с шеи сапфир, висящий на серебряной цепочке: «Пусть этот камень напоминает о страсти, которая сжигает наши тела!» Генри поднес сапфир к пламени свечи, и руки его дрогнули. «Скорее он напоминает посиневший труп...» Семейная жизнь не заладилась. Очень скоро Мария узнала, что красавец Дарнлей возглавил заговор против своей законной жены и властительницы – хочет стать единоличным правителем и идти в фарватере политики Елизаветы Английской. Пришлось принимать меры: отправить заговорщиков на плаху. Дарнлей тут же покаялся, и

Мария простила его. А как иначе? У них же родился сын Яков. Но вскоре соглядатаи опять донесли: вероломный Генри замышляет очередной переворот. 9 февраля 1567 года должен был состояться большой королевский праздник в честь свадьбы двух наивернейших вассалов. Дарнлей сказался больным и остался в своем доме Керк-о'Филд неподалеку от королевского замка Холируд.

Стоя на огромной ярко освещенной галерее замка, королева Мария Стюарт приветствовала прибывавших гостей. Но взор ее то и дело обращался в сторону Керк-о'Филда. Через каждые четверть часа слуги тайно докладывали повелительнице: к дому Дарнлея подъехала очередная группа заговорщиков, ведь именно на день праздника, когда никто не сможет им помешать, они и назначили свой главный совет. Когда веселье в Холируде достигло апогея, Мария перекрестилась. Сейчас, сейчас...

Шум праздника прервался оглушительным взрывом, от которого содрогнулась земля. Керк-о'Филд вместе с королем Генри и приехавшими к нему друзьями-заговорщиками взлетел на воздух.

Корона королевы Виктории

Наутро Мария пожелала сама взглянуть на рухнувшие стены. Оpoznать погибших было сложно, на тело Дарнлея Мария наткнулась в саду. Вероятно, взрывная волна выбросила его туда. Рядом с телом валялся сапфир. Мария подняла его, и вдруг в голову ей пришла невероятная мысль: может, Генри не по собственной воле хотел отдать Шотландию под власть Англии – может, именно проклятый сапфир стремился к объединению властей?..

После смерти Генри Дарнлея королем Шотландии был объявлен годовалый малютка Яков I. Ему и достался родовой сапфир. Дальнейшая судьба необузданной и несчастной Марии Стюарт известна всем: потеряв шотландский трон, она бежала в Англию, но была брошена в тюрьму, а позднее и казнена по приказу Елизаветы I Английской. Но судьба извилиста. Бездетная Елизавета была вынуждена назвать своим преемником ближайшего

родственника – Якова Шотландского. Так сын Марии и Дарнлея в 1603 году стал королем Англии и Шотландии – Иаковом I.

Началась эра Стюартов на английском престоле. Однако о пророчестве Иаков не знал, так что знаменитый сапфир просто лежал в королевской казне, которая находилась в Тауэре. Правление Стюартов, как известно, было бурным – Карла I, сына Якова Шотландского, казнили во времена первой революционной волны. И хотя его сын Карл II все же сумел вернуть себе трон, но следующего короля Иакова II революция вновь смела с престола. Хорошо, хоть Иаков сумел сбежать во Францию с драгоценностями короны, среди которых был и знаменитый «Шотландец», как называли сапфир Стюарта в Париже. После смерти Иакова камень жил во Франции у его сына, потом в Риме у внука – кардинала Генри Йоркского. Именно он и распорядился после своей смерти переправить камень на родину.

Дело оказалось непростым. В Европе шли Наполеоновские войны. Но верный слуга кардинала Анджело Бенелли сумел добраться до Лондона и передать сапфир в королевскую казну. Однако камень не заинтересовал правящего короля Георга III. Тот был уже слаб умом и мало о чем заботился.

Однако в 1837 году на трон вступила юная умница, восемнадцатилетняя королева Виктория. Она решила создать для своего коронавания новую корону и пожелала познакомиться с историей камней, которыми владела. Среди других драгоценностей любопытная Виктория заприметила сапфир и захотела узнать его прошлое.

У взволнованного хранителя казны задрожал голос: «Это сапфир Стюартов, принадлежавший еще древним королям Шотландии. О нем существует старинное пророчество: «Когда главный камень Шотландии соединится с главным камнем Англии, вся земля обретет истинное могущество!»

«А какой камень считается главным в Англии?» – поинтересовалась Виктория. Казначей с поклоном подал ей огромный рубин: «Вот «Черный принц», ваше величество. Его история известна с XIV века, когда его привез в Англию наследник престола Эдуард, прозванный за храбрость Черным принцем. От него рубин и получил свое имя».

«Так чего же вы ждете? – вскричала мудрая Виктория. – Немедленно воссоедините оба камня и вставьте их в мою новую корону! И да будет Британия самой могущественной в мире!»

Сапфир Стюарта почистили, обмерили, взвесили. Узнали, наконец, что после всех исторических перипетий он представляет собой овальный камень глубокого синего цвета полтора дюйма в длину и дюйм в ширину, массой 104 карата. По приказу королевы его вставили на лицевую сторону большой императорской короны – рядом с рубином Черного принца. Так наконец-то исполнилось тайное желание сапфира – сошлись «Шотландец» и «Англичанин». А Великобритания обрела небывалое могущество – стала империей, над территорией которой никогда не заходит солнце. Вот и не верь после этого пророчествам!

С тех пор сапфир Стюарта всегда на королевской короне. Правда, в 1910 году при коронации Георга V, внука Виктории, легендарный камень перенесли с лицевой на тыльную сторону короны. А его место занял недавно найденный алмаз «Звезда Африки-2». И почему, спрашивается, новый король не оставил все как было при бабушке? Перемена мест, вероятно, смутила легендарный сапфир – он перестал радеть о могуществе страны. Империя начала разваливаться. Впрочем, возможно, сапфир и не виноват. Просто XX век оказался роковым для всех империй...

Дама в черной мантилье и алмаз невест

Жизнь знаменитого синего бриллианта, названного по имени одного из владельцев «Виттельсбахом», сама по себе сплошная загадка. Но она же включает в себя тайну одной из самых знаменитых картин великого испанского живописца Диего Веласкеса (Диего Родригес де Сильва Веласкес, 1599–1669).

Дама в черной мантилье и плотной вуали, скрывавшей лицо, глухо произнесла: «Вы должны написать мой портрет, дон Диего!»

Веласкес окинул незнакомку пытливым взглядом: мантилья дорогая – подбита мехом, расшита золотыми нитями. В черной вуали блестят бриллианты. Дама явно богата. Но явилась вечером в мастерскую художника – одна, без дуэньи?! Это невероятно! Мадридские красавицы и носа не кажут на улицу без сопровождения, иначе их ждет жестокое осуждение общества. Может, незнакомка живет в одной из комнат огромного королевского дворца, как и сам Веласкес? Тогда она просто пробралась по темным коридорам. Но все равно – как осмелилась она незваной войти к мужчине?!

Веласкес не любил загадок и недомолвок. Он слишком дорожил своим местом при дворе короля Филиппа IV. И потому ответил не очень любезно: «Я не пишу по заказу, сеньора. Тем более незнакомых людей». Незнакомка приблизилась, повысив тон: «Меня вы напишете!» Из-под вуали сверкнул гордый взгляд. Художник напрягся: где он мог видеть эту женщину? Но вспомнить не успел – мантилья полетела на пол. Прямо перед художником оказалась молодая красавица – совершенно обнаженная, но с черной вуалью, закрывавшей лицо. «Напишите меня так!» – не попросила – приказала она.

Алмаз невест

Веласкес застыл как вкопанный. Что делать? Прогнать безумную незнакомку? Но как?

Он не слишком-то разбирался в хитросплетениях этикета. Он же вырос не в Мадриде, а в провинции. Конечно, прошло уже четверть века с тех пор, как он, недотепа из Андалусии, появился в 1623 году в столице. Тогда 24-летнему Веласкесу выпало огромное счастье стать личным живописцем короля. Но что сейчас может сказать монарх, увидев портрет обнаженной?! Это в Италии художники пишут и натурщиц, и любовниц, и богатых дам без одежды. А в мрачной католической Испании такое невозможно. Что скажет церковь и ее оплот – набожный Филипп IV?! Никто еще не изображал здесь ничего подобного...

Но что, если именно ему, Веласкесу, суждено стать первым? Недаром же он – «первый живописец короля». Да и разве он каменный – глядеть на такую красоту, когда она сама просится на холст?! В конце концов, если возникнут вопросы, всегда можно сказать, что холст с обнаженной красавицей он привез из Италии. Он же недавно был там.

«Так что же вы молчите? – прозвучал насмешливый голос незнакомки. – Бойтесь короля или церкви? Но я заплачу невероятную цену!»

Веласкес отпрянул: что имеет в виду эта странная донна? Не хватало еще ему, благочестивому мужу и отцу семейства, завести интрижку на старости лет. Ему же через пару лет стукнет пятьдесят!

Незнакомка гордо выпрямилась: «Я предлагаю вам не себя, а вот это!» На узкой ладони бездонной синевой блеснул драгоценный камень. Небольшой, но такой завораживающий, волшебный...

Веласкес узнал его сразу. Он же был первым живописцем двора и брал из королевской

сокровищниц то изумруды, когда рисовал парадные одеяния королевы, то жемчуга, когда писал испанских инфант, то бриллиантовые гарнитуры для портретов самого короля. Но ни разу Веласкес не осмелился взять этот мистический синий камень. Даже хранитель драгоценностей короны не мог сказать, как он появился в сокровищнице, зато все знали, что это драгоценность Неба, алмаз невест – волшебный камень, охраняющий супружеское счастье. Когда нынешняя королева выходила замуж за тогда еще принца Филиппа, к ее свадебному платью прикрепили круглую брошь с синим алмазом – покровителем невест.

«Откуда у вас этот камень?» – хрипло прошептал Веласкес. «Я не украли его, – вспыхнула незнакомка. – Мне дал его сам Филипп. Этот камень должен стать вкладом за мой наряд невесты. Увы, он не будет ни пышным, ни величавым. Черный подрясник – вот моя будущая одежда. Никто никогда не увидит моей девичьей красоты. Я должна уйти в монастырь и стать христовой невестой. Но прежде, чем я сделаю это, я хочу, чтобы моя красота осталась хотя бы на холсте. Рисуйте, дон Диего, и я отдам камень вам, а монахиням скажу, что потеряла его».

Незнакомка вновь раскрыла ладонь. И Веласкес не удержал свою руку, которая, кажется, сама по себе взяла камень. Художник знал про него все: темно-синий алмаз, почти округлый, с 82 гранями. Вес небольшой – 35,5 карата, но сам камень – такой влекущий.

Как заколдованный Веласкес схватился за краски. Хорошо, что холсты в его мастерской всегда натянуты. За этим следят ученики. Нельзя, чтобы такую красоту схоронили в глухих стенах монастыря! И речь не о мертвом камне, а о живой девушке. Пусть она останется хотя бы на холсте. Он напишет Венеру перед зеркалом, но не так плотски, как пишут итальянцы. Он нарисует целомудренную испанскую богиню, покажет ее только со спины. Прекрасные линии гармонии женского тела – и никаких вожделений! Крошечный Амур держит зеркало, и красавица смотрится в него долгим взглядом, словно хочет навеки запомнить свою красоту. И только черное покрывало намекнет зрителю на будущую трагедию. О Мадонна, монастырь...

Посетительница вздохнула: «Возьмите алмаз, господин живописец!» – и протянула художнику драгоценный камень, вспыхнувший в отблеске свечей. Веласкес покачал головой: «Завтра, донна! Вам придется прийти без вуали. Я допишу лицо».

Но вторая встреча так и не состоялась. И только через неделю, рисуя портрет одного из королевских карликов, Веласкес случайно узнал, что двоюродную сестру монарха насильно отвезли в монастырь. Говорят, король поставил перед ней выбор: замуж по его выбору или черная ряса. Но девушка была влюблена и потому предпочла монастырь, чем ненавистные объятия по решению короля.

Но хуже всего, что художник никак не мог вспомнить, как выглядела девушка. У короля же было сотни родственников! Но «Венеру перед зеркалом» нужно было закончить. Веласкес написал лицо с одной из своих натурщиц, но оно, увы, не подошло. Художник написал другое, потом третье. Он бился еще много месяцев, но все равно оставалось заметно, что лицо с земными золотистыми кудряшками не совпадает со стильной гармонией тела, почти небесного по красоте. Художник плюнул и оставил все как есть. А потом и вовсе увез картину из своей дворцовой мастерской в поместье жены под Севильей – от греха подальше! Жена Хуана быстро спрятала нескромный холст в потайном ящике большого комода. На всякий случай...

Время летело. Подросли уже и королевские дети. В 1660 году Филипп IV решил выдать одну из своих дочерей, инфанту Марию-Терезу, за молодого короля Франции Людовика XIV. Организацию брачного торжества король поручил своему любимому художнику – Веласкесу, ему же велел выбрать драгоценности для инфанты. Каково же было удивление живописца, когда в закромах несметной сокровищницы он увидел старинного знакомого – синий алмаз невест. «Откуда он здесь?!» – не удержался от вопроса художник.

Король Филипп скривился: «Этот камень вечно исчезает, но всегда возвращается. Я отдал его двоюродной сестрице в качестве вклада в монастырь Мадре де Диас. Думал, она станет христовой невестой. Но сестрица оказалась бунтовщицей. Мало того, что в монастырь

пришлось тащить ее силой, так она еще и умерла, не дождавшись пострига. Вот монахини и вернули камень».

Веласкес поежился: бедная девушка стала жертвой интриг, а Филипп говорит об этом как о само собой разумеющемся. Сколь жесток королевский двор! И что стало бы с самим Веласкесом, узнай король, что его художник нарисовал обнаженной даму из королевского семейства? Казнь? пытки? Хорошо, что жена надежно спрятала крамольный портрет...

«Раз этот камень считается драгоценностью невест, – выдал он, – не отдать ли и его в приданое инфанте?» Король вздохнул: «Вообще-то я думал об этом. Но уж больно алмаз красив. Да и к тому же брак Марии-Терезы с Людовиком – династический. Сколько ни посылай алмазов, вряд ли они принесут счастье. Но скоро подрастет моя любимица – инфанта Маргарита – та самая, которую ты так часто рисуешь. Мне особенно нравятся твои «Менины». Там запечатлены все, кого мне приятно видеть. Ты сам, со своими кистями, мои смешные карлики, фрейлины-менины – любимицы королевы. Даже твой родственник дон Хосе – в дверном проеме. Ну и конечно, мы с королевой, отраженные в зеркале. А в центре – наша золотоволосая Маргарита. Тогда ей было шесть лет. Теперь уже девять. Скоро и ее сосватаем. Вот тогда и отдадим синий алмаз. Пусть принесет ей счастье!»

Король знал, что говорил. Брак «короля-солнце» с Марией-Терезой оказался хоть и долгим, но абсолютно несчастным. Королевские фаворитки менялись как перчатки, и законная супруга выплакала все глаза. А вот младшая дочь Филиппа IV, золотоволосая Маргарита, в конце 1666 года вполне удачно вышла замуж. Правда, любимого живописца короля, Диего Веласкеса, к тому времени уже не было в живых, так что свадьбу 15-летней инфанты и 26-летнего императора Священной Римской империи Леопольда I Габсбурга, бывшего еще и королем Венгрии и Чехии, оформлял уже новый художник.

А вот синий алмаз, перебравшись в семейство немецких Габсбургов, так и остался в тамошней королевской казне. Через 56 лет, в 1722 году, юную Марию-Амалию Габсбургскую взял в жены Карл-Альберт Баварский из рода Виттельсбахов. На белоснежном платье невесты синим пламенем сиял волшебный алмаз. Именно с того дня он и получил свое нынешнее гордое имя – «Виттельсбах».

Брак оказался весьма счастливым. Больше того – прямые потомки Карла-Альберта и Марии-Амалии правили Баварией еще полтора столетия. И даже когда знаменитый алмаз отправлялся в залог, ибо денег не всегда хватало, он регулярно возвращался в семью – в сокровищницу – и блистал на свадебном наряде очередной новобрачной, выдаваемой замуж из дома Виттельсбахов. Воистину алмаз невест!

Однако в приданое баварцы никогда его не отдавали. Напротив, бережно хранили в сокровищнице фамильного дворца Виттельсбахов в Мюнхене. Курфюрст Максимилиан III приказал мюнхенским ювелирам установить камень в центр восьмиконечной бриллиантовой звезды и окружить его 700 бриллиантами разных размеров. Пусть все видят, сколь любят Виттельсбахи свою легендарную драгоценность!

Родовой алмаз не покинул Виттельсбахов и в самое тяжелое время. Под давлением революционных настроений последний король Баварии Людвиг III в 1918 году был вынужден отречься от престола. Все имущество двора, кроме личных вещей монарха, ушло в казну. И надо же – среди этих личных вещей оказался синий алмаз. В последний раз он был на короле на церемонии его отпевания в мюнхенской церкви театинцев в 1921 году.

Кому был продан легендарный камень невест потом, осталось тайной. Алмаз объявился только в начале 1953 года перед самой знаменитой свадьбой XX века – королевы Великобритании Елизаветы II и принца Филиппа. В секретариате Букингемского дворца раздался телефонный звонок. Неизвестный предлагал купить для приданого юной королевы легендарный камень невест. Но цена!.. В то время Англия, как и весь мир, только приходила в себя после Второй мировой войны. Королевская свадьба и так потребовала фантастических затрат. Словом, молодая Елизавета не осмелилась их увеличить. В конце концов, разве не достаточно сокровищ в английской казне?

Оказалось – недостаточно. Нет, конечно, королева Елизавета вот уже более полувека

здравствует во вполне благополучном браке. Но вот наследники ее никак не найдут своего счастья: то разводятся, то снова женятся, чтобы опять развестись. Может, если бы талисман семьи сверкал на белоснежном платье Елизаветы, все вышло бы иначе?..

Кто знает?.. А между тем «Виттельсбах» снова исчез и объявился только в январе 1962 года. Неизвестный предложил специалисту по драгоценным камням Джозефу Комкоммеру из Антверпена оценить «какой-то старый камень». По почте прибыл мятый пакет, перевязанный бечевкой. Комкоммер небрежно разрезал его ножом и рухнул в кресло – в мятом пакете лежал темно-синий красавец «Виттельсбах». Конечно, Джозеф выкупил камень. Причем за неожиданно малую цену – 180 тысяч фунтов стерлингов. Но однажды он снова получил письмо, причем с давно забытым гербом Виттельсбахов. В письме была просьба продать камень. А в конце приписка: «Моя сестра выходит замуж». Ну что тут сделаешь? Комкоммер вспомнил старинное предание о том, что синий алмаз неизменно служил талисманом высокородных невест. К тому же предложенная ему сумма оказалась поистине астрономической. Словом, он не смог устоять и продал алмаз. Но имя покупателя так и осталось неизвестным.

В 2008 году темно-синий камень вновь всплыл. На этот раз на аукционе «Кристи». Его купил известный лондонский ювелир и коллекционер исторических драгоценностей Лоренс Граф за 16,36 миллиона фунтов (24,3 миллиона долларов). Интересно, кто в семействе Граф выходит замуж?..

Проклятое ожерелье

От какой невероятной малости иногда зависит великая история! Кому могло бы прийти в голову, что Французская буржуазная революция сможет начаться с ожерелья, проданного, как сказали бы современные финансисты, в кредит? И вся история оказалась таинственной, а кредит трагическим. Может, потому, что само ожерелье не желало ни к кому идти в руки? Не хотело иметь хозяйку? А может, камни, из которых было создано это ожерелье, не желали быть вместе? Ведь бриллиантов лучшей огранки в ожерелье было невероятное количество – 647 камней общим весом в 2,5 тысячи карат, из них 17 бриллиантов размером с грецкий орех. Обычно каждый такой камень индивидуален и достоин собственного ожерелья, а тут ювелиры французского королевского двора Бюммер и Бассанж заставили все их тесниться в единой массивной золотой оправе. Вот и зыграла бриллиантовая гордость. И пошло-поехало по принципу: так не доставайся же ты никому! Впрочем, и раньше старинные ювелиры знали секрет: не все камни можно поместить на одно изделие. Не хотят они сосуществовать вместе – ни один ювелир не сможет заставить.

Вот и у самого огромного ожерелья в мире, созданного Бюммером и Бассанжем, оказалась таинственная судьба. Оно никак не желало обретать хозяев. Ювелиры делали это ожерелье для царственного хозяина – короля Людовика XV. Тот мечтал подарить и украсить этим чудом ювелирного искусства шею своей фаворитки мадам Дюбарри, но не успел – умер. Для простого же покупателя ожерелье оказалось слишком дорого, ведь его цена приближалась к 2 миллионам ливров. Так что несколько лет ожерелье пролежало в сейфе ювелиров. Наконец, создатели снизили цену до миллиона 800 тысяч ливров. Но и тут покупателей не нашлось. Ювелиры предложили драгоценность новому королю Франции – Людовику XVI. Его супруга Мария-Антуанетта пришла в восторг, но король отказался покупать такую дорогую вещь. «За эту цену можно купить флагманский корабль!» – только и буркнул он. И ожерелье снова осталось лежать в своем темном бархатном футляре.

Но время шло. Началась самая скандальная история, когда-либо связанная с драгоценностями. Ибо сам факт покупки привел к... революции.

Все началась, впрочем, как и обычно, с человеческого тщеславия и жадности. 25-летняя красотка Жанна де Ламотт, приехавшая в Париж начала 1780-х годов, жаждала богатства и признания в свете. Предпосылки для этого кое-какие имелись, но весьма хлипкие. Сама Жанна, родившаяся в 1756 году, уверяла всех, что принадлежит к старинному королевскому

роду Валуа, когда-то правившему Францией. Действительно, ее фамилия по отцу была Валуа, вот только папаша был разорившимся дворянином, который женился на служанке, опустившейся чуть не до проституции. Так что Жанна и сама с пяти лет промышляла милостыней. Однажды она попала на глаза маркизе Буленвилье, и та, добрая душа, поверила в легенду о Валуа и пристроила хорошенькую девчушку в монастырскую школу. Так Жанна получила весьма приличное образование и после окончания учреждения подыскала себе неплохую партию – вышла замуж за офицера Николя де Ламотта. Тот тоже имел фамильную легенду – считал, что происходит из графского рода. Главное, чтобы окружающие верили! Вот только денег у него не было. Впрочем, новоиспеченная парочка быстро решила, откуда их взять, – Жанна решила воспользоваться своей красотой и начала обирать любовников. Словом, средств на приличную жизнь вполне хватало. Но графиня мечтала о большем – ей хотелось блистать при французском дворе.

Случай представился, когда Ламотты познакомились с кардиналом де Роганом, епископом Страсбургским, троюродным кузеном самого короля Людовика XVI. Жанна стала его любовницей, и кардинал помог милейшей чете перебраться в Париж. Там Жанна сначала навещала в Версаль – хлопотать о признании своей принадлежности к роду Валуа. Ей даже пришлось устроить целое представление. Однажды на глазах у придворных она упала в обморок. Кругом зашептались: «Какой позор – представительница дома Валуа умирает от голода во дворце Бурбонов!» Об инциденте донесли королеве Марии-Антуанетте. И эта добрая душа распорядилась признать Жанну истинной Валуа и назначить пенсию. Небольшой, конечно, но, главное, королева написала приказ собственноручно. Ловкая Жанна повесила его на стену у себя в гостиной и теперь каждый день рассказывала приятельницам о том, как они с королевой познакомились, подружились, как тайком (только вдвоем!) откушивают кофей с пирожными. И окружающие поверили, что Жанна – действительно доверенная подружка самой королевы Франции.

Однако парижская жизнь оказалась дорога. И Жанна решила выкачать побольше денег с кардинала де Рогана. У того были две слабости. Во-первых, он мечтал стать первым министром, как его предшественники Ришелье и Мазарини. А во-вторых, был влюблен. И в кого! В саму Марию-Антуанетту. Вот только сама она терпеть его не могла.

Жанна заявила, что поможет кардиналу. Ему всего лишь надо написать письмо королеве, а она, Жанна, его передаст. И точно – через пару дней красотка принесла ответ. Конечно, де Роган и не подозревал, что письмо было подложным, написанным приятелем Ламоттов – Рето де Вийеттом, отличавшимся виртуозным умением подделывать почерки. Ну а состряпать письмо королевы особого труда не стоило – тем более что почерк можно было скопировать с приказа о даровании пенсии Жанне Валуа. Да и подпись ту же поставить: «Мария-Антуанетта Французская».

Но переписка кардинала не удовлетворила, и Жанна взялась устроить краткое тайное свидание с королевой. И вот 11 августа 1784 года в 11 часов вечера в темном уголке Версальского парка влюбленный кардинал встретился с королевой. «Прошлое забыто! – прошептала она. – Думайте о будущем!» И в это время послышался голос: «Сюда идут! Немедленно уходите!» Кто-то подхватил плохо соображающего кардинала за руку и потащил прочь. Свидание закончилось. Но надежды влюбленного кардинальского сердца вспыхнули ярким пламенем. Ну а на «верную Жанну» пролился золотой дождь.

Надо ли говорить, что никакая королева с Роганом не встречалась. Ее роль исполнила приятельница Жанны – Николь Лаге, внешне похожая на Марию-Антуанетту.

Между тем кардинал, зная, что королевская казна пуста, решил засыпать Марию-Антуанетту подарками, которые отсылал через верную Жанну. И однажды та поведала кардиналу, что королева мечтает купить уникальное ТО САМОЕ легендарное ожерелье, созданное королевскими ювелирами Бюммером и Бассанжем из 647 бриллиантов. Пару лет назад король отказался от его покупки, но теперь Мария-Антуанетта, накопив денег, сама решила ее приобрести. По ее просьбе она, Жанна, ездила к ювелирам, с которыми договорилась о продаже в рассрочку. Однако королеве нужен солидный поручитель.

Кардинал ухватился за эту идею. Правда, решил написать подробное письмо королеве. Вскоре Жанна принесла ответ: «Мария-Антуанетта Французская» рассыпалась в благодарностях и уверяла, что поручительство – просто формальность, ибо деньги у нее имеются. 1 февраля 1785 года де Роган отправился к ювелирам и даже уговорил их сбавить цену до миллиона 600 тысяч, которые должны быть выплачены в четыре приема. Кардинал получил от ювелиров уникальное ожерелье в бархатном футляре и тут же передал его Жанне. Уж теперь-то он был уверен: за такую услугу получит сердце королевы, равно как и пост первого министра.

Жанна же принесла ожерелье домой. Она понимала, что продать его невозможно, но ведь камни можно вынуть и сбыть за рубежом. И потому Николя Ламотт засел за извлечение бриллиантов из оправы. Конечно, не имея профессиональных навыков, он покалечил некоторые камни, но дело пошло на удивление споро – бриллианты словно сами желали поскорее выбраться из своей ненавистой «тюрьмы». Так что Николя быстро уехал в Лондон, увозя в тайниках драгоценные камни. Между тем приближалось время платежа. Королева конечно же ничего ювелирам не прислала. А бедняга кардинал обнаружил, что 400 тысяч наличными у него нет. Словом, платеж просрочили. Жанна полагала, что ювелиры начнут осаждать кардинала, но те обратились напрямую к Марии-Антуанетте.

Естественно, выяснилось, что никакого ожерелья королева и в глаза не видела. В гневе она потребовала публичного суда. Все участники истории, кроме Никола де Ламотта, оказались в тюрьме. Это была роковая ошибка! Народ терпеть не мог королевскую чету. Никто не поверил, что Мария-Антуанетта не взяла ожерелья себе. Решили, что она просто не хочет платить и потому спихнула все на невиновных. В мае 1786 года суд оправдал и Рогана, и Николь Лаге. Кардинала вообще вынесли из зала суда на руках под восторженные вопли толпы. Королевская власть пала в глазах народа ниже некуда. Недаром Гёте назвал дело об ожерелье «прологом Французской революции». Властям удалось отыгаться только на Жанне. Ее приговорили к наказанию кнутом, клеймению как воровки и пожизненному заключению. Однако каким-то образом ей удалось бежать из тюрьмы в Лондон к мужу. Дальнейшая ее судьба теряется в дымке тайны: одни говорят, что она умерла в Лондоне в 1793 году, но другие утверждают, что она перебралась в заснеженную Россию (куда ж без загадочной русской души?) и жила там, продавая камни, под именем графини де Гаше – сначала в Петербурге, потом в Крыму, где и скончалась в 1826 году. Впрочем, для извилистых троп истории это уже не столь важно. Ведь ожерелье выполнило свою роковую предназначение – подбило народ на Великую французскую буржуазную революцию.

Императорский перстень

Влияние драгоценностей на судьбу людей и исторические события неизменно. Вот уже 200 лет стоят в Москве знаменитые Сандуновские бани. Однако в Москве никогда не было «купцов банного дела» с такой фамилией. Правда, в Петербурге конца XVIII столетия блистала великая русская певица Елизавета Семеновна Сандунова, о судьбе которой ходили легенды. Действительно, история ее жизни интереснее самого захватывающего любовного сериала. Но самой удивительной ее тайной стал подарок императрицы – заговоренный перстень.

Юная ученица Театральной школы Лизонька стояла после концерта в Эрмитажном театре пред светлыми очами самой Екатерины Великой. «Учителя тебя хвалят, милая! – с улыбкой проговорила императрица. – Только вот почему на афише твое имя без фамилии значится?»

Лиза заалела как маков цвет и еле слышно выдавила: «А фамилии нет...» Екатерина удивленно повернулась к стоявшему рядом князю Безбородко: «Ты у меня за театрами надзираешь. А ну растолкуй, как это – нет фамилии?»

Князь вытер мгновенно выступившую от страха испарину и проямлил: «Так ведь

сирота неведомо чья... Ни отца, ни матери...» И тут Лиза кинулась на колени перед доброй императрицей: «Вы – моя единственная матушка... Другой не знаю!» Екатерина подняла девушку: «Тогда я тебе и фамилию дам. Вот недавно астроном-англичанин сэр Уильям Гершель открыл новую планету – Уран называется. А я открыла тебя. Будь же с этого дня Урановой!»

Через пару месяцев императрица вновь распорядилась: «Уранову – в мою ложу!» Лиза вошла да и обомлела: матушка-государыня ей улыбается и коробочку маленькую протягивает, а там в синем бархате кольцо с большим бриллиантом лежит и радужными гранями переливается. А Екатерина и говорит: «Вот пела ты, Лиза, о любви да о муже. И я решила тебе перстень волшебный подарить с моим наказом: никому, кроме жениха, не отдавай. Тогда и у тебя любовь будет!»

С тех пор вся жизнь Лизы на взлет пошла. Одно плохо – вертится вокруг светлейший князь Безбородко: то щечку ущипнет, а то липкими губами норовит чмокнуть. Но только к чему Лизе старый селадон? Ведь она влюблена в актера и певца Силу Николаевича Сандунова.

Правда, Сила тоже не юн – 34 года, зато весел, горяч и авантажен – глаза жгучие, притягательные, волосы как вороново крыло, – недаром выходец из родовитой грузинской семьи Зандукели. В 25 лет приехал в Москву, попал в театр да и не смог жить без сцены. С родными повздорил, фамилию по-русски переименовал. Сначала играл в Москве, а с 1783 года в Петербурге. Публика от него в восторге, играет ли он веселого пронырливого слугу Скапена или поет завораживающим басом в комических операх. Ну как такого не полюбить? Вот кому Лиза императорский перстень отдаст.

Но перед премьерой «Дианиного древа» Безбородко пожаловал в актерскую гримерку. Лиза едва успела прикрыться амуровой туникой. Да что прикроешь лоскутком ткани размером с ладошку?..

«Не пугайся, мой амурчик! Я добр, я щедр. Я тебе денег дам!» – страстно зашептал князь да и сунул за корсаж девушки толстенную пачку ассигнаций.

Лиза вскрикнула, отпихнула сиятельного сластолюбца и, не глядя, бросила деньги в горевший старый камин...

На другой день наступила расплата. Явившись в театр, Сила Сандунов узнал, что играет в последний раз. Прямо в кулисах его подхватили два дюжих молодца, скрутили руки, вывели на задний двор театра и затащили в карету. «Что сие значит?» – воскликнул Сила. «Вы высылаются в Херсон», – последовал ответ.

Вечером шла опера «Федул с детьми» по пьесе самой государыни. Лиза запела арию героини – о том, как приезжал в деревню молодой вертопрах, «серебром дарил», «золото сулил», пытался соблазнить невинную девушку. «Но я в обман не отдалась!» – гневно пропела Лиза и, упав на колени перед императорской ложей, протянула государыне «жалобную петицию».

Наутро ее вызвали в приемную малых эрмитажных покоев. Екатерина сидела за столом и что-то быстро писала. Лиза кинулась ей в ноги: «Матушка! По вашему совету я дареный перстень берегла. Как вы велели, хотела жениху отдать. Да разлучили меня с любимым!» Екатерина оторвалась от письма: «Силу твоего в Петербург вернут. И вашу свадьбу я разрешаю».

14 февраля 1791 го да Лиза Уранова стала Сандуновой. Однако сановный развратник не оставил ее в покое, только сменил тактику – заваливал подарками. Утром поступила новая шкатулка с бриллиантовым гарнитуром: ожерелье, кольцо, браслет, сережки. Сила побуйствовал, а потом рассудил, что бриллианты можно взять за моральный ущерб. К тому же Сила уже решил – они оставят властолюбивую столицу и уедут в спокойную Москву.

В 1794 году Первопрестольная встретила Силу Сандунова с распростертыми объятиями. Петровский театр тут же назначил актеру хорошее жалованье, а вскоре он получил и обязанности режиссера. Лизу тоже приняли вполне доброжелательно, но и только. Так что пела она редко, чаще сидела дома и тосковала по Петербургу. Однажды Сила

вернулся довольный и улыбающийся: «А я дом купил – просторный, недалеко от театра. И записать его хочу на твое имя!»

Дом и вправду оказался огромен. Лиза ахала – сколько же слуг надо нанять, чтобы содержать его в чистоте? И тут ее осенило. Дом стоит прямо на берегу реки Неглинки – вот где новые бани устроить можно. Да только их участка для того не хватит, надо у соседей землю покупать. Продали княжеские бриллианты, но средств не хватало. Тогда Лиза и продала перстень, подаренный «матушкой». Так на высочайшие подарки и начали возведение новых московских бань. Ах, если б только ведала Лиза, что нельзя расставаться с заветными подарками!..

Бани Сандуновские открылись в 1804 году. Не бани – дворец! Все по последнему слову техники, а уж красота вокруг – хоть любоваться ходи. Мрамором, малахитом, яшмой стены и полки отделаны, люстры хрустальные, и, несмотря на такую роскошь, билеты в бани Сандуновы были недорогие, всем доступные. Так что повалил в Сандуны и простой люд, и высший свет, и интеллигенция. Поэт Пушкин, вояка и стихотворец Денис Давыдов, художник Орест Кипренский и многие другие известные люди образовали в Сандунах свое образный клуб по интересам. Такого в Первопрестольной никогда еще не было. Словом, стали Сандуновские бани московской достопримечательностью.

Но не прошло и пары лет с открытия Сандунов, прознала Лиза невероятное. Ее Сила Иванович зачастил в особняк дворянки Столыпной. Да не к ней самой, а к ее... дворовой девке Лизавете Горбуновой! У бедной Лизы голова кругом пошла. Но устраивать скандалов она не стала. Просто в одно далеко не распрекрасное утро, когда Сила вообще домой не вернулся, приказала Лиза слугам собираться: «В Петербург уедем!» Так что, когда через день вернулся Сила домой, там было пусто – ни жены, ни слуг.

В Петербурге Елизавета Семеновна Сандунова вновь стала петь на императорской сцене – и опять с фурором. Тем временем изменщику Силе пришлось-таки оставить сцену – любовь с дворовой девкой не прошла незамеченной для театрального начальства. Да и со здоровьем начались проблемы. И в 1820 году Силы Николаевича не стало.

Как-то Елизавета Семеновна приехала по делам в Москву и сильно простудилась. Верные слуги отпаивали хозяйку липовым чаем. Поправившись, Сандунова решила себя побаловать – пошла в ювелирную лавку. Склонилась над витриной и ахнула – в синей бархатной коробочке светился тот самый перстень с бриллиантом. Домой она вернулась сияющая. Но уже к вечеру загрустила: «Вот нашлась потеря, да уж Силы нет. Некому подарить!..»

В ночь на 22 ноября 1826 го да Сандунова легла спать, надев на безымянный палец вновь обретенный перстень. Как оказалось, в последний раз: к утру ее нашли бездыханной.

Дом мечты Павла Нащокина

Свою судьбу люди разделяют с родными и близкими, иногда просто с незнакомыми, но окружающими их людьми. История знает примеры, когда судьба человека оказывалась загадочным образом связана с его... вещами.

О жизни Павла Воиновича Нащокина известно многое. Он ближайший друг Пушкина, у которого поэт жил в Москве. Впрочем, в домах (петербургском и московском) Павла Воиновича кто только не находил приюта. Весь интеллигентный мир 1820-х годов гостил, обедал и ужинал в гостеприимных обиталищах Нащокина. Часто гостей на ночь оставалось так много, что Павел приказывал стелить прямо на полу – по всем комнатам и коридорам. К тому же Нащокин бескорыстно помогал всем нуждающимся. Не раз выручал и Пушкина – деньгами, советами и творческими подсказками. Так, именно Нащокин подсказал другу сюжеты «Дубровского» и «Домика в Коломне». Дружил Павел Нащокин и с Гоголем. Тоже помогал, чем мог. Известно, что именно Нащокину Гоголь посвятил несколько лучших глав второй части «Мертвых душ». Сам же Нащокин считал себя человеком «разнонасыщенным», говорил о себе: «И мот, и кутила, и добрых дел заводила». Однако прошла по его судьбе и

странная загадочная нить.

П.В. Нащокин

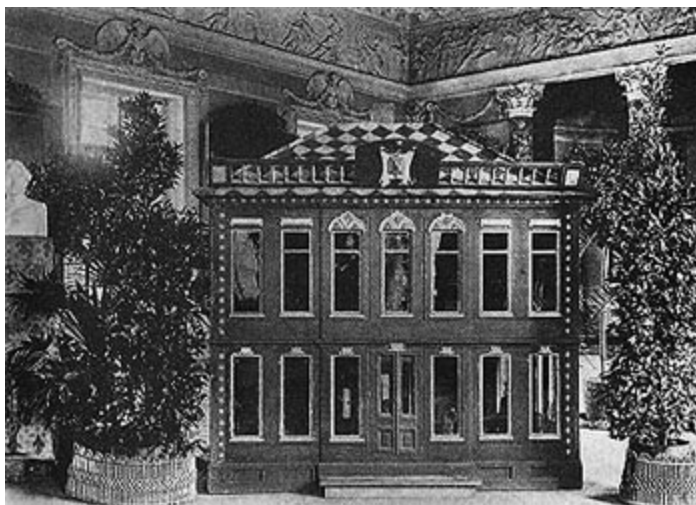
Нащокин был на два года младше Пушкина (родился в 1801 году), учился в Царскосельском лицее, был дружен с младшим братом поэта. Происходил из богатого семейства и был с детства избалован матерью. Отслужив в юности в блестящих гвардейских (Измайловском и Кавалергардском) полках, Павел в 1823 году вышел в отставку и поселился в доме маменьки в Петербурге на всем готовом. Но и о независимой буйной молодости позаботился: нанял целый бельэтаж огромного дома на Фонтанке, куда и созывал гостей-приятелей. Ночные карточные игры сменялись балами, кутежами и катаниями в каретах по ночному Невскому. Матери объяснял свое поведение просто: «Я еще не повзрослел. Вот остепенюсь, тогда и стану вести достойную жизнь. А пока – скучно!»

Видно, чтобы не было так скучно, этот шалун-переросток и решил поиграть в... игрушечный домик. В таких домах девочки держат кукол, но Павлу кукол было мало. Он устроил довольно вместительный двухаршинный (примерно 142 см) кукольный дом – со стеклянными стенами, чтобы было видно, что внутри. Настоящий стеклянный замок! На первом этаже располагались жилые покои, отделанные, словно во дворце: пол выложен мозаичным паркетом, стены – то мраморные, то обитые золотым штофом, кругом микроскопические картины и скульптурки, библиотека с крошечными вынимающимися книгами, бильярд с шарами и киями. На втором этаже – танцевальная зала с тремя серебряными люстрами, многочисленными канделябрами на малахитовых подставках. Посредине – стол, сервированный на 60 персон, в дальнем углу – ломберные столы с крохотными колодами карт. Вся зала украшена искусно сделанными тропическими растениями в кадках. Словом, Павел хотел воссоздать в миниатюре собственное идеальное жилище, в котором хотел бы жить. Даже о винном погребе позаботился: внизу в подвале в открытых ящиках поместил малюсенькие бутылки, но с реальными напитками. Всю обстановку Павел долго собирал по частям: что-то привез, что-то заказал со всего мира – из Франции, Германии, Голландии и даже Китая. Не просто кукольный дом для игры – для жизни. Всемирный дом. Дом мечты Павла Нащокина!

Собирая свой «домик малый», Нащокин отдыхал душой. Игрушка обростала обстановкой и обретала собственный характер. Вот только Пушкин заметил, что «недостает

живых человечков». И Павел заказал на Петербургском императорском фарфоровом заводе фигурки Пушкина, Гоголя, самого себя, ну и, конечно, прелестных дам.

Женский пол был его страстью. Актрисы, цыганки – мимо них он не мог пройти. Однажды в Москве встретил цыганку Ольгу Солдатову, дочь знаменитой цыганской певицы Стеши, которой восторгался Пушкин. Загорелась бешеная страсть. Но черноокая красавица требовала больших денег на драгоценности, наряды, золоченые экипажи. Даже у такого богача, как Нащокин, пробилась брешь в бюджете. Цыганка только плечиком повела: «Да ты можешь никогда не беспокоиться о средствах. Ты же создал собственный мир. – И красавица показала на нащокинский домик, стоявший на столе в центре залы. – Ты творец, так сотвори себе вечное богатство!» Павел удивился: «Но как?» Девушка улыбнулась: «Чтобы деньги не переводились, положи под дом купюру покрупнее!» Павел фыркнул: «Да у меня всего 100 рублей, и те потратить надобно!» Цыганка сверкнула черными глазами: «Клади – делай, что говорю! Ну а уж коли невогугу станет и возьмешь деньги – из первых же средств, что придут, возмести!»

Кукольный домик Нащокина

Павел засунул купюру под днище домика и... через пару дней получил нежданное наследство. С тех пор так и пошло: как деньги подходят к концу, появляются либо нежданные средства от родственников, либо друзья отдают старый долг, либо сам Павел выигрывает в карты. Впрочем, фартило не всегда. И тогда Нащокин начинал распродавать свои богатые коллекции – монеты, картины, фарфор, бронзу, но чудо-домик берег.

Впрочем, как не беречь – ведь домик напоминал ему о безвременно погибшем друге Пушкине. Когда-то именно Пушкин помогал его обставлять. Друзья даже хотели подарить его Наталье Николаевне, тогда еще невесте поэта. Но не случилось... И вот теперь Павел искренне переживал его дуэль и кончину. По преданию, когда поэт умер, Нащокин вместе с Вяземским и еще кем-то третьим разделили между собой в знак вечной памяти три последние купюры, которые лежали в бумажнике Пушкина. Это были три 25-рублевки, и друзья написали на них год, день, число и час смерти Пушкина. Впоследствии Павлу давали большие деньги за эту «смертную 25-рублевку», но он, хоть и часто находился на мели, ее не продал.

После смерти Пушкина Нащокин окончательно перебрался в Москву. Здесь было развито столоверчение и вызывание духов. И Павел начал вызывать дух незабвенного друга Пушкина. Сеансы обычно проводились за маленьким столиком, стоящим в той же зале, где на большом столе располагался кукольный дом. Надо сказать, что спиритические сеансы никак не приживались. У Нащокина начала ужасно болеть голова, ему стало казаться, что его обожаемый домик вместе со своими обитателями не одобряет магии духов. Однажды произошло неожиданное. Когда Павел начал вызывать дух Пушкина, фарфоровая скульптурка поэта, спокойно сидевшая в домике, вдруг повалилась на пол. Испуганный

Павел счел это нехорошим знаком и прекратил сеансы столоверчения. Он сжег все бумаги и даже освятил свою квартиру. Так домик снова проявил свой характер, запретив хозяину заниматься магией.

Впрочем, дела у Нащокина, привыкшего жить на широкую ногу, шли все хуже. Но и тут случались маленькие чудеса. В одну из комнат своего домика Нащокин еще давно поместил фигурку своего старинного приятеля Александра Степановича Кокошина, с которым весело кутил в юности.

Но оказалось, что к зрелому возрасту Кокошин остепенился и начал заниматься благими делами – давал нищим офицерам по пять рублей, а штабс-офицерам – по десять. Однажды, когда пришла крайняя нужда, Нащокин и вспомнил о приятеле: «Что ж он у меня в домике даром живет? Пусть оплачивает проживание!» И что бы вы думали? Богач действительно стал регулярно давать Нащокину деньги. Шутил: «На проживание!» А ведь это было правдой. Домик заботился о своем хозяине из последних сил.

Но однажды Нащокин поступил крайне опрометчиво: потратил последнюю купюру, вынутую из-под днища домика, а когда снова получил деньги, не возместил траты. То ли средств не хватало, то ли он уже позабыл о наказе цыганки Ольги. И случилось страшное – пожаловали кредиторы. Пришлось Нащокину скрепя сердце заложить свой чудо-домик московскому нотариусу Пирогову за 12 тысяч. Конечно, Павел надеялся выкупить свое сокровище, собирал деньги, но тщетно – так и умер в 1854 году, не сумев вернуть свое чудо. Но и нотариусу домик не принес выгоды – долго не хотел продаваться, пока его не купил антиквар Волков, за ним – некий архитектор, который ожидал большой заказ от города. Но заказа не последовало. Словом, чудо-домик не желал помогать новым хозяевам!

На четверть века он вообще затерялся и обнаружился только уже в начале XX века в коллекции художников – братьев Гальяшких. Они отреставрировали старинное чудо и в 1910 году показали на выставке. В конце концов, нащокинское сокровище попало во Всероссийский музей А.С. Пушкина в Петербурге. Там оно и до сих пор. Вот только никаких мистических свойств не проявляет – видно, скучает по своему единственному любимому хозяину. Зато оказалось, что по «барской забаве» потомки могут узнать о быте далеких 1830-х годов куда больше, чем по другим источникам.

Таинственный камень любви

Такого не случилось никогда! У знаменитого ювелира Форсангера дрожали руки. А ведь он – лучший в мире гранильщик алмазов. Недаром фирма аукционного дома

«Кристи» пригласила именно его для работы со старинным камнем, который нужно переогранить – тогда на предстоящем аукционе можно будет продать его вдвое дороже. Но, взяв в руки алмаз со странным именем «Глаз идола», ювелир вновь ощутил приступ безотчетного страха. Однако чего он страшится? Камень, конечно, абсолютно чистой воды, но не особо велик – чуть больше 70 карат. Да и огранен не по правилам – в форме какого-то сплюсненного треугольника. А новая огранка придаст ему совершенную форму.

Ювелир решительно закрепил алмаз в отверстие металлической трубки и поднес к гранильному диску. Сверкнул ярчайший луч, будто из камня вырвалась молния. Форсангер схватился за сердце...

На другой день газеты вышли с кричащими заголовками: «Загадочная смерть ювелира», «Камень-убийца», «Алмаз, который не дал прикоснуться к себе!».

Из-за этого трагического события Уильям Кристи потерял сон. Продать камень со смертельной историей практически невозможно. Никто уже и не вспомнит, что у «Глаза идола» раньше она была совершенно иная. Его нашел в конце XVI века в знаменитых алмазных копиях Голконды некий молодой старатель. За это ему разрешили жениться на любимой девушке. С тех пор и стали говорить, что алмаз – камень влюбленных.

Правда, другая версия гласила, что алмаз прибыл в Европу из старинного индийского храма, где был вставлен в глаз местного идола – отсюда и странное имя. Но и по этой

легенде выходило, что, раз алмаз был только одним глазом, он всегда будет стремиться найти свою пару, а значит, и сыщет пару своему владельцу.

Словом, обе легенды были хороши для предстоящего аукциона. Одно плохо: камень неправильно огранен. После загадочной смерти Форсангера ни один ювелир не брался за огранку «Глаза идола». Все только твердили: раз камень не поддался руке опытного ювелира, значит, не желает этого. Возможно, алмаз знает, что после огранки потеряет силу. А тот, кто станет насиловать алмаз, потеряет мастерство. Пришлось Кристи просто прикрепить алмаз на золотую цепочку, отделанную мелкими бриллиантами, и 14 июля 1865 года выставить на продажу.

Невероятно, но этот сплюсненный алмаз произвел фурор. На него пожелала взглянуть сама королева Виктория. Поднесла камень к груди и подошла к зеркалу. Хоть и королева, но женщина!.. Взглянула долгим взглядом и вдруг отбросила алмаз. Только и выдавила: «Ах!» – и покинула выставочный зал. Уже на другой день из верных источников Кристи узнал, что королеве привиделся в зеркале ее покойный супруг, принц-консорт Альберт. И хотя Виктория души в нем не чаяла, но зеркального призрака перепугалась до смерти. Появление его в зеркале она приписала странному алмазу. И «Глаз идола» не купила.

Алмаз достался молодому наследнику турецкого султана, будущему правителю Абдул-Хамиду II. И купил он его с тайной надеждой. Два года назад у него умерла любимая жена. И вот теперь одна надежда на волшебный камень. Говорят же, что он находит возлюбленную для своего хозяина. А Абдул-Хамиду никакой другой возлюбленной не нужно, кроме утерянной супруги.

Вернувшись в покои собственного дворца, юноша кинулся к зеркалу. Повертел алмаз и так и эдак. Ничего особенного. Может, нужно заниматься этой магией, когда темно? Принц три ночи провел перед зеркалом с алмазом в руках – опять безрезультатно. Но когда заснул, увидел-таки свою любимую. И она позвала мужа к себе. Наутро слуги обнаружили повелителя на пороге фамильного склепа. Как принц попал туда, никто не понял, но сам он, очнувшись, пришел в ужас. Получалось, любимая позвала его за собой, и он пришел...

В страхе принц приказал запрятать зловещий алмаз подальше в хранилище драгоценностей и не доставать оттуда. Но пришло время, и Абдул-Хамида свергли с престола. Вот тогда-то и понадобились деньги, пришлось продать старинные драгоценности, а с ними и «Глаз идола».

До середины XX века алмаз странствовал по свету, а 1946 году перекочевал в Америку к миллионерше Мей Бонфилс Стентон. Та заплатила за него невероятную по тем временам сумму – 675 тысяч долларов и увезла в свое роскошное поместье Белмор близ Лейквуда. Там у Мей Стентон был огромный дворец, который она приказала построить как точную копию Трианона, любимого дворца королевы Марии-Антуанетты. Правда, место, на котором возвели здание, вся округа обходила стороной. Говорили, в прошлом веке здесь стоял дом какого-то чародея-алхимика. Он то ли искал эликсир бессмертия, то ли варил яды. Словом, перепуганные насмерть соседи подпустили ему красного петуха, и незадачливый чародей сгорел заживо. С тех пор люди шепчутся, что душа его неприкаянно бродит по окрестностям. Чуть, конечно, но с прислугой в поместье проблема, хотя Мей и готова платить огромное жалованье.

На свои прихоти она средств не жалеет. Дворец отделала каррарским мрамором и обставила антикварной мебелью. Сама теперь спит на подлинной золоченой кровати французской королевы, сидит на стульях рококо и любит эротическими полотнами Ватто и Буше. И что?

Одна. Всегда одна. С мужем давно разошлась. Ни друзей, ни подруг нет. А ведь ей за сорок! Сколько ни накладывай дорогой косметики, возраст не скроешь. И можно хоть сто раз повторять: «Двадцатый век не существует! Я живу в изящные времена рококо». Но все равно любви-то хочется в настоящем... И где только бродит ее мужчина? Может, он заблудился во глубине веков?..

Мей вздохнула. Нельзя раскисать, нужно развеяться! Она ведь купила новую игрушку –

«Глаз идола», который ее просто заворожил. Миссис Стентон подошла к старинному венецианскому зеркалу и защелкнула застежку. «Глаз идола» сверкнул на ее груди. У Мей голова закружилась, как в первый раз, когда она увидела этот загадочный камень влюбленных. Впрочем, о каких влюбленных идет речь? Мей одна в спальне. Только она и «Глаз идола» отражаются в старом венецианском стекле. Мей прищурилась и вдруг боковым зрением увидела за спиной чью-то смутную тень...

С тех пор уклад поместья Белмор кардинально изменился. Хозяйка приказала пошить себе платья на манер прошлого века, обустроить химическую лабораторию, где просиживала, запершись, часами. Соседи начали в страхе шептаться, что миссис Стентон, как и алхимик сто лет назад, то ли эликсир молодости варит, то ли яды. От таких предположений гостей в Белморе становилось все меньше, а потом они и вообще перестали появляться. Но Мей этого и не замечала. Зато теперь она днем и ночью носила свой странный алмаз, а по вечерам, выходя в большую залу своего Трианона, облачалась в бальные платья и запирала двери. И всегда теперь говорила «мы»: «Мы хотели бы получить к обеду коньяк и шартрез», «Мы утомлены и посидим в будуаре». Молодые слуги крутили у виска – видно, от одиночества миссис сошла с ума. Но старая прислуга вздыхала и крестилась, перешептываясь между собой о том, что к хозяйке приходит дух того самого чародея, что жил на этой земле еще в прошлом веке. Правда, никто из прислуги таинственного гостя не видел, но все знали, что госпожа постоянно гладит свой ужасный алмаз и глядится в зеркало. Кого-то же она там видит?..

Спустя 15 лет после таинственного затворничества Мей Бонфилс Стентон умерла в своем роскошном белфорском Трианоне. Как ни странно, в день смерти она не надела обожаемый алмаз, однако дурная слава о нем все равно просочилась в прессу. И когда в 1962 году коллекция Мей пошла с аукциона, «Глаз идола» почти вдвое потерял в цене. «Всего» за 375 тысяч долларов его приобрел известный чикагский ювелир Гарри Левинсон. В то время он искал оригинальный подарок для обожаемой женушки Мерилин. Пресса тут же окрестила Левинсона «влюбленным ювелиром», растиражировав супружеские фотографии четы и бриллианта в придачу. Сама Мерилин от столь огромного и романтического камня поначалу пришла в восторг. Но оказалось, что носить его тяжело в прямом смысле слова – каменная тяжесть пригибала к земле, дыхание перекрывалось, и всегда смешливая миссис Левинсон начинала ловить ртом воздух, как рыба, выброшенная на раскаленный песок. И потому она уговорила мужа продать «этот ужасно претенциозный камень и купить чего-нибудь попроще». В 1967 году мистер Левинсон выставил алмаз в Бриллиантовом павильоне в Йоханнесбурге и попытался реализовать его через компанию «Де Бирс». Однако ничего не вышло, как и спустя шесть лет на аукционе в Нью-Йорке – то ли запрашиваемая цена в миллион сто тысяч долларов была слишком велика, то ли сам алмаз не желал уходить из семьи «влюбленного ювелира».

И только в 1979 году на «Глаз идола» нашелся покупатель. Но какой – самый знаменитый лондонский ювелир и коллекционер драгоценностей Лоуренс Графф. Его фирма с известным офисом на Нью-Бонд-стрит в Лондоне торговала по всему миру, о его бриллиантовой коллекции ходили легенды. Для ее хранения Графф соорудил на Албемарль-стрит специальное хранилище, оборудованное по последнему слову техники. Знатоки драгоценностей шептались, что даже появление комара вызывает в этом хранилище бурный вой сирены. Никаких комментариев о своих сокровищах Лоуренс никогда не давал. Но однажды желтая пресса напечатала откровения одного из его слуг. Тот рассказывал, что его странный хозяин всегда любовался своими камнями в полном одиночестве. Особой любовью пользовался «Глаз идола». Графф садился перед зеркальной витриной, на которой покоился загадочный алмаз, и смотрел на него часами. Иногда он произносил одно и то же женское имя, вздыхал и даже вынимал носовой платок. Наверное, это были нелегкие воспоминания, потому что в 1980-х годах коллекционер продал «Глаз идола». Правда, покупатель остался неизвестным. С тех пор знатоки алмазов гадают, кто же это был и зачем ему камень влюбленных...

Бриллиант рода человеческого

Бриллиант «Блю Хоуп» («Голубая надежда») – самый загадочный драгоценный камень мира. Все человеческие страсти – и высокие и низкие – прошли через него. Недаром его зовут бриллиантом рода человеческого. Но история одной из последних владелиц голубого бриллианта – совершенно мистична и невероятна.

Поздней майской ночью 1912 года всем известная в Нью-Йорке красавица Эвелин Маклин вбежала в церковь неподалеку от дома и бросилась к священнику: «Я хочу освятить этот злосчастный камень!» И красавица резко сорвала с себя кольцо – огромный темно-сапфировый бриллиант в окружении мелкой сверкающей россыпи камней.

Священник молча положил кольцо на вельветовую подушечку, вскинул крест, и... все вокруг вдруг завывало, заверещало, словно в страшной сказке, и камень засветился зловещим голубым пламенем...

Раздался страшный удар грома. Дождь потоком ринулся с небес. Из окон церкви посыпались разбитые стекла. Эвелин закричала, причитая. Но святой отец не дрогнул, его рука снова осенила крестом зловещий голубой бриллиант. Еще и еще раз. И все стихло...

Домой Эвелин вернулась еле живая. Сунула кольцо со своим знаменитым бриллиантом в укромное место, не решаясь надеть. Ах, зачем она только купила этот ужасный камень? Ведь ее предупреждали, что он приносит владельцам одни несчастья. Но разве думала она об этом серьезно два года назад, в 1910 году, когда муж повез ее развлекаться в Европу?

Тогда, в Париже, Эвелин Маклин, тогда 24-летняя американка, старалась повеселиться вовсю. Не жалела ни сил, ни денег. Чего жалеть? Дочка миллионера-золотопромышленника Тома Уолша, Эвелин с детства была «неприлично» богата, а теперь еще и выскочила замуж за красавца Эдварда Маклина, чей папаша владел газетным концерном «Вашингтон пост».

Но все развлечения быстро приелись – захотелось чего-то необычайного, захватывающего. Вот тут-то и появился Пьер Картье. Знаменитый ювелир рассыпал перед скучающей Эвелин гору драгоценностей: «Они принесут вам счастье, мадам!» Красавица миллионерша только плечиками передернула: «У меня их – груды. А жизнь все скучнее и скучнее. Недаром однажды цыганка сказала: я – «наоборотка». Для меня станут счастливыми только те драгоценности, которые другим приносили несчастье. Так что я ищу бриллиант с хорошеньким проклятием!»

Зачем Эвелин ляпнула тогда это?! Думала, Картье быстренько отвяжется. Но знаменитый ювелир ухмыльнулся на манер Мефистофеля и протянул красавице синюю бархатную коробочку. Эвелин открыла и ахнула: вихрь чистейшего темно-голубого цвета взорвался перед глазами. «Это «Блю Хоуп» – «Голубая надежда»! Самый дорогой бриллиант в мире! – услышала красавица соблазняющий голос ювелира. – Камень со старинным проклятием. Вы о таком мечтали, мадам?»

Бриллиант «Блю Хоуп»

Жестом фокусника Картье извлек алмаз и повертел его в воздухе, показывая игру граней: «Его называют еще «Голубой алмаз короны» или «Голубой француз», хотя, как видите, камень не голубой, а скорее васильково-сапфировый. Его история началась с преступления. В 1660-х годах французский путешественник Жак Тавернье выкрал его из священного храма в Индии. Там алмаз служил третьим глазом для статуи самого Будды. Жрецы храма проклинали вора. И это проклятие поразило Тавернье, даже когда он уехал из Индии. В 1668 году он привез камень на родину для короля Людовика XIV, а потом поехал в новое странствие – в далекую Россию. Там в заснеженных лесах его и растерзали волки.

А Людовик XIV влюбился в индийский алмаз и приказал огранить его. Из 112 карат осталось всего 67, но зато камень стал бриллиантом. Ни у одного государя в мире не было подобного! Людовик носил его на синей ленте на шее и однажды дал пофорсить свой фаворитке мадам де Мотеспан. И вот, увидев красавец камень на ее груди, понял: избранница не столь уж и прекрасна. И вскоре он охладел к ней. Но и самому Людовику с камнем не повезло: голубой алмаз был на нем в тот день, когда его настигла мученическая смерть от гангрены.

Дальше проклятье индийских брахманов действовало еще сильнее. Королева Мария-Антуанетта, постоянно носившая «Голубой алмаз короны», закончила свои дни на гильотине во времена Французской революции. Тогда же была растерзана разъяренной толпой и герцогиня Ламбаль, которой бедная королева давала поносить бриллиант.

Революционеры конфисковали королевские драгоценности и создали из них выставку на Мебельном складе. Но охрана была из рук вон плоха. Шайка известнейшего парижского вора Поля Мьетта похитила сокровища. Главарь отдал сообщникам прозрачные бриллианты, думал, они ценнее. Окрашенные камни, в том числе и голубой, остались у него. Шайку вскоре поймали, но «Алмаза короны» у них не было. Потом и Мьетт попал в тюрьму – там его и настигло проклятие: через пару дней его зарезали сокамерники. Но голубого камня так и не нашли.

Спустя десятилетия он обнаружился сам – его купил у неизвестного амстердамского

ювелира король Англии Георг IV. К тому времени камень уже изрядно похудел – весил 44,5 карата. Но стал еще прекраснее и, главное, не растерял свою колдовскую силу. Жизнь Георга пошла под откос: он по уши увяз в долгах. И после его скорой смерти камень продали с аукциона. В итоге он оказался у известнейшего лондонского банкира и коллекционера драгоценностей – Генри Филиппа Хоупа. Отсюда и его современное имя – «Блю Хоуп». Но сила зловещего бриллианта погубила и семью банкира – его наследники разорились, а банковский дом развалился».

Картье прокашлялся после долгой речи и взглянул на Эвелин. Та заворуженно смотрела на голубой бриллиант. «Клюнула – купит! Надо взвинтить цену!» – в восторге подумал ювелир.

В мае 1911 года Эдвард Маклин заплатил за «Блю Хоуп» ювелирному дому Картье неслыханную сумму – 180 тысяч долларов. Теперь его жена Эвелин носила кольцо не снимая и днем и ночью. Зато мать Эдварда встретила камень в штыхы. «Синева как у покойника! – закричала она невестке. – Сними, чтоб я не видела!» Бесшабашная Эвелин гордо захохотала прямо в лицо свекрови: «А вы не смотрите!» Камень в колье вспыхнул злобным светом. Свекровь ахнула и заслонила глаза: «Бриллиантовый дьявол!»

На другой день она слегла. В бреду звала невестку, крича: «Избавься от алмаза! Он изведет всех нас!» Сумасбродная невестка только усмехалась. А зря. Через месяц после смерти свекрови в одночасье скончался любимый брат Эвелин. Вот тогда-то она и побежала в церковь освятить камень.

Но это не помогло! Эвелин в отчаянии стояла в детской, глядя на пустую кровать сына. Еще несколько дней назад здесь сидел ее Уинсен с бриллиантом в ладошке. Она сама дала ему камень поиграть. Смеялась: «Мой сынок и мой бриллиант – вот мои надежды!» Досмеялась... Третьего дня малыша Уинсена сбила машина. Ему не исполнилось и десяти лет!..

Рывком Эвелин кинулась к телефону, набрала номер Картье: «Как вы могли, Пьер, продать мне этот ужасный камень?! Ладно, десять лет назад я была глупая девчонка, но вы должны были понимать, что значит проклятие!»

Ювелир вздохнул и тихо проговорил в трубку: «Не было никаких проклятий. Я их выдумал, рассказал пару исторических баек. Чтобы подороже продать...»

На другом конце провода у миссис Маклин задрожали руки. Ничего себе – рекламный трюк для продажи! Неужели так может быть? Нет, Эвелин не поверила ювелиру и на другой день отправилась в библиотеку. Из книг и старых газет она узнала о прежних владельцах синего бриллианта. Русский князь Канитовский купил его на аукционе для любовницы – танцовщицы знаменитого парижского театра-варьете «Лоренс Ладе». Не прошло и месяца, как князь из ревности застрелил танцовщицу прямо на сцене. Показательно, что на груди Лоренс в тот вечер был приколот проклятый голубой камень. Самого же Канитовского через пару дней кто-то тоже застрелил прямо на улице рядом с театром. После его смерти бриллиант купил турецкий султан Абд аль-Хамид II и украсил им любимую наложницу Зобейду, но вскоре в припадке гнева зарезал юную красавицу. Но и года не прошло, как сам султан погиб в результате дворцового переворота. Даже хранителя султанских драгоценностей вздернули на виселице под улюлюканье толпы. Словом, все, кто прикасался к алмазу, гибли. С калейдоскопической быстротой камень уничтожал своих хозяев. Неужели Картье не знал этого?! Эвелин схватилась за голову и снова позвонила ювелиру. Но номер молчал...

Эвелин попыталась избавиться от бриллианта. Но из-за высокой стоимости его никто не хотел покупать. Тогда она начала бросать кольцо где ни попадя. Думала: вдруг кто польстится? То кухарка натыкалась на бриллиант в банке с солью, то горничная выуживала его из цветочного горшка. Эвелин отдавала «Блю Хоуп» поносить подругам, надевала на шею любимой собаке и выпускала погулять. Она даже кидала поиграть бриллиант в окно уличным мальчишкам. И всегда надеялась, что камень не вернется, пропадет, исчезнет. Но дьявольский алмаз возвращался. Больше того, только в руках Эвелин он загорался

загадочным притягательным светом, в чужих же руках даже не блестел.

Эта алмазная преданность приносила Эвелин одни беды. Муж бросил ее, уйдя к юной фотомодели, а потом вообще спился и умер в психушке. Газетный концерн «Вашингтон пост» пришлось продать за долги. Из прошлых миллионов остались одни драгоценности во главе с ужасным «Блю Хоуп».

В ту ночь декабря 1946 года Эвелин никак не могла заснуть – не хватало воздуха, будто кто-то душил невидимыми лапами. На секунду сбросив наваждение, миссис Маклин осознала – она спит в колье. Утром ее разбудил звонок полиции. Оказалось, ее 25-летняя дочка умерла от передозировки наркотиков. Недаром матери так не нравилась ее шумная компания...

...Эвелин брела по промозглому городу. Начало 1947 года выдалось ужасным – дождь, туман. Надо бы взять такси. Но таксист спросит: куда ехать? А куда деться от этой ужасной алмазной преданности? Или от алмазного проклятия?! Миссис Маклин закрыла зонт и встала под струи дождя. На другой день у нее началась крупозная пневмония. На 61-м году жизни ее не стало. А проклятый алмаз душеприказчики обнаружили небрежно оставленным на радиоприемнике в кухне. Бриллиант светился печальным синим светом, будто скорбел о хозяйке.

В апреле 1947 года 74 драгоценности Эвелин Маклин пошли с молотка, чтобы оплатить долги семейства. Все их, включая «Блю Хоуп», купил глава нью-йоркских ювелиров Гарри Уинстон. Но этот мудрый «король бриллиантов» не оставил алмаз себе, а подарил Смитсоновскому институту Вашингтона. И вовремя! «Блю Хоуп» снова «запустил» свое проклятие. Почтальон, доставивший камень в институт, попал под грузовик и лишился ноги. Вор, который попытался выкрасть алмаз в первый же месяц показа, мгновенно очутился в тюрьме и там отравился. Второй грабитель после неудачной кражи сам сдался полиции и повесился в камере.

Теперь голубой алмаз медленно вращается на круглой подставке из коричневого мрамора. Для его защиты приняты уникальные меры. При первом же прикосновении к стенду, на котором крепится подставка, «Блю Хоуп» тут же упадет в одно из вращающихся под ним спецхранилищ.

Зато у ученых появилась возможность исследовать алмаз. И тут выяснилось его невиданное свойство: если облучить камень ультрафиолетовыми лучами, он несколько минут потом будет светиться, как раскаленный докрасна уголь. Или как колдовской глаз. Может быть, глаз Бога... Или дьявола?..

А злые чары красавца алмаза может теперь увидеть каждый американец. Ведь «Голубая надежда» принадлежит всем. Так что – Боже, спаси Америку!

Драгоценности для «Оскара»

Новому подходу к ювелирному искусству XX век обязан гениальному Гарри Уинстону. Его произведения раскупались мгновенно. Его имя знала вся Америка, а потом и весь мир. Журналисты часами выспрашивали, откуда легендарный ювелир берет свои воистину революционные находки в столь консервативной области, как ювелирное дело? В чем тайна его головокружительного успеха? Как, наконец, к нему пришла идея создавать свои бриллиантовые украшения специально для церемонии вручения кинопремии «Оскар»?

Знаменитый король бриллиантов только улыбался. Но однажды он раскрыл тайны своего искусства на страницах мемуаров.

Глотая слезы, двенадцатилетний Гарри Уинстон брел по вечерним улочкам Лос-Анджелеса. Весь этот 1908 год он мечтал о рождественском подарке. Но сегодня утром отец объявил, что дела в его ювелирной лавке идут из рук вон плохо. 25 центов – вот все, что он смог наскрести. Весь день Гарри слонялся по городу, рассматривая рождественские витрины. Но что путного можно купить на 25 центов?..

Гарри Уинстон

На углу Цветочной улицы расстроенный мальчик наткнулся на старушку, торговавшую ветками остролиста. От неожиданности торговка выпустила корзину из рук. Хорошо, что Гарри успел ее подхватить, а то весь товар упал бы в грязь. Старуха уже собралась отругать мальчишку, да заметила, что он и сам чуть не плачет. «Не горюй! – пробормотала она. – Господь и для бедных приготовил свои драгоценные дары. Смотри, как сверкают!»

Старушка ткнула пальцем в витрину крохотной лавчонки. Там на большом блюде лежала куча дешевеньких колечек, но под светом лампы они сверкали всеми цветами радуги. Как замороженный Гарри уставился на витрину. Сердце застучало взволнованно и неровно. Спокойнее, он не мог ошибиться. Конечно, у отца, эмигранта из России, Гарри не видел больших дорогих камней, но и по крошечным осколкам научился отличать настоящие камни от имитации. И сейчас готов был заложить душу – среди груды дешевых колец лежало одно с настоящим изумрудом!..

Гарри толкнул дверь и вошел внутрь. На звук колокольчика выбежал хозяин – покрасневшийся, веселый, видно, уже опрокинувший стаканчик в честь предстоящего Рождества. «Что ты хочешь? – улыбаясь, спросил он юного покупателя. – Колечко в подарок маме?» У Гарри от волнения затряслись руки: «Вот это – зелененькое!» Хозяин вытащил с витрины кольцо и горделиво произнес: «Бери, это изумруд!» У Гарри сердце упало: неужели продавец знает?.. Но тот назвал цену: «30 центов!» Гарри зажмурился: значит, не знает, раз просит столь мало. Но ведь у него и этого нет!.. Волнуясь, он раскрыл ладонку. Хозяин вздохнул и смахнул мелочь в ящик кассы: «Ладно, уступаю для мамы за двадцать пять!»

Домой мальчишка прилетел как на крыльях. Сияя от восторга, протянул колечко отцу. Тот ахнул: «Где взял?» Гарри путано начал объяснять, а отец уже доставал ювелирный инструмент. Ощупав, осмотрев и взвесив камень, он выдохнул: «Изумруд чистой воды. Два карата!» Гарри счастливо улыбнулся. Стоило ждать Рождества, чтобы получить такой роскошный подарок. Сразу после Нового года он продал камень за 800 долларов.

В 1920 году 24-летний Гарри Уинстон перебрался в Нью-Йорк и открыл в доме на Пятой авеню свою фирму – «Первую бриллиантовую компанию». Правда, бриллиантовым было одно название – дела шли не блестяще. На Рождество глава «Бриллиантовой компании» еле наскреб денег на подарки друзьям. А чтобы не остаться голодным, пришлось ходить обедать по гостям. В один из таких дней Гарри долго звонил в дверь приятеля. То ли он перепутал день, то ли приятелю надоело выбрасывать деньги на гостей, но только никто

не открывал. Взгляд Гарри упал на рождественский венок из ели и веточек остролиста, по традиции прикрепленный к двери. «А что, если скрепить камни в виде этих веточек? – пришло в голову Гарри. – Изменить традиционный ювелирный дизайн, отказаться от массивных тяжелых оправ, сделать их гибкими и незаметными. Тогда можно показать красоту самих камней, не скрывая половину их граней в оправках!»

Так снова Рождество преподнесло Гарри свой дар. И уже вскоре на прилавках «Дома Уинстона» появились принципиально новые изделия – «бриллиантовые ветви счастья». А их создатель получил титул «короля ювелирных изделий».

Но не все в мире к лучшему. Настали и черные времена. Коричневая чума фашизма захлестнула Европу...

Гарри вздохнул и молча обнял жену Эдну. Что ж, они прожили счастливо семь лет, родили двух сыновей. Возможно, это Рождество 1940 года станет их последним, но, значит, так судил Бог. Когда они приехали в Европу, где уже бушевала Вторая мировая война, они знали, на что шли. Но не поехать Уинстон не мог – в его личном сейфе в Парижском банке лежало несколько бесценных вкладов – драгоценности, которые переправили на его имя правительства уже захваченных фашистами стран. Верная Эдна увязалась за мужем: «Если нам суждено погибнуть, будем хотя бы вместе!»

И вот сейчас Уинстон с женой пробираются в приморский поселок на юге Франции. Там их обещали посадить на рыбачий баркас, который выйдет в море как раз на трассу курсирующих английских кораблей. Все должно быть тайно, ведь они не могут легально пересечь границу: в крепком вместительном кожаном поясе Эдны спрятаны лучшие драгоценные камни со всей Европы, которые Уинстон смог получить в банке за день до того, как немецкие войска вошли в Париж. Когда это фашистское безумие развеется, Уинстон вернет их владельцам. Но пока надо добраться до поселка.

Вначале они ехали на машине, но бензин кончился, и пришлось идти пешком. Обессиленная Эдна рухнула на дорогу: «Сними с меня пояс, Гарри, и иди! Ты можешь опоздать на баркас...» Уинстон только стиснул зубы: «Вставай, Эдна! Мы должны сделать это. Кто, кроме нас, позаботится о них? Камни ведь могут погибнуть!» – «Ты одержим ими...» – в отчаянии прошептала Эдна. Ювелир только усмехнулся: «Мой отец всегда боялся, что не я стану обладать драгоценными камнями, а они – мной. Так и вышло... – Гарри прикоснулся к поясу жены. – Я могу отличить их даже на ощупь. Вот – холодные и острые бриллианты, а вот – теплые рубины и изумруды, полные сил». Эдна тоже дотронулась до пояса и чуть не вскрикнула. Из драгоценных камней прямо в пальцы лилась Сила. Держась за пояс, она смогла подняться и продолжить путь. Ночью они уже были в море. А вечером 24 декабря 1940 года вернувшиеся в Нью-Йорк Уинстоны поднимались по лестнице своего дома на Пятой авеню.

Дела «Дома Уинстона» резко пошли в гору. Гарри фонтанировал идеями. Рождество 1942 года преподнесло ему новый дар – подсказало блестящую мысль: давать драгоценности для бесплатного проката известным людям Америки. «Бриллианты – бриллиантам!» – провозгласил он и предоставил набор драгоценностей для кинозвезды Дженнифер Джонс. Кинодива оповестила газеты о «счастливом шоке», а через некоторое время случилось новое чудо: фильм «Песнь о Бернадетт», на премьере которого она появилась в ювелирном наборе «от Уинстона», неожиданно представили на премию «Оскар». Дженнифер ахала: «Это прекрасные камни принесли мне удачу!» На церемонию вручения премии актриса снова надела их. И не прогадала – получила приз за лучшую женскую роль. С тех пор ни одна церемония киноакадемии не обходится без драгоценностей от «Дома Уинстона». Молодая Кэтрин Хепберн выходила в «ночь Оскара» в старинном ожерелье XV века из коллекции знаменитого ювелира; великие Софи Лорен и Элизабет Тейлор блистали не менее великими бриллиантами; Грейс Келли и Лайза Минелли с платьями на руках устраивали паломничество в салоны «Дома Уинстона», чтобы подобрать наиболее выигрышные украшения. Ювелир же шутил: «Булыжник – оружие пролетариата, но драгоценный булыжник – орудие знаменитостей!»

Но сам он считал, что «вряд ли матушка-земля, создавая свои драгоценные камни, думала только об избранных», и потому начал устраивать открытые общественные выставки из лучших камней своей коллекции – самой большой в мире. Еще до войны Уинстон купил один из крупнейших алмазов – «Джонкер» весом 726 карат, а затем приобрел знаменитый алмаз «Португалец», некогда принадлежавший кардиналу Мазарини, и уникальный голубой бриллиант «Хоуп», о котором рассказывали самые невероятные легенды. Коллекцию Уинстона украшали 60 из 303 известнейших в мире драгоценных камней. Недаром за ювелиром прочно укрепился титул «король бриллиантов».

Зеленый свет ангела

Этот камень много веков хранил свою тайну и только на рубеже XX и XXI веков открыл ее миру. Впрочем, владельцы давно подозревали, что этот зеленый бриллиант связан с мистическими силами.

Бриллианты подобного оттенка вообще встречаются крайне редко. Известно всего лишь около десяти камней, обладающих массой примерно по 50 карат. История бриллианта, который носит сегодня название «Дрезденский зеленый», или, по-иному, «Зеленый Дрезден», вообще загадочна. Начать с того, что разные ювелиры и минералоги по-разному называют страну его происхождения. Одни считают, что он родом из индийской Голконды, другие, как историк драгоценных камней Ян Бальфур, утверждают, что этот воистину чудесный камень происходит с рудников Бразилии. Как камень попал в Европу – тоже загадка. Он объявился в Лондоне в 1726 году, там же и был огранен. Вероятно, до огранки его вес был около 100 карат, после же стал всего 40,7 карата. Но для зеленых бриллиантов и этот вес – огромная редкость. На сегодняшний день «Дрезденский зеленый» считается самым крупным в мире камнем зелено-яблочного цвета и грушевидной огранки.

В 1742 году бриллиант появился на Лейпцигской ярмарке, где его продавал некий голландский ювелир, а купил сам курфюрст Саксонии – Фридрих-Август II. Цена была баснословна по тем временам – 200 тысяч талеров. Но курфюрст, однажды увидев зеленое пламя бриллиантовых граней, уже не смог оторвать глаз. Он решил вставить драгоценность в орден Золотого руна, который сначала предназначал для себя, а потом решил вдруг послать его в подарок в Англию одному из своих монарших кузенов. Но, видно, камень не пожелал покидать Дрезден. Когда придворные ювелиры сделали эскиз, а за ним и расклад орденского украшения, быстро выяснилось, что зеленый камень не подходит по цветовой гамме. Так что его место занял прозрачный бриллиант, а «Дрезденский зеленый» остался в королевской сокровищнице.

Придворные ювелиры попытались украсить строптивым камнем какое-либо иное украшение. Но строптивец не подошел ни к колье, ни к браслету, ни к броши. Как будто он боялся, что все эти драгоценности тоже разошлют в качестве подарков по разным странам и весям и они затеряются где-то вдали, а вместе с ними и он, «Дрезденский зеленый». В конце концов ювелир Диссбах вставил зеленый бриллиант вместе с двумя прозрачными бриллиантами в... заколку для шляп. Тут «Дрезденский» не сопротивлялся, словно понимал: заколкой станут пользоваться только свои. Ну кому можно подарить шляпную булавку?

Заколка так и лежала в сокровищнице Саксонии, потом перекочевала в государственный музей «Грюне Гевельбе» – «Зеленые своды». Даже это поэтичное название подходило зеленому бриллианту. Но началась Вторая мировая война, сокровище перевезли в замок Кенигштайн. Там вообще могла бы закончиться жизнь несчастного «Зеленого», выселенного с насиженного места, потому что ящики с драгоценностями спрятали так неудачно, что они упали в подвал и там чуть не затерялись. Во всяком случае, когда в замок вошли бойцы Красной армии, они и не думали найти спрятанный клад. Но неожиданно в подвале один из красноармейцев наткнулся на что-то острое и зеленое. Оказалось, шляпная заколка с «Дрезденским» упала прямо в грязь. Но ведь, если бы так не случилось, она вообще могла бы сгнить в подвалах замка и никогда не сыскаться. Так что «Дрезденский зеленый»

нашелся сам. Словно знал, что у него своя особая миссия и ему еще предстоит ее выполнить.

Через 13 лет из Москвы в Дрезден вернулись различные коллекции. Вернулся с ними и зеленый бриллиант. С тех пор он спокойно лежал в витрине Желтого зала дрезденской галереи «Грюне Гевельбе». И никто не предполагал, что он ждет своего часа...

В Нью-Йорке же после смерти «великого Гарри» в 1978 году президентом Всемирного торгового дома Harry Winston стал его старший сын Рональд Уинстон. Как и отец, он с детства был приворожен радугой алмазного света и магией Рождества.

В рождественскую ночь 1949 года 12-летнему Рональду приснился сверкающий ангел. В одной его руке васильковым светом сиял голубой бриллиант «Хоуп» из коллекции Гарри. В другой руке ангел держал бриллиант «Зеленый Дрезден», который мальчик видел только на фотографии. Ангел сложил оба камня и прошептал: «Ты должен соединить их. Тогда мир вступит в тысячелетие счастья».

С тех пор Рональд Уинстон страстно мечтал «познакомить» оба камня. Но «Зеленый Дрезден» хранился в сокровищнице Дрезденской галереи, и власти ГДР не соглашались выпустить камень из страны. Время шло. Рональд очень боялся опоздать. Но вот мир изменился, пала Берлинская стена. Однако понадобилось еще десять лет непрерывных переговоров, чтобы «Зеленый Дрезден» смог, наконец, пересечь океан.

И вот на Пятой авеню в Нью-Йорке в магазине «Уинстон» собралось избранное общество во главе с мэром города. Актриса Кили Бекс надела шикарнейшую шляпку, чтобы заколоть ее заколкой, в центре которой мерцал уникальный зеленый бриллиант. Только час приглашенные могли полюбоваться «Зеленым Дрезденом», потом под многочисленной охраной его увезли в Музей Смитсоновского университета, где в зале, носящем имя Гарри Уинстона, его ждал уникальный собрат – голубой «Хоуп».

Встреча двух бриллиантов состоялась без публики, только в присутствии Рональда. Но поразительно, что она случилась именно в 2000 году – на рубеже двух тысячелетий. Пророчество исполнилось. Может быть, действительно в наш мир придет счастье? Ангелы ведь никогда не лгут...

Загадочный миллионный изумруд

Хабахтальский рудник в Альпах – самый старый в Европе, к тому же и самый легендарный, ведь там добывают знаменитые изумруды изумительного глубоко-зеленого отлива. Какие только тайны не хранят старые горы. Но самой загадочной историей XX века обернулась находка миллионного изумруда. Случилось это в 1957 году.

То памятное лето началось для Германа Краутцера, мелкого служащего заштатного австрийского городка, нелегко. Ему как раз стукнуло сорок лет. Жизнь проходила. Но счастья как не было, так и нет – ничего путного он не сделал, никому не известен и беден как церковная мышь. Однажды, углубившись в тяжелые мысли, Краутцер включил радио и услышал: «Администрация Хабахтальского рудника в австрийских Альпах напоминает, что в этом месяце ожидается находка миллионного изумруда. В честь такого события каждый желающий может приобрести частную лицензию на добычу альпийских изумрудов, а нашедшего миллионный камень ждет премия». Краутцер ахнул – может, это его шанс? Говорят ведь, изумруд – камень счастья...

В альпийской Европе изумруды добывали с незапамятных времен. Еще во времена Нерона древние римляне регулярно искали драгоценные камни в Хабахтальской долине. Говорят, что именно там был найден любимый изумруд юного Нерона. Сохранились записи о том, что на поиски драгоценных камней в русле ручья Леккбах был отправлен XIV легион солдат под командованием Марка Лукиана. Правда, шахт римляне не рыли, а искали камни только на поверхности. Одно было плохо – хабахтальские изумруды были хрупкими, так что по прошествии времени на их разработку махнули рукой. К чему добывать камни, которые крошатся при обработке?

Однако местные крестьяне постоянно находили зеленые камешки. Но только в XIX

веке, когда здесь нашелся огромный изумруд в 42 карата, Хабахтальский рудник начал постоянную выработку. Потом рудник выкупили предусмотрительные британцы. Добытые изумруды они выдавали за более престижные – колумбийские. Конец этому всемирному надувательству положила Первая мировая война. Хабахталь перешел под юрисдикцию австрийских властей. Во время Второй мировой войны шахты на всякий случай затопили, но по окончании снова возобновили выработку. Ну а после войны в ожидании находки миллионного изумруда дирекция рудника разрешила всем желающим попытаться счастья. Правда, искать драгоценные камни в штольнях не позволялось – только на поверхности горы Хабахталь.

Однако известно, что в начале века счастливики находили сокровища прямо на горных дорогах. А вот Герману Краутцеру не повезло. Когда он оплатил «лицензию одного дня», полил дождь. Не искать же в непогоду! Пришлось оплатить вторую лицензию. «Ничего! – утешал его охранник рудника. – Зато именно завтра кто-то найдет миллионный изумруд!»

Наутро светило солнце. Все вокруг сверкало в его лучах. Надев на плечи рюкзак с киркой, лопатой и другим специальным снаряжением, Краутцер спозаранку отправился на поиск счастья. И, едва зайдя на территорию прииска, заметил нечто переливающееся в ранних лучах солнца: фантастически огромный изумруд с куриное яйцо выкатился прямо под ноги новоявленного старателя.

Вернувшись домой, Герман показал жене и тестю темно-зеленый камень и объяснил, что не станет объявлять о находке. «Но это незаконно! – возмутился тесть. – Все найденные изумруды должны быть занесены в официальный реестр и оценены. И нужно заплатить налог, иначе этот изумруд – краденый, а ты сам – вор!»

Но Герман только ухмыльнулся. Конечно, за «миллионник» полагается премия, но ведь, если самому огранить изумруд и продать камень, можно стать миллионером. И прежде всего надо оценить камень.

К известным ювелирам осторожный Краутцер решил не обращаться. Нашел в Вене второразрядного ювелирного резчика Романа Энглиша, «черного мастера», не брезгующего сомнительными делами. Тот долго изучал камень и в конце концов взвесил его дрожащей рукой. Результат фантастический – 180 карат! «Считайте, что вы – четырежды миллионер, герр Краутцер! – Ювелир потряс руку обалдевшему Герману. – За свою работу по огранке я возьму с вас ровно десятую часть – 400 тысяч шиллингов!» Краутцер ахнул: «Так много?!» Ювелир заулыбался, оскалив зубы: «Но же я не спрашиваю, откуда у вас камень? А между тем известно: вы брали хабахтальскую лицензию, но ни о какой находке дирекцию не оповестили!»

Домой из Вены Герман приехал на взводе. Сначала рассказал о баснословной стоимости камня, потом пожаловался на цену ювелирных работ. Жена взорвалась: «Этот пройдоха Энглиш тебя обманет – смотри, подменит камень!» Краутцер задумался. Пожалуй, стоит самому присутствовать при работах. Мало ли что!

Краутцер поехал в Вену. Снял комнату и каждый день в течение всего срока работ просиживал рядом с ювелиром, наблюдая, как тот режет камень. И вот, наконец, в трясущуюся от важности момента руку мелкого служащего лег большой прямоугольный изумруд, размером 3,5 × 2,5 × 1,0 см. К тому же после огранки получилось еще семь мелких камешков. «Моя работа сделана, – резюмировал ювелир. – А где оплата?» Рука Краутцера задрожала еще сильнее. Проклятая невезуха! Где же он возьмет 400 тысяч?

«Вы можете оставить мне семь этих малышек!» – услышал он голос ювелира и разжал руку. Энглиш ловко подхватил все камни, потом выбрал свою семерку, а большой изумруд положил в бархатный футляр. – Держите! И помните, у каждого великого камня есть собственное имя. Ваш изумруд я назвал «Звездой Хабахталя».

На улицу Краутцер вышел как пьяный. Шутка ли, четыре миллиона в кармане! Как же их сохранить, куда спрятать? Отвезти домой – жена отберет. Положить в банковскую ячейку – придется объяснять происхождение изумруда. Носить при себе – а вдруг ограбят?

Оказывается, тяжело владеть незаконным сокровищем. Но ведь пока и продать его нельзя. Надо выждать.

Опасливо оглядываясь, словно заправский воришка, Краутцер побрел по улицам. Задумавшись, не заметил, как оказался на опушке знаменитого Венского леса. И тут его осенило – вот наивернейшее хранилище! Герман лихорадочно выкопал глубокую ямку под корнями самого приметного дерева и сунул туда футляр с изумрудом. Раз он нашел его в земле, в земле и спрячет. Он обведет вокруг пальца всех – и власти, и жену, и тестя.

Прошел месяц. Жена пилила мужа: «И где твой хваленый изумруд?! Продавай его немедленно! Что это за порядки, когда, имея верных четыре миллиона, мы сидим впроголодь?!» Тесть по-прежнему укорял: «Нехорошо, Герман! Поехал бы ты на рудник, повинился!»

Довздыхался, старичок!.. Адвокаты из Хабахталя сами пожаловали в дом Краутцера: «Вы обвиняетесь в крупном мошенничестве: обманном завладении национальным достоянием – миллионным изумрудом Хабахталя и его незаконной огранке! Вам грозит пожизненное заключение. Правда, можно повернуть дело по-другому. Вы возвращаете нам изумруд и платите 10 процентов его стоимости, а мы объясняем прессе, что вы ограничили камень по нашему распоряжению!»

Незадачливый мошенник пришел в ужас: опять эти десять процентов? Что за вечная десятина на его бедную голову?! То ювелир требует, то власти! «У меня нет такой суммы!» – взмолился он. «Тогда в уплату за мошенничество вам придется распротиться с домом!» – безжалостно отрезал адвокат.

На следующее утро в сопровождении служителей Фемиды Краутцер поехал в Венский лес выкапывать злосчастную «Звезду». Выхватив у него из рук футляр, адвокаты кинулись проводить экспертную оценку – сколько же стоит «миллионник». Выяснилось – нисколько! В футляре, закопанном Германом под деревом, лежала обычная зеленая стекляшка.

Краутцер был в шоке. Выходит, ювелир все-таки надул его, подменил камень! Вне себя Герман подал на Энглиша в суд. Но проклятый гранильщик клялся, что честно выполнил заказ и отдал клиенту ограненный камень. Ювелира арестовали и допрашивали несколько месяцев. Но тот ни в чем не признался. Да и суд, затянувшийся еще на два года, не смог осудить Энглиша за недостатком «уличающих показаний». Тут уж и сам Краутцер засомневался: может, камень украл и не ювелир, а некто, подсмотревший, как Герман закапывает сокровище в Венском лесу? Одно слово – невезуха!..

Правда, теперь Герман Краутцер не мог жаловаться, что прожил жизнь никому не известную. Его фотографиями пестрели все газеты мира. Он стал самым незадачливым мошенником XX века – «человеком, который надул сам себя». Любители кладов перекопали все окрестности Венского леса. Но ничего не нашли. И весь мир еще долго гадал: куда же делся камень?

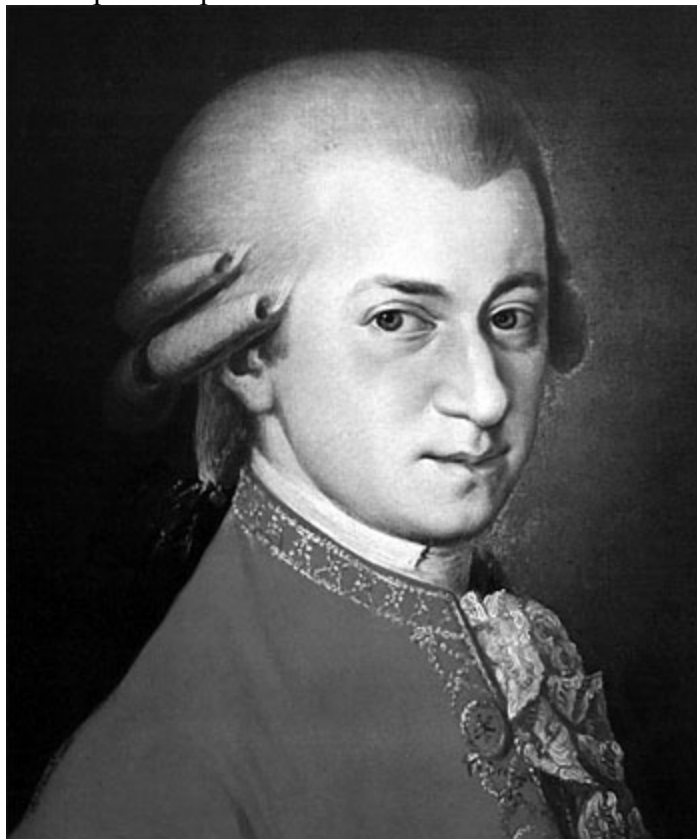
Однако на этом история не закончилась. Краутцер опять отправился на Хабахтальский рудник. И чудо – его «второе пришествие» принесло новую находку: изумруд не меньше, а может, и больше первого. Правда, теперь, наученный горьким уроком, он объявил рудничному начальству о своей находке.

В благодарность за проявленную честность те скостили Краутцеру сумму налога и разрешили самому выбрать ювелира для огранки. После этого камень оценили и дирекция Хабахталя выплатила Герману причитающуюся сумму – ровно миллион. Вот уж точно: кому суждено стать миллионером – он им станет. Хоть весь мир будет против...

Судьбы мистические звуки

«Мой странный друг, мой враг бесценный...», или Эффект Моцарта – Сальери

Существуют некие знаковые тайны, которые будоражат сознание всех любителей искусства. Одна из таких загадок – смерть великого австрийского композитора Вольфганга Амадея Моцарта (1756–1791). Умер ли он естественной смертью, или его отравил знаменитый друг-соперник Антонио Сальери? Убийство на почве творческой зависти, когда посредственный Сальери позавидовал гениальному Моцарту, – это ли не повод для рассказов, романов и стихотворных строк?!

Вольфганг Амадей Моцарт

В России эта коллизия известна по одной из «Маленьких трагедий» Пушкина. Но отчего мы не задумываемся о том, что поэт-драматург писал художественное произведение, а вовсе не историческое обвинение? Да и вообще, откуда пошло это ужасное обвинение в том, что, позавидовав таланту, его можно уничтожить?!

Слухи об отравлении поползли сразу же, едва Моцарт умер. Болезнь его началась стремительно и развилась внезапно. Сам композитор в бреду признался жене Констанце, что ему дали аква тофану (ведь мину воду). Это старинный яд на основе мышьяка без цвета и запаха. Действует медленно, не диагностируется. Назван в честь легендарной ведьмы XVII столетия Джулии Тофаны (Тофини).

Моцарт умер в ночь с 4 на 5 декабря 1791 года, а 31 декабря берлинская газета, сообщая о его смерти, написала: «Поскольку тело раздулось после смерти, некоторые считают, что его отравили». Друзья шептались, что это дело масонской ложи, членом которой состоял композитор. Враги кричали, что Моцарта отравил супруг очередной красотицы, которому любвеобильный композитор наставил рога. Но в музыкальных кругах Вены появилась версия невероятная: Моцарта отравил композитор Сальери, ведь всем известно, что он страстно завидовал более талантливому и более молодому коллеге. Слухи росли и множились. Сальери не находил нужным их опровергать. Более того, он каждый день отсылал на могилу Моцарта алую розу. И это сочли тайным знаком покаяния.

Однако если разобраться в случившемся, сразу становится ясно: в реальной жизни у Сальери не было ни малейшего повода завидовать. Современники превозносили именно его произведения, а не моцартовские. Сальери был ведущим музыкантом Вены – мировой

столицы музыки. Его заслуги ценились и морально, и, что еще более важно, материально, ведь он с гордостью носил титул придворного композитора. К тому же он был талантливейшим педагогом: Бетховен, Шуберт, Лист – его ученики. К нему же послала учиться своего сына и Констанца Моцарт. Неужели она поступила бы так, имея хоть малое подозрение в том, что именно Сальери отравил ее мужа?!

Антонио Сальери

Но в 1823 году о подозрении заговорили как об уверенности. Престарелый Сальери к тому времени находился в одной из пригородных венских клиник. И там якобы говорил посещавшим его людям о своей вине перед Моцартом. Этого хватило, чтобы людская молва обвинила старика в убийстве давнего друга-соперника. Не помог даже обнародованный рассказ композитора Игнаца Москелеса о его посещении Сальери в клинике в октябре 1823 года. Тогда Сальери еще не был в помутненном состоянии рассудка. И больше всего его мучила мысль о том, что именно его обвиняют в отравлении Моцарта. «Это гнусная клевета! – сказал он. – В этом абсурдном слухе нет ни слова правды!»

Увы, Сальери так и умер, «оклеветанный молвой». Но кто же все-таки отравил гения? Современные исследователи сходятся на мысли, что Моцарт все-таки умер естественной смертью. Уже в XX веке было предпринято несколько авторитетных медицинских расследований. Конечно, дело осложнялось тем, что тело Моцарта не сохранилось, ибо его похоронили в общей могиле как бедняка. Но врачи исследовали все самые малейшие симптомы болезни, благо врач Моцарта Томас Франц Клоссе оставил подробные записи.

На их основании известный швейцарский врач Карл Бэр в 1966 году выдвинул версию, что у Моцарта был суставный ревматизм – острое заболевание, сопровождающееся быстрым воспалением и распуханием. Другой врач Питер Дж. Дэвис в 1984 году опубликовал еще более детальный анализ. По его мнению, Моцарт еще в детстве заразился инфекцией стрептококка, от которой и страдал всю жизнь. Именно она вызвала иммунную

недостаточность, усиленную постоянной усталостью от чрезмерной творческой нагрузки.

Отсюда бесконечная череда болезней: композитор переболел тифом и ветрянкой, бронхитом и гепатитом и еще много чем иным. В конце концов у Моцарта началась бронхопневмония, отказали почки и началась гипераллергия. Все это и привело к кровоизлиянию в мозг. Отсюда депрессивность, изменение личности и измененные состояния сознания, а также и уверенность, что его кто-то травит, – Моцарта убивал его собственный организм.

Увы, естественная смерть никому не интересна. А вот убийство на почве творческой зависти – это так романтично, ошеломляюще и загадочно. И между прочим, обвинение друга-соперника строилось на уже давно устоявшейся традиции. Еще за двести лет до того по Европе гуляли слухи о том, что творческие люди никак не могут смириться с более талантливыми собратьями и убивают их.

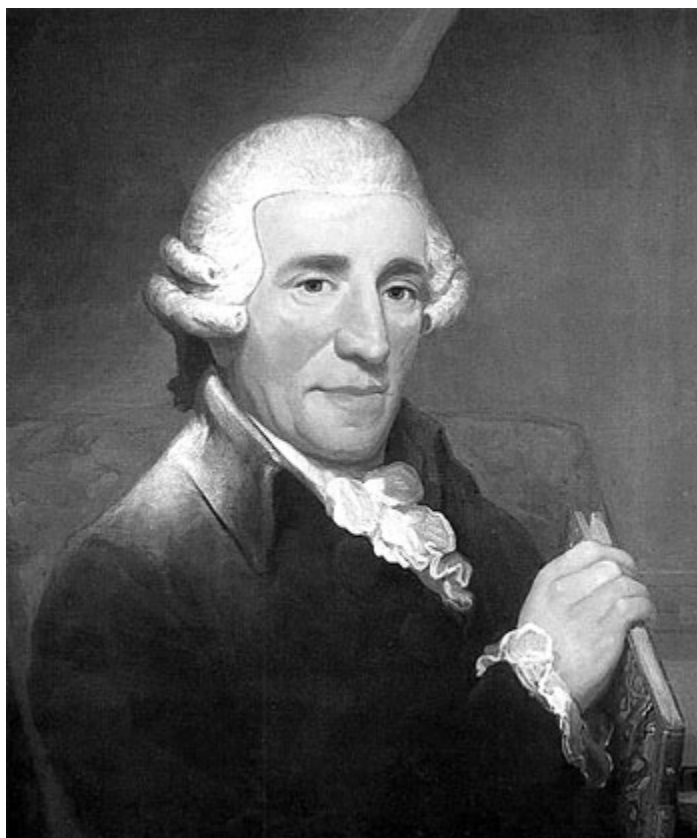
Во времена раннего Возрождения великий итальянский живописец Андреа дель Кастаньо обвинялся в убийстве своего друга – художника Доменико Венециано. Спустя сто лет великого Тициана обвиняли в отравлении живописца Порденоне. И между прочим, Тициан убедительно доказывал, что никак не мог отравить приятеля. Но люди не верили.

А зря! Ведь был же прав наш поэт Пушкин. Не в том, что тоже обвинил Сальери в смерти Моцарта, а в том, что написал: «...гений и злодейство – две вещи несовместные!» И это непреложная истина. Впрочем, поверить в зависть и коварство для рода человеческого всегда привычнее. Ведь сколько веков длится этот эффект Моцарта – Сальери, хотя, казалось бы, уже можно понять: гении – не убийцы, а убийцы не останутся гениальными. Ибо зло губит талант, сводя его на нет. Гениальные художники Кастаньо и Тициан не убивали своих соперников по творчеству. Может, потому, что действительно были гениями? Но и Сальери не травил Моцарта, хоть гением и не был. Впрочем, откуда такие суждения? Сальери тоже был гением! Ведь только гениальному человеку под силу продолжить нить великого искусства, воспитав гениев новых времен – Бетховена, Шуберта, Листа и других. Не будь педагога Сальери, порвалась бы связь времен.

Йозеф Гайдн: как распознать гения

Франц Йозеф Гайдн (1732–1809) – величайший австрийский композитор, которого почитает весь мир. Однако после его смерти случилось загадочное происшествие, до сих пор повергающее в такой шок историков и музыкантов, что они предпочитают и не вспоминать об этом зловещем событии. Так что если у кого-то из читателей слабые нервы или слишком уж яркое воображение, пролистните этот воистину роковой рассказ.

Все началось с того, что в 1820 году решено было перенести прах почившего 11 лет назад композитора с венского кладбища в город Айзенштадт, где он прожил 30 лет, находясь на службе у князей Эстергази. Всем было известно, что в Вене Гайдн был захоронен 1 июня 1809 года на старом кладбище Хундстурмер. Похороны прошли в спешке: в столице Австрии находились французские войска. «Если б не было таких обстоятельств, то похороны Гайдна превратились бы в траурное шествие, равного которому еще не видели в Вене», – скорбно написал старинный друг композитора Андреас Штрейхер, известный изготовитель венских роялей. Увы, в атмосфере военной неразберихи было не до траурных шествий. Даже музыка не звучала. По словам современника, «ни один капельмейстер не сопровождал Гайдна в последний путь».

Йозеф Гайдн

Понятно, что австрийцы чувствовали себя в долгу перед великим соотечественником. Поэтому и решено было перезахоронить останки гения с большой помпой. И вот в сентябре 1820 года князь Миклош Эстергази-младший (Николай Эстергази II), в чьей семье Гайдн и служил капельмейстером, приказал со всевозможным почетом эксгумировать останки композитора, дабы перепроводить их в Айзенштадт. На торжественное вскрытие собралось множество народа. Рядом с могилой наготове стоял траурный катафалк, обитый роскошным черным крепом и золотыми бантами. Могильщики вскрыли гроб, бережно вынимая тело, и вдруг на землю упал пышный парик усопшего Гайдна. И стоящие рядом люди увидели немыслимое: под париком не было головы композитора!

Толпа в ужасе отшатнулась. Кто-то закричал. Женщины попадали в обморок. Мистический ужас объял присутствующих.

Мероприятие было смято. Зрители в панике разбежались. Появление полиции не внесло покоя. Слуги Эстергази спешно погрузили тело без головы на катафалк и повезли в Айзенштадт. Сам князь в гневе и ярости потребовал тщательнейшего расследования. Уже через неделю служба княжеского дознания вкупе с полицией выявили подозреваемого – управителя княжеского дома в Леопольдштадте Иоганна Непомука Петера. После нескольких допросов сей Непомук (надо же какая говорящая фамилия: мук не помнящий!) признался, что вступил в тайный сговор с секретарем Эстергази – Карлом Розенбаумом. Тот сошелся с чиновниками из Вены – Юнгманом и Ульсманом, сотрудниками налогового управления и городского казначейства. О чем же вели речь все эти уважаемые члены общества? Вот дневниковая запись Розенбаума: «Мы говорили об отделении этой, во всех отношениях достойной почитания, головы. Все было определено точно». Ну не мистика ли, не роман ли ужасов?! Нет – малый факт из реальной жизни добропорядочных венцев.

Далее события развивались так: Розенбаум взял своего верного друга Якоба Демута, которого охарактеризовал как достойного, полноватого, жизнерадостного мужчину, и оба этих веселых венца отправились на кладбище Хундстурмер. Дело было 4 июня 1809 года, то есть спустя три дня после похорон Гайдна. Демут вскрыл могилу, отделил голову. А

Розенбаум положил ее в пакет и отправился в госпиталь, дабы там, прости Господи, медики отделили плоть и оставили только кости черепа. За ними-то и охотились почтенные венцы.

Вот уж слов нет. Да что они – маньяки безумные или святотатцы проклятые?! Да такого и в бреду не насочиняешь, а тут – спокойненько наяву. И при том, что «все определено точно» – заранее и по плану...

Да что ж за план такой?! Оказалось, вполне научный. Если надо – и черепа из могилы для науки не жалко. Но что ж за наука такая?! Неужто есть? Увы – существует. И в XIX веке по Европе бродила, и в XX столетии в фашистские измышления перекинулась. Именуется френологией. По ней выходило, что по черепу человека можно узнать его истинные наклонности. И в 1797 году венский анатом Галль (между прочим, Франц Йозеф – тезка Гайдна) поразил мир открытием: сыскал «шишку гениальности музыканта», которую «с легкостью можно обнаружить на черепе немного назад и наружу от внешнего глазного угла». С тех пор и начался «роман ужасов»: приверженцы френологии начали раскапывать могилы, отделять головы и искать на них шишку музыкальной гениальности. Фанатики сумели выкопать останки Доницетти, позже – Баха, Шуберта, Бетховена. И это только гении первого ряда, могилы которых они осквернили. А были еще и музыканты не столь известные. Но к чему же френологам столько?! А вот зачем: теория никак не желала подтверждаться – приметы музыкального гения не нашлись ни у Шуберта, ни у Бетховена, ни у многих иных. Из всего этого маразма вышла одна польза: у Баха шишка у левого виска действительно подтвердилась, правда, у него, бедняги, вообще была носовая опухоль. Зато по его черепу скульптор Леффнер создал портретный бюст – выходит, еще в XIX веке скульпторы умели воссоздавать хотя бы примерные портреты по останкам.

Но вернемся к Гайдну. Разъяренный князь Эстергази ни о какой френологии и слышать не пожелал – приказал всех участников осквернения забрать в кутузку. Да вот беда – голову-то надо было найти. Иначе неприлично хоронить, тем более в усыпальнице будущего музея!

Непомук, отвезший голову в госпиталь, рассказал, что, забрав череп, он передал его Розенбауму. Полиция обыскала дом бывшего секретаря, но безрезультатно. К тому же жена Розенбаума болела, не могла встать с постели. Негуманно тревожить бедную женщину. Ох уж эти простофили! Впрочем, не только полицейским, но и любому человеку в здравом уме и примерещиться не сможет, что «больная» лежала на соломенном матрасе, в котором и был спрятан мешок с черепом Гайдна.

Словом, полиция опростоволосилась. Но хитрый Эстергази решил пойти по иному пути. Он внес залог за всех участников гробокопания и пообещал спустить разбирательство на тормозах. Главному же участнику – Розенбауму – князь предложил за череп Гайдна кругленькую сумму. Но и бывший секретарь оказался тертым калачом: он отдал череп, но, как вскоре установили медики, это был череп 20-летнего юноши, а не 77-летнего композитора. Эстергази с удовольствием вздернул бы мерзавца секретаря, но ведь только он один мог вернуть целостность бедному Гайдну. Князь напустил на Розенбаума докторов. Какой болячкой те пригрозили гробокопателю, неизвестно, но Розенбаум все же отдал им очередной череп – на этот раз действительно старика.

4 декабря 1820 года в Айзенштадте наконец-то состоялось долгожданное торжественное захоронение великого Гайдна в роскошном склепе при огромном стечении народа. Вот только через некоторое время Эстергази узнал, что у врачей не было уверенности в том, что и последний череп приходился родным Гайдну. Однако давать ход сомнениям князю было не резон. Он ведь лично говорил торжественную речь, уверяя сограждан, что их великий соотечественник наконец-то упокоится с миром. А выходит – какой же тут мир?!

Словом, дело замяли. Но о детективных скитаниях черепа все же стало известно. Розенбаум жил недолго. Перед смертью, покаявшись, он решил замолить грех: завещал ужасную реликвию Венской консерватории. А исполнителем своей последней воли назначил все того же Непомука. Но тот решил пренебречь волей покойного друга и оставил череп у себя. Впрочем, долго сей мерзавец не протянул (Бог шельму метит!) и оставил своим

преемником профессора анатомии Рокитанского. Врач держать у себя ужасный дар не решился и передал приятелю по фамилии Кундрат. Тот взял, но быстро пришел в ужас, поскольку его замучили кошмары во сне и наяву. Еще бы – ужасная реликвия мстила. Кундрат вернул череп Рокитанскому. В 1895 году он и был обнаружен среди имущества скончавшегося профессора. Нашлись и бумаги, где было указано, какому гениальному владельцу эта страшная находка принадлежит. Через год сыновья покойного согласились, что держать такую реликвию дома невозможно, и передали ее в Венское общество друзей музыки. И еще 59 лет череп Гайдна пылился где-то на полках. Только в 1954 году уже при прямом вмешательстве правительства Австрии удалось воссоединить останки Франца Йозефа Гайдна. Теперь великий композитор покоится в истинной целостности в Айзенштадте. Да вот незадача: в гробнице теперь лежат два черепа – и тот, с которым его перезахоронили в 1820 году, и тот, что присоединился в 1954 году. Словом, если один из черепов опять потеряется – всегда есть замена.

В заключение – весьма странное совпадение. В том же 1809 году, когда умер Гайдн, родился великий русский писатель Николай Васильевич Гоголь, голова которого в результате череды зловеще-запутанных событий исчезла из могилы в начале XX века и до сих пор не найдена. И где искать? Опять у френологов? Или у мистиков? Или фанатов? Одним словом, «роман ужасов» продолжается...

Странные картины из жизни Гофмана

Его называют великим и мерзким, служащим Богу и дьяволу, взывающим к самым высоким порывам человеческой души и подробно живописующим всю низость, до которой может скатиться человек. В одном лице он – фантазер и философ, лирик и обличитель.

Великий немецкий писатель-романтик Эрнст Теодор Амадей Гофман (1776–1822) – человек-легенда. Добавим сразу – легенда не из приятных. Так же как выдуманный им Щелкунчик – оскаленный деревянный карапуз, изумленно вытаращивший глаза на мир божий. Пока узнаешь, что это – заколдованный принц, пока разглядишь прекрасное лицо, спрятанное за деревянной личиной, пока поймешь, как можно его расколдовать... Глядь, а отвратительная маска уже прилипла к телу – не отдерешь!

Сама личность Гофмана парадоксальна. Мечтал стать композитором – даже свое третье имя Вильгельм поменял на Амадей (в честь обожаемого Моцарта) – а стал великим писателем. Мечтал заниматься романтическим творчеством, а вынужден был служить на самых скромных чиновничьих должностях. Мечтал быть притягательным собеседником, душой компании, человеком приятной наружности, наконец, а окружающие видели его едким дурным насмешником, неприятным уродцем, прозванным «обезьяной». Мечтал скрыться от удушающей обыденности в волшебстве фантазий, а понял, что действительность превращается в жуткую фантазмагорию. В этой фантазмагории он и творил, и жил. И в жизни его встретились такие странноватые картины...

Эрнст Теодор Амадей Гофман

Детство в интерьере безумия. Гофман родился 24 января 1776 года в немецком Кенигсберге (ныне это – наш Калининград, так что мы с Гофманом – соотечественники). Отец – судейский адвокат развелся с матерью Гофмана Луизой, когда Эрнсту было всего 4 годика. Луиза с сыном вернулась к своей матери. Вот тут-то и начались первые настоящие несчастья. Здоровье Луизы сильно ухудшилось после развода. Она и до того страдала истерическими припадками, но теперь постоянно плакала в своей комнате. К тому же ее начал выводить из себя сын. Она и раньше не слишком любила его. Но теперь, когда он носился по комнатам, изображая разбойника, или завывал, подражая привидению, бедная Луиза просто приходила в ужас. Дошло до того, что она безропотно передала воспитание мальчика своему брату, юристу, человеку сухому, чванливому и крайне педантичному. Атмосфера дома осложнялась еще и жильцами, которым бабушка сдавала верхний этаж. Там жила по-настоящему безумная дама, вопли которой будили всех в самое неурочное время. В итоге юный Гофман ни о чем не мечтал так страстно, как выбраться из этого дома, да к тому же – самому не сойти с ума.

Мечта о свободной жизни – без контроля и денежной зависимости от родственников – начала принимать реальную форму, когда, окончив Кенигсбергский университет, Гофман в 1796 году получил предложение занять должность юриста в суде города Глогау, а значит, возможность покинуть «тихое семейство» родственников. Увы, уже за этот первый самостоятельный шаг в жизни пришлось заплатить. 13 марта 1796 года умерла его бедная мать. «Несчастливая! Кажется, она оплатила мою свободу!» – с грустью написал Гофман своему лучшему другу – Готлибу фон Гиппелю.

Ситуация повторилась, когда в 1803 году умерла любимая тетя Гофмана – Софи Дёрфер. Именно тетя Софи, так и не вышедшая замуж старая дева, занималась с маленьким сыном сестры. Софи была единственной в семье слушательницей первых литературных набросков племянника, которому педантичный дядя не разрешал заниматься бумагомаранием. И вот удивительно – первую музыкально-критическую статью Гофмана «Послание монастырского священника своему столичному другу» опубликовали именно в

тот год, когда не стало Софи. «Неужели сердобольная тетья уговорила Небеса напечатать мое творение? Так и с ума сойти недолго!» – с горькой иронией восклицал Гофман в письме к верному Гиппелю.

Любовь в интерьере отчаяния. В 1802 году Гофман женился на полячке Марии Текле Михалине Рорер-Тшиньской, которую по-дружески звал Мишкой. В этом браке вообще скорее преобладала дружба, чем любовь. Когда в 1805 году родилась дочурка, ее назвали Цецилией – естественно, в честь небесной покровительницы обожаемой Музыки – святой Цецилии. Дочь явно принесла удачу – Гофман получил выгодное место в Варшаве, которая тогда входила в состав Пруссии.

Большое жалованье. Прекрасный дом. Начальство поощряет музыкальные занятия. Гофман даже ухитряется открыть Варшавское музыкальное общество. Впервые на титульном листе партитуры зингшпиля «Веселые музыканты» Гофман официально величает себя Амадеем Гофманом. Но счастье не длится долго. Расплата становится трагической. В 1806 году наполеоновская армия оккупирует Варшаву. Гофман едва спасается от ареста, тайком перебравшись в Берлин. В Берлине – голод, холод, толпы беженцев. Чтобы сохранить жену и дочь, Гофман отправляет их к родственникам в Познань. Никогда не простит он себе этого! Там, в Познани, заболевает жена, а двухлетняя дочь умирает. Узнав об этом, Гофман сваливается в нервной горячке. «О здоровье уже и не думаю... нужда... достигла крайней степени. Вот уже пять дней я ничего не ел, кроме хлеба, – такого еще никогда не было», – напишет он верному другу Гиппелю.

В конце концов уже отчаявшийся Гофман находит место капельмейстера в театре Бамберга. Вместе с женой он перебирается в этот маленький сонный немецкий городок, которого мало коснулась война. Приходится работать под началом невежественного и чванливого директора. Но есть и плюсы: театр ставит несколько гофмановских зингшпелей. А лейпцигская «Всеобщая музыкальная газета», с которой Гофман сотрудничает в качестве музыкального критика, печатает его первую сказочно-фантастическую новеллу – «Кавалер Глюк». «Похоже, что наконец-то соизволила начаться моя литературная карьера!» – восклицает новоявленный писатель. Ко всем этим милостям судьбы в Бамберге присоединяется еще и Любовь. Та самая, что приходит раз в жизни и пишется с прописной буквы.

Ее звали Юлия Марк. Гофман давал ей уроки музыки и влюбился. Все было против его чувства – двадцатилетняя разница в возрасте и его узы брака, ее богатая семья почтенных чиновников и его неопределенное положение в обществе. Но она влюбилась в него – пусть робко, как ученица в учителя. А он пел с ней дуэты и читал стихи. Идиллия, как всегда, разрушилась быстро. Увидев эту странную влюбленность, мать выдала Юлию замуж за богатого дельца. Гофман чуть с ума не сошел от отчаяния. Чуть не на коленях умолял он фрау Марк не губить дочь. Ведь ее нежная душа не будет счастлива с таким богачом.

И Юлия действительно не будет счастлива. Муж станет бить и обманывать ее. Юлия разведется, придет к матери в Бамберг и вернет девичью фамилию. Она даже попытается петь на вечерах, ведь Гофман говорил, что у нее прекрасный голос. Но вечера эти станут оканчиваться только слезами. Так за юношескую влюбленность Юлия заплатит сломанной жизнью. Но зачем?

...Очнувшись от несчастной любви, Гофман начнет писать – лихорадочно, страстно. В Юлии был для него весь мир, полный романтики, музыки и... предательства. И весь этот сложный, двуличный и роковой мир выплеснется на страницы его книг. Вот зачем судьба преподает Гофману такой страшный урок – она заставит его писать. Юлия станет прототипом всех его последующих героинь – и ангелоподобных красавиц, способных на великую романтическую любовь, и лживых юных девиц, которые предают своих возлюбленных. Самым ярким примером станут романтическая Серпентина и циничная Вероника из сказки «Золотой горшок». Потом будут героини «Песочного человека», «Крошки Цахеса», «Повелителя блох», незабвенных «Житейских воззрений кота Мурра» и других.

Сказки в интерьере смерти. В 1816 году Гофман напишет свою самую светлую сказку – новогоднего «Щелкунчика». Ее героиней станет дочка добрых друзей Гофмана – двенадцатилетняя Мари Гитциг. С семьей Гитциг Гофман знаком еще по Варшаве и потому ходит в их дом как в собственный. Он гуляет с детьми, рассказывает им сказки, учит рисунку и музыке, мастерит игрушки. Недаром в «Щелкунчике» он увековечит себя в образе странного и таинственного крестного – сказочника и волшебного мастера Дроссельмейера. Мари, вторая дочь Гитцигов, становится не только крестницей Гофмана, но и его любимицей – ведь в ней он попытается найти ту самую девочку, которую когда-то потерял. Удивительно ли, что Мари мистическим образом разделит судьбу крестного? Она вырастет красавицей и умницей, все будут пророчить ей радостную и счастливую жизнь. Но в 1822 году она скоропостижно умрет, и это случится спустя месяц после смерти самого Гофмана...

Но не только живые люди столь трагически переносили свою причастность к судьбе великого немецкого романтика. Даже сами его творения шли по этому же пути. Чего стоит только история постановки в Берлинском королевском театре его оперы «Ундина», впоследствии признанной первой немецкой романтической оперой. Как всегда, все началось прекрасно. Премьера 3 августа 1816 года прошла с огромным успехом. При беспрецедентном зрительском интересе оперу дали тринадцать раз. Проклятая чертова дюжина – ведь после тринадцатого представления Королевский театр сгорел дотла!..

Есть еще один трагический пример – уже упоминаемое Варшавское музыкальное общество. Имея несомненный талант художника, Гофман реставрировал для него старинный дворец Мнишек по собственным чертежам и даже расписал залы дворца и библиотеку. И те, кто их видел, говорили, что это – потрясающе! Стены расписаны фантастическими фресками – с древними богами, феями, ундинами, феерическими птицами, небывалыми цветами и растениями. Словом, чтобы представить всю эту фантазмагорическую картину поконкретнее, следует прочитать описание комнат архивариуса, а по совместительству мага Линдгорста в «Золотом горшке». Говорят, похоже. Правда, проверить уже нельзя. При перестройке дворца в 1824 году фрески уничтожены.

Так что же это за вихрь такой – гофмановский, который все стирает с лица земли? Да ведь господин Гофман и сам жил на стыке обыденности и фантазмагии. В этом его пограничном мире все было чересчур – чересчур сильные чувства, чересчур быстрые поступки. Все – слишком страстно, мгновенно, яростно. Любить – так любить, сочинять – так сочинять. Ведь за свою недолгую 46-летнюю жизнь он написал более 80 музыкальных сочинений (чаще всего – больших), несчетное количество статей и рецензий. Литературные произведения, в отличие от музыкальных, Гофман писал всего 8 последних лет, но ухитрился создать более 70 повестей и новелл и два громадных романа. При таком насыщенном творчестве ему явно не хватало энергии и сил. Вот он и черпал их повсюду – в дружеских пирушках, в личных беседах, в любви. И даже в общении с братьями нашими меньшими.

В 1819 году выходит первый том незабвенных «Житейских воззрений кота Мурра». Мудрый котик тоже имел свой прототип. Год назад друзья подарили Гофману крошечного котенка. С первых дней писатель восхитился не только его милой мордочкой, но и смекалистым умом. Возникла мысль написать о нем, а вернее, о том, как видит человеческий мир кот со своей – кошачьей точки зрения. Гофман даже нарисовал портрет Мурра, поместив его в начале своей книги. В 1821 году бедняга Мурр заболел. Гофман сидел с ним часами, укрывал одеяльцем, давал лучшие кусочки еды. Мурр смотрел на него печально и загадочно. Однажды ночью котик отдал душу своему кошачьему богу. Спустя несколько месяцев после его смерти вышла вторая книга «Житейских воззрений кота Мурра». «Знаешь, Мишка, – сказал жене Гофман, – без Мурки я вряд ли смогу написать третью».

Гофман оказался прав. Он вообще умел иногда предвидеть. Предсказал же он, что Юлия не будет счастлива в браке. Оказался прав он и здесь – третьего тома «Воззрений кота Мурра» читатели так и не увидели.

Предсказал Гофман и свою смерть – причем весьма своеобразно. В апреле 1822 года уже больной, он отправился на прогулку – полюбоваться пробивающейся зеленью. Тогда он

и написал рассказ «Исцеление», увидев свое исцеление так: «О! Зелень, зелень! Прими меня в свои объятия!» И опять оказался прав – Гофмана не стало посреди лета – 25 июля. А земля осталась – в своем зеленом буйстве.

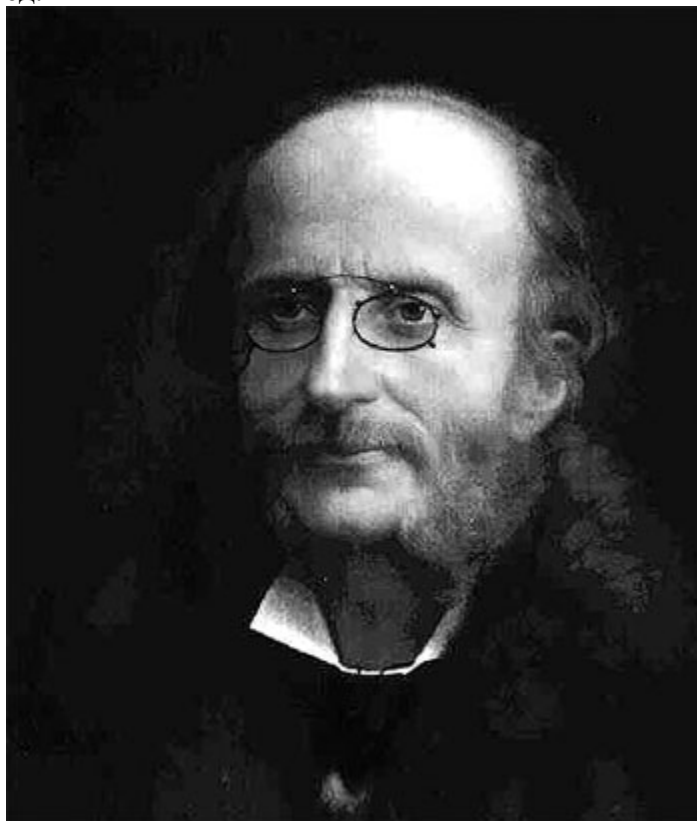
Черный человек Жака Оффенбаха

Современники не воспринимали этого композитора всерьез – ведь Жак Оффенбах (1819–1880) сочинял безудержно веселые оперетты. Но мало кому приходило в голову, что он мечтает о серьезной опере. И уж совсем никто не подозревал, что в жизни Оффенбаха существовал странный незнакомец в черном плаще, который не раз давал ему верные подсказки. И главное, именно этот незнакомец верил: Оффенбах напишет гениальную оперу.

Их первая встреча состоялась в один из трагических дней в судьбе 24-летнего музыканта. Долговязый и тощий Жак Оффенбах медленно подошел к парапету моста через Сену. Мрачно глянул на темную воду. Вздохнув, стянул с себя плащ и укутал им огромный футляр. Там лежала его любимица – прекрасная виолончель. Если уж ему суждено умереть, то она не должна пострадать от сырости! Самоубийца уже занес ногу на парапет, но вдруг услышал: «Куда вы, месье Оффенбах?» Невысокий человек в черной крылатке, возникший в тумане непонятно откуда, засмеялся: «Вам не вниз, юноша! Вам – вверх!»

Жак Оффенбах отскочил от парапета. Вот до чего он дошел в своей нищете – привидение мерещится! Юноша лихорадочно зашептал молитву. Но человек в черном приблизился вплотную и широко улыбнулся: «Не забивайте голову молитвами! Я знаю, что вас излечит, – хороший ужин. Сегодня – последняя среда июня 1819 года, значит, у мадам Митчелл званый вечер. Идите вверх по мосту – там ее дом!»

Незнакомец нырнул куда-то в туман, а Жака словно толкнули в спину – не разбирая дороги, он понесся вперед.

Жак Оффенбах

...Дочь мадам Митчелл – шестнадцатилетняя Эрминия скучала на званом вечере. Ее мало интересовали друзья матери. Она вздыхала и поглядывала на дверь – когда же, наконец,

вернется домой ее отчим – Джон Митчелл. С ним хоть не так скучно! Но отчим тоже не благоволил к гостям своей благоверной и потому специально опаздывал. Часы, противно скрипя, пробили полночь. С последним ударом дверь распахнулась. На пороге возник тощий и длинный молодой человек, похожий на засушенного кузнечика. Миг – и кузнечик ожил, смешно взмахнул длинными руками и шагнул в зал. Хозяйка, скрывая недоумение, поспешила к незнакомцу.

«Жак Оффенбах, музыкант!» – представился тот. Эрминия прыснула – вот уморительный гость! Он похож на капельмейстера Крейсера – странного героя сказок Гофмана, которыми Эрминия зачитывалась с детства. Гостеприимная мадам Митчелл широким жестом пригласила гостя за стол. Оффенбах не заставил себя ждать, тем более что стол ломился от еды. Господин в черном оказался прав. Вечер у мадам Митчелл явно удался.

Отобедав, Жак Оффенбах уселся за фортепиано. Его пальцы, как огромные стрекозы, запорхали по клавишам. Потом он расчехлил виолончель: «Вот так летает шмель! – И пальцы мастера виртуозно закружили по струнам. – А так храпит почтенный муж семейства. – Виолончель выдала немыслимые рулады. – А это, внимание, мартовский кот!» И инструмент душераздирающе замаякал. «Да он – волшебник – этот тощий кузнечик!» – ахнула Эрминия.

Наигрывая, Оффенбах начал рассказывать о себе. Четырнадцатилетним парнишкой он приехал с отцом из немецкого Кельна поступать во всемирно известную Парижскую консерваторию. И ему это удалось! Теперь вот играет в оркестре театра «Опера комик». Но зарплаты, увы, хватает только на голодный завтрак. «Вот и приходится играть в салонах и писать музыку для вечеров! – объяснил Жак, влюблено глядя в глаза Эрминии. – Могу я написать романс в вашу честь?»

Романс привел к роману. Роман к замужеству. Да, черный человек оказался фантастическим провидцем! Ведь если б он не подтолкнул Оффенбаха на званый вечер к родителям Эрминии, вся жизнь Жака сложилась бы совершенно иначе. Ибо на другой день после свадьбы, 15 августа 1844 года, именно Эрминия произнесла пророческую фразу: «О Жак, ты должен завоевать театр!» Оффенбах и сам мечтал об этом.

Стать театральным композитором – разве это не высшее счастье? Он уже писал музыку к нескольким водевилям, но все они не имели успеха. Но, поддерживаемый женой, композитор начал новую партитуру водевиля «Альков». Правда, поставить его пришлось на свои деньги, но успех был потрясающий. Весь Париж напевал мелодии Оффенбаха. Сам Адан, знаменитый автор «Жизели», поручил ему написать комическую оперу для «Театра лирик». Но тут, как на грех, грянула очередная парижская революция. Пришлось удирать в Кельн к отцу. Тот встретил сына с невесткой с распростертыми объятиями, вот только кормить их было не на что. Жак бегал по городу, ища любую работу. Но кто знал в Кельне музыканта Оффенбаха?!

На улице ему стало плохо. Конечно, ему не впервые падать в обморок от голода. Главное, падая, не сломать виолончель...

«Осторожней, месье! Или в Кельне надо именовать вас герр Оффенбах?» – раздался смутно знакомый голос, и чья-то жилистая рука подхватила Жака. Голова перестала кружиться, и Оффенбах вспомнил: это же человек в черном, тот самый, встреченный когда-то на парижском мосту. И опять он смеется: «Почему вы без денег? Разве не видите казино?» И снова сильная рука подтолкнула музыканта к тяжелым дубовым дверям. Казино. Жак вошел, как в тумане. Положил на зеленое сукно все оставшиеся деньги. Что-то звякнуло-брякнуло и завертелось похлеще, чем у Жака в голове. Бесстрастный голос объявил: «Семнадцать – черное!» Груда фишек придвинулась к Оффенбаху. Так что домой Жак вернулся нагруженный деньгами. А тут и известие из Франции подоспело – революция закончилась. Пора возвращаться в Париж.

И вот Оффенбах стоит перед владельцем нового музыкального театра на бульваре Тампль – композитором Флоримоном Эрве. «Нет ли у вас желания сказать новое слово в искусстве?» – интересуется Эрве. «О, я всегда готов поучаствовать в заварухе!» – отвечает

живчик Оффенбах. «Тогда вы – штатный композитор моего театра!» – мгновенно решает Эрве. Идет февраль 1855 года – с этого времени и начинается опереточное творчество Оффенбаха. Первая музыка к буффонаде «Ой-ай-ай, или Царица островов».

Затем еще десяток «музыкальных штучек», среди них знаменитая «Жемчужина Эльзаса» с водопадом веселых мелодий и ворохом безумно дерзких шуточек. А в конце непристойный для приличного общества танец парижских предместий – лихой канкан. Воистину – новые безумства!

Оперетта – новый парижский жанр. Шик, блеск. Но в интерпретации Оффенбаха оперетта приобрела саркастический оттенок, критику этой самой «шикарной жизни». В рамках бурлеска и шутки ему стало тесно. 5 июля 1855 года композитор основал свой сначала крошечный театр «Буфф-паризьен», который вскоре переехал в большое здание на рю Шуазель, и добился от властей возможности ставить там большие трех- и пятиактные оперетты. Поначалу успех был потрясающий. Но вот 21 октября 1858 года состоялась премьера «Орфея в аду». Композитор возлагал на нее большие надежды, ведь это была серьезная оперетта с критикой существующего общества, но такая веселая, с захватывающим вихрем канкана в финале. Ну отчего она провалилась?!

Жак спустился в театральный подвал. Мысли были катастрофичны. Сборы мизерны. Долги растут. И что делать?! Жак задрал голову – с балки свисала отличнейшая веревка. Такая вполне его выдержит...

«Вы после каждого спектакля в петлю лезть будете?» – раздался вдруг такой насмешливый и такой противно знакомый голос. Человек в черной крылатке, легко прыгая по лестнице, спускался в подвал. И тут Жак впервые огрызнулся: «Вам-то что?! Чего вы ко мне пристали?!» Незнакомец усмехнулся: «А мне, месье Оффенбах, нужна ваша музыка. Я знаю ее всю, даже ту, что вы еще не сочинили. Хотите послушать? Вот куплеты вашего «Клейнцаха!»» И незнакомец глумливым голосом затянул мотивчик, дергая в такт рукой. Жак, охнув, заткнул уши: «Прекратите эту чертовщину!» – «Всего лишь творческий обмен опытом! – прошептал черный незнакомец. – И нечего рассиживаться: запомнил мелодию – марш домой!» И, схватив Жака за обшлага фрака, он вытолкнул его по лестнице наверх.

То, что случилось потом, трудно объяснить. Пресса поместила дикие карикатурные шаржи, вроде «Оффенбаха в аду», на котором безумный композитор мечется в окружении канканирующих ног. Критики разругали спектакль в пух и прах.

А публика повалила валом – народ любит посмотреть на то, что обхаяли. Уже через неделю Жак Оффенбах стал признанным королем оперетты. «Прекрасная Елена» (1864), «Синяя Борода» (1866), «Парижская жизнь» (1866) снова произвели фурор. «Герцогиня Герольштейнская» вообще снискала всемирную славу, ибо была показана на Всемирной выставке в Париже в 1868 году. И когда исполнительница заглавной роли, прима оффенбаховского театра Гортензия Шнейдер пожелала в собственном экипаже въехать на выставку через ворота, предназначенные для правящих особ, вахтенный, взяв под караул, провозгласил: «Великая герцогиня Герольштейнская!» И прима торжественно проплыла мимо императора России, уступившего ей дорогу...

Увы, судьба переменчива. Во времена Франко-прусской войны французы вдруг вспомнили про немецкое происхождение Оффенбаха и объявили композитора врагом нации. Это его, которого недавно называли «Моцартом с Елисейских Полей»! Однажды на показе прелестной оперетты «Перикола» какие-то военные молодчики забросали бедных актеров гнилыми овощами. Хорошо, хоть Жака не было в театре, его в угаре ура-патриотизма вообще могли бы убить.

Теперь в доме Оффенбаха, где раньше было полно друзей-приятелей, тихо. Никто не приходит. Все отшатнулись. Жак сидит в кабинете не высовываясь. Эрминия вяжет в столовой. Купить вещи теперь трудно. Но скоро зима. Нужно что-то теплое, вот Эрминия и взялась за спицы. Звонкий стук прервал ее горестные размышления. Эрминия встала и сама пошла открывать дверь. Ведь из дома неблагонадежного разбежались все слуги.

На пороге возник невысокий человек, закутанный в грязно-черный плащ разносчика.

Его нервное лицо скривилось в подобии улыбки. «Я принес прижизненное издание книг Гофмана с авторскими иллюстрациями. Скажите моему Оффенбаху: пора! Я жду его оперу».

Дверь захлопнулась, проскрежетав несмазанными петлями. Эрминия понесла книги в кабинет мужа. Оффенбах спал, закутанный в плед. Жена не стала его будить. Ведь теперь по ночам он работает с удвоенной силой – сочиняет грандиозную оперу по произведениям Гофмана. Забавно! Когда-то, впервые увидев несуразного юношу с огромной виолончелью, Эрминия подумала: как он похож на странных героев Гофмана. И вот теперь Жак обратился именно к этому писателю – фантасту и насмешнику. И незнакомый доброжелатель прислал книги...

Работа шла тяжело и долго. Маэстро успел написать еще несколько оперетт, в том числе музыкальные жемчужины «Мадам Фавар» (1879) и «Дочь тамбурмажора» (1879), но они не имели большого успеха. Эпоха безудержного расточительства, веселья и шика закончилась. Наступили времена накопления новых капиталов. Но композиторы – плохие «капиталисты». Так что Оффенбах теперь редко выходил из дома, часто запирался в кабинете, разговаривая сам с собой. Или с героями «Сказок Гофмана»? Каждый день Эрминия с ужасом слушала то прекрасные, то какие-то дьявольские мелодии, постоянно прерывающиеся страшными приступами кашля. В начале 1880 года Жак сумел наиграть дрожащей от ревматизма рукой отрывки «Сказок Гофмана» директору «Опера комик». Тот в восторге принял оперу к постановке. «Торопитесь! – предупредил Оффенбах. – У меня мало времени...»

Увы, ему довелось услышать только одну репетицию «Сказок» в конце сентября 1880 года. 4 октября у Оффенбаха случился приступ удушья. 5 октября 1880 года композитора не стало. Он так и не узнал, что написал не просто оперу – а гениальную оперу. Хоронили его в дождь. Но народу пришло столько, что толпа запрудила весь бульвар Капуцинок. К церкви Святой Магдалины несли венки от театров Парижа, Вены, Лондона, Кельна. Эрминию поддерживали дети, иначе она не смогла бы идти. Премьера «Сказок Гофмана» состоялась 10 февраля 1881 года. Эрминия осталась дома – пойти не хватило сил. В театр отправились дочери с мужьями. Сначала к Эрминии прибежал один взволнованный зять: «Начали вяло, пока без аплодисментов». Эрминия схватилась за сердечные капли. Выходит, провал... Через 10 минут прибежал второй зять: «Исполнили куплеты Клейнцаха! Публика в иступленном восторге!» Эрминия снова накапала капель. Выходит, успех... И тут вбежал третий: «Всё бисюруется! Это великий спектакль. Сохраните афишу, мама!»

Эрминия развернула огромный лист. На нее глянуло до боли знакомое лицо Оффенбаха и другое – тоже знакомое... Эрминия напрягла память – это же тот разносчик, что принес прижизненное издание Гофмана. Он еще тогда сказал: пора, Жак должен воплотить сказки в музыку! Так кто же это был? Вдова Оффенбаха смахнула слезу и прочла подпись под портретом мужчины в черном плаще: «Эрнст Теодор Амадей Гофман».

В ночь после премьеры Эрминия впервые за последние годы заснула спокойно. Во сне она улыбалась. Ей снились веселые Оффенбах и Гофман, отплясывающие безумный канкан – уже на Небесах...

Опера в адском пламени

Легендарная опера Оффенбаха «Сказки Гофмана» увидела свет рампы спустя три месяца после смерти композитора – 10 февраля 1881 года. Успех был поразительный. Но уже к концу года восхищение оперой сменилось ужасом перед ней. Ведь неудачи с постановкой шли одна за другой – и все по нарастающей!

Впрочем, те, кто немного знал историю, вполне понимали, что иного трудно ожидать. Оффенбах сочинял свою прелестно-зловещую мистическую оперу, будучи уже тяжелобольным, измученным от невостребованности слушателей, которых не интересовали серьезные темы. В Париже того времени царил культ золотого тельца. А Оффенбах писал свою «сказочную» оперу с главной мистической героиней – смертью, которая поджидает

всех героев этой музыкальной драмы. Больше того, смерть окружала композитора во время написания оперы. Вначале он хотел посвятить сочинение своему другу и помощнику еще по театру «Буфф» – театральному деятелю Вильмессану. Однако старый друг скоропостижно умер. В этом не было бы ничего страшного (в конце концов, друг юности Оффенбаха был уже немолод), но вот последующее действие композитора имело роковое последствие. Он посвятил оперу своему сыну – Огюсту. Отчего он так сделал? Может, оттого, что Огюст часто болел, и по квартире Оффенбахов расхаживали доктора, позвякивая многочисленными бутылочками с лекарствами, и эти воспоминания перекликались в голове Оффенбаха с образом доктора Миракля из «Сказок Гофмана»? Пугающие звуки сделали свое черное дело. Уже настроенный на мистическую волну композитор шестым чувством понял, что и его сын – не жилец...

Семейная легенда гласит, что композитор, всю жизнь вынашивающий замысел оперы по сказкам великого Э.Т.А. Гофмана, на финальной стадии чуть не отказался от ее написания. Словно почувствовал, что это творение потребует слишком большой платы – жизни окружающих ее людей. По той же легенде, опера была просто НАВЯЗАНА композитору призраком самого Гофмана, уже покойного к тому времени. Говорили, что Оффенбах даже сам пугался завораживающих, но, увы, затягивающе-черных звуков музыки, которая приходила ему в голову. Но некие высшие силы не давали ему бросить работу. Впрочем, Оффенбах ее так и не завершил. Прекрасная, но и зловещая музыка забрала у него все силы. Заканчивал партитуру и оркестровал ее другой композитор – Эрнест Гиро, друг и коллега Оффенбаха.

И сразу же после премьеры начались мистические события: опера словно мстила тем, кто к ней прикоснулся. Гиро сломал ногу, драматурги Мельяк и Галеви, писавшие текст к опере (хотя многое в либретто сочинял и сам Оффенбах), слегли с какими-то затяжными болезнями. Даже Карвальо, директор «Опера комик», где прошла премьера, неудачно схватившись за перила театральной лестницы, вывихнул руку.

Однако гениальную музыку желали услышать в Европе. Директор Рингтеатра в Вене герр Яунер во что бы то ни стало пожелал поставить «Сказки Гофмана». Венская премьера состоялась в конце 1881 года. Успех был потрясающим. Говорят, что меломаны, аплодируя, отбили себе ладони. Однако на втором представлении произошло ужасное – начался пожар. Несколько человек погибли прямо в зрительном зале, сотни пострадали от давки, пытаясь выбраться из задымленного театра. Здание Рингтеатра сгорело дотла.

Ну как тут не вспомнить кошмарную постановку оперы самого Гофмана. Тогда его «Ундина» тоже была встречена на ура 3 августа 1816 года... Но через тринадцать постановок Берлинский королевский театр, где она шла, сгорел. Такое вот дьявольское дежавю...

По театрам мира поползла леденящая душу легенда: опера «Сказки Гофмана» проклята. Ее называли «оперой, приносящей несчастье» и перестали ставить. Только через четверть века, в 1905 году, она вновь попала на сцену. Но... оказалось, что оригинальной партитуры Оффенбаха нет. Ну как сквозь землю провалилась! Музыковеды искали долго, но безрезультатно. Вспомнили, что в «Опера комик», где прошла парижская премьера «Сказок», в 1887 году случился... грандиозный пожар. Ну просто не опера, а адское пламя. Скорее всего, решили музыковеды, и партитура дьявольской оперы сгорела.

Надо сказать, что и после того, как XX век начал ставить оперу, отблески ее «пламени» не угасли. Впрочем, всем, кто впоследствии прикасался к творчеству Гофмана, приходилось смиряться с неизбежной мистикой.

Например, на моей памяти в 70-х годах XX века на Неделе немецкого кино кинематографисты пообещали показать экранизацию «Сказок Гофмана» все того же Оффенбаха. Так не смогли! На знаменитой песенке Гофмана о Клейнцах пленка порвалась. И восстановить не удалось. Зрители, собравшиеся специально на эту кинооперу, разбрелись по домам несолоно хлебавши. А когда несколько лет назад телевидение решило показать знаменитую постановку оперы Оффенбаха, где партию Гофмана поет Пласидо Доминго, это получилось только со второй попытки.

Однако на рубеже XX и XXI веков по всему миру неожиданно и стремительно начались новые постановки оперы. И случилось неожиданное, но обнадеживающее событие: летом 2004 года нашлась партитура «Сказок Гофмана», считавшаяся сгоревшей в пожаре театра «Опера комик» в 1887 году. Нежданно-негаданно она всплыла в библиотеке Парижской оперы. Ну не чудо ли? И не знак ли того, что проклятие перестало действовать и оперу можно ставить спокойно?..

Двойная жизнь Флоримона Эрве

Он сочинял мессы, мотеты и другие духовные произведения. И никто не знал, что он мечтает об оперетте. Потом он написал восемьдесят оперетт, но мечтал закончить духовную симфонию-ораторию. Пристрастия легендарного композитора – отца оперетты Флоримона Эрве (1825–1892) двоились. Да и сам он вел двойную жизнь. Это был его секрет. Однако еще упорнее он запрятывал в жизни и другую тайну: его лучшие оперетты были подсказаны сюжетами, которые он почерпнул в... сумасшедшем доме. Впрочем, театр и сумасшедший дом иногда оказываются так близки...

Долговязый и неуклюжий юноша брел наугад. Его душили слезы: жизнь не складывалась! Он выучился играть на органе, но в церковь, которая его приютила, пришел органист-профессионал. Играть больше не на чем. Орган ведь не купишь, как скрипку или рояль... Вздохнув, юноша оглянулся. Куда он забрел? Какое-то предместье Парижа – парк, старинная церковь. Юноша вдруг отчетливо услышал голос: «Там твое будущее!»

И зазвучал орган...

Флоримон вошел. В церкви стояла тишина, видно, органист уже закончил свою игру. Церковный служака подозрительно оглядел вошедшего: одет плохо, худ до неприличия. Гнать бы такого! Но юноша вдруг прижал руку к сердцу и напыщенно произнес: «Я здесь по воле народа, и заставить меня уйти можно только штыками!»

Служитель не понял, что Флоримон процитировал Мирабо, но на всякий случай решил не связываться с незнакомцем. Вмиг юноша оказался на месте органиста и заиграл. Услышав его музыкальные импровизации, из ризницы торопливо вышел священник: «Вас привело Провидение, мой юный друг! Нам так не хватает органиста!» – «Но я же слышал, как у вас играет орган!» – изумился Флоримон. «Не может быть! – замылся священник. – Ведь вчера Бог прибрал нашего органиста...» – «Но я слышал музыку, когда входил в вашу церковь!» – настаивал Флоримон. Священник грустно улыбнулся: «Не может быть! Хотя... Вдруг это знак свыше? Хотите занять место нашего органиста?» Флоримон возликовал: «Конечно! Но что это за церковь?»

Священник вздохнул и расплылся в улыбке: «Это церковь Бисетра – самой известной в Париже психиатрической лечебницы!»

Так уж повелось, что каждый день больных приводили здесь на мессу. С весны 1842 года семнадцатилетний Флоримон услаждал их хоралами. Уже через пару недель он заметил, что музыка успокаивает пациентов. Утихомиривались даже самые буйные – «Наполеон» и «Фауст». «А не попробовать ли лечить больных с помощью музыки?» – подумал молодой органист. И вот он составил из пациентов церковный хор. Конечно, зрелище не для слабонервных. Десятки мужчин и женщин с тупыми лицами, столпившись вокруг органиста, выли нечто маловразумительное. Но время шло. Больные все больше воодушевлялись, многие вышли из тяжелой депрессии, и хор зазвучал стройнее. Чтобы не утруждать пациентов большими песнопениями, молодой органист начал сочинять крошечные кантатки, называя их «музыкальными пиллюлями». И «пиллюли» помогали!

В 1847 году Флоримон познакомился с комическим актером Дезире – смешливым, толстеньким. Тому понравилась музыка, и он заказал ему музыку к своему бенефису.

Сцена! О ней Флоримон даже мечтать не смел. Но Дезире пристроил его на маленькие роли в театр на Монмартре. Ах, этот театр – кулисы, актрисы, кокетливые личики,

свободные нравы. Ну как от всего этого отказаться?!

Жаль, только денег в театре Флоримону не платят. Зарабатывать приходится, по-прежнему дирижируя сумасшедшим хором. Каждый вечер Флоримон пробирается из церкви в театр, под утро возвращается обратно. И все тайком: начальство узнает – выгонит! От двойной жизни голова кругом идет – куплеты с церковными хорами путаются. Зато его музыкальная буффонада «Дон Кихот» принята к постановке. И Флоримон начал репетировать самого Дон Кихота. Делая афишу, директор спросил его: «Ваша фамилия?» У Флоримона сердце екнуло. Начальство увидит, что он, Флоримон Ронже, подвизается на сцене, выйдет скандал! Но ведь можно взять псевдоним. И Флоримон ответил: «Флоримон Эрве!» Так родился двойник.

А в Бисетра стало твориться невообразимое. Едва Флоримон начинался собираться в театр, то свеча гасла, то дверь его каморки захлопывалась. Проклятая лечебница не желала отпускать его! А потом случилось и вовсе дикое. Флоримон спустился в церковный подвал и вдруг увидел впереди траурную процессию. Прямо через стены из одного угла в другой проплыл гроб, а за ним прошло призрачное шествие – приплясывающий и галдящий хор пациентов Бисетра. «Что происходит?» – в страхе спросил Флоримон. «Мы хороним господина Ронже!» – крикнул кто-то из толпы. Флоримон выскочил из подвала как ошпаренный. Надо же, что мерещится! Да в этом дурдоме он и сам сойдет с ума. И ведь предупреждал же Флоримона главврач: у вас самого психика слабая. А как сберечь нервы в психушке?!

Утром Флоримон сбежал в театр. Его встретил директор: «Дорогой господин Эрве!» И Флоримон вдруг понял – видение не соврало: господина Ронже и впрямь больше нет. Он упокоился в стенах Бисетра. Зато его двойник из театра одержал победу.

Началась новая жизнь. 8 апреля 1854 года композитор Флоримон Эрве открыл собственный театр на бульваре Тампль. Через месяц он придумал название «Фоли нувель» – «Новые безумства». А как еще он мог назвать свое детище?! На первом же спектакле «Жемчужина Эльзаса» в зал со сцены хлынул водопад веселых мелодий и ворох безумно дерзких шуточек. А героиня впервые на сцене станцевала и вовсе невообразимое – «непристойный» канкан. Так открылся первый в мире театр оперетты (маленькой оперы). Название это Эрве тоже выдумал сам.

«Безумства» прогрессировали. Публика в бешеном восторге требовала еще и еще. Эрве не справлялся с написанием такого количества мелодий. Он пригласил своих друзей-композиторов – Лео Делиба и Жака Оффенбаха. Сам он за первый год работы сочинил слова и музыку восемнадцати спектаклей. Но приходилось преодолевать еще и цензурные сложности: театру разрешили ставить спектакли только «на два голоса». Другой, может, и не придумал бы, как обмануть цензуру, но не Эрве, прошедший школу психлечебницы! В конце концов, театр – тот же сумасшедший дом. Так почему не появиться на сцене глухому, немому или сумасшедшему герою? Они не будут иметь «голоса», зато смогут кивать или отнекиваться на сцене. Мало ли молчащих сумасшедших перевидал Флоримон в Бисетра? Но ведь как-то же они общались с миром...

А однажды маэстро вспомнился один из больных, который воображал себя «отрезанной головой революции». Так почему бы не вывести такую «голову» в постановке? И вот для одной из буффонад Эрве написал терцет для двух «законных» героев и отрубленной головы, которая могла говорить и петь (ее партию композитор пел сам из будки суфлера), но никаким персонажем считаться не могла. Какой еще персонаж? Человек-то уже помер. Но когда терцет кончался, Эрве подхватывал голову со сцены и уносил под мышкой. А «живые» герои кричали ему вслед: «Так носить голову не модно! Ты нас компрометируешь!» И в зале начинался гомерический хохот.

Успех был таким потрясающим, что власти вынуждены были разрешить Эрве показывать представления, в котором будет занято до 15 актеров. А это уже полноценный спектакль! Эрве начал сочинять уже не одноактные, а трехактные оперетты. Лихорадочно писал и пьесы и музыку, а потом еще ставил и играл сам. Словом, работал не за двоих – за

десятерых. Но когда он жил иначе? Да он и в Бисетра жил двойной жизнью. Правда, в 1869 году наступил кризис: Эрве никак не мог сочинить новый сюжет. Однажды ему приснился страшный сон: хор из Бисетра плясал канкан, а буйный «Фауст» кричал: «Мефистофель-то – женщина! Но никто не догадывается!»

Проснувшись, Эрве вскочил: отличный сюжет, скорее записать. Можно назвать «Маленький Фауст». Действие будет происходить в школе сластолюбивого доктора Фауста, волочащегося за молоденькими ученицами. А Мефистофелем, карающим его за проделки, станет «демоническая» певичка из варьете. И то-то будет весело, когда в финале все спляшут канкан!

В 1870-х годах оперетта утратила былую актуальность. Театр Эрве закрылся. О композиторе почти забыли. Сидя дома в одиночестве, он вновь начал писать духовные сочинения. Вздыхал о том, что жизнь уже прожита – полвека перевалило. Но в начале 1883 года к 58-летнему Эрве пришла певица Анна Жюдик. Когда-то она пела в театре Эрве, но потом ушла к набиравшему славу Оффенбаху. Теперь и Оффенбах два года уже нет в живых, а легкомысленная прима постарела, начала терять голос и потому попросила сочинить для нее оперетту без технических сложностей.

Эрве промучался без сна всю ночь. Что ж, молодость уходит. Но разве он, творец, не сможет ее вернуть? Он напишет оперетту о своей юности, вспомнит начинающего композитора (назовем его Флоридор), который вынужден учить церковной музыке воспитанниц монастыря «Небесные ласточки», хотя сам мечтает написать оперетту. Разве не в таких «безумных» мечтах о театре проходила когда-то жизнь молодого органиста из Бисетра? И конечно, это будет рассказ о юной воспитаннице монастыря, которая грезит сценой, как некогда сама Жюдик.

Оперетта «Мадемуазель Нитуш» в театре «Варьете» имела бешеный успех. И никто не заметил, что партия Жюдик проста, почти куплетна. И еще долго никто не замечал, что автор «Нитуш» перестал выходить из дома, чурается гостей, бормочет нечто несвязное. Будто последняя оперетта забрала себе его жажду жизни, веселое настроение, стремление ко всем радостям.

И вот по безумной иронии судьбы Эрве вновь оказался в церкви Бисетра, но уже не дирижером, а участником «лечебного хора». А может, он просто вернулся в свой дом? Ведь Бисетра дала ему «путевку в жизнь», но срок закончился, и пришлось возвращаться. К тому за «путевку» следовало заплатить, и той же монетой: снова выйти в «лечебном хоре», принимая «музыкальные пилюльки», прописанные когда-то самим же собою. Там, в психиатрической лечебнице Бисетра, Флоримон Эрве и умер 4 сентября 1892 года.

Через два дня ведущий актер «Варьете», начинавший играть у маэстро Эрве еще в «Фоли нувель», Жозе Дюпюи возмущенно ворвался в театр: «Почему я один был на похоронах Эрве? Почему никто из вас не удосужился отдать маэстро последние почести?!» Оказалось, актеры ничего не знали. Но на другой день пришла бумага из дирекции: завтра похороны Эрве.

«Что за чертовщина!» – возмущались артисты и даже крестились на всякий случай, но на похороны все же пришли. Под сводами церкви Нотр-Дам де Лоретт они увидели... китайцев. Оказалось, тут хоронили однофамильца Эрве – ученого-китаиста.

Возвращаясь в театр, актер Дюпюи мрачно пошутил: «Эрве выступил на бис!» Конечно, ему не пришло в голову: раз у маэстро была двойная жизнь, должны быть и двойные похороны...

А вот «Мадемуазель Нитуш» уже вторую сотню лет жива-здорова. Правда, и ее в разных постановках называют по-разному: то «Лисой Патрикеевной», то «Небесной ласточкой». Но как бы ни звали, лишь бы ставили.

Блеск и тайны Джоаккино Россини

Блестящий итальянский композитор, живущий во Франции, Джоаккино Россини

(1792–1868) первым положил на музыку либретто оперы по виртуозной комедии Бомарше «Севильский цирюльник» (1816). Опера принесла маэстро всемирную славу. И между прочим, он создал ее всего-то за двадцать дней. Однако до сих пор музыковеды спорят над одной загадкой: отчего блестящий Россини начиная с 1812 года двадцать лет писал по несколько опер в год, а в последующие сорок лет не создал ни одной?

Выйдя из экипажа, композитор Джоаккино Россини шагнул к парадному своего парижского дома, и тут на него набросились репортеры: «Почему вы не пишете больше опер, маэстро? Говорят, на вас наведена порча! И еще судачат, что за прекрасные мелодии вы заложили душу дьяволу на 20 лет, но контракт истек, и с тех пор вы не написали ничего!»

Джоаккино Россини

Маэстро влетел в дом и понесся по лестнице, как только позволяла его тучная комплекция. «Будь прокляты все писаки – надо же додуматься до порчи и самого дьявола?!» – В изнеможении Россини рухнул в массивное кресло в прихожей своей квартиры. Раньше за французскими журналистами такого не водилось, это только на его родине, в Италии, во всем видели то сглаз, то порчу. А за кулисами театра, где Джоаккино проводил время ребенком, вообще шага не могли ступить без охранительных заговоров и защитных талисманов. Он запомнил, как его мать, оперная певица в третьеразрядном театрике, позвала в примерную старую уборщицу сцены – считалось, что та умеет ворожить и заговаривать болезни. Пятилетний Джоаккино маялся тогда животом – переел накануне диких слив из чужого сада. «Театральная ведьма» долго бормотала что-то, а потом сказала: «Следите за вашим мальчишкой, синьора Россини. Уж очень он жадный!»

Что ж, старуха оказалась права. Россини был жаден – всегда и до всего: ел за двоих, веселился за троих, но ведь и работал за десятерых! Еще в детстве выучился играть на всех оркестровых инструментах. В 8 лет вышел на сцену в хоре мальчиков, а в двенадцать уже заменил взрослого тенора в спектакле. И пошло-поехало! Стремясь получить лишний грош, он скитался по городам и театрам Италии, ведь заработков родителей катастрофически не хватало, а тут еще тетушки, дядюшки, невестки, кузены. И все – на грани нищеты. Всю жизнь Россини помогал многочисленной итальянской семье. Даже сейчас, когда он живет в

Париже, в Италию летят денежные переводы. Хотя сейчас это не сложно – его оперы ставятся по всему миру. Но в юности приходилось играть в церквях, оркестрах, на частных приемах, давать уроки музыки, петь в операх и концертах.

Россини вздохнул, вспоминая давние дни. Свою первую оперу «Деметрио и Полибио» он написал в 16 лет. А потом за 20 лет создал еще 36 сценических сочинений: оперы-серия, оперы-буффа, фарсы, оратории, мелодрамы. Газеты ругали его за такую всеядность. Но надо же было жить, а за оперу платили всего 250 франков! Однажды восторженные поклонники решили установить статую любимого композитора. «Сколько она будет стоить?» – поинтересовался маэстро. «20 тысяч лир». Россини присвистнул: «Господа, а не хотите отдать эти деньги мне? За такую сумму я сам охотно постою!»

Правда, оперы сочинялись быстро. Например, искрометный «Севильский цирюльник» появился всего за пару недель. Но однажды Джоаккино приснилась та самая театральная уборщица. Она пристально смотрела в глаза и шептала: «Жадный ты!» И сглазила, старая ведьма! Сначала застопорилась партитура «Отелло» для неаполитанского театра «Дель Фондо». Обеспокоенный Россини начал усердно молиться Мадонне. И та помогла. Правда, чрезвычайно болезненно. Директор театра вызвал композитора к себе да и запер. «На столе тарелка спагетти! Больше не получишь, пока не допишешь!» – гаркнул он. Голод не тетка: к утру следующего дня партитура была готова. Россини даже поставил Мадонне свечку. Впрочем, Мадонна помогала не всегда – трудно поверить, но большая часть опер на премьере проваливалась. Из разных городов Италии композитору приходилось слать матери скорбные письма. Однажды та возмутилась: «Прекрати писать о своих фиаско! Ты сам притягиваешь свои несчастья!» Джоаккино горько усмехнулся – как же писать без слов? Но выход нашел – стал рисовать. По-итальянски бутыль – «фиаско», вот Россини и начал изображать: бутыль поменьше, значит, фиаско не столь громкое, а если в рисунок влезает только горлышко от бутылки – фиаско огромное.

И такие катавасии случались почти с каждым спектаклем, будто какие-то темные силы пытались отвадить композитора от сочинения опер. Но Мадонна хранила маэстро – после провала премьеры второе представление ждал успех. А уж третье – триумф. Настоящая мистика...

Но самой роковой стала премьера «Севильского цирюльника» 20 февраля 1816 года в римском театре «Арджентина». Вот где темные силы развернулись вовсю – даже собственного эмиссара направили! Известный бас Дзенобио Витарелли уже давно славился как джетатторе – человек с дурным глазом. Россини умолял театральное начальство не давать ему роль Базилио, но тщетно. Однако едва Витарелли начал репетировать, как умер герцог Сфорца-Чезарини, хозяин и директор театра. Теперь все певцы истово крестились, выходя на сцену. Но что делать – закон театра жесток: премьера должна состояться в срок. Состроив «козу» из пальцев (вся Италия знает, что это самое действенное заклятье против дурного глаза!), перед поднятием занавеса Россини умолял Витарелли не глядеть ни по сторонам, ни в зал – не дай бог, сглазит коллег-певцов или публику. Но проклятый Дзенобио сглазил всех! Сначала он сам ухитрился, споткнувшись, грохнуться на пол – да так сильно, что поранил лицо в кровь. Потом на сцене неведомо откуда появился огромный черный кот (чистый сатана!) и как безумный начал прыгать на певцов, приведя их в ужас. А затем и публика под влиянием дурного глаза Витарелли замыкала похлеще черного чудовища. Словом, пришлось Россини в письме к матери нарисовать только пробку. Фиаско такого громадного размера просто не влезало в конверт.

Но на другой день очередь в кассу выстроилась в три кольца – все желали насладиться грандиозным провалом. После спектакля Россини с ужасом увидел из окна своей гостиницы огромную толпу, шагавшую через площадь с оглушительным свистом и зажженными факелами. «Они идут меня убивать!» – решил композитор и бросился спасаться на задний двор. Но громкий голос певца Мануэля Гарсия, исполнителя партии Альмавивы, перекрыл площадь: «Блистательный Россини, улицы Рима приветствуют тебя за твою великую музыку!»

С тех пор прошло больше полувека. Последняя опера Россини «Вильгельм Телль» увидела свет рампы в Париже 3 августа 1829 года. И вот уже без году 40 лет, как маэстро не сочиняет в этом жанре. Конечно, иногда он пишет романсы и фортепианные пьесы – но не оперы! Его любимая жена Олимпия частенько смеется: «Ты слишком толст и ленив, чтобы создавать сценическую музыку!» Россини крикает: наверное, так. Но иногда по ночам он лихорадочно думает: может, действительно некие темные силы отвратили его от оперного творчества? Правда, если вспомнить рассуждения журналистов о том, что композитор продал душу дьяволу, то уж точно не за музыку, а за вкуснейшие яства. Впрочем, чревоугодие – тяжкий грех...

Ну почему Россини нельзя жить без проклятых опер – размеренно, в свое удовольствие? Принимать гостей, готовить изысканные блюда и сочинять... кулинарную книгу. Ее можно назвать «Счастье обжорства» или «Радость толстяка», ведь рецепты блюд и соусов дороги сердцу маэстро не меньше, чем партитуры опер. Он и плакал-то в жизни всего два раза: на провале «Севильского цирюльника» и у себя на кухне, когда неловкий мальчишка-поваренок уронил на пол спагетти с соусом, только что приготовленным по новому рецепту. Конечно, об этом не следует знать поклонникам его опер. Пусть это будет самая важная тайна маэстро!

26 сентября 1868 года, позвав гостей на традиционный субботний музыкальный вечер, маэстро блистал изысканными блюдами собственного приготовления. Потом был концерт из его сочинений: молодые пианисты исполняли «Маленький вальс касторки», «Грехи моей старости», певцы пели его блистательные арии. Маэстро умилился и подытожил: «В юности я думал: существуют четыре действия радостной оперы, которую мы называем жизнью, – кушать, переваривать, петь и любить. Но теперь я понял, что ошибался в последовательности. Правильно так: кушать, любить и петь. А потом уже все это переваривать».

Через неделю маэстро слег. Доктора еще бурно лечили его, но 76-летний Россини быстро терял силы. В ночь на пятницу 13 октября маэстро еще попытался пошутить: «Кажется, началась пятница 13-го – темная дата, когда нечисть выходит на землю. Но разве ты, Мадонна, не хочешь забрать меня себе? Я призываю тебя, ты что, не слышишь?» Мадонна услышала. Через несколько часов, 13 октября 1868 года, она забрала своего маэстро. И там, в Царствии Небесном, он, должно быть, снова начал сочинять прекрасные оперы.

Русалочьи игры

Истории о русалках всегда притягивали деятелей искусств. Вот только сценический мир ставил спектакли на такие сюжеты с большой неохотой и даже боязнью. Вот только отчего – в чем тут загадка?

Известный бас Мариинского театра Карякин смерил высоченного красавца удивленным взглядом: «Чем тебя, Феденька, так приворожила «Русалка» Даргомыжского? Ты молодой певец, а хочешь петь партию старого безумного Мельника». Федор Шаляпин взъерошил свою кудрявую головушку и выдохнул: «Я в этой партии в Тифлисе большой успех имел. Хочу и здесь, в Петербурге, показаться. Да режиссер меня на роль никак не ставит!» Карякин хмыкнул: «Ладно, помогу. Но предупреждаю – дурная слава обо всех этих «русалках» идет!»

И.Н. Крамской. Русалки. 1871

Карякин оказался истинным товарищем – за час до последнего спектакля притворился внезапно больным: «Пусть Шаляпин споет!» Двадцатидвухлетнего Федора Ивановича срочно загримировали под старика Мельника. Старичок суфлер трогательно перекрестил начинающего певца, прошептав: «Глядишь, обойдется! Ты, Федя, на левой ноге три раза через левое плечо перевернись да сплюнь!» Шаляпин так и сделал. И его Мельник действительно дал ему возможность впервые блеснуть со сцены Мариинской оперы.

А вот бедняге Карякину обман не прошел даром – уже на другой день он свалился с настоящей болезнью. Болел долго и непонятно чем. Доктора выписывали разные лекарства. Шаляпин приносил приятелю «водочки для сугрева и лимонов для отдохновения». А старичок суфлер только вздыхал жалостливо: «Это ему русалки отомстили!»

Ох уж эти русалки! Историки и натуралисты утверждают, что их вообще никогда не было. Но поэты и писатели, художники и музыканты никогда не верили этим утверждениям и вдохновенно описывали романтическую жизнь водных красавиц. В разных странах мифы о русалках существовали еще со времен странствий Одиссея. Русалок звали по-разному – речными или озерными девами, ундинами или сиренами. Но основная история их трагической жизни оставалась неизменной: русалками становились девушки, утопившиеся от несчастной любви. В лунные ночи они заманивали мужчин своими чарующими песнями, чтобы утянуть под воду и тем самым отомстить за свои поруганные чувства. Ясно, что сей романтический сюжет не мог не привлечь поэтов и композиторов. Первая опера «Дева Дуная» появилась на сцене Венского театра в 1798 году. Композитор Фердинанд Кауэр был автором модных в то время песен-зингшпилей, но большую романтическую оперу создал впервые. Успех был ошеломляющим. С теми или иными переделками опера пошла по всему миру. Австрийский композитор стал знаменитостью. Но какую шутку сыграла с ним судьба! Весь его музыкальный архив – и собранные ноты, и собственные сочинения – в одночасье был смыт страшной волной наводнения, когда Дунай вышел из берегов. Что это было? Может, разгневанная дева Дуная решила покарать композитора? А может, она просто хотела иметь ноты его произведения у себя в подводном дворце?..

В начале августа 1816 года на сцене Королевского театра в Берлине появилась «волшебная опера» «Ундина», имевшая оглушительный успех. Автором музыки «Ундины» был не кто иной, как будущий великий писатель-сказочник – Эрнст Теодор Амадей Гофман. Да-да, Гофман тогда мечтал не о писательской карьере, а о своей «возлюбленной музыке».

Он действительно оказался очень талантливым сочинителем, и его «Ундины» стала «первой романтической оперой Германии». Публика бушевала от восторга, раскупив билеты чуть не на год вперед. Аншлаги следовали за аншлагами, пока исполнительница заглавной партии, прелестная Иоганна Эвнике, не заявила одному из репортеров, что она и автор проникли в самую суть героини Ундины и узнали все ее тайны. «Надеюсь, вы посвятите и публику в русалочьи секреты?» – осведомился репортер. «Конечно! – заулыбалась Иоганна. – На завтрашнем же спектакле!»

Но утром следующего дня случилось немыслимое – Королевский театр вспыхнул словно факел. Рискую жизнью, пожарные и добровольцы кинулись в огонь, чтобы хоть что-то спасти. Удалось вынести некоторые костюмы и декорации. Но вот то, что касалось «Ундины», – новенькие костюмы, дорогостоящие декорации и даже оркестровые партитуры – все сгорело дотла. Видно, душа ундины всерьез испугалась, что певица Эвнике расскажет публике какие-то русалочьи тайны. И еще знаете, что удивительно? Горящий театр столь старательно заливали водой, что еще долго после пожара вся берлинская улица представляла собой огромное озеро, образовавшееся на месте глубоких сценических подвалов. Словом, возникло отличное место для русалочьих игр.

В России первая опера на такой сюжет прошла на петербургской сцене в 1805 году. Это была легендарная «Леста, днепровская русалка», за основу которой была взята все та же «Дева Дуная» Кауэра с измененным либретто и новыми музыкальными номерами. Получилась масштабная тетралогия, одним из создателей которой оказался известный русский композитор Степан Иванович Давыдов. По преданию, композитор не слишком-то рвался сочинять музыку на «языческий сюжет», ведь сам он был глубоко верующим человеком и композитором, стремящимся к созданию серьезной духовной музыки. Но все-таки согласился.

Премьера прошла с небывалым успехом, через два года спектакль был возобновлен с еще большей пышностью. Давыдов стал необычайно знаменит. Но увы... после «Днепровской русалки» он не создал больше ни одного оперного произведения – а ведь прожил еще 20 лет.

Такая же история повторилась и спустя ровно 50 лет. Великий русский композитор Александр Сергеевич Даргомыжский обратился к произведению своего тезки – А.С. Пушкина. Так появилась великая русская опера «Русалка». В творчестве Даргомыжского она была третьей оперой, она же и стала последней, которую он закончил. После феерической «Русалки» композитор, вплоть до самой смерти, работал над «Каменным гостем», но так и не сумел закончить совсем небольшую партитуру. Как будто «Русалка» забрала всю музыкальную силу, опустошила сочинителя.

Все эти истории старый суфлер Мариинского театра и рассказал Федору Шаляпину: надо же предостеречь молодого певца. Еще добавил, что роль Мельника считается несчастливой не только в опере Даргомыжского, но и драматических спектаклях. На столичных сценах пушкинская «Русалка» практически не идет, ну а в провинции ставится редко – только ради бенефиса какого-либо трагика. Да и то с опаской: говорят, в антрепризе Нижнего Новгорода сразу двое актеров – Андреев-Горский и Петр Семенов, взявшиеся играть Мельника, скоростижно скончались.

Шаляпин вздохнул – жаль бедолаг. Да только в русалках ли дело? Федор Иванович точно знал: Андреев-Горский с Семеновым глушили водку почем зря. Ну а уж на новгородской ярмарке-то всякий спектакль заканчивается грандиозным «отмечанием».

Но, впрочем, поостеречься не мешает. Шаляпин стал присматриваться к разным постановкам «Русалок». В одну гастрольную поездку он попал в театр, где оперу Даргомыжского ставил режиссер с новыми веяниями. Сей постановщик велел рабочим сцены во всех операх на мельнице таскать по сцене тяжелые мешки с мукой. Шаляпин возмутился: «Глупость какая! Трагедия разворачивается: героиня в речке топится, ее отец-мельник с ума сходит, а тут мешки с мукой!» – «Но надо же как-нибудь оживить оперу!» – ответил режиссер. Шаляпин обомлел. Хотел поругаться, да вдруг увидел, что вся сцена к

тому же усыпана веревками. Федору Ивановичу не по себе стало. Хотел было сострить в адрес новатора: возьми веревку да удавись, может, и тебя кто оживит – да смолчал.

А на другой день узнал кошмарное: новатор-то и впрямь ночью на одной из веревок удавился. Помощник режиссера потом, крестясь, рассказывал: «Выпили мы – обмыли успех. Да, видать, перебрали. Режиссеру нашему голоса женские мерещиться стали. Будто зовут его куда-то... Он веревку-то со сцены поднял да и...»

Видно, не прощают русалки глупых новаторств. Да и то – раз веревка валяется на сцене, должна же она для чего-то сгодиться?..

Одно хорошо – с тех пор на судьбе Федора Ивановича Шаляпина загадочная зарубочка осталась. Никогда он больше не выпивал после спектакля «Русалка». И после «Бориса Годунова», и после «Фауста» с «Мефистофилем» мог поехать в ресторан или на дружескую пирушку, но после «Русалки» – никогда.

Черный рубеж симфонии

Мистическая история о том, как незадолго до смерти Моцарта человек, одетый в черное, заказал ему реквием, известна, наверное, всем. И не важно, что впоследствии выяснилось, что этот «черный человек» – вполне реальный управляющий богатого вельможи. Важно, что Моцарт воспринял его как некоего посланца Судьбы, почувствовав, что пишет СВОЙ реквием. Реквием по себе.

Но мог ли подумать Бетховен, вдохновенно сочинявший в 1823 году свою очередную симфонию – ту самую, что завершается знаменитой вселенской «Одой к радости», – что тоже невольно приближается к мистическому рубежу?

Симфония та стала девятой по счету в творчестве Бетховена. И надо сказать, ограничиваться этим числом композитор не собирался. Ведь через некоторое время он принялся за сочинение очередной – десятой симфонии. Но написать ее не успел. В 1827 году Бетховена не стало.

А годом позже не стало еще одного великого композитора – Франца Шуберта. И незадолго до смерти Шуберт успел завершить свою наиболее масштабную, так называемую «Большую» симфонию, которая в его творчестве оказалась... девятой.

Впрочем, может быть, это – просто любопытное совпадение? Или барьер девятки сработал только в жизни великих композиторов? Ничуть не бывало. Вот, например, современник Бетховена – немецкий композитор Людвиг Шпор, сегодня мало известный, тоже сочинил только девять симфоний.

Но с чего девятка стала роковой для симфонического творчества? И почему этот барьер возник в творчестве Бетховена? Ведь до него симфонии писали десятками. А Йозеф Гайдн, нередко именуемый «отцом симфонии», и вовсе создал свыше ста произведений в этом жанре. Но в XVIII веке, при Гайдне, музыкальные взгляды были совершенно иными. Тогда к «серьезной» музыке однозначно относили лишь музыку церковную. Симфонии же в большинстве случаев рассматривали как музыку легковесную, почти развлекательную. Неудивительно, что они были похожи друг на друга, словно современные эстрадные шлягеры. Во всяком случае, об индивидуальности симфоний в XVIII веке заботились крайне редко. Но начиная с Бетховена все сильно изменилось. Это ему мы обязаны современным представлением о симфонии как о жанре наиболее серьезном и сложном во всей классической музыке. Симфония стала рассматриваться как индивидуально-философское отражение средствами оркестра широчайшей и разнообразнейшей картины окружающего мира. И каждая вновь написанная симфония воспринималась уже как очередной этап его глубочайшего познания. А раз так, то это, наверное, не могло пройти незамеченным и для высших сил, установивших этому процессу познания определенный лимит.

Задумывались ли об этом композиторы романтической эпохи – неизвестно. Одно ясно – интерес к жанру симфонии у них явно упал. Берлиоз, Шуман и Брамс написали по четыре симфонии, Мендельсон – пять. Вплотную к загадочному рубежу подошли только

Чайковский (шесть симфоний и программная симфония «Манфред») и основоположник датского симфонизма Нильс Гаде (восемь). Иначе говоря, в мистику композиторы, может, и не верили, но судьбу все-таки старались не искушать. Кроме симфоний есть ведь и другие жанры.

Но нашлись смельчаки, дерзнувшие бросить вызов роковой девятке. Например, крупнейший австрийский симфонист второй половины XIX века Антон Брукнер. Хотя в справочных изданиях обычно указывают, что Брукнер написал одиннадцать (!) симфоний, однако нельзя забывать, что два первых опуса в данном жанре сам композитор рассматривал как просто ученические опыты и полноценными симфониями не считал. Так что последняя его симфония (1896) оказалась девятой. Причем писать ее композитор начал уже тяжелобольным и вполне сознавал, что она может стать роковой. Так и вышло – Брукнер не успел довести сочинение до конца. И что характерно: Брукнер написал на клавире посвящение «Au bon Dieu». Вдумайтесь, умирающий композитор посвящал свою Девятую симфонию самому Господу Богу!

В начале XX века на «черный рубеж» вышел австрийский композитор и дирижер Густав Малер. Его Девятая симфония появилась на свет в 1909 году (чувствуете магию девятки?). Малер не боялся никакой черноты, ему уже поздно было бояться – он был неизлечимо болен и мог позволить себе осилить строптивую девятку. Основной мыслью и чувством его симфонии стало само прощание с жизнью. Это было в полной мере трагическое сочинение. Но композитор решил бесстрашно пойти дальше – превзойти мистический рубеж. В последнее лето своей жизни он приступил к созданию Десятой симфонии, близкой и словно вытекающей из музыки Девятой. Но нечто незримое, но непреодолимое стояло на страже «заколдованного рубежа». Малер не успел ее написать, его не стало в 1911 году.

Другие композиторы не отважились приблизиться к опасной черте. Датчанин К. Нильсен написал шесть симфоний, американец Ч. Айвз и финн Я. Сибелиус – по семь. Лишь наш соотечественник А.К. Глазунов в 1910 году начал-таки сочинять свою девятую симфонию. Конечно, нам, россиянам, закон не писан, и мистика – наша родная стихия. Но и Глазунов, споткнувшись как-то ночью и чуть не переломав себе ноги, почуял недоброе и решил отказаться от своего замысла. Так и осталось у него восемь симфоний.

На почтительном расстоянии от цифры 9 остановились и крупнейшие симфонисты второй четверти XX столетия – С. Прокофьев (семь симфоний), П. Хиндемит (шесть), А. Онеггер (пять).

Но сумел же хоть кто-то из композиторов преодолеть – и не только свой страх, но и проклятый цифровой барьер? Да, но весьма хитрым или странным способом. Начало положил известный чешский композитор Антонин Дворжак. На рубеже XIX–XX веков, в 1893 году, во время своего пребывания в США он завершил работу над симфонией, которая стала девятой. Однако Дворжак решил обезопаситься: он проставил на титуле цифру 5, объясняя всем, что нумерует только изданные симфонии. Первые же симфонии, ранние, у композитора опубликованы не были. Еще он проставил программное название «Из Нового света» и... не написал больше ни одной симфонии.

По-иному подошел к созданию симфоний русский композитор Н.Я. Мясковский. Он вообще оказался единственным исключением из общего правила. Ведь ему в 1927 году не только удалось формально побить бетховенский рекорд, но и довести впоследствии число своих симфоний до двадцати семи. Но означало ли это утрату девяткой своей магической силы? Отнюдь. Дело в том, что поразительная плодовитость Мясковского была вызвана его принципиально иным подходом к жанру симфонии. Для него сам этот жанр уже не был чем-то особенным (как для Бетховена и его последователей), а представлял собой обычную, естественную форму музыкального высказывания, в чем-то даже обыденную. «Что бы он ни сочинял – обязательно получится симфония», – говорили о Мясковском современники. Неудивительно, что при этом и сами симфонии оказывались весьма неравноценными.

И все же в середине XX века мистический рубеж действительно был преодолен. Сделал это наш великий соотечественник Дмитрий Дмитриевич Шостакович. У него вообще был

сильнейший ангел-хранитель: ведь композитор вы держал и послереволюционный голод, и блокаду Ленинграда, и гонения со стороны властей предрержащих. Его ангел-хранитель помог ему и с Девятой симфонией. Причем помог весьма необычно. Шостакович обманул Судьбу с ее черной меткой. Его Девятой симфонией должна была стать торжественная, монументальная композиция, посвященная победе в Великой Отечественной войне. Со слов композитора известно, что именно над таким произведением он работал в 1945 году. Случись так, оно вполне могло стать его последней симфонией. Однако совершенно неожиданно в том же году под номером девять увидела свет камерная симфония неоклассицистского толка – сама по себе крайне интересная, но отнюдь не эпохальная. Следующей же симфонии пришлось ждать почти девять (!) лет. Композитор выдерживал длительную паузу. Вероятно, подсознательно он понимал всю ответственность перехода через незримый, но тем не менее существовавший рубеж. И наверное, не случайно он принял решение перейти его в 1953 году. В этот год умер Сталин, а значит, завершилась целая эпоха в жизни нашей страны. Открывались новые горизонты, и уже можно было выступать с новой Десятой симфонией – полной драматизма монументальной композицией, сумрачной и печальной поначалу, но с оптимистическим жизнеутверждающим концом. Симфонией, где отчетливо слышна «подпись» автора, знаменитая тема-монограмма DСSH – латинский вариант начальных букв его имени и фамилии. Подпись, которая, возможно, тоже стала мистическим знаком, защитившим того, кто решил заглянуть, наконец, за предел девяти симфоний.

После этого предпринятого Шостаковичем смелого шага композиторам-симфонистам стало в чем-то легче. Кажется, они уже могли, не опасаясь, преодолеть некогда запретный рубеж. И не замедлили этим воспользоваться. Так, француз Д. Мийо написал двенадцать симфоний, а наш соотечественник М. Вайнберг – аж двадцать одну. Уже в 1990-х годах свою Десятую симфонию написал С. Слонимский. Он создал ее по впечатлениям от поэмы великого Данте и назвал «Круги ада». Весьма показательно и впечатляюще. Ну что еще может находиться за проклятым барьером?..

К концу XX века музыкальная братия вроде бы вздохнула свободно. Однако 3 августа 1998 года умер Альфред Шнитке, наш великий соотечественник. Умер за рубежом после долгой болезни. Конечно, такое случается. Вечно не живет никто. Но дело в том, что за несколько месяцев до кончины Шнитке в Москве, в знаменитом Большом зале консерватории прозвучала его Девятая симфония.

Цена веселья

Со дня рождения Имре Кальмана (1882–1953) прошло уже больше века с четвертью, но до сих пор музыковеды и зрители его оперетт не могут разгадать загадку: почему в веселых звуках его музыки так много грусти, а часто и отчаяния?

Его герои смеются, поют и флиртуют напропалую, потому что они герои самого веселого музыкального жанра – оперетты. Сам же их создатель – король оперетты редко смеялся и шутил. Может, потому, что всегда чувствовал, сколь тяжела его корона?

Имре Кальман

Его чарующие и веселые мелодии покорили мир. XX век уже невозможно представить без его «Сильвы», «Марицы», «Принцессы цирка», которую на русской сцене традиционно называют по имени главного героя – «Мистер Икс». Персонажи его оперетт не просто лихо отплясывали новомодные танго и шимми, распевали «пошлые» песенки-шансонетки, но бросали вызов скучному добропорядочному обществу: офицеры-аристократы брали в жены «презренных» актрис, богачки графини выходили замуж за слуг-управляющих. Но как ни парадоксально, сам Кальман не претворял в жизнь их бунтарских порывов. Больше всего создатель романтических оперетт ценил комфорт и стабильность.

Каждая вещь в его доме должна была лежать на неизменном месте, ничего и никогда не выбрасывалось. Со временем эта странность обросла анекдотами. Его друг-конкурент по опереточному цеху, композитор Франц Легар, с удовольствием рассказывал такой случай. Секретарша композитора спрашивает: «Господин Кальман, можно я выброшу ваши ненужные бумаги десятилетней давности?» Композитор нерешительно вздыхает и, наконец, соглашается: «Ладно! Только снимите копии!»

И этот зануда написал пылкие и хмельные мелодии, которыми бредил мир?! Человек, не признающий никаких развлечений, создавал искрометные оперетты-праздники?! Могло ли быть такое? Вполне. Если человек хотел праздников, но не имел их в жизни. Если грезил о любви, но никак не мог ее встретить. Тогда-то он и сочинял чарующие мелодии – о Любви, Веселье и Праздниках.

Его жизнь оказалась парадоксом с первой секунды. В ночь с 24 на 25 октября 1882 года все родственники его отца, Кароя Кальмана, собрались в его доме в заштатном венгерском городишке Шиофок. Ожидалось очередное пополнение семейства. Родственники в нетерпении смотрели на часы. И едва новорожденный Имре закричал, один из дядюшек обширного еврейского семейства объявил, что уже пять минут как 25 октября. Но на часах папы Кальмана было 23 часа 59 минут еще 24 октября. Начались дискуссии, но папа, как

виновник события, взял верх. И днем рождения Имре было признано 24 октября 1882 года. Однако родственники разругались в пух и прах. Словом, радостное событие закончилось в итоге весьма плачевно. И что симптоматично – по тому же парадоксальному сценарию жизнь Кальмана развивалась и дальше.

Сначала все шло отлично. Родители любили друг друга и всех шестерых детей, из которых Имре оказался третьим.

Отец был вполне обеспеченным буржуа. И когда в их маленьком городке на берегу красивейшего озера Балатон решили развивать курортное дело, Карой вложил в него все средства. Курорт посещали известные личности, например профессор Лидль из Будапештской филармонии. Малыш Имре часами простаивал под его окном – восхищался игрой на скрипке. В конце концов разъяренный Лидль объявил Кальману-старшему: «Уберите вашего сына!» Папа Кальман виновато покачал головой: «Даже его сестра Вильма не может выгнать мальчишку из-под рояля, когда играет. Ребенок бредит музыкой». Лидль не поверил. А зря! Уже через пару минут четырехлетний мальчуган пел профессору по памяти Вторую венгерскую рапсодию Листа, которую разучивала в то время Вильма. Так впервые наглядно проявилась первая и единственная истинная страсть в жизни Имре Кальмана – Музыка.

Крах настиг неожиданно. Курортное акционерное общество папы Кальмана лопнуло, и все имущество, включая рояль, продали за долги. Из собственного дома в Балатоне семья перебралась в крошечную чердачную квартирку в Будапеште. Несчастный отец семейства потерял голову: не знал, как жить и что делать. Пришлось сыновьям кормить семью. Старший сын Бела устроился работать клерком, а четырнадцатилетний Имре начал давать уроки латыни, греческого, физики, математики (да чего угодно!) богатым оболтусам. Из приличной школы пришлось перейти учиться на окраину. И однажды, когда Имре тащился туда, случилось ЭТО. Его путь полегал через рынок. Протискиваясь сквозь торговые ряды, мальчишка не сдержался. Рука сама потянулась к розовому персику. Торговка бросилась за ним и, выхватив персик, размазала его сочную мякоть по лицу мальчика: «Мерзавец! Ворюга!»

Уже став взрослым, Кальман признался: «С ЭТОГО дня я разучился смеяться. И мне всегда мерещится, что, сколько бы денег я ни получил за очередную оперетту, вдруг мне не хватит на персик?»

Может, поэтому он писал столь много? Сочинял везде: дома, на прогулке, в магазине. В кафе записывал мелодии прямо на салфетках, в отсутствие бумаги лихорадочно марал нотами манжеты собственных рубашек. Злобные критики обвиняли Кальмана, что он создает сиюминутные шлягеры на потребу толпы, что он превратился в музыкальный конвейер. И конечно, никто из критиков не думал о мальчишке, который боится, что ему не хватит на персик.

Впрочем, есть одна тайна: за хорошую музыку мальчик всегда готов был отказаться и от персика. Недаром же в детстве, оставшись без рояля, он, четырнадцатилетний мальчишка, сумел заработать на инструмент. Пусть подержанный – но рояль! Он играл по 20 часов в сутки. Поступил в музыкальное училище, и первый же публичный концерт принес ему известность. Пятнадцатилетнего Кальмана пресса назвала «фортепианной надеждой нации». Он уже готовился к международному конкурсу, когда... переиграл руку. Так что же – отступить, перестать играть из-за нелепой боли? Ни за что! Имре снова засел за рояль. Один пассаж, второй и... клавиатура закрутилась у него перед глазами. Юноша рухнул в болевой обморок. О карьере пианиста пришлось забыть. Правда, он смог-таки поступить в Будапештскую консерваторию по классу композиции. Сочинял серьезную симфоническую музыку. Но и начинающий «серьезный» композитор оказался никому не нужен.

На одной дружеской вечеринке он объявил в сердцах: «Раз симфонии никому не нужны, я напишу оперетту!» И это был очередной трагический парадоксальный поворот в его жизни. Оперетта считалась «низким жанром» – воплощением пошлости и вульгарности. Но молодой Кальман подошел к этому иначе. «Никакой пошлости – только искренность и

сила чувств, – напишет он впоследствии. – Только страсть и романтика в музыке. Такой я «слышал» оперетту».

Однако в будапештском театре комедии «Вигсинхаз» директор брезгливо покосился на кальмановский клавир: «Оперетта «Осенние маневры»... Ладно, оставьте». От ледяного тона бедняга Кальман, и так застенчивый донельзя, пришел в ужас. В панике он даже сбежал из дома и осмелился вернуться только через три дня. Домашние встретили его на пороге: «Где ты пропадаешь?! Тебя разыскивает весь театр. Твою оперетту ставят!» Имре ахнул и грохнулся в обморок. Нелегко дается любовь к музыке...

Зато после премьеры, с фурором прошедшей 22 декабря 1908 года, музыкальный мир сразу же признал композитора Имре Кальмана. Ему было тогда двадцать шесть, и он готов был сочинять без передышки. Но вскоре в будапештских театрах ему стало тесно, и в 31 год маэстро отправился покорять Вену – музыкальную столицу Европы. В 1915 году «Княгиня чардаша» («Сильва») создала 33-летнему композитору славу, а потом «Баядера» и «Марица» вознесли его имя на вершину мирового Олимпа. Он сумел покорить Париж и Лондон, Берлин и Нью-Йорк. Его называли мелодическим гением, а его музыку – «сплавом страсти и колдовства». Но тогда почему он все чаще чувствовал себя загнанной лошадьё? Впрочем, лошади отдыхают хотя бы ночами, а Кальман и ночью сочинял свои мелодии. Наутро голова трещала, руки дрожали. И тогда на очередной премьеры ему приходилось прятаться в ложе за занавеску. А критики писали, что он не показывается от стыда за свои низкопробные мелодии. Но зрители рукоплескали его музыке. И никто не задумывался, чего стоит постановка веселого спектакля.

Оперетта – традиционно развлекательный жанр. Но и традиционно мистический. Композиторы, ее сочиняющие, странный народ – несчастный и загадочный. Отец жанра – француз Флоримон Эрве начал сочинять забавные оперетты в лечебнице для душевнобольных, где, между прочим, и сам кончил дни в качестве пациента. Сошел с ума и гений оперетты – Жак Оффенбах. Ну прямо какое-то дьявольское веселье...

Для Кальмана сочинение оперетт тоже стало процессом мистическим, а часто и трагическим. На всю жизнь запомнил он 1915 год. Тогда он работал над «Княгиней чардаша» («Сильвой») и должен был к вечеру написать легкомысленно-очаровательные куплеты «Без женщин жить нельзя на свете». И что же? Именно в этот день пришла телеграмма о смерти любимого брата Белы. Но Имре был обязан закончить куплеты. Не будет гонорара – не на что станет жить. Представляете, каково сочинять веселые шлягеры, поливая их слезами? Может, потому даже в смехе «Княгини» слышатся трагические нотки?

А в 1924 году пришлось дописывать прелестную «Марицу», приехав с похорон отца. Весь клавир оказался залит слезами, но прервать работу Кальман не мог – афиши новой премьеры уже трепетали по всей Вене.

Немудрено, что Кальман, на людях абсолютно респектабельный джентльмен, в душе верил и в мистику, и в чудеса. Он считал счастливым число 17 и старался назначать на это число главные события жизни и премьеры спектаклей. Позже именно на 17 ноября он даже предсказал рождение собственного сына. Еще он верил в то, что високосные года приносят ему удачу. А еще и вовсе в несусветное цыганское поверье: плачущая женщина принесет счастье и, наоборот, смеющаяся дама – беду.

С женщинами вообще-то ему не везло. Создатель страстной музыки был далеко не красавцем: небольшого роста, невыразительной внешности, усы щеточкой, вечно поджатые губы. В его любимом венском театре «Ан-дер-Вин» все удивлялись – как этот «сухарь» пишет такие зажигательные шлягеры? «Сухарь» знал, что его мало любят. Но ведь не рассказывать же всем, что в душе-то он – страстный мачо, мечтающий о путешествиях и авантюрах. Но ведь это все – в душе. А кому нужно заглядывать ему в душу?..

И все-таки нашлась добрая девушка. И кто? Ослепительная красавица, золотоволосая примадонна Паула Дворжак, блистающая в его «Баядере». Кальман встретил ее за кулисами плачущей. Паула была эмигранткой, и потому дирекция театра платила ей весьма скромное жалованье. Кальман догадывался об этом. Он ведь тоже долго считался в Вене

провинциалом. Но обижать золотоволосую девушку, на руках которой больная мать, показалось композитору кощунством. Он, робкий от природы, никогда не вступающий в конфликты, добился для Паулы достойного жалования со служебной квартирой и предложил красавице... руку и сердце. Паула судорожно вздохнула и тоже призналась, что Кальман ей по сердцу, но выйти за него замуж отказалась.

Имре переживал. Сильно. Мучительно. Не понимал Паулу. Обвинял себя. Считал, что слишком уж некрасив, не моден, не шикарен. Начал одеваться у лучшего портного, посещать мужские салоны и парикмахерские. Надо же стать достойным белокурой красавицы! В конце концов решил пойти с козырной карты – начал писать новую оперетту «Принцесса цирка» специально для обожаемой Паулы. Надеялся, что сумеет вложить в мелодии всю жажду любви, которую поймет примадонна.

Если б только он знал, в чем дело! Паула была больна. И тихо угасла на руках у Имре, прямо перед премьерой «Принцессы цирка».

Вот она – цена веселья! Кальман заплатил сполна – смертью брата, отца, возлюбленной. Что может быть ужаснее? Он-то думал: опереточные мелодии принесут в его жизнь счастье. Но вышло не так. Оказалось, безудержное веселье и взрывы страстей потребуют особой платы. И кто-то должен ее внести...

Ох уж эта оперетта!

Оперетта – не просто веселые спектакли, в которых ключом бьет радость жизни. Оперетта – особая зона мистики. И во время спектаклей исполнителям надо быть вдвое внимательными – к себе, к партнерам, к декорациям, даже к сказанным словам. Не будем голословными – обратимся только к фактам, запротоколированным в воспоминаниях и мемуарах актеров оперетты прошлого столетия.

Например, играют знаменитого «Графа Люксембурга» Ференца Легара в известной в начале XX века антрепризе С.Н. Новикова. Вместе с замечательным комиком Григорием Марковичем Яроном (его все знают по фильму «Мистер Икс», где он виртуозно исполнил роль старого слуги по прозвищу Пеликан) вторым комическим актером приглашен некий А. Светляков. Да только антрепренер на каждый спектакль все ставит и ставит одного Ярона. Уставший Ярон просит, наконец, поставить на завтра Светлякова. Новиков вздыхает: «У него голос резкий, противный. От такого голоса не то что зрители – бегемоты разбегутся!»

Но завтра Светляков все же поет. Более того – вопит на сцене, усиленно жестикулируя, – доказывает, что может играть. К концу спектакля вбегает к антрепренеру совершенно взлохмаченный незнакомец и орет похлеще Светлякова: «Бегемоты бегут!»

Оказывается, рядом с театром – зоопарк, в котором от крика Светлякова проснулись бегемоты и разбудили все вольеры. Того и гляди, звери разбегутся! Ну, как не вспомнить: слово не воробей, вылетит – не поймаешь...

В Петербурге начала прошлого века уже упомянутый Григорий Маркович Ярон репетировал с актером Никольским-Франком – мужчиной огромных амбиций и такого же веса. Играть должны были оперетту-мозаику известного композитора Валентинова «В волнах страсти». Оперетта – так себе, но в начале XX столетия шла с громадным успехом. И вот актер Никольский-Франк весом за сто килограммов уговаривает крошечного тщедушного Ярона: «Я сыграю, будто мне дурно, а вы меня подхватите!»

Режиссер спектакля смеется: «А вдруг он вас не удержит? Вы же, Никольский, на Ярона обрушитесь, как колонна!»

Начинается спектакль. Подходит та самая сцена «поддержки». Ярон приотправливается, и вдруг... на него с колосников грохается самая настоящая колонна. Ярона просто-таки расплющивает по сцене. Очнувшись, он обнаруживает, что на нем лежит еще и огромный Никольский и шипит: «Негодяй, вы это нарочно сделали!» – «Вставайте! Вы меня раздавите!» – умоляет крошечный Ярон. «Не могу! – отвечает объемный Никольский. – Я колено разбил!»

Пришлось щуплому Ярону выбираться из-под этой громадной туши самостоятельно. Хохот в зале стоял гомерический.

Оперетта воспринимается как прекрасная музыкальная сказка – с «графьями и князьями», балами и маскарадами, а любое сказанное слово в этой сказке приобретает особое значение. Тут каждый может стать и предсказателем и ясновидцем – от режиссера до технического персонала.

Пригласил, например, известный режиссер Алексей Алексеевич Феона в 1917 году мировую приму, одну из первых исполнительниц роли Сильвы – шведку Эльну Гистэдт выступить в этой роли в петербургском театре «Летний буфф». А уборщица перед приездом примы полы моет и приговаривает: «Своих актрис, что ли, нет? Выпишут бабу-ягу, а ждут, что она в королевешну обернется».

Чем уж не угодила зарубежная актриса местной уборщице, сказать трудно. Да только в день ее первой репетиции сидит вся труппа и ждет – нет примы. Ждали-ждали, и решил Феона распустить труппу. Уходит он со сцены и видит: за кулисами в уголке сидит невзрачного вида женщина, да еще с лицом изуродованным оспой. «Посторонним вход запрещен! – возмущается режиссер. – Кто вы такая?» – «Я есть Эльна Гистэдт!» – отвечает незнакомка.

Приходится извиняться и опять собирать актеров. Репетиция начинается снова, но вся труппа пребывает в шоке. Все недоумевают: как же эта страхолюдина будет играть красавицу Сильву? Но за два часа до спектакля Гистэдт запирается в артистической с собственным гримером, которого она возит с собой по всему свету. Звенит первый звонок, и на сцену выплывает женщина поразительной красоты. Воистину – королевешна. И успех у нее королевский!

Между прочим, тут стоит вспомнить, что впоследствии Эльна Гистэдт стала очень известной кино- и театральной актрисой. И прожила, не поверите, почти до ста лет. Надо сказать, что опереточные актеры вообще славятся своим долгожительством.

Все эти театральные байки, конечно, просто совпадения – то забавные, то грустные. Но когда количество их зашкаливает, образуется своего рода критическая масса, невольно возникает вопрос – почему в оперетту так и притягивается загадочность и волшебство?

А ответ прост. Оперетта ведь – прекрасная сказка в музыке. И герои ее, как в сказке, принцы и принцессы, служанки и короли – вовсе не реальные люди, а просто некие обозначения героев и героинь. Да и само действие оперетты, как в сказке, происходит в некоем царстве, некоем государстве. Хоть и написано в либретто «посольство маленькой славянской страны» или «приморское государство», но сразу видно – сказки все это. А в них могут случаться самые разные чудеса. Вот и живут оперетты по сказочным законам – и добрым и злым.

Мистическая «Княгиня чардаша»

Самая известная оперетта в мире, конечно, «Княгиня чардаша» (в России ее традиционно зовут «Сильвой»). Дело в том, что она появилась у нас в революционном 1917 году – тогда княгини и графы оказались явно не в почете. Вот из цензурных соображений оперетту и окрестили по имени ее главной героини. О мистике «Княгини чардаша» стоит сказать особо. Великий венгерский композитор Имре Кальман и либреттисты Бела Йенбах и Лео Штейн работали над ней два года и 30 декабря 1915 года представили свое детище в венском «Иоганн-Штраус-театре». С тех пор ее мелодии известны всему миру.

Стоит вспомнить, что 1915 год оказался нелегким для Кальмана. То болел он сам, то его родственники. Но совсем стало худо, когда умер его любимый брат Бэла Кальман. Не потому ли музыкальная партитура этой оперетты полна трагически-надрывной музыкой? Возможно, именно этот настрой и влияет на мистическую составляющую оперетты.

Как было уже сказано, в России «Сильва» появилась летом 1917 года (надо же было еще перевести либретто). Год был, ясное дело, для веселой оперетты мало предназначенный,

но «Сильва» имела бешеный успех сразу в двух петроградских театрах – «Буфф» и «Луна-парк». С тех пор в нашей стране нет ни одного театра оперетты или музкомедии, где эта оперетта не была бы поставлена. И всегда со стопроцентным успехом.

Разных баек про неугомонную «Княгиня чардаша» – уйма. Играют, например, «Сильву» в Ростове. Ферри, старого театрала и поклонника певицы, исполняет вечно пьяненький актер С. Игнатенко. Перед спектаклем исполнительница Сильвы выговаривает ему за то, что он опять явился навеселе. «Лучше б ты провалился в тартарары!» – в сердцах восклицает она. Ах, если б ей только вспомнить, что «в начале было Слово»!

Два первых акта проходят нормально. Действие с плясками и пением бодро мчится к финалу. Начинается чардаш Сильвы и Ферри. Игнатенко бойко топают ногами, и под ним неожиданно открывается театральный люк. Куда он и летит с пророческими словами чардаша: «Эй, друг любезный, век людской невелик!» Через секунду в зал доносится грохот и крик пьяного: «Каюк!»

Зал в восторге требует повторения. Но Игнатенко уже мирно храпит в трюме. Он даже не ушибся. Конечно, ведь у пьяных – свой Бог.

Однако у «Сильвы» есть не только веселый успех, но и слава иного рода. Впервые об этом написал русский журналист-эмигрант А. Ветлугин, книга которого вышла в 1922 году в Берлине. Так вот, он посчитал, что романтичнейшая оперетта Кальмана – настоящий коварный джотаторе. Термин этот позаимствован у итальянцев, весьма разбирающихся в магических обрядах и влияниях нечистой силы. Джотаторе – это явление, вещь или человек, встреча с которым приносит несчастье. Суеверные итальянцы при встрече с таким явлением или человеком высовывают большой палец и мизинец вперед, делая нечистому духу ту самую «козу», которая, как считается, его отпугнет. Вот этим джотаторе и была признана обольстительная «Сильва» в книге Ветлугина. И явно не без оснований. Ветлугин, разделяющий взгляды Белого движения, считал «Сильву» предвестницей несчастий для белогвардейцев. Вот как он рассказывал о разгромах тех частей Белой армии, где сам служил: «Все было совершенно спокойно. Город в наших руках. Но стоило только оркестру в ресторане заиграть попури из «Сильвы», и не позже чем через день начиналась эвакуация и белые армии очищали город. И так на протяжении всей Гражданской войны».

Ну как не вспомнить слова из самого известного чардаша «Сильвы»: «Частица черта в нас заключена подчас». Слова оказались самого что ни на есть прямого значения. И этот опереточный черт невзлюбил почему-то белую сторону, рьяно помогая красной. Хотя, если подумать, какой стороне должен симпатизировать любой дьяволенок? Конечно, красной. Ведь это цвет крови. А уж белые одежды никакому черту не к лицу.

Кстати, насчет одежд. Первой исполнительницей Сильвы в петроградском театре «Буфф» была прекрасная и талантливая опереточная артистка, полька по национальности – К.Ф. Невяровская. Она была талантлива во многих областях – рисовала, моделировала свои костюмы и шила их. В те времена актеры, даже примадонны, обязаны были заботиться о своих костюмах сами – покупать за свои деньги. Естественно, молодая актриса следила за своим гардеробом – чинила, чистила. В 1927 году Невяровская поехала на гастроли в Вильнюс. Одно из ее платьев сильно загрязнилось, вот она и взялась отчищать его бензином. Рядом горела спиртовка. Бензин вспыхнул мгновенно, обдав актрису пламенем. Живым факелом она выскочила на улицу. На помощь ей бросились люди. Но огонь уже сделал свое дело. Тем же вечером

Невяровская скончалась. Как тут не вспомнить другую строчку из чардаша Сильвы: «...и сила женских чар зажжет в душе пожар»...

Надо сказать, что сам Имре Кальман лучшей исполнительницей Сильвы считал свою соотечественницу – венгерку Марику Рёкк. «Именно такой я представлял себе мою Княгиню чардаша. Спасибо!» – такую телеграмму получила она от Имре Кальмана. Легендарная звезда немецкого кино, культовая «девушка моей мечты» – Марика Рёкк, снявшаяся в одноименном фильме в 1944 году, хранила эту телеграмму как самое большое сокровище своей творческой карьеры. В 1950 году она снялась в венгерском фильме «Княгиня

чардаша».

Для съемок арендовали настоящий замок, правда, там разрешили снимать всего месяц. Дворец был роскошным, расположенным высоко в горах, с прекрасной окружающей природой. Значит, можно было сделать и отличные натурные съемки. Словом, все хорошо, вот только местные жители предупреждали, что в замке живет злой дух. Но режиссер Георг Якоби (кстати, он снимал и «Девушку моей мечты») отменил все предупреждения разом – какие могут быть злые духи, если с нами музыка «Сильвы»? Бедняга, он не знал тогда, что и у «Сильвы» норы – еще тот.

В первые же дни съемок Якоби заболел холерой. Через пару дней за ним последовали две молодые актрисы. И вот эта троица уже оглашает своды замка стонами и вздохами почище призраков.

Изнывая без съемок, исполнители главных ролей Марика Рёкк (Сильва) и ее постоянный партнер Иоганн Хеестерс (Эдвин) решают сходить на пляж, а заодно испробовать, что такое нудизм, поскольку других желающих искупаться нет. Марика лезет в воду голышом и вдруг чувствует, как к ней цепляется медуза. В ужасе она ударяет рукой по воде и... попадает точнехонько по морскому ежу. И вот – вся рука в колючках. Марике найти бы врача, но, как назло, очухавшийся режиссер объявляет съемку. Пару дней снимают – пока прима не грохается в обморок прямо перед камерами.

Примчавшийся сельский полицейский в растерянности объявляет, что в соседской деревушке нет врача – только ветеринар. Но и он занят – принимает отел у коровы. Освободится и тут же придет. Не бросать же корову! А мадам может и потерпеть...

Она терпит, вопя в парадных покоях замка столь же жалостливо, как и режиссер до нее. К вечеру взмыленный, словно сам рожал, ветеринар все-таки добирается до замка и вкалывает бедной Марике лошадиную дозу пенициллина. «Во-первых, других ампул нет! – объясняет он. – Во-вторых, у мадам заражение крови, так что ей не повредит. Вот посмотрите, через пару дней она встанет!»

Через пару дней Марике действительно пришлось встать – время, выделенное на натурные съемки, подходило к концу. Марику привязали к мулу и начали снимать эффектную «сцену поездки на мулах», придуманную режиссером. Обернувшись, Марика в ужасе увидела, что ее партнер по поездке актер Мюллер упал из седла. «Мадам, ваш мужчина finito!» – закричали ей подсобные рабочие.

«Боже, помоги! – возопила актриса. – Что же это творится?! Якоби пронесло, у девушек жар, у меня заражение крови, Мюллер умер!»

Бог помог. Чуть не убившегося Мюллера водрузили в парадные покои замка, а вся трупка замок покинула. Но коварный дух не сдался. Во время обеда режиссер Якоби вдруг подскочил и начал носиться кругами, нечленораздельно вопя: «Аша! Аша!»

Все решили, что Якоби исполняет танец диких – поднимает всем настроение. Но оказалось, режиссера ужалила оса – прямо в язык.

Снова послали за ветеринаром. Тот пришел с кирпичом, которым и зачистил Якоби язык. До крови. «Лучшее народное средство!» – объяснил всем коновал.

В последний съемочный день Хеестерс-Эдвин снимался на лошади. Лошадь понесла и сильно ударила его ногой о каменную ограду замка. «Нога сломана! – мрачно скрипя зубами, констатировал Эдвин. – Только не стаскивайте сапог, потом не наденешь. Снимайте дальше!»

В конце концов, из проклятого замка уехали. Но то ли злобный дух увязался за группой, влюбившись в киносъемки, то ли характер самой «Княгини чардаша» не желал исправляться, а может, оба они спелись в романтическом дуэте, все снова пошло вкривь и вкось. Премиленьким аккордом оказался последний день съемок. Шел главный любовный дуэт.

«Помнишь ли ты, как счастье нам улыбалось?» – томно ворковала опереточная парочка. При этом еще не оправившаяся от заражения крови Марика сидела на диване (стоять сил не хватало), а стоявший позади нее Эдвин-Хеестерс не мог сесть – его сломанная

нога была намертво закатана в гипс. Однако на самом мелодраматическом месте Эдвин сумел нежно наклониться над Сильвой, целуя ей ручку.

«Снято!» – крикнул помреж. Но Эдвин так и остался стоять, согнувшись. «Разогнись!» – гаркнул режиссер. – Второй дубль!» Но Эдвин только закатил глаза и проскрипел: «Не могу! В поясицу вступило!»

Вот такие опереточные страдания. Зато фильм вышел шикарный, имел мировой успех. И никто никогда не заподозрил бы, чего он стоил съемочной группе. А еще говорят, что музыкальные фильмы – легкий жанр...

Великая сила искусства

Эта совершенно исключительная в своем роде история случилась с известным дирижером и композитором Альфонсо Д'Артега в начале сентября 1945 года.

В полицейском участке на 57-й авеню в Нью-Йорке раздался тревожный звонок: «Из моей машины только что украли саквояж!» Дежурный полицейский недовольно засопел в трубку: «У нас и так работы невпроворот, а вы со своими шмотками...» Но в трубке закричали: «Как вы смеете? Я – дирижер и композитор Альфонсо Д'Артега, меня все знают! А в саквояже ноты моего только что сочиненного концерта и двух религиозных композиций. Через две недели их должны исполнить в Карнеги-Холл на торжествах в честь окончания Второй мировой войны. Там же будет сам президент!..»

Всю ночь полиция прочесывала район 57-й авеню и прилегающие улицы. Музыкант сидел в участке, схватившись за голову. Рукопись концерта существует в единственном экземпляре. И если ноты не найдутся, на его композиторской карьере можно будет поставить крест... Утром полицейские вернулись со свидетелями, которые видели, как к роскошному автомобилю Д'Артега подошел молодой рыжий парень. Покрутился вокруг и, кажется, вынул то ли отмычку, то ли отвертку...

«Когда же вы его арестуете?» – взмолился Д'Артега. «Скорее всего, никогда... – замялись полицейские. – Представляете, сколько в Нью-Йорке молодых да рыжих?» – «И что же мне делать?» – возопил дирижер. «Молиться!» – отрезали полицейские.

Д'Артега так и сделал – пошел в церковь Святого Франциска Ассизского.

А на окраине Нью-Йорка уставший рыжеволосый парень Джим Лейси ввалился в свою дешевую комнатку. Полтора часа он шагал по самым темным закоулкам, чтобы замести следы. На такси-то денег нет. Но теперь все наладится. Вот она – добыча: толстенный саквояж из дорогой лоснящейся кожи. Лейси выкрал его из роскошного «форда». У хозяина такой машины, наверное, и денег предостаточно!

Нетерпеливым рывком Джим сорвал замки и замер: в саквояже лежали бумаги... Может, это акции или какая другая ценность? Лейси развернул первый лист: точки, крючочки... Да это же ноты! И весь этот дурацкий саквояж забит нотами!

Ох, не зря Лейси зовут невезучим! Надо же – обчистить роскошную машину, чтобы получить... пшик?! Джим сгреб бумаги, запихнул в саквояж и, пока еще темно, отнес все на помойку в соседний квартал. Но, вернувшись домой, обнаружил, что два нотных листа валялись на полу. На одном было написано: «Аве, Мария», на другом – «Религиозный гимн «Каждому нужен друг».

«Каждому нужен друг. У меня его не было, пока я не нашел Тебя, о Боже!» – прочел Джим и вспомнил, как в детстве пел в церковном хоре. Тогда он мечтал о счастье и радости. А что теперь – вечный страх, что тебя поймают?..

Всю ночь Лейси промаялся без сна, а наутро пошел в церковь к знакомому органисту. Тот сыграл приятелю оба гимна. Джим растрогался до слез...

А вечером следующего дня консьержка одного из домов позвонила в квартиру, где жила рассеянная жиличка, вдова композитора Брейна: «Миссис Хетти, вы выбросили в мусорный бак ноты вашего покойного супруга!» Миссис Брейн спустилась вниз и, просмотрев ноты, ахнула: «Это же пропажа Д'Артеги, про которую говорят по радио!»

Словом, находка была возвращена автору. Тот от всей души преподнес миссис Брейн огромный букет, а консьержке – другой, поменьше. Концерт в Карнеги-Холл прошел с успехом. О пропавших гимнах Д'Артега особенно не жалел – что там малые гимны, если прозвучал большой концерт?..

Через три года Д'Артега вновь дирижировал в Карнеги-Холл. Перед концертом он получил странную записку: «Простите, что причинил Вам столько неприятностей! Но всяко бывает: и через зло люди приходят к добру. Я больше не ворую, а работаю, как все честные люди. И все благодаря Вам!» Дирижер, пожав плечами, сунул записку в карман. Он ничего не понял, но, раз его искусство помогло кому-то, он был рад.

А на другой день после мессы в церкви Святого Франциска, куда Д'Артега уже привык ходить, его остановил рыжеволосый парень и протянул конверт. Дирижер раскрыл и удивленно воззрился на рыжего – на ладонь выпало две сотни долларов.

– Это гонорар за те два гимна! – поговорил парень. – Я узнал, сколько они могут стоить. Но отдать раньше не мог, ведь мне надо было их заработать.

Д'Артега покачал головой и передал деньги священнику на благотворительность. «Что ж, – подытожил святой отец. – Бывают разные пути. Этот человек вступил на путь истинный через кражу. Бог направил его!» – «Может быть, – прошептал дирижер. – Но может, это была великая сила искусства?..»

Загадочный мир кулис

Таинственный директор старейшего театра

Историки, смеясь, говорят, что Карл II был самым большим любителем театра среди монархов мира. Почему – смеясь? Да потому, что любовь к сцене носила у Карла еще и особый характер: объявив себя покровителем театрального искусства, монарх не пропускал ни одной юной прелестной актрисы. Все они естественно и непринужденно проходили через его постель.

В 1663 году, на третьем году правления Карла, по его повелению в Лондоне на улице Друри-Лейн построили новый театр, который так и назвали – по местоположению. С тех пор театр «Друри-Лейн» был объявлен королевским со всеми вытекающими отсюда льготами. Карлу в то время было всего-то 33 года, и он отдался театральным страстям со всем пылом еще не прошедшей молодости. Но вот беда – через девять лет после открытия театр сгорел. Виновных не нашли, да и то – здание-то было деревянным, а сцена освещалась большими горящими площадками, которые просто расставлялись на полу. И вообще пожары в Лондоне случались часто.

Вот только на пепелище сгоревшего «Друри-Лейн» нашли тело в сером театральном кафтане, который носили тогда служители театра. Попытались понять, кто это был, но в неразберихе не смогли. Ну а здание начали отстраивать заново. За дело взялся известный архитектор Кристофер Рен (1632–1723), крупнейший представитель классицизма. И через два года после пожара, в 1674 году, «Друри-Лейн» вновь открылся в новом блеске. Его зрительный зал был расширен с прежних 700 до 2000 мест. Сцена обрела большие размеры и новые механизмы. Ну и, конечно, при строительстве были приняты все возможные меры для предотвращения пожаров.

Но самое удивительное, что в здании театра появился вечный обитатель – тот самый служитель в сером костюме. Иногда его видели актеры на репетициях, иногда даже зрители, но только на дневных спектаклях, поскольку у этого театрального призрака нашлась странность: в отличие от других привидений, которые являются по ночам, театральный служитель посещал свой театр только утром или днем.

Во времена Просвещения призрак... сменил униформу на камзол с напудренным париком и бриджи. Иногда он является даже в треуголке. Но все – и камзол, и бриджи, и

треуголка – все того же серого цвета. Именно за это его прозвали Человеком в сером, а актеры и вовсе зовут его Директором. Никто его не пугается, напротив, актеры уверены, что именно Директор помогает и им, и самому театру. Действительно, вот уже скоро четыре века, как «Друри-Лейн» процветает. В Англии он самый старый из действующих театров. И актеры, и само сценическое начальство даже зазывают призрака, ведь он сулит успех и прибыль спектаклям. Для этого в каком-либо укромном уголке театра раскладывают теплый серый плед – пусть Директор погреет свои старые косточки.

Театр «Друри-Лейн»

Но и серый Директор имеет свои принципы. Однажды в «Друри-Лейн» прибыл король Георг VI и приказал познакомить его с Директором. Но сколько серых пледов ни выкладывало перепуганное театральное начальство, строптивый дух не появился. Реальный директор театра только руками развел: ничего не поделаешь, могут же быть у Человека в сером собственные причуды.

Зато когда в 1948 году на сцене «Друри-Лейн» решили впервые показать новинку, американский мюзикл «Оклахома», Директор бурно включился в работу. Актеры не слишком-то верили в успех заокеанской новинки, да и сочетание пения, танца и драматической игры – дело сложное. Однако стали происходить странноватые вещи: исполнителей словно кто-то подталкивал, показывая, куда лучше встать, когда лучше начать партию. Ну а когда все получалось отлично, многие ощущали мягкое дружеское поглаживание. Словом, Директор стал еще и художественным руководителем спектакля. И к чему бы он так старался?

Все прояснилось на первом же полноценном утреннем прогоне. Практически вся труппа увидела за кулисами Человека в сером и... короля Карла II, одетого так же, как на его знаменитом парадном портрете. Не узнать монарха было просто невозможно. Выходит, Директор пригласил своего повелителя на показ новой модной «штучки» – мюзикла. И не прогадал. Прогон прошел отлично, премьера имела шумный успех. И сам администратор потом божился, что Карл сладко улыбался, глядя, как двадцать четыре юные красотки отплясывают на сцене в крошечных бикини. Ох уж этот ловелас Карл!..

И до сих пор актеры верят, что встреча с Директором принесет им успех. Сегодня театром владеет композитор, известный всему миру, – Эндрю Ллойд Уэббер. Уж он-то, создавший «Призрак оперы», явно находит общий язык со своим «домашним» призраком.

Недаром, когда охотники за привидениями явились в театр с предложением выселить Директора из стен «Друри-Лейн» (якобы он пугает зрителей дневных спектаклей), Уэббер ответил отказом. Да еще и крепкое словцо присовокупил. Это же каким идиотом нужно быть, чтобы выгнать Человека в сером, который неустанно заботится об успехах театра вот уже почти четыре века?!

Серебряная магия Нелл Гвин

Эта история больше чем магия и тайна, вместе взятые. Это – загадка на века! До сих пор историки и искусствоведы разгадывают, как случилось, что Элеонора Гвин (1650–1687), девчонка с нищих лондонских улиц, стала любимой женщиной английского короля Карла II (1630–1685) и матерью его детей.

А между тем разгадка есть. Она включает чуть-чуть женской тайны. Много таланта. Но главное – как можно больше Любви...

Лондонский бордель на грязной улочке Коул-Ярд днем отдыхает. Красотки спят допоздна, благо хозяйка отлеживается в своей комнате, прикладываясь к заветной бутылочке. Но сегодня девушки собрались с утра, жадно слушая старую ворожею, которая учила их уму-разуму: «Ежели захотите, лапушки, удержать богатого кавалера, сотворите серебряную магию. Купите серебряные подсвечники, наденьте кольца, браслеты, серьги, даже мебель закажите из серебра – и стулья, и стол, и умывальник. А особенно – кровать!» Десятилетняя дочка хозяйки заведения, малышка Нелл, вечно крутящаяся под ногами «работниц», ахнула: «Где ж взять такие деньжищи?!» Старуха вздохнула: «Потому и редка мужская верность, что мало кто из женщин может позволить себе эту самую серебряную магию!»

Нелл Гвин

Нелл потрянула рыжими кудряшками: к чему грезить о несбывшемся? Ведь, сколько она себя помнила, всегда ей приходилось работать. А что делать? Отец Нелл, бывший солдат,

сгинул где-то в долговой тюрьме. Мать одна кормила детей – вот и придумала открыть бордель: дело-то прибыльное. Слава богу, саму Нелл «бордельное» ремесло не очень-то коснулось – она только вино посетителям разносила. Но себе еще девчонкой слово дала: шлюхой она никогда не станет!

Когда Нелл исполнилось 14 лет, старшая сестра Мэри пристроила ее торговать апельсинами в театре «Друри-Лейн». Нелл ухватила за эту возможность как утопающий за соломинку. Теперь девчушка поселилась отдельно от матери, с радостью позабыв о борделе. Началась совсем иная жизнь. В театре вокруг нее всегда толпятся покупатели. Еще бы! Рыжеволосая Нелл умеет продавать товар с шутками, прибаутками и солеными остротами. Ох уж эти апельсины! Маленькие солнышки в вечной промозглости Лондона – загадочные ароматные плоды. Вчера она слышала, как один важный зритель сказал приятелю: «В Испании апельсиновая цедра входит в рецепт приворотной магии. А сами испанцы считают, что настоящие апельсины созревают в Роще Любви, так что хочешь понравиться кому-то – преподнеси апельсин».

О, Нелл так и сделала – зашла к режиссеру и совладельцу «Друри-Лейн» Карлу Харту и протянула апельсин: «Я так хочу играть на сцене!» Харт окинул девчонку оценивающим взглядом и ахнул – хороша! Такая любому мужчине голову вскружит: карие обволакивающие глаза, пышные рыжие волосы, алые губы. Фигурка точеная, улыбка завораживающая, движения грациозны. Почему бы не дать ей роль? Всем станет хорошо: и девчонке, и зрителям. Да и сам Харт с удовольствием узнает вкус сочных девичьих губ.

Оказалось, у этой девчонки с улицы настоящий талант. Публика встречала ее с восторгом. Нелл блистала и в комедийных и в серьезных ролях. Она даже играла Виолу и ее брата-близнеца в «Двенадцатой ночи» Шекспира. В тот памятный день к Нелл подлетел Харт: «Зайди в правую ложу!» Нелл скривилась: «Я не хожу ублажать лордов, это не вписано в мой контракт!» Но обычно покладистый Харт вдруг рявкнул: «Иди немедленно!»

Тряхнув рыжими кудрями – ну, погодите, господа лорды! – Нелл влетела в ложу с едким словом наготове и окаменела. Из полумрака навстречу ей поднялся господин в роскошном камзоле. Она сразу узнала его: это был король!..

Впервые в жизни рыжеволосая озорница не знала, что сказать. И тут король Англии – красавец Карл II протянул ей... апельсин.

«Ого! – Задор вернулся к насмешнице. – Теперь апельсины предлагают мне. Сколько стоит?» – «Один поцелуй!» – ответил Карл.

И оба они засмеялись. Король Англии Карл II славился любовными похождениями. О них знали все. Знала и королева, но относилась снисходительно. Детей у венценосной четы не было, и Карл приживал их на стороне. Молодость он провел в изгнании, но природного жизнелюбия не потерял и, вернувшись на родину в 1660 году, государственным делам предпочел пирушки, повелел открыть театры, закрытые во времена Кромвеля. Сам был записным остряком и друзей подбирал соответственно. Озорница Нелл стала его любимицей. Весной 1670 года она родила королю сына, назвав его тоже Карлом. Сунула новорожденного малыша с рыжим пушком на голове августейшему папаше и захохотала: «Смотрите, дитя апельсинов! А вот видите голубую венку на ручке? Это ваша голубая кровь!»

Товарки по театру зеленели от зависти. Актриса Молли Дэвис, бывшая пассия любвеобильного короля, решила утереть сопернице нос. Заехав как-то в дом Нелл, она гордо заявила: «Это кольцо мне подарил король! Оно стоило ему 700 фунтов!» Нелл же, не долго думая, метнулась в детскую и вынесла сына: «А это король подарил мне! И это не стоило ему ни пенни!»

Зрители по-прежнему встречали актрису овациями. Но сама она уже думала только о двух Карлах – большом и маленьком. Словом, любовь перевесила сцену. Значит, это была настоящая любовь...

Уйдя из театра, Нелл поселилась рядом с королевским Сент-Джеймским парком. Любой прохожий теперь мог видеть, как Нелл, свесившись с забора, оживленно беседует с королем. Идиллия, да и только! Но стоит королю позвать Нелл во дворец – сплетни хоть

неводом собирай! Нелл, правда, на это наплевать, но ведь у нее растёт сын. И вот однажды, едва Карл появился на пороге дома, она крикнула сынишке: «Эй, бастард! Иди сюда!» Карл возмутился: «Это же мой сын!» – «Незаконный! – уточнила Нелл. – Как же его называть?» Хитрость возымела действие: вскоре король дал сыну титул герцога Альбанского.

Карл искренне любил «малышку Нелл». Но так же искренне любил все удовольствия жизни. Нелл философски относилась к изменам ветреника, но однажды и ее прорвало. Карл влюбился во французенку Луизу Керуайль. То ли она напоминала ему о юности, проведенной во Франции, то ли трогала сердце родством со старинными аристократами. Но Нелл-то знала: Луиза – самозванка. Если с кем и в родстве, так забору в Лувре – троюродный плетень. Однажды после смерти принца Руанского Луиза появилась при дворе в трауре. Как же – родственник умер! На другой день насмешница Нелл тоже пришла в трауре, объясняя: «Умер хан Татарский – мой двоюродный дедушка!» Двор хохотал, а лондонцы возненавидели Луизу, ведь все считали, что она – французская шпионка. Как-то раз Нелл ехала в королевской карете. Толпа, думая, что едет Луиза, осыпала ее камнями. Тогда находчивая Нелл высунула из кареты свою рыжую голову и на «соленом» просторечном жаргоне заорала: «Добрый народ, будь вежлив! Я – не какая-то иноземная, я – своя отечественная б...!» Толпа пришла в восторг – озорницу приветствовали как королеву.

А вечером Нелл ломала голову, как отвадить Карла от иноземки? Ей вдруг вспомнился мамашин бордель, визгливый смех красоток и шепот ворожей: «Серебряная магия!» Наутро Нелл отправилась по ювелирным магазинам. И через месяц ее спальня лучилась серебряным сиянием. Нелл даже серебряную кровать приобрела. И что удивительно – Карл, придя, остался на ночь. Говорят, Луиза в своих апартаментах бушевала – все в щепки разнесла. А Карл спал себе спокойно на серебряной кровати рядом с Нелл. Вот и не верь магии!..

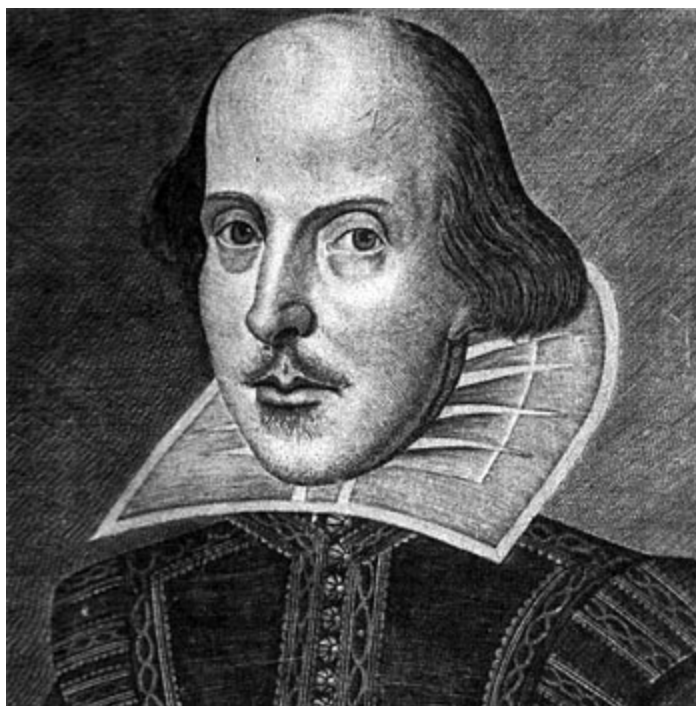
В начале февраля 1685 года Нелл Гвин собиралась справить свое 35-летие. Но не пришлось! Ее с сыном срочно вызвали во дворец. Оказалось, 55-летнего короля хватил удар. Последнее, что он прошептал брату – будущему королю Якову II: «Не дай умереть с голоду бедной Нелл!» Яков исполнил волю брата – Нелл ни в чем не нуждалась. Вот только без любимого она жить не смогла. 14 ноября 1687 года 37-летняя Элеонора Гвин ушла в мир иной. Все свои деньги она завещала уплатить за бедняков, которые томились в долговых тюрьмах. Чтобы они смогли вернуться домой, а их дети не работали в борделях.

А в театре «Друри-Лейн» стали происходить странные истории – то в гримерных неизвестно откуда появлялись апельсины, то в кулисах слышался смех. А однажды после удачной премьеры призрак Нелл Гвин сплясал веселую жигу прямо в коридоре. И это видели почти все актеры.

Ну а в XX веке на месте веселого заведения мамыши Гвин открылся паб. «Малышка Нелл» частенько подшучивает в нем над посетителями – то подтолкнет в спину, то эль в кружках расплещет. Видать, и спустя века осталась она озорницей. Зато каждый год в феврале в пабе пахнет апельсинами – Нелл Гвин празднует свой день рождения.

Не произносите имя вслух

Это самая короткая пьеса Шекспира. Самая мистическая. Обладающая самой зловещей славой, чей шлейф тянется за ней вот уже четыре века, ибо Уильям Шекспир создал ее в 1606 году. Ее тайна до сих пор не раскрыта, загадки не разгаданы. По театральному поверью, ее нельзя называть вслух. И даже когда театральная труппа ставит ее, то называет между собой обиняком и иносказательно: «та пьеса», «одна пьеса», еще «шотландская пьеса», а все, что в ней происходит, носит название «шотландские дела» или вообще загадочно просто: «то, что там». На программках же пишутся только три слова: «Макбет» Уильяма Шекспира. Иначе – жди неприятностей.

Уильям Шекспир

Откуда взялась столь зловещая слава? Да с самой премьеры. Поначалу ничто не предвещало беды. Напротив, Шекспир сочинил эту пьесу для своего театра «Глобус» и решил показать ее королю Иакову I, желая наладить с монархом отношения, ведь, по преданию, Иаков был потомком легендарного короля Дункана, о котором шла речь в пьесе. Однако с первого же показа все пошло вкривь и вкось: пьеса королю не понравилась. Отсюда и реплика, которую, по преданию, Шекспир бросил в сердцах: «Несчастливая пьеса!»

Увы, так и вышло. Король покинул представление, но дальше стало и того хуже. Несчастье перекинулось на саму труппу «Глобуса». Сначала мальчик-актер Хэл Бриджес, исполнявший роль злодейки леди Макбет, подхватил лихорадку и сгорел как свеча. Надо сказать, что в то время женщины на сцену вообще не допускались, так что все женские роли играли специально обученные для этого мальчики. Другой мальчик, начавший учить роль леди Макбет, поранил руку, она загноилась, и несчастный тоже покинул этот свет. Больше никому проклятую роль злодейки не предложили. Ведь обучать мальчиков играть женские роли было долгим, хлопотным и дорогостоящим трудом. Так что театр решил больше не подвергать юных актеров испытанию «Макбетом». Эдак и без исполнителей женских ролей остаться можно. Шекспир срочно приступил к сочинению новой пьесы, «Макбета» же сняли с репертуара. И не ставили почти век! Только в 1703 году он вновь появился на сцене. И что бы вы думали? На Лондон обрушилась страшная буря – ну прямо как та, что вызывали ведьмы в пьесе.

Но отчего же пьеса оказывала столь роковое влияние – ведь не оттого же, что не понравилась королю Иакову?! Конечно нет. Историки склонны считать, что всему виной отрицательно-энергетическое воздействие, которое заключено именно в сценах с тремя ведьмами, которых Шекспир ввел в пьесу. Три шотландские старухи-ведьмы варят на глазах у зрителей зелье, творят устрашающий обряд и произносят заклинания. В них-то все и дело. Шекспир взял обряд, а главное, слова самих заклинаний из реальных источников своего времени, – драматург пообщался с ведьмами, которых тогда было немало в Англии. Пройдет совсем немного времени, и королева Елизавета, вступившая на престол, призовет именно английских ведьм для того, чтобы они наколдовали страшный шторм, который смог бы потопить корабли испанской Непобедимой армады, отправившейся на захват Англии. И ведьмы честно выполняют свой долг. Они наколдуют такой шторм, что корабли Армады

погибнут, даже не приблизившись к берегам Альбиона. Вот какова будет их сила.

Но, вводя тайные обряды ведьм в реальную пьесу, драматург Шекспир, конечно, не будет и предполагать их разрушительного воздействия. Или будет? И введет целенаправленно? Но для чего? Может, именно таким способом он решит обрести симпатию короля?..

Кто знает... Но вот одно известно: «та пьеса», которая сейчас ставится на сцене, самая короткая из творений драматурга. Почему Шекспир создал такую? А он и не создавал. Пьеса была куда длиннее. Нынешний вариант просто сокращен – эдакая версия «для общего пользования». У этого варианта есть и автор-обработчик – Уильям Давенант, личность в театре на рубеже XVI–XVII веков вполне известная: немного актер, немного драматург, немного постановщик. Но существовала и полная версия – для избранных. В ней сцены с ведьмами были куда длиннее и, наверное, страшнее. Словом, Давенант попытался убрать из пьесы наиболее одиозные и иррациональные страницы. Но и то, что осталось, наводит ужас на театральный мир до сих пор.

«Макбета» ставят редко. Но ставить все-таки хочется! И потому за 400 лет театральный мир выработал некоторые «обереги» для работы с пьесой. Мало того, что, как уже говорилось, нельзя произносить название. Но еще и нельзя вообще произносить текст, если актер не на сцене. Нельзя репетировать дома, в гримерке и даже в театральных кулуарах. Только зеркало сцены отведет беду! Недаром оно – зеркало и сумеет отразить негатив.

Нельзя класть пьесу, например, на стол названием вверх – так, чтобы оно читалось. Поэтому актеры оборачивают и книгу, и отдельные листы чем угодно, хоть газетой. Часто отдельные экземпляры пьесы, по которым суждено читать роли, вообще переплетают вверх ногами – тогда название не будет читаться.

Особо рьяные актеры на репетициях вообще читают роли, пропуская имена. Режиссеры же заменяют их: «король шотландский» – Дункан, «та леди» – леди Макбет. Самого же Макбета зовут просто: «тот» или «тот человек».

Даже скептический XX век не рассеял печальной славы. «Макбет» ставится редко. Но может, потому каждая постановка становится событием. Однако даже самая знаменитая постановка XX века – в театре «Олд-Вик» – оказалась наполнена таинственными и загадочными событиями. Великого английского актера Лоуренса Оливье едва не убило свалившейся декорацией, а актриса, исполнявшая роль леди Макдуф, попала в автокатастрофу и так и не оправилась. А 1937 году произошла и вовсе непоправимая история, связанная с «Макбетом». Владелица и актриса театра «Олд-Вик», Лилиан Бейлис, скончалась как раз в тот вечер, когда на сцене ее театра шла злополучная «та пьеса».

Словом, любая постановка «Макбета» – спокойствие над бездной. Эта пьеса вслушивается в Неведомое. Правда, расслышать пока не может. Но и оторваться от Тайны ей тоже не дано...

Загадочный разрушитель Фигаро

«Коль мысли черные к тебе придут, откупори шампанского бутылку иль перечти «Женитьбу Фигаро!» Нет, недаром Пушкин написал эти бессмертные строки. Именно так его герой – великий композитор Моцарт – отзывается о комедии Бомарше. А ведь и Пушкин, и Моцарт понимали толк и в комедиях, и в веселье.

Возможно, это самая феерическая, невообразимая комедия путаниц, положений, невероятных поворотов и страстных характеров. Но тогда отчего же все эти «комедийные» герои и героини, простачки и субретки в роскошных одеждах времен Людовика XVI – взбитых париках, кринолинах и камзолах прелестных цветов пастели, в водопадах мейсенских кружев и лионских шелков – вызывают на каждом спектакле любого театра какую-то тягучую атмосферу, напряженность ожидания чего-то темного и неизбежного? Уж на что весел и откровенно по-народному заборист был легендарный спектакль МХАТа (режиссер К.С. Станиславский, 28 апреля 1927 года) – времени революционных надежд,

когда наконец-то настала возможность в открытую поохотиться над рафинированными господами и возвеличить слугу Фигаро – выходца из народа, но и этот спектакль таил в себе нечто непредсказуемое. Фигаро – Николай Баталов и Сюзанна – Ольга Андровская (даже в жизни, не только на сцене влюбленные муж и жена) пели и плясали, дурачили господ.

Зал взрывался аплодисментами. Недаром молодые актеры тут же стали любимцами зрителей. Но выходил на сцену граф Альмавива (Юрий Завадский), которого столь самозабвенно дурачила эта парочка, смотрел на зал через пенсне, вздыхал, утонченным жестом поправляя то кружево воротника, то выбившуюся прядь напудренного парика, и... зрителям становилось как-то неуютно. Над чем шла издевка? Над роскошным барином в старинном камзоле или над самой уходящей эпохой – такой изящной, прелестной (декорации мирикусника Александра Головина), но, увы, исчезающей навсегда?..

И вот что поразительно: уже через несколько лет произошла невероятная абберрация: «насмешники» Баталов и Андровская играли в спектаклях МХАТа все реже и реже, а «аристократ» Завадский набирал силы и уже с начала 30-х годов начал создавать собственный театр, из которого вырос один из самых «аристократических и интеллигентских» сценических коллективов Москвы – Театр имени Моссовета. С народным балагуром и вовсе случилось нехорошее – Николай Баталов (1899–1937) заболел туберкулезом и умер в самом расцвете сил – в 38 лет.

Вспомним иной пример – не столь давний: «Женитьба Фигаро» в Московском театре сатиры (1969). Блестящая режиссура Валентина Плучека – истинная интеллектуальная игра ума. Роскошные декорации (Валерий Левенталь) и еще более роскошные костюмы (Вячеслав Зайцев). Зрелище утонченное, рафинированное. Воистину – эпоха рококо с ее скрытой негой и приоткрытой ленью, когда слуга (Фигаро), томно и скучающе вдыхающий аромат алой розы, еще более аристократичен и утончен, чем сам граф Альмавива. Куда уж желчному графу (Валентин Гафт) до остроумца слуги! Фигаро читает стихи и даже сочиняет сам, он образован и свободно говорит по-английски. Граф же только и знает, что ездить на охоту, заваливать на сено служанок, чистить обожаемые ружья. Роли поменялись – граф приобрел замашки грубияна-вояки, Фигаро же потянулся к роскошной и утонченной жизни. И вот он женится – по любви. И вся жизнь и окружение приобретают красоту, изящество, гармонию. Или не приобретают – ибо Фигаро не уверен: не изменяет ли ему обожаемая Сюзанна?

И вот уже он вертится, словно загнанный зверь в роскошной клетке. Действие приобретает совершенно мистический оттенок – не понять, что наяву, что в мире наваждений. Ведь первая часть названия пьесы – «Безумный день». Герои перепутались, события смешались. А зрители совершенно неожиданно начинают чувствовать, как на всю эту милую, изящную атмосферу событий напоздаст нечто непредсказуемое, темное, иррациональное. Символы всей этой роскошной обстановки, похожей на фантастическую шкатулку рококо, уже видятся знаками беды. Мир Фигаро двоится, троится и разрушается, словно роскошные ткани расплзаются в черноте, рассыпаются в прах. Актеры еще пытаются собрать его в финале (ведь финал счастливый!). Но этому счастью как-то не верится. Зрители уходят с непонятной грустью. О чем они грустят? Не о рассыпавшейся ли в прах красоте ушедшего мира? О том, что все когда-то были такими молодыми, энергичными и блестящими, как Фигаро и его друзья, но времена веселых проделок молодости пройдут, хоть об этом и не напишут пьес и не поставят спектаклей?..

И неудивительно, что исполнитель Фигаро, легендарный Андрей Миронов (1941–1987), рухнул без сил прямо на сцене, играя сей мистический спектакль 14 августа 1987 года в Риге. Его еще сумели отвезти в больницу, но 16 августа он уже покинул сей бранный мир. Отчего в сценической красоте «Фигаро» оказалось заложено столько разрушительной силы?..

Посмотрим в корень: вспомним премьеру пьесы. 27 апреля 1784 года, Париж. Главный театр страны – «Комеди Франсез». Толпа желающих огромна. Ведь комедию Бомарше ждут уже много лет. Первую пьесу о Фигаро («Севильский цирюльник») сыграли еще девять лет назад в 1775 году. Успех был большой. В роли Фигаро выступил великий комик Превиль. Почему вдруг комик? Да потому, что слуга Фигаро, умеющий повернуть любое дельце,

представал в «Цирюльнике» ярким и озорным, вполне комическим персонажем. Эдаким умельцем на все руки и наперсником своего обожаемого господина молодого графа Альмавивы, которому он и помог жениться на любимой девушке Розине. Однако вторая пьеса о Фигаро – «Безумный день, или Женитьба Фигаро» – получилась у Бомарше совсем иной. Как отметили современники, пьеса сочинена с «беспримерной дерзостью о сильных мира сего – их нравах, их невежестве, их подлости». И герой пьесы, пусть и слуга-умелец на все руки, но уже серьезный. Гордый, много переживший человек, больше того – бунтарь, романтик. С таким героем пьеса Бомарше приобрела тайное звучание. Она стала пьесой-взрывом, направленным против косности отживающего мира. А то, что мир монархии доживал во Франции последние годы, уже было понятно всем: и монархам, и нищим. Перемены носились в воздухе и просились вылиться в делах. «Воздух революции», – говорил впоследствии о тех годах Наполеон. А тут еще пьеса, прославляющая слуг и дерзко высмеивающая господ. Недаром король Людовик XVI (уж на что был увалень!) понял: «Если разрешить эту пьесу, то Бастилия будет разрушена!» И вот гротескный парадокс: король запретил ставить крамольное создание Бомарше (автор ведь – из простых часовщиков!), но придворные, подначиваемые королевой Марией-Антуанеттой, хотят слыть фрондерами. Во главе с графом д'Артуа они добиваются постановки. И «Фигаро» ставят прямо в Версале для «узкого круга». Часть ролей исполняют актеры, часть сами придворные. Хихиканье, смех, полное удовлетворение – мы пошли вразрез с мнением короля и победили! И никому не приходит в голову, что это пиррова победа. Недаром ведь потом Бонапарт скажет: «Эта комедия – революция в действии».

Ясно, что, прознав про скандальный показ, Париж решил хотя бы прочесть пьесу. Понятно, что она не была опубликована, но с нее стали делать списки. Монологи учили наизусть! Стало хорошим тоном произносить их в гостиных. И опять трагический парадокс – это же были аристократические гостиные! Эти странные люди словно накликали на себя будущие бедствия.

Когда же «Фигаро» поставили, наконец, в «Комеди Франсез», премьера 27 апреля 1784 года стала общественным событием. Только этому обществу сразу же был дан явный знак Беды. На премьере толпа полезла в двери театра, едва их распахнули. Трех зрителей задавили в давке. Потом через этот окровавленный вход прошли остальные. И так уж вышло, что многие дамы сидели на спектакле с подолами платьев, а господа с рукавами камзолов, испачканными в крови. Но это не помешало зрелищу и его невероятному успеху!..

Зал был полон высшей знатью. Блистали бриллианты, струились шелка и бархат. Со всех мест раздавались восторги, смех радость. Как потом написал Пушкин: «Бомарше влечет на сцену, раздевает донага и терзает все, что еще почитается неприкосновенным. Старая монархия хохочет и рукоплещет. Общество созрело для саморазрушения». Так и было! Сидящие в зале женщины, сверкающие драгоценностями, и мужчины в роскошных камзолах отлично понимали, что их рафинированное общество уже катится в пропасть, а сами они смеются и рукоплещут этому разрушению, которое происходило на их глазах. Вот только самым мистическим образом их глаза словно закрыла пелена. Интересно, забавно, хотя бы еще капельку удовольствия! – вот чего они желали в последние годы своей жизни. «Никогда бы не подумала, что это так забавно – смотреть, как тебя вешают заочно!» – сострила актриса Гимар. Ах, какой пророческой оказалась шутка. И не только для множества зрителей, погибших на гильотине революции, но и для самой Гимар. Как актрису королевского театра, ее тоже казнили.

Словом, пьеса изначально явилась символом разрушения. И не этот ли разрушительный потенциал оживал в ее последующих постановках?

Ваш выход, господин призрак!

Эта таинственная история – одна из самых загадочных в истории театра и даже в мировой истории. Произошла она во времена Великой французской буржуазной революции,

когда люди, попавшие в водоворот событий, во всем готовы были видеть тайные знаки и загадочные составляющие. Но эта тайна и спустя века будоражит умы.

Свержение французского короля Людовика XVI произвело гнетущее впечатление на всю европейскую монархию. 3 августа 1792 года мэр Парижа гражданин Петийон потребовал от Законодательного собрания упразднения королевской власти. Но у Людовика нашлись защитники вовне. Коалиция Австрии и Пруссии под руководством прусского короля Фридриха-Вильгельма II начала совместные действия. 80-тысячная прусско-австрийская армия вторглась на территорию Франции. Союзники не сомневались, что сумеют быстро восстановить монархию, ведь прусские войска блестяще обучены и на их стороне лучшие французские офицеры, не принявшие революции. Под командованием опытного вояки, герцога Брауншвейгского, союзнические войска быстро продвигались к Парижу и уже 2 сентября заняли стратегически важный город Верден.

Французы мало что могли противопоставить отлично обученным войскам: у них шли собственные внутренние распри, к тому же не было необходимого продовольствия для армии. Уже к 15 сентября ставка прусской армии получила приказ о наступлении на Париж. 20-го числа герцог Брауншвейгский дал бой у села Вальми. Парижане с ужасом ждали броска на столицу, но союзнические войска вдруг остановились и... отступили. Затем и вовсе повернули к границе и покинули территорию Франции.

Что тут началось! Герцога Брауншвейгского обвинили в предательстве интересов и государственной измене. Однако он во всеуслышание заявил: приказ об отступлении отдал сам король Пруссии Фридрих-Вильгельм II. Этому не поверили – поползли слухи о том, что герцога подкупили французы, передав ему бриллианты короны, чтобы он повернул назад. Король Фридрих-Вильгельм, естественно, не счел нужным объясняться. Словом, восстановление монархии не состоялось. А ведь если бы не нелепое отступление, мировая история могла бы повернуться иначе...

Загадка этого отступления раскрылась только после смерти Фридриха-Вильгельма II. Надо сказать, что сей монарх не снискал особого уважения и любви подданных. А вот его предшественник и родной дядя Фридрих II (1712–1786) заслуженно получил имя Великий. Ну а Фридрих-Вильгельм вошел в историю как «баловень» и «любитель увеселений» – именно так называл его великий дядюшка. Действительно, Фридрих-Вильгельм обожал всяческие празднества, балы и маскарады. Он охотно привечал при дворе гадалок и оккультистов, верил в сверхъестественное и устраивал магические сеансы для общения с духами. Взойдя после дяди на престол, он возвел личность Фридриха Великого в своеобразный культ. Да он и войну против Франции начал, пытаясь подражать военным победам дядюшки. Однако война не задалась. В 1797 году появились мемуары прусского придворного – барона Лихтенау, в которых прозвучала вообще невероятная версия о причинах отступления.

Лихтенау рассказал, что, войдя с войсками в Верден, король Фридрих-Вильгельм II решил устроить в одном из старинных замков бал для своих офицеров и французских монархистов. Ввиду побед – нынешних и грядущих – настроение у всех было приподнятое, вино лилось рекой, разгоряченным умам уже грезилось вступление в Париж. И вот когда праздник был в разгаре, к Фридриху-Вильгельму подошел ничем не примечательный человек в черном камзоле. Почтительно склонив голову, он прошептал пару слов в монаршее ухо. Король вздрогнул – это был тайный пароль ордена розенкрейцеров, к которому, по семейной традиции, принадлежал и он сам, и его дядя Фридрих Великий. И вот теперь, на балу в Вердене, прозвучал тайный пароль-зов.

Король покинул пирующий зал и пошел за незнакомцем. Тот петлял по коридорам замка, пока, наконец, не открыл дверь в небольшую комнату. Она тонула в полумраке, поскольку свет шел только от разожженного камина. Но, несмотря на пылавшие дрова, в комнате было холодно, как в склепе. Король недовольно и опасно повертел головой – куда его завели, уж не в ловушку ли?! Но тут из темноты выступила чем-то неуловимо знакомая

фигура в черном, и гулкий голос, словно звучащий из иного мира, властно проговорил: «Приветствую тебя, племянник!»

Король в ужасе прирос к полу. Да перед ним призрак покойного дяди – Фридриха Великого! Даже в полутьме ясно различались характерные черты знакомого лица, тонкий и длинный нос, присущий роду Гогенцоллернов, худые скулы, пронзительный взгляд. И голос – характерный хриплый голос, который ни с каким другим не спутаешь! К тому же – до ужаса знакомый жест, которым Фридрих Великий поправлял треуголку и при жизни, и сейчас... после смерти?!

«Я вижу, ты узнал меня! – проговорил призрак покойного императора. – А значит, сделаешь, как прикажу. Эта война не нужна Пруссии. В нее втянули тебя французские роялисты. И все, что происходит, выгодно только Франции. Если ты немедленно не прекратишь войну, именно эта страна станет великой державой, а не наша Пруссия». – «Но...» – попробовал заикнуться протрезвевший от ужаса Фридрих-Вильгельм. «Никаких но! – в ярости закричал призрак. – Мне видней – я провижу будущее из Горнего мира! Во имя будущей великой Пруссии ты должен остановить войну немедленно!»

Огонь в камине вспыхнул каким-то inferнальным светом и потух. Комната погрузилась в темноту. Призрак, застонав, ушел в свой мир. А у Фридриха-Вильгельма застучали зубы. На ватных ногах он выбрался в коридор. Наутро герцог Брауншвейгский получил королевский приказ об отступлении. И армия союзников отошла за Рейн.

Итак, призрак решил судьбу войны и французской монархии, а с ней заодно и будущих монархий Европы. Но история содержала множество загадок. И главная: отчего вдруг император Фридрих Великий (хоть и с того света) вступился за революцию? Странное предпочтение для бывшего монарха... Во всей этой мистической странности усомнился уже в XIX веке известный французский историк Жорж Ленотр. Он начал собственное расследование. Однако изыскание привело его к еще более поразительному результату.

В мемуарах великого французского комедиографа Пьера Огюстена Бомарше, автора блестящей трилогии о плуте Фигаро, Ленотр нашел рассказ о его друзьях – актерах знаменитого театра «Комеди Франсез». Была там и зарисовка о том, как Бомарше зашел однажды домой к ведущему актеру и пайщику театра Жозефу Абрааму Бенару, который играл под псевдонимом Флери. Бомарше давно дружил с Флери, зная его еще по премьере «Женитьбы Фигаро». Знал он и домочадцев актера. Особенно привлекала любвеобильного драматурга юная племянница Флери. Она-то, взволнованная донельзя, и выложила автору «Фигаро», что дядя уехал еще вчера. Под покровом ночи за ним прислали карету с гвардейцами в качестве охраны. «Охрана-то зачем?» – изумился Бомарше. «Так дядюшка же поехал в Верден! – ответила племянница. – А там бои. Мне за него страшно...» Бомарше попытался утешить девушку: «Не стоит бояться, актеры не воюют. Флери, наверно, просто пригласили сыграть». Но девушка чуть не заплакала: «Об игре речь не шла! Дядя, уходя, буркнул и вовсе нехорошее. Сказал: ну вот и ваш выход, господин призрак! Нахлобучил треуголку и ушел. И между прочим, в том костюме, в котором он играет покойного императора Фридриха Великого!»

Бомарше удивился. Флери действительно блестяще играл покойного императора в двух драмах, которые шли на сцене «Комедии Франсез». Знающие люди говорили, что он – точная копия Фридриха: и лицо, и походка, и манеры, и голос. Но что делать актеру в Вердене, оккупированном пруссаками? Загадка какая-то...

Бомарше был любопытен и потому посетил своего друга через неделю. Накинулся с расспросами: зачем ездил в такую опасную поездку? Но всегда словоохотливый и бесшабашный Флери не утолил любопытства драматурга. Вот тот и написал в мемуарах: «В моей жизни было много загадок. Но загадка Флери осталась неразгаданной».

Прочтя мемуары Бомарше, историк Жорж Ленотр быстро сверил даты. Драматург заходил к актеру в середине сентября 1792 года. Получается, Флери ездил в Верден за день или два до того судьбоносного бала, когда в сумрачной комнате старинного замка Фридриху-Вильгельму явился призрак его покойного дяди. Так не был ли именно Флери

этим самым призраком, вернее, не сыграл ли он его? Говорил же он, уезжая: «Ваш выход, господин призрак!»

Ленотр начал рыться в театральном архиве «Комеди Франсез». Нашел записки самого Флери и прочел поразительное признание: «Осенью 1792 года мне довелось сыграть самую важную роль в моей жизни». О чем писал актер? Ленотр поднял список его ролей. В 1792 году Флери не сыграл ничего особо выдающегося – всего несколько ролей «благородных отцов», ведь актеру пошел уже пятый десяток. Так о какой же роли он написал – не о призраке ли Фридриха Великого?

Ленотр еще раз просмотрел театральные архивы. Там нашлась интересная запись драматурга Фарб-д'Эглантина, ставшего во времена революции секретарем самого Дантона. Эглантин предлагал пайщикам театра освободить от спектаклей актера Флери «по нуждам революционного времени». Запись была помечена сентябрем 1792 года. Ну а в расходных книгах нашлась строка: «Выдать актеру Флери подъемную сумму».

Значит, «революционная командировка» все же состоялась – призрак отправился в путь! И Флери сыграл свою лучшую роль в верденском замке. Но если это так, то именно актеру, играющему «благородных отцов», революция оказалась обязанной своим спасением. И никаких призраков – только реальные и бесстрашные герои!

Зеленая карета

Театральные загадки – возможно, самые привлекательные в мире. А сколько театральных легенд хранит сцена! Например, петербургская сцена начала XIX века. И самая таинственная ее легенда – о зеленой карете.

Впервые о ней стало известно из судьбы великой русской балерины начала XIX века Марии Даниловой (1793–1810). Перед премьерой всегда не спится. Завтра Маша танцует главную партию в новом балете балетмейстера Шарля Дидло «Амур и Психея». Собственно, Маша еще ученица театрального училища, ей только шестнадцать, но меесье Дидло уже выделяет ее из всех воспитанниц танцкласса – ставит балеты, рассчитывая на нее. Да и публика приходит в восторг от каждого появления юной солистки. Еще бы, Данилова чрезвычайно хороша собой – стройная тонкая фигурка, светло-русые вьющиеся волосы, голубые очаровательные глаза. А в танце она легка как мотылек, грациозна в движениях, к тому же на редкость профессиональна – школа великого Дидло во всем блеске. Он ведь обещал, когда приехал из Франции работать в Россию, сделать русский балет первым в мире.

Маша подошла к окну. Жаль, из окна виден только кусочек мощеного двора перед театральным училищем. Солнце уже встало, но все вокруг – в дымке. Вот по мощеным плитам проехала, словно проплыла – медленно и совершенно бесшумно – ранняя карета. Сквозь туман не особо разглядишь, но по очертаниям – обычная казенная карета, которая привозит актеров в театр и развозит после спектакля. За огромные вытянутые размеры ее зовут линейкой или зеленкой – за вылинявший под дождем и снегом цвет. Но что делает казенная карета в такую рань? Все училище спит. Да и света в карете, кажется, не было. И лошадей не слышно...

Маша вздрогнула – она уже видела эту карету в ночь перед прогоном своего предыдущего балета. Год назад, в 1808-м, меесье Дидло ставил «Зефира и Флору». Маша танцевала сложную партию Флоры – богини цветов. Богиня летала с цвета на цветок, резвилась с Зефиром посреди облаков. Для этого Дидло придумал специальные конструкции тросов, которые крепились прямо к костюмам танцовщиков. Рабочие сцены тянули эти тросы, и танцовщики порхали над сценой. У бедной Маши всегда сердце холодело, когда приходилось летать таким способом. Но зато – какой успех у публики! Сама императорская семья подарки присылала. Только вот после одного такого полета у Маши хлынула кровь горлом. Как раз после того, как она увидела зеленую карету в утреннем тумане.

Премьера «Амура и Психеи» превзошла все ожидания. Вообще 1809 год стал триумфальным для Марии Даниловой. В шестнадцать лет ее объявили надеждой русского

балета. Вот только чахотка вновь открылась. Приступы пошли все чаще и чаще. Доктора говорили, она надорвала свое здоровье отчаянным балетным трудом, но вот будет отпуск – и дирекция отправит Данилову за город. Все расходы возьмет на себя. Даже карету казенную выделит. По утрам совершенно обессиленная Маша пыталась заглянуть в окно. Однажды она сказала подруге: «Карета приехала!»

Через несколько дней Марию Ивановну Данилову, семнадцати лет от роду, похоронили на казенном кладбище. Шел 1810 год. Удивительно, но кареты не было – неутешные поклонники принесли гроб на руках.

Балерина Анастасия Новицкая (1790–1822) училась в Петербургском театральном училище вместе с Даниловой и была выпущена из балетных классов в 1809 году. В свои девятнадцать лет Настя не отличалась ни блестящей внешностью, ни живостью нравов, позволяющей быстро находить себе покровителей. Настя была скромна, тиха и трудолюбива. Работая в театре, она начала преподавать танцы в Смольном монастыре и Екатерининском институте. Дидло, ее обожаемый учитель и балетмейстер, не забывал о ней. Он дал ей возможность выступить в лучшем своем балете «Ацис и Галатей» в главной роли. Вот только Галатеей была Дуня Истомина, которую позже сам Пушкин назвал великой, Новицкая же танцевала... мужскую роль Ациса.

Все в голос хвалили ее «невыразимую легкость», «благородство с прелестью». Но слухи все же поползли – разве можно женщине играть мужскую роль? Не к добру это! Актерская профессия и так богопротивна – ведь актер проживает на сцене чужую жизнь. Недаром еще лет двадцать назад церковь запрещала хоронить актеров на общем кладбище – только за кладбищенской оградой, как самоубийц. Но Дидло решил, что некрасивая и мужественная Новицкая идеально подойдет на драматическую роль его Ациса. Разве могла Настя ослушаться начальства?..

В день премьеры, 30 августа 1816 года, она так волновалась, что выбежала из дома, едва увидев заворачивающую зеленую карету. Но то ли карета была не театральная, а иная, то ли Насте примерещилась она от волнения, но улица была пуста. Мать утешала ее, как могла: «Приедет твоя карета! Да только все равно девице в штанах плясать негоже!»

Но все как будто шло хорошо... И вот теперь Настя с ужасом смотрела на убогие стены казенной квартиры, где она ютилась с больной матерью и младшими братьями. Она ведь у них – единственная кормилица. Что же будет, если ее выгонят из театра? Она же ослушалась всесильного графа Милорадовича! Конечно, он герой Отечественной войны 1812 года, но человек вспыльчивый, гневливый. А все начиналось так радостно – Дидло предложил выигрышную роль в новом балете. Но на ту же роль вдруг воспретендовала балерина Телешева, фаворитка всесильного Милорадовича. Ясно, Дидло уступил. Выигрышную роль получила Телешева, а Новицкой предложили совершенно ничтожную. И опять мужскую! И Настя отказалась.

Милорадович вызвал ее к себе. Как он кричал! Что, если она не будет танцевать в назначенной роли, он упрячет ее в сумасшедший дом или просто в тюрьму. Что пришлет за ней казенную карету!

На другой же день Настя слегла в нервной горячке. Ей мерещилось, что призрачная зеленая карета уже отвезла ее в арестантскую, что ей надели платье с «латкой» на спине. Педагоги из Смольного, узнав о болезни Новицкой, прислали лейб-медика. Мать, плача, рассказала ему о причине. Лейб-медик, не испугавшись, довел все это до сведения вдовствующей императрицы Марии Федоровны, покровительствовавшей Смольному. Спohватившийся Милорадович решил сам поехать к Новицкой – объясниться.

Настя сидела около окна, когда увидела подъезжавшую карету. «Меня снова зовут в театр! Все обошлось!» – радостно подумала она. Но карета оказалась украшена гербом. И к ужасу своему, Настя узнала герб Милорадовича. «Он приехал, чтобы отдать меня в сумасшедший дом!» – подумала она. И с ней снова случился припадок.

Через несколько дней ее не стало. Перед смертью она бредила страшным желтым домом и казенной театральной каретой, которая все везет ее куда-то. А потом,

приподнявшись, сказала: «Бог не забудет графа».

Бог действительно не забыл. Через три года, 14 декабря 1825-го, декабрист Каховский застрелит Милорадовича на Сенатской площади. Бог не забудет и танцовщицу Телешову. В сезоне 1833/34 годов Телешова будет ожидать очередного успеха от исполнения танца Немой в опере Обера «Немая из Портичи». Но успех придет к молодой и никому не известной второй исполнительнице этой роли – Маше Новицкой. И однофамилица «отомстит» за погибшую Анастасию Семеновну – с этого времени звезда Телешовой стремительно покатится к закату.

Но самая яркая страница легенды о зеленой карете всплывет в короткой, но яркой жизни уникальной русской актрисы Варвары Асенковой (1817–1841).

Варя остановилась на пороге театра. Вздохнула и, собравшись с силами, шагнула во двор. Казенная карета уже ждала. В ней уже сидели актеры. Не надо заставлять их ждать, но как страшно!

Третьего дня, когда после спектакля все уселись в карету, кто-то крикнул: «Асенкова, лови!», и в карету полетела горящая шутиха. Благодарение Богу, обошлось только легким ожогом руки. Шутиха попала в шубу актера Григорьева. И он, пожертвовав шубой, сумел потушить огонь. А если бы – нет? Юная актриса могла бы лишиться зрения, обгореть лицом. И тогда – прощай театр...

А ведь она так стремилась на сцену! Ее уволили из театрального училища за «неспособность», так она занималась частным образом с самим Сосницким. И вот теперь, когда Варя в лучах славы, когда в поклонниках сам император Николай I – чья-то слепая ненависть! Откуда? Варя не вступает ни в какие театральные интриги, жалованье у нее самое маленькое, а играет она все, что дают, не отказываясь. Даже мать, сама бывшая артистка, вздыхает: «Отдохнула бы ты, дочка! А то доиграешься, как Данилова».

Некогда об этом думать. Приходится играть чуть не каждый день. Серьезные роли уже есть. Шекспировскую Офелию недавно сыграла. Но чаще всего ставятся водевили. В «Гусарской стоянке» пришлось даже переодеваться молоденьким юнкером. Мать ужасалась – не к добру играть мужские роли. Но успех был потрясающий. Мужской костюм придавал Варю какой-то особый шарм.

И вдруг на одной из репетиций у Вари пошла горлом кровь. Началась чахотка – актерская болезнь. Как и Маша Данилова, Варя Асенкова сгорела быстро. Уже в первый месяц болезни она шептала домашним: «Что же карета не едет? Неужели в театре обходятся без меня?» Приступы повторялись все чаще. Теперь Варя вскакивала по ночам: «Помогите одеться! Мне надо в театр. Карета ждет!» Домашние выглядывали в окна, но карета ждала только Варю. И потому показывалась только ей.

19 апреля 1841 года Варвары Николаевны Асенковой, великой русской актрисы, боготворимой публикой, не стало. Было ей в то время всего двадцать четыре года. И пробыла на сцене она всего шесть лет. Лучшие скульпторы – И. Витали и П. Клодт – поставили ей памятник на Смоленском кладбище в Петербурге (позже ее могилу перенесли в Музей-некрополь в Ленинграде). На камне выбито двустилие: «Все было в ней: душа, талант и красота. И скрылось все от нас, как светлая мечта».

На Смоленском кладбище в XIX веке упокоилось много талантливых актеров русской сцены. Немудрено, что призрак казенной кареты несчастий там встречался часто. Однако зеленая карета оказалась не просто местным петербургским призраком. Кареты-призраки кочуют повсюду. Их видят по всему миру. Призрачные кареты, с бесшумно скачущими лошадьми, появляются ниоткуда и исчезают в никуда. А в Англии, где к лошадям и каретам традиционно особое отношение, есть даже присказка – «зеленая карета смерти». Даже самый известный в мире дом с привидениями – Литтлдин-Холл, занесенный в Книгу рекордов Гиннеса за количество обитающих в нем привидений, может похвастаться собственной призрачной каретой несчастья. Говорят, она появляется, если в соседней деревеньке должно случиться что-то нехорошее. И говорят, в ночной дымке она тоже выглядит зеленой.

Пиковый туз для русского трагика

Жизнь трагического актера – всегда загадочная тайна. Но смерть великого русского трагика Василия Андреевича Каратыгина (1802–1853) оказалась одной из самых интригующих загадок российской сцены.

Эти таинственные события начались 31 декабря 1852 года. Вечером под Новый, 1853 год в ведущем театре страны, петербургском Александринском императорском, давали комедию «Русская свадьба». Играли лучшие актеры: Мартынов, Брянский, Сосницкие, Самойловы, Гусева и, конечно, Каратыгины: младший брат Петр, мастер вторых ролей, и старший Василий, звезда Александринки.

Самый большой успех выпал, естественно, на долю Василия Андреевича, уже признанного великим трагиком. Гамлет, Отелло, Лир, Чацкий, Фингал, Кин, Велизарий принесли ему славу по всей России. Сам император Николай I восторгался его игрой. Правда, разночинский критик Белинский и писатель Герцен обругали в своих статьях Василия Каратыгина, поставив ему в вину как раз то, что его игра нравилась императору. Ох уж этот мне классовый подход! А между тем слава трагика Каратыгина гремела по всей России. Даже придирчивый театрал, автор «Горя от ума» А.С. Грибоедов, говаривал: «Для одного Каратыгина порядочные люди собираются в русский театр, несмотря на скудость трагического репертуара!»

Вот и плохонькая комедия «Русская свадьба» удалась на славу. Да и за кулисами наблюдался необычайный праздничный подъем. Дома же братьев Каратыгиных ждал праздничный новогодний стол. Пировать решили у Василия. Он жил тогда у Синего моста в угловом бельэтаже в доме Якунчикова. Там за радостным семейным столом уже собрались жены, дети и друзья актеров.

Чтобы скоротать ожидание, хозяйка вечера – супруга Василия Александра Михайловна Колосова, тоже известная драматическая актриса, играла в преферанс «по маленькой» со своей дочерью и ее молодым мужем – Владимиром Егоровичем фон дер Палином. Тот пришелся ко двору в семье Каратыгиных – он был добр, порядочен и не заносчив. Родителей жены уважал и любил, считая вполне равными, хоть те и актеры.

Супруга младшего брата Каратыгина, Петра, – певица Софья Биркина развлекала гостей – гадала всем по очереди. Своими верными гаданиями Софья Семеновна славилась на весь Петербург.

Вошедший Василий подошел к ее столу и улыбнулся: «Загадайте на меня, Софи!» Соня отчего-то заупрямилась, но, вздохнув, не смогла отказать и начала раскидывать карты, приговаривая: «Вы у нас по цвету волос – трефовый король...» Но вдруг она замолкла: на трефовом короле лежал пиковый туз.

Начался январь 1853 года. Все шло спокойно, по заведенному порядку. Но в феврале в театре заболел Яков Брянский, замечательный комический актер, любимец публики. Диагноз прозвучал как гром среди ясного неба – холера! Очень быстро Брянский сторел. Проводить его вышла вся труппа. Хоть и боялись артисты заразы, но не прийти не могли – Брянского все любили. И только когда собрались, заметили, что похороны приходятся на понедельник, а это по русской примете – жди нового покойника.

Стужа стояла страшная, но, когда Якова Брянского вынесли из театра, актеры, сняв шапки, пошли за гробом пешком. Во главе процессии – Василий Каратыгин. У могилы старик Сосницкий, желая разрядить обстановку, подтолкнул актрису Гусеву: «Ну что, старуха, так хмуро смотришь? Пожил ведь Яков. Всем придет пора...» Испуганная Гусева взвизгнула: «Вот сам и попробуй! Ты старше меня!»

Кто бы знал, какое значение приобретет эта неожиданная перепалка и вообще сами похороны Брянского? А ведь милейший и тихий был человек! Может, для его замечательного таланта не хватало подходящей труппы там – на небесах? Вот он и начал подыскивать себе партнеров...

Через несколько дней пошла та же «Русская свадьба», которую с таким восторгом

давали на Новый год. Играли уже без Брянского. Во втором акте, вернувшись со сцены, замечательная комедийная актриса Гусева, не имевшая себе равных в ролях сварливых кухарок и старух, упала замертво за кулисами. А ничего не подозревающий зал все еще хлопал ее искрометному уходу.

За кулисами Петр Каратыгин горько сказал брату: «Что творится?! Мы стали похожи на римских гладиаторов: умираем на сцене под рукоплескания публики!»

На другой день у Василия начался жар и безумная головная боль. Видно, на похоронах Брянского он все-таки застудил голову. Начиналась мозговая горячка, но Василий, преодолевая боль, играл – заменить его было некем. Но все-таки через неделю он свалился.

И дернул его черт позвать не обычного врача, а модного тогда гомеопата! Какие-то умники уверили его, что гомеопатия – самое большое и новомодное достижение современной медицины. Вот только от лечения этой гомеопатией Василию становилось хуже и хуже. Наконец, начался бред. В полночь с четверга на пятницу 13 марта 1853 года великий русский трагик Василий Андреевич Каратыгин скончался. Три недели назад – 26 февраля – ему как раз исполнился пятьдесят один год. Хоронили Василия Каратыгина 15 марта 1853 года – да при таком стечении скорбящего народа, которое собиралось только, говорят, сначала на похороны Пушкина, а потом молодой актрисы Асенковой.

Вся набережная Мойки, Синий мост, Исаакиевская площадь были запружены сплошной массой народа. Когда гроб вынесли из дома, чтоб повезти на Смоленское кладбище, люди закричали: «Не надо, не надо! Мы на руках донесем!»

Так и поплыл он, передаваемый из рук в руки, до самой церкви на Смоленском кладбище, а потом и до могилы. Даже засыпать ее скорбящие зрители не дали – каждый хотел отдать последнюю дань, бросив горсть земли. К вечеру на могиле образовался огромный поминальный курган.

Прошел месяц, и жуткие слухи поползли по Петербургу. Будто не умер Василий Каратыгин, а просто впал в летаргический сон. И похоронили его заживо, ибо враги давно мечтали о его смерти. И были эти страшные слухи столь сильны, что зять Василия Андреевича – Владимир фон дер Пален, решив поставить памятник великому тестю, вынужден был вскрыть могилу при понятых, чтобы развеять нелепые домыслы. Но и после вскрытия безумцы утверждали, что, когда гроб доставали, крышка была сдвинута, а тело оказалось перевернутым на бок.

На самом деле и крышка была прибита, и тело лежало как положено. Да и хоронили Василия Каратыгина уже на четвертые сутки с трупными пятнами. Но откуда взялась эта дикая легенда о похоронах заживо?

«Хоть людская молва и делает из мухи слона, – думал Петр Каратыгин, – но должна же быть хоть какая-то муха?» Пришлось брату предпринять свое расследование. И что оказалось? Не муха, а глупый человек под мухой.

Дело было так. Когда все родные уже ушли с кладбища, у могильного холма осталось несколько купцов – особо страстных поклонников великого трагика. Богач Николай Дмитриев, торговавший в Милютиных лавках, куда Василий Каратыгин лет десять ходил покупать устрицы, приволок корзину снеди и ящик вина да шампанского. Купцы искренне посчитали, что, коль при жизни актеры «глотают шампанею», почему бы не проводить слугу Мельпомены этим же «нектаром богов». Проводы шли до глубоких сумерек, купцы лили слезы с вином вперемешку. Позвали сторожей и могильщиков, всех упоили порусски – «вусмерть». В конце концов поняли, что спиртных ящиков им все равно не осилить. Тогда Дмитриев схватил бутылки и вскричал: «Голубчик Василий Андреевич! Дай Бог тебе Царствия Небесного! А мы вот как тебя любили и уважали!» С тем воплем отбил купец горлышки у оставшихся бутылок и вылил вино в могилу. Ну все и разъехались в слезах.

Но один из кладбищенских сторожей так упился, что подняться не смог. В полночь очнулся он рядом со свежей могилкой, и в полупьяном мозгу его пошли плясать фантастические картинки: померещились ему собирающиеся вокруг мертвецы да стон из могилы.

От таких видений кинулся он напрямиком к кладбищенскому священнику. Тот, видя, что мужик мертвецки пьян, обругал его. Но сторож заупрямился: «Не пьян я, а слышал настоящие стоны! Живого человека похоронили!»

Священник послал-таки слугу проверить. Слуга ходил, слушал на могиле, прикладывал ухо к земле. Но все было спокойно. «Что ж! – вздохнув, сказал пьяница. – Видать, опоздали. Таперича, значит, умер взаправду...»

Наутро сторожу устроили разнос. Что ему оставалось, как не клясться и божиться, что он действительно слышал стоны?!

Вот так и родилась страшная легенда да пошла гулять по столице, а потом и по России. Долго еще знакомые и незнакомые спрашивали Петра: неужели и вправду брат его в могиле перевернулся?

«Да помилуйте, господа, – отвечал грустно Петр, – как же ему не перевернуться в гробу, когда лучшие его роли теперь только ленивый не играет!» И действительно, многие схватились за репертуар трагика Каратыгина. Да только никто не смог подняться до его высот...

Откуда взялся Иван Александрович Хлестаков

Думаете, это некий драматургический образ, сценический герой, так сказать, фантом, созданный Гоголем? А вот и нет! Жил в России реальный человек, который вполне может претендовать на «авторство» всеобщего любимца российской сцены Ивана Александровича Хлестакова. И между прочим, этот человек был не мелким обманщиком, а личностью, сыгравшей свою заметную роль в российской истории. Недаром его считали то русским Казановой за любовные похождения, а то и борцом с ненавистным царизмом, ведь он отсидел в Шлиссельбургской крепости 36 лет.

Действительно, Роман Михайлович Медокс слыл одной из самых интригующих персон своего времени. Все происшедшее с ним загадочно и неясно, даже год рождения неизвестен – то ли 1789, то ли 1793 или 1795-й. Кажется, местом рождения явилась Москва, но, возможно, и Петербург – семья была известна в обеих столицах. Отец Романа, Михаил Григорьевич Медокс, перебравшийся в Москву из далекой Англии (а может, и из Германии), стал здесь виднейшим театральным деятелем, основателем легендарного Театра Медокса. Обычно театр развивается династиями, но сыновья Медокса сцену не жаловали. Особенно трудно пришлось родителю со средним – Романом. Вот уж, воистину, как чадушко назовешь, так оно и жить станет. Роман с ранней юности заделался записным ловеласом. Романы и романчики шли по его жизни нескончаемой чередой. И хотя он получил отличное образование и поступил на военную службу, где мог бы сделать блестящую карьеру, распутный образ жизни записал его в российские казановы. Похождения Романа оказались столь скандальны, что старший Медокс отказал беспутному сыну от родительского дома. Сынок горевал недолго. Ну а чтобы не встречаться больше с папашей, решил уехать из Москвы. Сбежал из своей воинской части, прихватив, между прочим, полковую кассу. На похищенные средства справил модный гвардейский мундир, расшитый золотыми позументами. От такового наряда да от горящих черных очей статного красавца поручика, гордо восседавшего на резвом коне, красотки по всей стране мгновенно теряли голову.

Роман странствий поручика Медокса был захватывающим, авантюрным, запутанным. Он побывал в Калуге, Тамбове, Воронеже, Саратове, других больших и мелких городах необъятной матушки России. Денег, конечно, не было. Но Роман разработал виртуозный сценарий их добывания. Въехав в город, Медокс являлся к властям предрержащим с гербовой бумагой, из коей следовало, что податель сего едет по государственной надобности. Пробыв в городе пару дней, он быстро заводил дружбу с влиятельными лицами. Ну а потом, проникновенно глядя в глаза новому другу, восклицал: «Какой странный случай со мной приключился: я совершенно поиздержался в дороге! Не дадите ли взаймы сто рублей?» Давали практически все – губернаторы и градоначальники, помещики и служащие. Не

находилось сто – поиздержавшийся столичный путник мог взять и десять. Как впоследствии и персонаж Гоголя – Иван Александрович Хлестаков.

Словом, поручик лейб-гвардии конного полка благополучно странствовал по поручению некой «государственной службы», когда разразилась война с Наполеоном. И в голове Медокса родился новый план – беспрюирышный и обширнейший. Что там его бывшие просьбы о ста рублях! Медокс рванул на Кавказ – в административный центр город Георгиевск. Там, как обычно, предъявив местным властям поддельные бумаги, он назвался Романом Соковниным, адъютантом генерала А.Д. Балашова. Какова наглость, учитывая, что Балашов был в то время министром полиции! Но молодой адъютант решил сыграть по-крупному: он уверил власти, что послан, чтобы набрать ополчение из кавказских горцев и собрать средства для содержания этого ополчения. Причем все следует сделать крайне быстро, ведь идет война!

Чтобы подтвердить свою миссию в глазах местного гарнизона, ловкий Медокс и сам неустанно скакал по горам, выбирая солдат в отдаленных гарнизонах. Завидев столь похвальное патриотическое рвение, командующий генерал-майор С.А. Портнягин подписал энергичному столичному адъютанту наградной лист, ну а вице-губернатор приказал выдать 10 тысяч рублей из казны – огромнейшие деньги! И конечно, власти решили послать донесение в столицу о том, что прилагают все силы ради спасения Отечества.

Но для обманщика Медокса это донесение стало бы крахом. Поэтому он попытался перехватить письмо. Показал почтмейстеру, с которым уже сумел свести дружбу, заранее заготовленную бумагу, где черным по белому значилось, что «адъютант Соковнин» наделен полномочиями вскрывать всю входящую и исходящую корреспонденцию. Таким образом он смог перехватить письмо. Но, видно, служба оказалась сильнее дружбы – почтмейстер рассказал обо всем начальству. И завертелось дознание!

Выяснилось, что никакого Соковнина из Петербурга в Георгиевск никто не посылал и тем более денег выделять не требовал. В феврале 1813 года наглого самозванца арестовали и отправили в столицу в ведомство министра полиции Балашова. Там мнимый адъютант признался, что он – беглый поручик Роман Медокс, но заявил, согласно протоколу, что «денег присваивать не собирался, а преступил закон не корысти ради, а токмо из желания помочь Отчизне в годину тяжких испытаний». Говорят, в канцелярии Балашова дознаватели плакали, читая слезное раскаяние Медокса. Однако сам министр полиции беглому поручику не поверил и отправил его сначала в Петропавловскую крепость, а потом и в Шлиссельбургскую, где Медокс и отсидел ни много ни мало – 14 лет. Только после восшествия на престол Николая I новый император подписал указ о помиловании авантюриста и выслал его на житье в Вятку под надзор полиции.

Однако, выйдя из каземата, Роман не образумился. Начались новые авантюры. Сначала он исчез из тихой Вятки по чужому паспорту. Правда, его быстро сыскали и отправили в Петербург. Но лихой Казанова соблазнил дочку трактирщика, у которого ввиду «непроезжей дороги» был вынужден остановиться конвой. Вместе с девицей он удрал в Одессу. И даже имел нахальство написать оттуда письмо лично императору. Весьма саркастически благодарил за то, что царь даровал ему свободу. Одно не учел: после восстания декабристов Николай приходил в ярость от всякого упоминания о свободе. Император объявил насмешника Медокса личным врагом, и уже через неделю беднягу схватили и отправили рядовым в Иркутск. Доля рядового в Сибири была равна доли смертника: кто замерзал на морозе, кто погибал от недоедания и цинги. Роман Медокс опаматовался и начал лихорадочно обдумывать план спасения. И придумал!

В 1832 году в Петербург полетели его письма (опять же прямо к императору), доносящие о том, что он, влекомый любовью в Отчизне Роман Медокс, раскрыл новый заговор, который пытается учинить тайное общество, вновь образованное врагами-декабристами, сосланными в Сибирь. Общество называется Союз великого дела и ставит целью убийство российского императора.

Мстительный Николай I, люто ненавидевший декабристов, отдал приказ

«немедленного расследования». Из Петербурга тут же прибыл особо доверенный ротмистр Вохин. Роман в красках рассказал ему, что декабристы, прознавшие, что он, Медокс, тоже пострадал от властей, предложили ему вступить в ряды их нового тайного общества. В доказательство своих слов Роман предъявил «Поденную записку», где по дням зафиксировал, кто и что ему говорил. Декабристы вербовали Медокса весьма настойчиво: что ни день к нему посылали тайных курьеров, что ни вечер зазывали на разговор. «Представляете, одних курьеров десятки! – тараторил Роман. – Каков размах заговора! А без меня не обойтись. Для меня у них придумана особая миссия!» И Медокс показал Вохину членский билет, написанный от руки декабристом А.П. Юхневским. С этим билетом Роман, который вскоре мог получить отпуск, должен был поехать в обе столицы и установить связи с теми, кто сочувствует новому обществу.

Собрав все доказательства, Вохин вернулся в столицу и доложил обо всем императору. Николай решил начать собственную игру: пусть Медокс выявит потенциальных членов Союза великого дела. Для этого Романа срочно востребовали из Иркутска. И вот в ноябре 1833 года Медокс оказался в Петербурге. За услугу правительству ему выдали 1500 рублей. Роман приоделся и начал даже разъезжать по знакомым. Однако император желал поскорее узнать имена своих новых врагов. Медокса отправили в Москву, веля в краткий срок выявить сочувствующих новому заговору. Роман понял, что дело нехорошо: придется либо оговорить кого-то, либо исчезнуть от гнева императора. Он выбрал второй вариант. Несколько месяцев вся полиция страны искала его. Но схватить дерзкого обманщика удалось только в июле 1834 года. И вот Медокс снова в Петропавловской крепости, и опять признание: «Поденная записка» – плод его вымысла, да и членский билет написан им же. Никакого заговора и в помине не было!

Николай был взбешен. Страх нового заговора чувствительно потрепал ему нервы. И вдруг оказывается, что все это – чистый вздор, вымысел разжалованного в солдаты поручика, который просто хотел вырваться из сибирской ссылки! Так что Медокс снова оказался в Шлиссельбургской крепости. И на сей раз просидел там аж 22 года. А на его приговоре император собственноручно приписал: «Преступник хуже декабристов!» И только после смерти Николая его сын и наследник Александр II выпустил несчастного узника.

Медокса отправили в провинциальное имение брата под неусыпный надзор полиции. Но не прошло и пары месяцев, как неугомонный авантюрист опять исчез. Ужас брата, который принял к себе Романа под честное слово, и полиции, которая ожидала за недогляд жестокую расправу, был неописуем. Но, как ни странно, беглец вскоре вернулся, философски объяснив свое отсутствие: «Если мои больные ноги не позволяют желать дальних странствий, то это не значит, что я не могу возжелать амурных приключений». Словом, хоть авантюриста и сломали, но Казанова выжил. Его пыл не укротила даже Шлиссельбургская крепость. Недаром современники вспоминали, что и в последний год жизни Медокс крутил два романа – с женой и дочкой местного станового. Ну чем не Хлестаков, который не мог выбрать между Анной Андреевной и Марьей Антоновной?.. Его не стало спустя три года после выхода из крепости. Роман Михайлович Медокс умер в 1859 году, когда ему исполнилось то ли 64, то ли 66, то ли 70 лет. Ну в самом деле, что можно наверняка знать о Хлестакове?..

Секрет непостижимой мадам Жюдик

Весной 1875 года в Петербурге ожидалась гастроль парижской опереточной дивы – двадцатипятилетней красотки Анны Жюдик. К началу первого же спектакля по Невскому невозможно было протиснуться из-за нескончаемого потока поклонников с огромными корзинами цветов. Даже желчный поэт Некрасов отозвался четверостишием:

Мадонны лик,
Взор херувима,

Мадам Жюдик
Непостижима.

Ах, русские поэты всегда были провидцами! И Некрасов уловил самую суть – у Анны Жюдик действительно была непостижимая тайна.

Шел 1867 год. Семнадцатилетняя Анна пыталась пристроиться хоть на какой-нибудь сцене Парижа. Она только что закончила консерваторию по классу вокала, но ни одно прослушивание не принесло ей ангажемента. Театральные агенты только кривились, глядя на нее: «Да вы, голубушка, и низковаты, и полноваты, да и лицом круглы. С такой простонародной внешностью в провинцию ехать надо!»

С тех пор уже почти год Анна разъезжает по провинциальным городкам Франции с бродячей труппой. Концерт, другой – песенки, куплеты. И снова переезд, дешевые гостиницы – холод, клопы и тараканы. В номер заходить противно, не то что там жить!.. Анна потуже замотала шерстяной шарф – холодно, надо возвращаться или хоть куда-нибудь зайти. Но куда? И вдруг в конце улочки она увидела старинный свечной фонарь странной формы и вывеску «Антикварная лавка».

Дверь открылась со скрипом. Ни одной лампы, только тусклая свеча чадит в старинном подсвечнике. Анна подошла к покосившемуся бюро из красного дерева. Почему-то ей захотелось выдвинуть средний ящик, а потом протянуть руку и нащупать что-то гладкое в таинственной глубине. Словно зачарованная, Анна смотрела на свою находку – маленькое овальное зеркало с медной ручкой, довольно простенькое, но, вероятно, старое, хотя совершенно не мутное, а притягательно блестящее. «Это для вас! – услышала Анна свистящий шепот. – Вы можете взять!»

Анна Жюдик

По старой скрипучей лестнице медленно спускался тощий, высохший антиквар. Анна ужаснулась – старик был похож на таинственную мумию и столь же загадочно усмехался: «Вы пришли туда, куда нужно, и нашли то, что необходимо. Ничего случайного не бывает – все предопределено. Это зеркало ждало именно вас. Больше трехсот лет назад его создал великий итальянский скульптор и ювелир Бенвенуто Челлини. Тогда он жил и работал во Франции при дворе Франциска I. Создавал скульптуры, не брезговал столовыми сервизами и зеркалами. Но однажды чем-то не угодил королевской фаворитке герцогине д'Этамп, и та подослала к нему убийц. Однако известная красавица Диана де Пуатье, возлюбленная сына Франциска – будущего короля Генриха II, помогла Челлини тайком уехать из Франции. В награду тот создал для нее волшебное зеркало. Когда женщина смотрится в него, оно дает ей

необычайную красоту. Да только красавице Диане не было нужды в волшебном зеркале. Так что оно затерялось в веках. Говорят, потом его нашла королева Мария-Антуанетта. И, глядясь в него, стала настоящей красавицей. Но ей не повезло – революция казнила бедную королеву. А зеркало Челлини снова потерялось. И вот оно всплыло в моей старой лавчонке. А уж раз вы сумели сегодня найти его, оно – ваше!»

И вот, высоко подняв голову, Анна шла к знаменитому театру «Варьете», в котором блистали оперетты Оффенбаха. Всемирно известный маэстро согласился прослушать ее после того, как услышал ее песенки в модном парижском кафе «Фоли-Бержер». Композитор встретил Анну в фойе. Прищурился, оглядев с ног до головы, – при свете дня певичка показалась ему не столь уж и привлекательной. Но раз пришла, пусть выйдет на сцену – покажет, что умеет. «Я должна загримироваться, маэстро!» – пролепетала Анна, вынимая небольшое зеркало.

Оффенбах вздохнул: с такой простоватой мордашкой сколь не гримируйся!.. Но через четверть часа занавес пошел вверх, и перед изумленным композитором предстала женщина поразительной красоты и сценического обаяния. В начале 1872 года Анна Жюдик дебютировала в оперетте Оффенбаха «Принц-морковь» по сказке Гофмана, потом ее ввели на заглавные роли в прославленные оперетты «Прекрасная Елена» и «Герцогиня Герольштейнская». И все роли Анна играла по-своему. Публика приходила в бешеный восторг, критики писали, что Жюдик – «красавица оперетты», «квинтэссенция женственности», «царица повышенной эротичности». Одно было странно. Едва войдя в гримерку, примадонна выгоняла всех, усаживалась за гримерный столик и вынимала заветное зеркальце. Но как она священнодействовала над своей внешностью, никто ни разу не видел.

...Анна металась по шикарным апартаментам. Куда она могла положить свое зеркало? В спальне нет, в ванной комнате тоже. Неужели потеряла – что же теперь будет?! Надо взять себя в руки. В конце концов, даже если она останется без красоты, голос никуда не денется!

В театр Анна прибыла за два часа до спектакля. Сидела, тоскливо глядя в одну точку, пока помощник режиссера почтительно не приоткрыл дверь: «Мадам Жюдик! Пожалуйста на сцену! – И тут он ахнул. – Как вы себя чувствуете, мадам? Что случилось?» – «Ничего!» – сквозь зубы процедила Анна и вышла в коридор. За ее спиной послышалось перешептывание – певцы чуть слышно обсуждали, сколь плохо выглядит их прима.

Как прошел спектакль, Анна и не помнит. Кажется, она не раз сбивалась, забывая текст. Хорошо, суфлер выручал! После спектакля певица еле добралась домой. Входя, взглянула на себя в огромное зеркало в прихожей – лучше бы и не смотрела! А через месяц мадам Жюдик с ужасом заметила, что от волнения теряет голос.

Оставалось одно: найти таинственного антиквара – может, у него есть другое зеркало? Актриса поехала в тот провинциальный городок, где выступала в юности. Найдя знакомый дом, спросила у какой-то старухи: «Здесь была антикварная лавка?» Та пошамкала беззубыми губами, словно подсчитывая что-то, и ответила: «Была. Мне про нее еще бабушка рассказывала. С тех пор прошло, почитай, годков семьдесят!»

Анна отшатнулась от сумасшедшей старухи. Что она мелет?! Ведь всего 14 лет назад Анна была в этой лавке. Чертовщина какая-то! И вдруг, словно сквозь туман, всплыли слова старого антиквара: «Вы пришли туда, куда надо, и нашли то, что необходимо». Но ведь и сейчас зеркало необходимо Анне, как и раньше! Или нет? Ведь у нее давно уже нет новых ролей...

Вернувшись в Париж, Анна отправилась к композитору Флоримону Эрве и попросила написать оперетту специально для ее теряющего силу голоса – поменьше сложностей, побольше простых куплетов.

Полгода мадам Жюдик репетировала как проклятая, к вечеру падала совершенно без сил. В декабре 1883 года Париж запестрел афишами: «Оперетта Ф. Эрве «Мадемуазель Нитуш». В главной роли – Анна Жюдик».

26 декабря утром перед премьерой Анна проснулась как от толчка. Вскочила и,

повинуясь совершенно непонятному импульсу, открыла ящик своего старого комода, куда бросала программки спектаклей. В ящике, загадочно блестя, лежало потерянное зеркало.

Откуда?! Анна не стала выяснять. Как говорил антиквар: «Все предопределено». Певица понеслась в театр. Три часа просидела в гримерке, никого не впуская. И вот вечером на сцену «Варьете» вышла юная красавица, вновь покорившая Париж. Ее героине Денизе было 17 лет, но 33-летняя мадам Жюдик, казалось, выглядела еще моложе.

Триумф «Мадемуазель Нитуш» был долгим – мадам Жюдик блистала на подмостках еще почти 10 лет. Потом, как-то тихо и незаметно, она ушла со сцены, но после себя оставила в оперетте целый «стиль Жюдик». Что она сделала с волшебным зеркалом Челлини, мы, конечно, никогда не узнаем. Но говорят, однажды Марлен Дитрих, гастролируя по Франции, купила на одной из дешевых распродаж небольшое зеркальце в простенькой медной оправе. С тех пор «вечно женственная Марлен» блистала в кинематографе и на сцене – и вплоть до 90 лет все называли ее красавицей. К кому попало волшебное зеркало Челлини после Дитрих – неизвестно. Но присмотритесь к своему зеркалу – может, путешествуя во времени, оно попало к вам?..

Знаки судьбы

Тонюсенькая восьмилетняя Аня Павлова заворуженно смотрела на сцену Мариинского театра. Там, в волшебном мире музыки, кружилась в танце Спящая красавица. «Мама! – вдруг твердо сказала девочка. – Я вырасту и буду танцевать в этом театре!»

Мать вздохнула. Куда уж дочери прачки грезить о сцене – не умереть бы с голоду... Но всю неделю после спектакля дочка Анечка плакала, а потом и болеть начала. Пришлось сводить девочку в балетную школу. Мать подумала: выгонят прачкину дочку, и дело с концом. Но директор, осмотрев Аню, сказал: «Привозите, когда стукнет десять лет. Возьмем на казенный счет».

И вот в 1891 году десятилетняя Аня Павлова – воспитанница императорской балетной школы, а с 1 июня 1899 года зачислена в труппу Мариинского театра. Конечно, пока ей далеко до партии Спящей красавицы, да и Мирту, предводительницу вилис в «Жизели», получила толстая Люба Петипа. Но на то она и дочь балетмейстера! Зато Аня станцует вилису Зюльму. Роль хоть и маленькая, но с весьма выигрышным антре.

В тот памятный сентябрьский вечер балетные выпускники толпились стайкой у закрытого занавеса. И вдруг по кулисам понесся слух: «На спектакле старая ведьма!»

Аня ахнула – угораздило же графиню Бенкендорф притащиться на «Жизель»! Говорят, старуха любит предсказывать: скажет гадость и улыбается. А потом еще и интересуется: сбылось ли пророчество?

Анна Павлова

Аня перекрестилась и выпорхнула на сцену. На мгновение Люба Петипа оказалась рядом и прошептала завистливо: «Старуха тебя лорнирует!» Аня подняла голову: золотой лорнет, словно огромные выпученные глаза, уставился на нее из третьей ложи.

После спектакля Люба прижала Аню к кулисе и быстро зашептала: «Бенкендорфиха тебя похвалила, но сказала: «Эта от нас упорхнет! У нее крылья будут лебединые». Не иначе тебе, Анька, Одетту в «Лебедином озере» дадут! А еще старуха сказала: любовь ты свою найдешь через тюрьму. Представляешь? – И Люба жадно заглянула подружке в глаза, будто пытаясь высмотреть – за что посадят бедную Аню. – А потом старуха брякнула: тебе судьба знаки подавать станет. Даже перед смертью знак будет!» Аня опешила. Тюрьма, знаки, смерть – да старая ведьма рехнулась! Себе пусть такое предсказывает!

В начале сезона 1907 года Аня летела домой к матери, сияя как начищенный пяточок, – наконец-то ей повысили жалованье. Теперь она – полноправная солистка! Ей поручили станцевать Лизу в «Тщетной предосторожности», Нинию в «Баядерке», обещают и саму партию Жизели. Только Одетты-Одилии, о которой она так мечтала, не видать. В «Лебедином озере» блистает «царица» Мариинки – Матильда Кшесинская, бывшая фаворитка царя Николая II.

Впрочем, Аня готова танцевать все, что дают. Но дают мало, и потому она часто выступает в концертах, правда, все больше – благотворительных. Но для них так трудно сыскать партнеров. Вот и в тот январский вечер 1907 года пришла записка от коллеги: заболел. Конечно, не каждый готов выступить задаром. Аня кинулась к танцовщику Фокину, с которым дружила еще с училища. А тот вдруг предложил: «Хочешь, я сочиню для тебя танец-монолог?» Все знали: Фокин хоть и прекрасный танцовщик, но грезит хореографией. Неужели правда сочинит?

Уже наутро новоявленный хореограф показал вариацию Лебедя на музыку Сен-Санса: «Смотри – раскинулись руки-крылья. Лебедь поет прекрасную песню, качается на волне и застывает, пряча голову под крыло». Анна ахнула: «Как грустно. Он умер?» Фокин взвился: «Что за глупости? Он уснул!»

Милый Миша, он и сам не понимал, что сочинил, – шедевр, новое слово в балете.

Публика приняла «Лебедя» восторженно. И когда зазвучал шквал аплодисментов, Павловой припомнилось пророчество старухи Бенкендорф: будут у Ани сильные крылья. Что ж, «Лебединое озеро» в Мариинке ей не удалось станцевать, но, может, графиня говорила об этом лебеде?..

На Масленице 1908 года Анна стала задерживаться после спектаклей. Прибегала домой чуть не под утро – щеки горят, глаза блестят. Мать тайком радовалась – кажется, у ее недотроги появился сердечный друг.

Виктор Эмильевич Дандре, обрусевший потомок французского аристократического рода, был образован, богат, влиятелен. Ну просто принц из сказки! А как потрясающе ухаживал! Однажды встретил после спектакля, лихорадочно блестя глазами: «Прошу вас выйти за меня замуж!» Анна окаменела. Ну разве он не понимает: балерина не может быть ничьей женой. Ведь это – прощай, театр! А для Анны танец – жизнь...

Наверное, отказ прочелся на ее выразительном лице, потому что Дандре вдруг опустился на одно колено и протянул огромный букет: «Умоляю!» Анна машинально развернула букет... Розы. Огромные алые розы! Все поплыло перед глазами. Вспомнился первый выход на сцену Мариинки. Тогда она, трепещущая от ужаса ученица, не удержалась на ногах и грохнулась прямо на суфлерскую будку. Зал захохотал.

А ей пришлось встать, вымученно улыбаясь, поклониться публике и повторить пируэт. Чуть живая, влетела она за кулисы, и кто-то протянул ей алую розу. В насмешку? Или специально? Ведь красный цвет – знак беды...

В начале 1909 года Фокин привел к Анне Сергея Дягилева. Плотный, вспотевший, похожий больше на пекаря-кондитера, чем на ценителя изящных искусств, тот начал уговаривать Павлову: «Уже несколько лет я устраиваю «Русские сезоны» в Париже. В мае – июне решил показать балет. Хочу познакомить Париж с вами!»

Аня восторженно встрепенулась. Конечно, она и раньше ездила на гастроли, но ведь тут – Париж! К тому же долгие гастроли – удобное решение затянувшегося романа с Дандре. Конечно, Павлова согласилась. Только после ухода Дягилева спросила Фокина: нельзя ли показать «Лебедя»? Миша вздохнул. Конечно, в «Лебеде» Аня неподражаема, но Дягилев, не смущаясь, объяснил Фокину, что хочет показать в Париже своего протеже и нежного друга – Вацлава Нижинского. Все балеты поставлены специально для него, а Павлова выступит просто партнершей Вацлава в «Павильоне Армиды» и «Сильфидах». Словом, не она будет звездой. Но ей об этом говорить не надо...

Можно подумать, Анна и сама не поняла! Она безжалостно бросила труппу Дягилева и начала выступать самостоятельно. Теперь в Нью-Йорке и в Лондоне ее встречали огромные афиши: «Анна Павлова». Ее имя стало символом культового русского балета. Правда, в Лондоне пришлось выступать в мюзик-холле – прямо между номерами дрессированных обезьян и чечеточников. Ну и что? Главное, за границей Анна могла танцевать что хотела. И все чаще выбирала «Лебедя». А как-то, стоя за кулисами, вспомнила слова графини Бенкендорф: «Упорхнет она от нас!» Вспомнила и засмеялась. Сбылось: упорхнула. И крылья оказались сильными – лебедиными!

В феврале 1911 года Павлова гастролировала по Америке. Перед репетицией ей подали телеграмму. Открыла – не поверила. Сенатор Нейдгарт вызывает ее в Россию «для дачи показаний». Каких еще показаний?! У нее контракт с Метрополитен-опера. Она танцует «Жизель» и «Лебединое озеро». Зачем она поедет в Россию? Там «Лебединое» никто ей не предлагает! И что за длинная телеграмма... «показаний в связи с делом Виктора Дандре». Буквы поплыли перед глазами. «Немедленно! – закричала она секретарю. – Билет в Россию!»

Виктора арестовали 28 декабря. Ревизия обнаружила растрату при постройке Охтинского моста, а Дандре эту стройку курировал. Ну а поскольку никаких денег у Дандре не обнаружилось, пресса раструбила, что он растратил их на свою заграничную любовницу, то есть на нее, Павлову. Анна читала газеты и скрипела зубами. Идиоты! Денег у Виктора не обнаружилось, потому что он их не брал. А Павловой при ее фантастических заработках чужие деньги вообще не нужны. Ну, погодите, черти во главе с сенатором Нейдгартом, Анна

найдет на вас управу!

Так и вышло. Анна внесла за Дандре колоссальный залог – 35 тысяч рублей и убедила Виктора уехать в Европу. Нечего жить в стране, которая никого не ценит!

И как только она раньше обходилась без Виктора? Импресарио, администраторы, секретари – Дандре один заменил всех. И что за чушь Анна несла, когда говорила, что ни за кого не пойдет замуж? Да как она вообще жила без Виктора?! Права оказалась пророчица Бенкендорф: только увидев Дандре в тюрьме, Анна поняла, что любила, любит, не может не любить...

Говорят, разъездной жизнью трудно жить. Да Анне все равно, лишь бы танцевать! За год она изнашивает две тысячи пар балетных туфель. Она зарабатывает баснословные гонорары, но может выступать и задаром. Одно плохо: ее – символ русского балета – ждет весь мир, но не ждет Россия. Чтобы не сойти с ума от ностальгии, Павлова свой типично английский дом в Лондоне – Айви-Хаус (Дом в Плюще) – превратила в русский: здесь ставили самоварчик, ели гречневую кашу, пекли черный хлеб.

В то утро Анна разволновалась как девчонка. Она ждала гостя – знаменитого композитора Камилла Сен-Санса, автора музыки ее «Лебеда». Наконец, он приехал – седовласый, но еще прямой. Сразу начал с восторгов: «О божественная, вы дарите людям счастье! Маленькая дочка моих знакомых написала в школьном сочинении: «Я видела живую фею – Анну Павлову. Теперь я всю жизнь буду счастлива!»

Павлова взмахнула руками: «Я покажу и вам счастье!» Она подхватила юбку и, как девочка, понеслась к пруду. Оторопелый композитор увидел, как хрупкая женщина обняла подплывшего на ее зов лебедя. И птица, способная ударом крыла перебить человеку руку, радостно заклекотав что-то, обвила голову Анны грациозной белой шеей. «Мы с вами из лебединой стаи, маэстро!» – прошептала «фея Павлова».

Вечером, когда Анна возвращалась после проводов дорогого гостя, ее остановил Тимофей, русский мужик, неизвестно как очутившийся в далекой Англии и приставленный теперь ухаживать за лебедями: «Барыня! Опять лебедь сдох. Четвертый за лето. Не приживаются они тут...»

Анна вскинула голову и вдруг закричала: «Но мы же прижились! Пусть и они стараются! Мы тоже не просились на чужую землю!» И, зарыдав, она кинулась в дом – прямо в объятия Дандре. Он-то всегда там, где нужен...

А через пару недель в Ковент-Гарден Анна танцевала «Лебеда». Уже вышла на сцену и тут вместо обычной жемчужной броши на груди обнаружила... алый рубин. Костюмерша, видно, напутала. Но Анна вдруг вспомнила, как Фокин убеждал ее когда-то: лебедь уснул. Нет, Миша был не прав – лебедь умер! На груди у него – кровавая рана. И она, Павлова, танцует теперь «Умиряющего лебедя»...

Время шло, а новой хореографии не находилось. Анна начала сочинять сама. Поставила несколько балетов, особенно удались «Осенние листья». Конечно, ей повезло – она сумела-таки создать свою труппу, свою школу. Но все это требовало невероятного труда. После спектакля Анна уставала все сильнее. Приходилось сокращать программу. Конечно, время уходит, забирая силы, ей уже под пятьдесят. Мало кто из балерин танцует в таком возрасте. Но ведь публика до сих пор обожает ее – билеты на новое мировое турне давно проданы.

Анна поехала отдохнуть к подруге Наталье Трухановой в предместье Парижа. Деятельная Наталья потащила ее в свою оранжерею: «Знаю, ты не любишь алых роз, но эти – белые!» Анна наклонилась над кустом и вскрикнула: в палец вонзился шип. Тонкое, измученное лицо Павловой стало совсем прозрачным. «Это знак, Ната. Тот самый, о котором говорила старуха Бенкендорф. Мы с этой розой теперь одной крови. И умрем вместе – она и я». Наталья руками замахала: «Глупости какие!»

Но через несколько месяцев Наталья с ужасом увидела, что куст белых роз покрывается какими-то пятнами, похожими на засохшую кровь. Наталья кинулась телеграфировать Дандре. Ответа не было. И только на другой день в газетах она прочла: «23 января 1931 года

на гастролях в Гааге скончалась великая балерина Анна Павлова».

Анна простудилась в поезде. В Гааге пришлось отменить первый же спектакль: температура у балерины стремительно подскочила. На третий день болезни она уже бредила. Около полуночи открыла глаза, привычно перекрестилась и сказала: «Приготовьте мой костюм Лебеда!»

Кто знает, в какой волшебный мир она улетела?..

Война миров, или Создание инопланетян

Случившееся до сих пор покрыто флером тайны. Ибо совершенно непонятно: как обычная радиопередача могла иметь такие последствия?!

Все началось в канун Дня Всех Святых, то есть Хеллоуина, – 30 октября 1938 года в 8 часов вечера по нью-йоркскому времени. Вернувшиеся с работы и ожидающие праздника американцы, развалившись в креслах, лениво включили радио. Раздался голос молодого, но уже подающего надежды актера Орсона Уэллса. В его слова никто не вникал, но вслед за ним пошел прогноз погоды на завтра. 32 миллиона слушателей радиостанции Си-би-эс («Коламбия бродкастинг систем») прильнули к радиоприемникам. Погода – это воистину святое!

По радио меж тем началась трансляция из концертного зала отеля «Парк Плаза», где выступал известный оркестр Рамона Ракелло. Модные мелодии расслабляли, настраивали на завтрашний веселый праздник. Но вдруг музыкальная трансляция прервалась, и взволнованный диктор, заикаясь и путаясь, начал зачитывать экстренное сообщение. Оказалось, несколько минут назад на ферму, что в 22 милях от города Трентона в штате Нью-Джерси, упал охваченный пламенем огромный предмет, похожий на метеорит. Ферма загорелась, количество жертв пока неизвестно. Но к месту катастрофы уже спешат ученые во главе с профессором Пирсоном из Принстонской обсерватории и передвижная радиоустановка, возглавляемая комментатором-Карлом Филипсом. «Ждите новостей!» – возвестила радиостанция. Бедный диктор не знал, что это – начало катастрофы...

Американцы прильнули к приемникам, аудитория в миг подскочила к 100 тысячам. Еще на пару минут возобновилась музыкальная трансляция, но ее прервал взволнованный голос запыхавшегося комментатора Филиппа: «Внимание! Слушайте все! Это не метеорит, это корабль инопланетян! Профессор Пирсон считает, что они с Марса». Слова оборвались. В микрофон ворвался пугающий шум толпы, вой полицейских сирен. «Из марсианского корабля бьет ужасающий луч! – закричал Филипс. – Боже милостивый, люди вспыхивают, как факелы. Вы слышите эти чудовищные крики?! Луч приближается. Он уже справа от меня! И я...» Голос комментатора оборвался. Раздался кошмарный вопль. Микрофон, заскрежетав, упал.

«Внимание! – объявила радиостудия. – Кажется, с нашим корреспондентом что-то случилось. Не выключайте радио! Секундочку... Только что по ленте новостей пришло сообщение. Зачитываю. «По меньшей мере сорок человек, в том числе шесть полицейских, лежат обугленные. Бойня в Нью-Джерси продолжается». А сейчас бригадный генерал Монтгомери Смит, командующий национальной гвардией в Трентоне, сделает сообщение по телефону!» И зазвучал зычный бас вояки: «В штате Нью-Джерси введено чрезвычайное положение! Четыре соединения гвардейцев направлены к месту событий, чтобы навести порядок и помочь жителям!»

Орсон Уэллс

Но едва бравый генерал отсоединился, диктор радиостанции начал читать сообщения с ленты новостей. Его голос дрожал все больше, срываясь от ужаса: «Линии коммуникации от Пенсильвании до Атлантического океана уничтожены. Железнодорожные пути разрушены. Шоссе забиты беженцами. Марсиане контролируют уже весь штат Нью-Джерси! У нас на связи госсекретарь Вашингтона. Он обращается к вам от имени президента США Франклина Рузвельта!»

«Сограждане! Уповая на Господа, каждый из нас должен выполнить свой долг! – зазвучал всем знакомый взволнованный голос государственного секретаря. – Встретим беспощадного врага единой нацией! От наших действий зависит жизнь на Земле!»

Краткая речь прервалась. Радиокomentатор объявил осевшим голосом: «У нас не хватает электричества! Возможно, это последняя радиопередача... Получив сообщение, что наша армия погибла, нет ни артиллерии, ни авиации, мы перебрались на крышу небоскреба. И сверху видим – марсиане уже добрались до Нью-Йорка. Улицы завалены человеческими телами. Наша цивилизация погибла! Всем, кто еще слышит нас, говорим: мы останемся с вами до конца! Внизу под нами... в соборе... еще молятся люди...» И снова послышались какие-то вопли. Микрофон упал. Эфир наполнился странными гудками...

Миллионы американцев по всей стране схватили самое дорогое, что у них было, – кто семью, кто накопления – и ринулись вон из домов, пытаясь хоть где-то укрыться, спрятаться, спастись. Они даже не услышали, как, помолчав, радио ожило, и всем знакомый диктор Дэн Сеймур буднично и спокойно объявил: «Дорогие радиослушатели, вы прослушали радиоспектакль по роману «Война миров» знамени того фантаста Герберта Уэллса. Режиссер-постановщик – Орсон Уэллс. В спектакле были заняты актеры театра «Меркюри» и оркестр под управлением Рамона Ракелло».

Но слушатели уже выключили радио, так и не поняв, что и модный концерт, и прогноз погоды были всего лишь хитроумным началом радиопьесы: режиссер просто хотел

подчеркнуть «документальность» происходящего. Но люди приняли все за чистую монету. Их не насторожили даже явные несуразицы. Ну как мог профессор Принстонской обсерватории вместе с нью-йоркским репортером оказаться на месте событий всего за несколько минут?! Как официальные лица, включая президента, смогли бы отреагировать так быстро?! Как вообще события могли развиваться с подобной скоростью?!

Увы, американцы свято верили средствам массовой информации. В других странах народ попытался хотя бы проверить сообщение – но не в США. Американцы, не выясняя, начали действовать. Тысячи звонков парализовали линии связи с полицией и администрацией. Люди требовали выдать им оружие, чтобы вступить в схватку с проклятыми марсианами. Военное ведомство тоже не бездействовало: военкоматы начали выдавать людям противогазы, морской флот объявил мобилизацию, все увольнения на берег были аннулированы.

В «пострадавшем» штате Нью-Джерси сотни тысяч людей побросали дома. Дороги оказались забиты беженцами. Обезумевшая толпа давила друг друга, теряя рассудок. Чтобы спастись от газовой атаки (хоть о ней не прозвучало ни слова), люди обматывали головы мокрыми полотенцами. Через полчаса паника перебросилась на другие штаты. На дорогах Америки стояли крики беженцев, вопли о помощи и вой полицейских сирен, которые, впрочем, и сами не понимали, что предпринять. Объятые паникой и подстегнутые собственным воображением, американцы увидели марсиан во всех штатах. Кошмар разрастался – у страха глаза велики! В полицейское управление Бронкса позвонил мужчина, в ужасе сообщивший: «Я вижу дым от бомб, падающих на Нью-Йорк! От взрывов исходят ужасные запахи! Мы все сгорим или задохнемся!» В Айове люди слышали звуки стрельбы и канонады, ощущали «ужасающий жар», который исходил от теплового луча марсианского оружия. В полицию Сан-Франциско ворвалась женщина с перекошенным от ужаса лицом, в порванном платье, без туфель. «Это не поддается описанию! Я не могу это пережить!» – закричала она и выпила яд. В синагогах Бруклина был провозглашен час наступления Армагеддона. В Гарлеме жители собрались в церквях и пали на колени. По всей стране в соборы врывались люди, крича: «Покайтесь! Настает конец света!» Словом, происшествие переросло в национальную катастрофу.

Паника выливалась и в истинные курьезы. Один из жителей Нью-Йорка, увидев в окне автомобильную пробку, решил, что это – массовая эвакуация, и убежал из дома в одной пижаме. Его искали неделю. Другой, напротив, узрел из окна пустую улицу и решил, что марсиане уже уничтожили всех. Бедняга заперся в доме и не выходил три дня, несмотря на все просьбы родных. Волной ужаса оказались захвачены не только простые люди, которые могли и не читать романа Герберта Уэллса, но и люди вполне образованные, которым роман был известен. Но и они не поняли подвоха. Легендарный актер Голливуда Джон Бэрримор решил, раз самому ему не спастись, спасти хотя бы своих обожаемых датских догов. Он открыл ворота и вытолкнул из усадьбы пять псов, чья стоимость исчислялась трехзначными цифрами. А президент нью-йоркской фондовой биржи выпустил в окно дорогущих попугайчиков. Ясно, что ни собак, ни попугаев владельцы потом не сыскали. Словом, чтобы утихомирить и успокоить людей, потребовались особые меры. Ровно шесть недель специально проинструктированные полицейские и члены общества Красного Креста бродили по стране, уговаривая напуганных беженцев вернуться домой.

Впрочем, не все поддались панике. Трезвые головы оценили ситуацию по-своему. Уже к 10 часам вечера 30 октября 1938 года у здания Си-би-эс собралась разгневанная толпа. «Эта дурацкая передача поставила всю страну на грань катастрофы! – выразил общее мнение один из собравшихся. – Мы взорвем вашу станцию, а режиссера линчуем!» Пришлось вызвать конную полицию для охраны радиостанции. Однако уже на другой день общественность потребовала у Орсона Уэллса ответа.

Режиссеру пришлось оправдываться. Во-первых, он и предположить не мог, что американцы не читали «Войну миров» его знаменитого тезки и дальнего родственника. Во-вторых, напомнил он, передача была приурочена к празднованию Хеллоуина, когда все

готовы обмануть друг друга. Но главное, разве ему могло прийти в голову, что американцы поверят столь нелепым утверждениям средств массовой информации?!

Словом, предъявить претензий режиссеру не удалось. Но виноватые все же нашлись. Власти закрыли театр «Меркюри», ведь это его актеры посмели говорить голосами известных личностей и даже государственного секретаря. Ну а Орсон Уэллс с тех пор всегда повторял: «Именно наша передача родила все слухи и разговоры о летающих тарелках. Не поставь я «Войну миров», никто бы и не задумывался об инопланетянах».

Заклятие Ивана Грозного

Часто актерские роли имеют реальных прототипов. И прототипы эти по-разному относятся к тому, что кто-то иной, актер или режиссер, стремясь показать их подлинное лицо, проникает в их душу, рассказывает их подлинную историю. Не каждый же стерпит, что ему лезут в душу...

Увы, таков царь Иван Грозный. Страшный властитель не терпит вторжения в свою, пусть уже и прошедшую, жизнь. Он явно не намерен раскрывать свои тайны, обнажать страсти и приоткрывать свою сложную психологию. Зверствовавший в реальной жизни, он, даже став сценическим или кинообразом, несет в себе разрушительную силу и отрицательную энергетику. Актеры с опаской берутся изображать Грозного в спектаклях и фильмах. Режиссеры хоть и замахиваются на масштабные исторические постановки, но знают, что за них придется заплатить особую цену. Роли, фильмы и спектакли, связанные с роковым образом Ивана Грозного, являют собой особую загадку российской культуры.

В.М. Васнецов. Царь Иван Грозный. 1897

Историкам театра до сих пор памятна смерть великого русского трагического актера Николая Павловича Хмелева. 1 ноября 1945 года на генеральной репетиции пьесы А.Н. Толстого «Трудные годы» во МХАТе он, игравший роль царя Ивана Грозного, прямо в костюме и гриме рухнул на сцене как подкошенный. Тяжелый посох царя, выпав из руки актера, покатился по полу. Прибежавшие врачи уже ничем не могли помочь. Трагик Хмелев, ведущий актер МХАТа, скончался на сорок пятом году жизни.

Показательно, что в этот же день великий киноактер Николай Черкасов, поразивший всех трагическим исполнением роли Ивана Грозного в фильме Сергея Эйзенштейна, тоже едва не завершил свою земную жизнь. Черкасов попал в жуткую автомобильную аварию и только чудом остался жив. К тому времени он как раз закончил сниматься во второй серии фильма «Иван Грозный». И если первая серия пришлась по душе Сталину, лично курировавшему съемки фильма, то вторая серия была им раскритикована. Надо вспомнить, что Сталин особо относился к царю Ивану Грозному: в нем и его делах он усматривал множество параллелей со своей жизнью и делами, причем видел все, естественно, в оптимистических тонах, считая Грозного одним из прогрессивных деятелей России. Естественно, что один диктатор никак не мог не симпатизировать другому. Может, поэтому вторая часть фильма, где великий режиссер Эйзенштейн представлял царя Ивана фигурой не просто трагической, но ужасающей, уже зараженной безумием, не понравилась Сталину. Так

что он не дал согласия на съемки третьей части фильма. Все это резко отразилось на судьбе самого Эйзенштейна. У него случился инфаркт. Но может, это просто царь Иван Грозный не желал, чтобы люди увидели его тайную сущность, которую стремился раскрыть великий режиссер? А ведь фильм действительно мог бы показать миру жуткий и двойственный характер Ивана Грозного. Недаром же Эйзенштейн был признан величайшим кинорежиссером мира.

Роль такого титана, как Грозный, требовала невероятных усилий, таланта и самоотдачи. Неудивительно, что только великие актеры пробовали одолеть такую вершину. Только вот для многих она стала последней. В 1992 году заканчивались съемки киносериала «Ермак». Роль Ивана Грозного там исполнял незабвенный Евгений Евстигнеев. Съемки уже подходили к концу, у Евстигнеева оставалось всего два недоснятых эпизода. Они могли и подождать, и в марте актер отправился на запланированную заранее операцию в Лондон. Врачи считали, что в операции ничего сложного нет. Прогноз был на сто процентов благоприятен. Но случилось нечто совершенно трагическое. Как и полагается у англичан, врачи показали Евстигнееву, как делаются подобные операции у других пациентов. Но они не учли легковозбудимой актерской натуры. Кадры, увиденные на врачебном мониторе, привели впечатлительного актера в шок. У него случился сердечный приступ. И 5 марта 1992 года Евгения Александровича не стало.

А через два года, 28 апреля 1994 года, ушел из жизни тончайший психологический актер Олег Иванович Борисов. Его последней ролью стал тот же Иван Грозный в фильме «Гроза над Русью». И снова – трагический расклад...

Казалось бы, уже стоит прислушаться и присмотреться к роковым исходам. Может, бог с ним – трагическим и ужасным – образом царя?.. Но бурная смена эпохи по-прежнему требовала неоднозначных героев, титанов и злодеев одновременно. В 1995 году Малый театр решил поставить «Смерть Иоанна Грозного» А.К. Толстого. Помня о разрушительном воздействии этой царской роли, замечательный актер Александр Михайлов попросил убрать с афиши слово «смерть». Все-таки безопаснее. Но Малый – театр традиций. И раз Толстой назвал в XIX веке свою пьесу «Смерть Иоанна Грозного», значит, так она и будет называться.

Премьера прошла вполне гладко, спектакль имел заслуженный успех. Михайлов, преодолевая опасения, сыграл уже шесть спектаклей, как вдруг прямо перед седьмым у него пошла кровь горлом. Его увезли в Институт Склифосовского. Но когда актер вернулся в театр, то настоял, чтобы спектакль назывался «Царь Иоанн Грозный». В таком названии спектакль идет и до сих пор – с аншлагами.

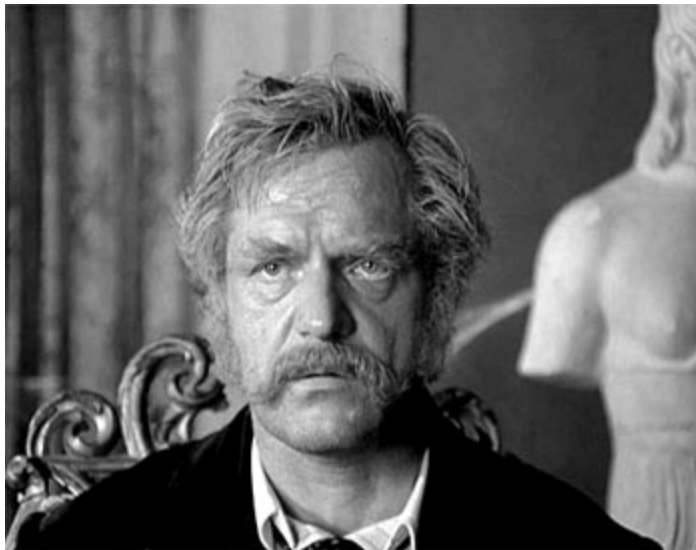
Но отчего же образ Ивана Грозного оказался столь опасным в воплощении? Может, от характера самого царя, которого народ назвал антихристом? Действительно, известно, что Иван Грозный никому не верил, не доверял и не надеялся ни на кого. Слишком уж много в его жизни было трагедий, потерь, обмана и предательств. Иван подозревал, что все, кто окружает его, хотят его смерти. Ну а о смерти своих несчастных жен он знал точно: их травили бояре. Грозный знал, а последующие исследования ученых XX века подтвердили: и мать Ивана – Елена Глинская, и его бабка – Софья Палеолог действительно были отравлены. В их телах современные ученые обнаружили невероятное количество ртути и мышьяка. Царь знал, что и его травят. Отсюда все его метания, злобный, непредсказуемый характер, зверства, казни и пытки окружающих. Иван был прав: его тоже травили. Химический анализ середины XX века обнаружил в его теле повышенное содержание ртути. В организме его сына Федора Иоанновича, правившего после смерти отца, исследователи выявили повышенное содержание мышьяка. Это говорит о том, что и он был отравлен. Словом, царю Ивану Грозному некому было доверять: все только и ждали его смерти. Может, поэтому его природно злостный, варварский характер становился все хуже и хуже? Может, потому царь унес с собой множество загадок, никому не открыв их? Тут и его знаменитая библиотека либерей, основу которой положило «книжное приданое» его бабки, Софьи Палеолог, привезенное из Византии. Либерей состояла из шедевров: старинных рукописей и списков,

включая древнеримские оригиналы. Не открыл царь и тайну своих сокровищ, замурованных, как и либерей, то ли в стенах Кремля, то ли в старинных московских подземельях. Ну разве такой человек захотел бы, чтоб его «показывали», «являли миру», раскрывая потаенные уголки его характера, его нрав и душевные терзания?! А ведь чем больше и талантливей актер, тем ярче и психологически вернее он раскроет суть Ивана Грозного.

Что ж, каждый защищается, как может. Иван Грозный противится – не желает раскрывать перед всем миром свою сущность. Тем более что она опасна и кровава...

Роковая роль

Но не только роль Ивана Грозного может считаться роковой. Ее ужасная слава перешла и к другим ролям, которые можно объединить в группу inferнальных. Да ведь и сам Грозный – фигура inferнальная, таинственная. Но ныне театральная практика знает, что к таким ролям принадлежат и различные трактовки дьявольских образов. Вспомним хотя бы фантастически талантливого актера Московского театра им. Моссовета Леонида Маркова. В 1990 году ему предложили сыграть самого Сатану в фильме «Отель «Эдем». Надо сказать, что вначале эту роль предложили А. Панкратову-Черному, поскольку посланца зла режиссер видел эдаким обаятельным балагуром, своим в доску парнем. Но мудрый Панкратов отказался. А вот Марков взялся. Он вообще был человек отважный – что в жизни, что в профессии. Обладал талантом невероятной силы и взрывного темперамента. Вспомним хотя бы трагического Арбенина («Маскарад» Лермонтова), фантастического Порфирия Петровича («Петербургские сновидения» по «Преступлению и наказанию» Достоевского) и, конечно, шедевр – Федора Протасова в «Живом трупе» Л. Толстого. Актер снялся и в 50 фильмах («Русское поле», «Мой ласковый и нежный зверь», «Змеелов» и многие другие). Марков стал практически последним трагиком русской сцены – из тех яростных талантов, что себя не берегут. И вот – «Отель «Эдем». Актер блестяще, с размахом сыграл таинственного Сатану. Но когда фильм уже был даже озвучен, обнаружился дефект. Не прописалась одна фраза. Но какая! «Безобразия на земле начинаются, когда появляется на ней чистая, светлая душа!» – глумливо заявляет Сатана.

Леонид Марков

1 марта 1991 года Марков приехал в тон-студию и переозвучил фразу. Получилось отлично. Но режиссеру захотелось блестящего результата. Актер повторил фразу. Что послышалось в ней? Какой-то вселенский трагизм и цинизм одновременно... То ли Сатана утверждал, упиваясь страданиями людей, то ли сам страдал от своего утверждения?.. Вот только актеру стало плохо. Его увезли на «скорой» в больницу. А наутро, 2 марта 1991 года,

последнего русского трагика Леонида Васильевича Маркова не стало.

Дьявол, как и Иван Грозный, не желал являться публике и раскрывать свое истинное обличье. А когда его заставляли – мстил. Так, культовый певец Игорь Тальков снялся в фильме «Операция «Люцифер». 6 октября 1990 года он отснялся в сцене, где его героя убивают пулей в грудь. Ровно через год – день в день – 6 октября 1991 года Талькова действительно застрелили прямо на концерте. Убийцу до сих пор ищут...

Не дается актерам и легендарный Воланд из «Мастера и Маргариты», как, впрочем, и сами прочтения культового романа: что сценические, что киношные. Поразительный и пронзительный фильм Ю. Кары вот уже два десятка лет пылится где-то на полках, так и не выйдя в прокат. Фильм Ю. Бортко хоть и был показан с помпой, но истинные ценители романа его не приняли. И с тем и с другим фильмом случилось множество мистических историй. Но с самой ролью Воланда дело еще сложнее.

Правда, исполнитель Воланда в фильме Кары – Валентин Гафт считает, что никакой разрушительной мистики его герой не несет. Но возможно, это оттого, что на съемках Воланд не сумел предстать «во всей красе» – ему даже знаменитые разноцветные глаза сделать не сумели. А вот в фильме Бортко Воланд хоть и вышел статичным, но Олегу Басилашвили все же «отомстил». Блестящий актер на съемках потерял голос. Врачи определили кровоизлияние голосовых связок.

Гораздо жестче действует Воланд в сценических версиях «Мастера и Маргариты» Булгакова. Во время постановки спектакля в Театре им. И. Франко в Минске умер на репетиции актер Аркадий Гашинский, а взявший после него на себя роль Воланда Анатолий Хостиков сломал ногу.

В спектакле московского Театра на Юго-Западе в 1993 году Воланда сыграл Виктор Авилов. На сцену выходил с двумя нателными крестами. Но это не помогло. У актера открылась язва, начались проблемы с сердцем, потом туберкулез. На какое-то время он даже был вынужден уйти из театра. Потом сумел вернуться, но, видно, зловещая роль сумела оставить свой отпечаток. 21 августа 2004 года актер скончался от рака. А на роль Воланда ввели Валерия Ивакина, но у него случился инфаркт. Роковая роль...

Недаром, еще когда Ю. Кара снимал свой многострадальный фильм, консультант Александр Локшин, понимая, что на площадке творится чертовщина, позвонил режиссеру, сказав: «Прекращай это дело! Здесь пахнет нечистой силой!» Последней каплей для Локшина стала новость, что в помещении, где хранились отснятые пленки, прорвало трубы и весь материал оказался в кипятке. Вот тогда-то консультант и позвонил Каре. Но режиссер в это время снимал в театре «Эрмитаж» знаменитую сцену в варьете. Он был весь в делах, только хмыкнул в ответ и бросил трубку. И тут случилось вовсе невообразимое: в кабинете миг лопнула труба и кипятик ринулся на режиссера. Еле не обварил...

Словом, не хотят некоторые герои, чтобы их играли. Почему не желают – тайна. Только ведь все настоящее искусство – всегда неразгаданная тайна. Ну а мистические образы – тайна вдвойне.

Тайна призраков Голливуда

Известно, что призраки приходят туда, где с ними нехорошо обошлись, а то, не дай бог, и вообще убили. Вот только в последнее время призраки бывших звезд кино и театра зачастили бродить по улицам и ресторанам самого Голливуда. Неужели им было там так плохо? Или тут скрыта какая-то тайна?..

Весной 1985 года горничная «Отеля Рузвельта» собиралась домой после смены. Неожиданно она услышала странный смешок, как будто кто-то смеялся через силу. Горничная находилась в помещении для прислуги, и никого чужого здесь не могло быть. Но смех повторился, на сей раз более непринужденный. Горничная заглянула в подсобку: может, там кто-то прячется. Каково же было ее удивление, когда она увидела в темном уголке женщину, которую узнала бы везде. Бетт Дэвис – великая звезда американского кино.

Первая кинодива, чьи фильмы горничная обожала. Бетт сидела на табуретке и весело смеялась.

Бетт Дэвис

Казалось бы, смеется дама – и отлично. Вот только... Горничная побелела: Бетт уже много десятилетий не было в живых. Но на табуретке сидела именно она. Горничная не могла ошибиться, ведь она обожала кинодиву. И еще одна странность поражала: все знали, что Бетт Дэвис была неприступной, холодной дамой, никогда не смеющейся на людях. И вот вам – она заливается смехом в каком-то темном закутке!..

Горничная выскочила в коридор и позвала начальство. Но никакой кинодивы они уже не увидели, хоть и перевернули подсобку вверх дном.

Через пару недель администрация отеля пригласила знаменитого американского исследователя паранормальных явлений Джеди Кесслера. Тот собрал горничных и служащих, обратившись ко всем с одним вопросом: «Видели ли вы что-то необычное?» Оказалось, чуть не каждому есть что рассказать – «странных постояльцев» видели на всех этажах.

«У меня на девятом этаже в 928-м номере постоянно падает мебель! – начала рыженькая толстушка. – То там дерутся, то кричат друг на друга. И обычно это случается, когда номер никем не занят. А знаете почему? Да потому, что именно в этом номере останавливался знаменитый Юл Бриннер, когда снимался в вестерне «Великолепная семерка». Помните, фильм с погонями и драками? Так вот он в этом номере до сих пор драки репетирует!»

«А я недавно видела на нижнем этаже девочку в розовом платьице, – продолжила уборщица с первого этажа. – Эдакая прелестная кроха с косичками. Бегаёт себе по холлу и смеется. А в кресле сидит мужчина и читает газету. Я ему и говорю: «Какая у вас прелестная дочка!» А он на меня так зло глазами зыркнул и отрезал: «У меня нет детей!» Я забеспокоилась – выходит, ребенок без взрослых. Оглянулась, а в холле никакой девочки и нет. Ну, думаю, привиделось... А вечером включила телевизор, а там старый фильм-сказку показывают «Волшебник из страны Оз». Так представляете, девочка в розовом – главная героиня Дороти, та самая, которая идет в серебряных башмачках по дороге, вымощенной

желтым кирпичом. И играла ее знаменитая Джуди Гарланд, которая за эту роль получила «Оскара». Выходит, это она по нашему отелю, смеясь, бегала...»

Кесслер выслушал всех внимательно, но все же не скрыл своего скепсиса: «А вас тут прямо настоящий отель для привидений! Может, это просто рекламный трюк? Я должен все проверить!» Парапсихолог отправился в бар подкрепиться. В большом еще полутемном холле, где по вечерам обычно уединялись парочки, слышалась тихая мелодия. Кесслер увидел мужчину и женщину, кружившихся в вальсе. Вот только костюмы на них были какого-то старинного покроя. Парочка влюбленно глядела друг на друга, не замечая никого вокруг. И только когда танцующие поравнялись с психологом, у того подогнулись колени – прямо перед ним промелькнули Скарлетт О’Хара и Ретт Батлер из культового фильма американцев «Унесенные ветром». Но откуда?! Ведь и прелестная Вивьен Ли, игравшая Скарлетт, и красавец Кларк Гейбл, исполнивший Батлера, давно умерли?.. Кесслер шагнул к танцующим и... прошел сквозь них.

Забеспокоилась и администрация голливудского ресторана «Комеди стор», что на Сансен-стрит. Посетители стали жаловаться, что частенько в ресторан заходят парни, одетые по моде 1930-х годов. За столики не садятся, но тусуются то между танцующими, то между курящими. Не воры ли?

Начали расследование. И в первый же вечер действительно охранники увидели троих парней с набриллиантенными проборами в пиджаках 1930-х годов – вылитые гангстеры из фильмов про Чикаго. Один из охранников приказал парням подойти ближе, но они застыли у стены. Другой охранник шагнул вперед, пытаясь схватить ослушников, но поймал лишь воздух, уткнувшись в стену. Парни как испарились...

Наутро администрация подняла документы об истории ресторана. Оказалось, в 1930-х годах он был весьма любим самим Хэмфри Богартом, культовым исполнителем гангстерских ролей. Тот имел в ресторане собственный столик, за который приходил прямо со студии «Уорнер Бразерс» после съемок очередного «бандитского» боевика. Часто актера навещали и таинственные гости, никому не представлявшиеся и ни с кем не вступавшие в разговоры. Тогда, в тридцатых, публика шепталась, что это знаменитые чикагские гангстеры. Теперь, в 80-х годах XX века, охранники опознали на старых фотографиях трех своих неуловимых посетителей. «Надо же! – изумился старший охранник. – Ребята тридцатых находят способ проникать сюда и сегодня. Выходит, наш ресторан им приглянулся...»

Комик Блейк Кларк пользовался большим успехом у публики ресторана «Комеди стор». Администрация регулярно повышала ему жалованье, знаменитые посетители, звезды Голливуда, всегда с чувством жали ему руку, как равному. Но вдруг комик принес заявление об уходе. Администрация всполошилась: в чем дело?

Оказалось, неделю назад Кларк, немного перебрав, заснул прямо за сценой. Проснулся уже ночью, когда и ресторан-то закрылся. Вокруг было тихо, но как-то уж больно мрачно – горело только несколько дежурных лампочек. И в их тусклом свете актер вдруг увидел, как над сценой медленно поднялся табурет и заскользил к противоположной кулисе. А потом вдруг раздался скрежет, как будто кто-то невидимый опускает несмазанный железный занавес – тот самый, что предназначен для противопожарной охраны. И тут с треском распахнулась закулисная дверь. Кларк застыл в паническом ужасе. Он слышал, что в ресторане появляются призраки, но никогда не верил этим байкам. И вот сам увидел, как на сцену вышел некто полупрозрачный. Боже! Кларк узнал великого английского актера Лоуренса Оливье в роли зловещего короля-горбуна из фильма «Ричард III». Стало холодно, как в бочке со льдом. У Кларка волосы зашевелились на всем теле, и он с воплем выскочил из зала. И вот теперь пусть он потеряет хлебное место, но играть на ресторанной сцене не будет! Увидеть самого великого мэтра в роли Ричарда – это ли не предупреждение того, что какой-то Кларк не достоин играть на сцене, где некогда репетировал Лоуренс Оливье?

В мае 1992 года от зрителей голливудского дворца «Палас» стали поступать жалобы: почему во время концерта на балконе так холодно и почему администрация не предпринимает никаких мер к мужчине и женщине, которые вот уже много вечеров ссорятся

на балконе, мешая другим наслаждаться концертами?

Пришлось провести расследование. Оказалось, пара на балконе ведет странный спор. «Джульетта должна протянуть ко мне руки!» – кипятился темноволосый мужчина. «Ромео должен читать стихи под балконом как молитву!» – громко шептала прелестная женщина с огромными темными глазами. Зрители шикали на парочку и отсаживались подальше – от спорящих исходил пронзительный холод.

Один из старых билетеров «Паласа» вдруг вспомнил: в 1930-х годах здесь был драматический театр, и великая американская актриса Кэтрин Корнелл в паре с известным актером Морисом Эвансом показывали здесь «Ромео и Джульетту» Шекспира. Достали фотографии старого спектакля и ахнули: точно – Корнелл и Эванс!

Однако с того дня, как были установлены их «личности», актеры на балконе более не появлялись, зато случилось странное происшествие прямо в администрации. Ночью охранник выключил свет в комнате и закрыл дверь на ключ. И тут увидел, что под дверью лежат какие-то листы – вероятно, упавшие документы. Недолго думая охранник подсунул их под дверь. Завтра начальство придет и поднимет. Но тут вдруг листы с шумом вылетели обратно. Охранник присел в ужасе. Потом, опамятовшись, снова сунул непослушные бумаги под дверь. Но те снова с шумом вылетели вон. Да к тому же из-за двери раздался хрипловатый женский голосок: «Эти бумаги не имеют к моему радио никакого отношения, дурак! Дай мне закончить передачу!» Что за чушь?! Он же сам только что запер комнату, и там не было никого!

Уж как охранник выбежал из помещения администрации, он и не помнил. Но утром потребовал освятить комнату. Священник поинтересовался: а что было в этих комнатах раньше? Оказалось, в 1950-х годах здесь располагалось Си-би-эс – радио, на котором вела свои передачи великая звезда немого кино Мэри Пикфорд. А уж она-то, все знают, за словом в карман не лезла и в сердцах могла обозвать служащих и болванами, и дураками. Кроме того, все помнят, что Пикфорд и сама обладала мистическими способностями. Так не она ли являлась на радио, чтобы «долелать дела и закончить передачу»?

В конце концов, начальство «Отеля Рузвельта», ресторана «Комеди стор» и дворца «Палас» решило выяснить, почему их так любят посещать пришельцы с того света. Пригласили известнейшего в Америке медиума мистера Коури, консультанта и соавтора сценария фильма «Призраки Алькатраса» и многих других голливудских ужастиков, фэнтези и прочих кинокартин о потустороннем мире. Медиум собрал желающих из отеля, ресторана и дворца и провел публичный сеанс. «Кто хочет раскрыть тайну появления призраков, придите к нам и расскажите! – взывал Коури, еще не впад в транс. Но вот его глаза закрылись, и он произнес детским голоском: – Я здесь... я скажу вам...» Одна из горничных отеля вскрикнула: «Это же девочка в розовом!» А мистер Коури медленно проговорил: «Маленькая девочка не хочет уходить. Она не знает куда. Лучше она останется здесь. Здесь ей было хорошо. И она всегда будет возвращаться туда, где была счастлива».

«Что ж, не стоит бояться таких счастливых призраков! – думала, возвращаясь с сеанса, та самая горничная, что первой увидела в темном закутке смеющуюся Бетт Дэвис. – Наши актеры любили жить в призрачном свете прожекторов, вот и живут теперь призрачной жизнью. Зато на кинолентке они останутся навсегда!..»

Загадки Мэрилин Монро

Мир кино подарил нам тысячи прекрасных актрис. Есть среди них и воистину великие. Но есть одна – «Венера XX века», «воплощение женственности», культовая кинозвезда Мэрилин Монро.

Почему именно она? Никто не знает – тайна, мистика...

Она не снялась ни в одном великом фильме. Мелодрамы, приключения, комедии. И даже не самого высокого пошиба. Но почему-то «Кто-то любит погорячее...» («В джазе только девушки») человечество готово смотреть сотни раз. Почему? Опять же – загадка...

Мерилин Монро

Мэрилин Монро скончалась, как и многие настоящие деятели искусства, в роковой 37-й год жизни. Более того, даты ее жизни зеркально отражены или, если хотите, закольцованы: актриса родилась в 1926-м, а ушла из жизни в 1962-м. Выходит, по законам судьбы она сделала все, для чего была предназначена.

Жизнь оказалась трудной: росла в приюте, потом в чужой семье, ее выгоняли со съемок за... профнепригодность. Потом все перевернулось. Она стала звездой, но ее все равно выгоняли – за недисциплинированность, ведь она могла неделями не являться на площадку. Киношники в ярости были уверены: заезда капризничает. И никому не приходило в голову, что она просто настолько плохо себя чувствует, что не может встать.

У нее было пять мужей, масса друзей, куча любовников, толпы поклонников по всему миру, которые готовы умереть за нее. Но она всегда чувствовала острейшее одиночество. Она даже стихи сочиняла:

Взгляните на звезды,
Как ярко они светят там, в вышине,
Но каждая из них, должно быть,
Так одинока...

Представляете, женщина, при виде которой весь мир замирал от любви, умерла, когда в панике, умоляя о помощи, звонила по телефону – но на том конце провода никто не снял трубку...

Пытаясь открыть тайну ММ (именно так кратко, словно истинную королеву, называют поклонники Мэрилин), мы узнаем, что о ней написано книг больше, чем о какой-либо другой актрисе. Количество томов измеряется десятками тысяч... Но две главные загадки Мэрилин Монро остаются неразгаданными: в чем секрет ее обаяния и в чем тайна ее раннего ухода?

Путь к разгадке первой тайны подсказал один из операторов первых фильмов Мэрилин. В своих мемуарах он рассказал, как увидел Мэрилин впервые – сначала в гримерке, где она тихо сидела в уголке, потом на самой съемочной площадке, когда она «пыталась что-то сыграть». Оператор был крайне удивлен: кто пригласил такую невыразительную простушку в кино?! Но его ждало еще более невероятное удивление. Когда проявили пленку, оператор, отсматривая ее, был потрясен: от «простушки» было не оторвать глаз! В кадре находились более опытные актеры, более красивые актрисы, но Мэрилин Монро притягивала, завораживала, не отпускала. После кинокадров с ее участием о ней хотелось все время думать, представлять себе, увидеть еще раз. Возникало своеобразное «послевкусие», как после дорогого выдержанного вина. Но вот кадры заканчивались. Взгляд оператора снова возвращался к блондинке, переминающейся рядом с ним с ноги на ногу, – и опять не находил в ней ничего особенного. Она даже плохо запоминалась, если бы не камера. Ах, недаром кинематографисты говорили, что у Монро был единственный настоящий роман: роман с камерой.

Но отчего же камера столь преображала ее? Есть несколько ответов, которые, правда, несут в себе еще больше загадок. Во-первых, недаром Норма Джин Бейкер (именно таково настоящее имя звезды) взяла себе имя старинного мага – Мерлина. Знаете, чем мог управлять этот легендарный маг? Тенями. А что такое кинокадр, как не отображение теней, отбрасываемых актерами на пленку? Во-вторых, и без Мерлина сама Норма Бейкер могла бы управлять магией, если бы поучилась. Она ведь родилась 1 июня в день Сириуса, самой древней звезды магов. К тому же ей покровительствовала Вега, самая яркая звезда, которая имеет власть над белой магией, над светом и тенью. Недаром Вегу еще зовут Светень, ибо она вбирает и свет и тьму. Ну а разве кино – это не игра света и тьмы? Может, поэтому у Мэрилин Монро, имевшей кучу любовников, среди которых президент Джон Кеннеди и его брат, по-настоящему был роман только с кинокамерой?..

Но даже звезда света Вега не смогла спасти Мэрилин. Впрочем, возможно, и не пыталась, ведь Монро выбрала свою судьбу сама. Голливуд – вот предел мечтаний и возможностей всех актеров мира. Они стремятся на его свет, словно бабочки на огонь. В огнях софитов и сгорают. Историки кино не могут не согласиться с мнением медиумов: Голливуд убивает своих самых красивых актрис. Конечно, не напрямую, но он высасывает из человека всю энергию, та переходит на пленки, давая жизнь фильму. Иногда бессмертную. Но что остается актрисам?

Джуди Гарланд покончила с собой. Фрэнсис Фармер сошла с ума. Билли Холидей тоже. Страшнее всего пришлось Рите Хейуорт – ее поместили в психбольницу, где она непрерывно рыдала, не узнавая никого. Натали Вуд утонула рядом со своей знаменитой яхтой. Даже Грейс Келли, ставшая принцессой Монако, разбилась в автокатастрофе. И надо признать, что смерти всех знаменитостей несли в себе элементы тайн, которые уже не раскрыть никогда.

Даже тайна смерти Мэрилин Монро, которой посвящены уже тысячи исследований, остается неразгаданной. 5 августа 1962 года она то ли сама свела счеты со своей безрадостной жизнью и покончила самоубийством, то ли власти приложили руку к ее смерти, поскольку, заведя роман с президентом Джоном Кеннеди, актриса стала слишком много знать. То ли просто ее смерть вызвана случайной передозировкой лекарств, которые она глотала горстями. А может, просто кинопленка забрала всю ее энергию, выкачала подчистую? Ведь фильмы с участием ММ не были шедеврами – так за чей-то счет они, шумно встреченные на премьерных показах, живут «в ярком свете» до сих пор?! Не за счет ли жизни самой ММ?..

Не подобной ли энергией пользуются и простенькие комедии с Джуди Гарланд или мелодрамы с Ритой Хейуорт?.. Фильмы ведь явно не шедевры, но их с восторгом смотрят

зрители до сих пор. А ведь кто-то должен был отдать этим посредственным фильмам свою энергетику. Конечно, это пришлось сделать исполнительницам главных ролей.

22 января 2009 года скончался 28-летний актер Хит Леджер, сыгравший в скандальной кинодраме «Горбатая гора». Обстоятельства смерти повторили смерть Мэрилин Монро. Тело обнаружили в спальне. Вокруг в беспорядке валялись газеты, журналы, одежда. Актер лежал на кровати. Он наглотался снотворного. У полиции две версии: самоубийство или случайная передозировка лекарств.

Однако мистики тут же заговорили, что смерть Леджера – еще одна в странно-мистической череде смертей, связанных с фильмами про Бэтмена. Ведь Леджер только что закончил съемки в фильме «Бэтмен: Темный Рыцарь», где сыграл демонического злодея Джокера. Что ж, у «Бэтмена» ужасная слава. Но вот только среди газет и журналов лежала книга в глянцевой обложке: последние фотографии Мэрилин Монро...

Впрочем, американцы уверены, что ММ до сих пор имеет возможность влиять на их жизнь. Все, что с ней связано, легендарно, культово и тут же попадает на первые страницы таблоидов. Впрочем, и Мэрилин никак не угомонится. Весной 1985 года в известном голливудском «Отеле Рузвельта» был особый наплыв постояльцев. Прибыло множество знаменитостей американской «фабрики грез». Желая разместить побольше гостей, дирекция распорядилась принести из хранилища мебель, гардины, картины и панно, которыми уже давно не пользовались. Молоденькую горничную, работавшую всего третий день, отправили чистить старые зеркала. Но едва она вытерла больше овальное зеркало, как в нем проступило отражение прелестной голубоглазой блондинки. Горничная обернулась, но никого не увидела. Опять взялась за тряпку, да чуть не выронила – хихикающая в зеркале блондинка скорчила ей рожицу. Горничная взвизгнула: «Что это?!» Подошедший администратор повернул зеркало и прочел наклейку: «Собственность миссис Мэрилин Монро». И призрак голубоглазой блондинки вновь заулыбался со старинного стекла.

Пытаясь успокоить юную горничную, администратор объяснил: «Мэрилин Монро снимала в нашем отеле постоянный номер. Сама покупала для него картины и мебель. Купила и вот это зеркало. Очень любила перед ним вертеться, смеяться и корчить рожицы. Но когда в 1962 году Мэрилин умерла, всю обстановку номера вынесли в подвал».

Горничная в страхе воззрилась на администратора: «Но разве можно поставить такое зеркало в номер для постояльцев? Они же разбегутся из отеля!» Мудрый администратор загадочно улыбнулся: «Наоборот! Чтобы увидеть призрак великой Мэрилин, постояльцы выстраются в очередь!»

Мораль из этого заключения проста: если бы даже Мэрилин Монро и не умерла, ей стоило бы сделать это. Ведь ее талант иссякал. А посмертная слава сделала то, что не делает никакая реклама при жизни. Вот и вам и вся тайна.

Тайны между строк

Лицо, потемневшее от адского пламени, или Человек в белоснежных одеждах

Имя гениального поэта Данте Алигьери (1265–1321) окутано дымкой мистики и таинства. Итальянцы почитали его и боялись. Без нужды старались не встречаться, а за спиной потихоньку строили козу из пальцев – это издревле считается в Италии самым сильным оберегом от нечистых сил. А то, что Данте знался с этой самой силой, не подлежало сомнению. Как бы еще он создал свою бессмертную «Божественную комедию», если бы, поддерживаемый духами, сам не заглянул и в рай и в ад?

Надо сказать, что и сам поэт поддерживал свою мистическую репутацию. Вот как описывает встречу с Данте другой великий итальянский литератор Джованни Боккаччо: «Когда творения Данте уже повсюду славились, особенно та часть его комедии, которую он

озаглавил «Ад», и поэта по облику знали многие мужчины и женщины, он шел однажды по улице... и одна из женщин сказала, понизив голос: «Посмотрите, вон идет человек, который опускается в ад и возвращается оттуда, когда ему вздумается, принося вести о тех, кто там томится!» На что другая бесхитростно ответила: «Ты говоришь истинную правду, взгляни, как у него курчавится борода и потемнело лицо от адского пламени и дыма!»

Данте Алигьери

Странно, конечно, что Боккаччо записал этот случай. Ведь вся страна знала, сколь тяжела была жизнь Данте. Его творения хоть и были признаны великими, но не были приняты властью и церковью. Еще до создания «Божественной комедии» он был приговорен за участие в антигосударственной деятельности (Данте, на тот момент состоящий в Совете ста – органе управления городом, поддерживал партию изгнанников) сначала к изгнанию из родной Флоренции, потом заочно к сожжению заживо. В 1311 году, уже через четыре года после написания «Ада», ему было «навечно отказано в амнистии», а в 1315-м, за год до начала работы над «Раем», ему вновь повторили приговор «О предании смертной казни с сыновьями». Словом, жизнь его была полна угроз и скитаний по Италии.

13 (по иным сведениям, 14-го) сентября 1321 года Данте окончил свой скорбный путь. Ему было к тому времени 56 лет. Смерть застала его неожиданно. Он даже не успел отослать издателю окончание «Божественной комедии» – 35 песен из «Рая». Семья его осталась без средств. Неудивительно, что сыновья искали рукопись по всему дому. Только ведь надо помнить, что Данте жил в изгнании и в вечном страхе ареста. Поэтому естественно, что он спрятал рукопись в надежный тайник.

То, что случилось дальше, передается из уст в уста уже седьмой век как одна из самых таинственных историй в мире искусств. Вот как описал происшедшее старший сын Данте – Якопо:

«Ровно через восемь месяцев после смерти отца на исходе ночи он сам явился ко мне в белоснежных одеждах, а лик его сиял нездешним светом. Я испугался и спросил у отца, жив ли он. И в ответ услышал: «Да, живой. Но теперь мне дана истинная жизнь, отличная от вашей». Тогда я спросил, успел ли он закончить свое творение до того, как воскрес в истинной жизни? И если успел, то где спрятаны песни, которые мы тщетно ищем уже столько времени? И он ответил мне: «Да, я закончил свой труд». Он взял меня за руку, провел в горницу и указал на стену: «Вот здесь! Здесь вы найдете то, что ищете!»

После этого то ли Якопо проснулся, то ли его отец исчез, но сын ринулся к стене, откинул циновку, которая там висела, и обнаружил тайную нишу. В ней и лежали рукописи недостающих стихов.

Выходит, никто, даже великий Данте, не может уйти в Горний мир, не закончив своего основного дела на этой земле. Вот призрак поэта и явился рассказать о пропавших стихах. Иначе что это за «Божественная комедия», если там не хватает строк?..

Тайны сказок Шарля Перро

Его сказки мы знаем с детства: «Спящая красавица», «Золушка», «Красная Шапочка», «Кот в сапогах». Сюжеты – наизусть, финалы – на память. Казалось бы, что еще можно узнать, что открыть? Оказывается, массу всего.

Начать хотя бы с того, что сказки, которые писал Шарль Перро в конце XVII века, предназначались вовсе не детям, а взрослым. Эти «безделицы» предполагалось читать в аристократических салонах в присутствии королевских особ, а вовсе не в детской мальшам на ночь. Ибо это были взрослые сказки. Да и создатель их был уже умудренным опытом хитрейшим дипломатом на седьмом десятке жизни. Этаким хитрым лис, к тому же мудрец-философ.

Шарль Перро

Поэт, критик, дипломат, член Французской академии Шарль Перро родился в 1628 году в весьма знаменитой семье. Отец его добился самых высоких чинов на королевской службе. Один из братьев Шарля стал священнослужителем – известнейшим теологом. Другой брат, Клод, получил медицинское образование, но увлекся архитектурой. В историю зодчества он вошел как автор классического восточного фасада Лувра (1665). Сам Шарль получил юридическое образование. Но, став влиятельным сановником, умело сочетал придворные обязанности с литературными трудами. Может, это трудно представить, но Шарль Перро был веселым тучным человеком, умелым и осторожным придворным, всю жизнь мечтавшим о продвижении своей карьеры.

Вот и свои сказки он предназначал для продвижения оной. Дело в том, что у Перро случился конфликт с самим Людовиком XIV, и хитрый дипломат придумал, как загладить вину. Он сочинил сказки и посвятил их любимой племяннице короля – Елизавете-Шарлотте Оранской. Он понимал: если девочке понравится написанное, она расскажет об этом дяде-королю, попросив, как полагается, награды для автора. А уж дядя ни в чем не откажет любимице.

Впрочем, дабы обезопасить себя (вдруг сказки не понравятся), ловкий Перро напечатал первое издание под именем своего десятилетнего сына – Перро д'Арманкура. Тут имелась и еще одна страховка: Елизавета-Шарлотта была по-детски влюблена в мальчика – уж его-то сказки должны были вызвать в ее сердце гарантированный отклик.

Так в 1697 году появился сборник, куда вошли бестселлеры на все времена: «Спящая красавица», «Красная Шапочка», «Синяя Борода», «Господин Кот, или Кот в сапогах», «Волшебницы», «Золушка», «Рике с хохолком», «Мальчик с пальчик». Сегодня все называют этот сборник «Сказки матушки Гусыни». Но в первом издании на титуле было другое название: «Волшебные сказки, или Истории либо сказки былых времен с поучениями». Пояснение же – «Сказки матушки Гусыни» автор поместил лишь на фронтисписе. Что же это за матушка Гусыня? Точного ответа не знает никто. Существуют разные версии о происхождении такого имени-прозвища. Французы считают, что оно произошло от одной из героинь старофранцузских фавлю. Немцы братья Гримм вспоминают легенду о Берте с гусиными лапами. Старее всего память у англичан – они знают, что с незапамятных времен существовали в народе стихи, песенки, считалки, которые почему-то называли песенками матушки Гусыни. Во Франции книжка этих переводных песенок под названием «Матушка Гусыня» появилась в 1650 году. С тех пор шутовское прозвище стало нарицательным для детской безделицы.

Однако Перро писал явно не безделицу. Он помирился с королем и к тому же снискал шумный успех, так что можно было выпускать сказки под своим именем, тем более что он часто читал их в салонах. Поначалу, конечно, возникли трения – хвала и осуждение с разных сторон. Но посвящение сказок юной принцессе сыграло свою роль. Попробуйте возразить любимой племяннице Людовика XIV! Впрочем, во все века лучшие сказки будут приносить с собой дыхание бури. Перро бурю выдержал. Как он писал, «люди с хорошим вкусом... с удовольствием отметили, что эти безделки – вовсе не безделки, а заключают в себе полезную мораль и что игривый склад повествования был выбран только затем, чтобы они действовали на ум читателя с большей приятностью, вместе и поучая, и развлекая».

С тех пор прошло 313 лет. Но человечество все читает и читает «безделки» Шарля Перро. Наизусть выучило. Надеюсь, и вы читали их. Но вот что бы вы сказали, узнав, к примеру, что «Спящая красавица» вовсе не заканчивается на том, что принц нашел принцессу, поцеловал ее и она проснулась? Да, да, в оригинале Перро это – только половина сказки. То, что мы читали, – детская адаптация, услужливо нам подаваемая. Уж неизвестно, чем провинилась вторая половина сказки, но ее обычно (в советское время – обязательно) начисто отрезали. Наверное, некие критики-распорядители не хотели, чтобы детишки, обязанные верить в Прекрасное Далекое, столкнулись со сказочными буднями. А в этих буднях жестокая свекровь обвиняла ни в чем не повинную принцессу, приехавшую жить к

принцу-мужу и родившую мальчика и девочку, в том, что она сама, принцесса, их же и убила. Эта вторая часть сказки преподносит читателям страшную свекровь как настоящую людоедку, которая пытается скушать то на завтрак, то на ужин своих внуков с принцессой-невесткой в придачу. Может, именно эта людоедская жестокость возмущала цензоров? Но тогда почему громадными тиражами печатались сказки, где Баба-яга пыталась съесть то бедного Иванушку, то Аленушку, а то Жихарочку? Пути цензуры неисповедимы! Тем более что аристократ Перро ни о какой жестокости вовсе не помышлял – изящная и парадоксальная мораль его сказки была в другом:

Немножко обождать, чтоб подвернулся муж,
Красавец и богач к тому ж,
Вполне возможно и понятно.
Но сотню долгих лет, в постели лежа, ждать
Для дам настолько неприятно,
Что ни одна не может спать.

Между прочим, каждая сказка Перро кончалась такой парадоксальной моралью, изысканно выраженной в стихах. И именно мораль подчеркивала, что, несмотря на то что «Сказки» написаны якобы для юной принцессы, предназначаются они, безусловно, взрослым. Вот почему, когда сказки Перро публикуются без их итоговой морали, они теряют свою природную веселость и, главное, – свой потаенный, часто парадоксально-фривольный смысл. Все, например, знают сказку о Красной Шапочке. Но – только в детской транскрипции.

В своем же первоначальном, «взрослом» виде она имеет открыто озорной и чисто сексапильный, гривуазный смысл:

Детишкам маленьким не без причин
(А уж особенно девицам,
Красавицам и баловницам),
В пути встречая всяческих мужчин,
Нельзя речей коварных слушать,—
Иначе волк их может скушать.

Ну чем не умница этот господин Перро! Сам – настоящий баловник. И какое чувство юмора! Жаль, что миллионы взрослых, читавших только детские пересказы, и во взрослой жизни никогда не прочтут настоящей «Красной Шапочки». Ведь несокращенные «Сказки» Перро почти не издаются. И знаете, что самое непредсказуемое? Вспомните кварталы красных фонарей. Это вам ни о чем не напоминает? Почему – красные? Потому же, почему и у Перро – Красная Шапочка. Вот вам и детские сказочки...

Цвет злодейства

В золотых канделябрах тихо потрескивали свечи. Чуть монотонно звучал голос тещи. Глаза прекрасных дам расширились от ужаса. Любимец Людовика XIV, Шарль Перро, читал свою сказку «Синяя Борода» на литературном вечере у самой маркизы де Ментенон, тайной жены «короля-солнце».

«Ах, месье Перро! – Хозяйка погрозила ему веером. – Какие ужасы вы выдумываете! Ваш злодей убивает невинных жен, да еще и подвешивает их крючьями к стене. Совершенно неправдоподобно!»

Перро вздохнул. Не говорить же почти венценосной особе, что он своими глазами видел развалины замка Тиффож, который окрестные жители называли замком Синей Бороды. Перро путешествовал тогда по западным провинциям Франции, охотно выслушивая

народные сказки и предания. Вот и для «Синей Бороды» он позаимствовал колоритное прозвище местного злодея. Правда, крестьяне рассказывали о нем неохотно. Пугливо осеняя себя крестом, шептали, что подвалы замка забиты трупами замученных заживо, что по ночам до деревни долетают стоны, от которых леденеет кровь. А ведь пора бы убиенным и угомониться – ведь прошло уже больше двух веков...

По возвращении в Париж Перро попытался выяснить, кто же был таинственным хозяином замка Тиффож. Ответ поверг его в растерянность. В первой половине XV века замок принадлежал Жилью де Лавалю, барону де Ре. А был тот Жиль самым молодым по тем временам маршалом Франции и, ни много ни мало, бесстрашным сторонником Жанны д'Арк. Откуда же глупые рассказы о загубленных душах? Перро все это показалось весьма загадочным. Но умудренный опытом дипломат и писатель не стал докапываться до истины. В конце концов, он писал сказки, а не исторические хроники.

Имя загадочного барона всплыло только в XIX веке, когда церковь решила канонизировать Жанну д'Арк. Ее назвали спасительницей отечества и Девой Франции. Вспомнили и имя ее верного сподвижника, молодого Жилья де Ре.

Оказалось, что именно он, командовавший в то время королевской стражей, первым поверил в божественное предназначение Жанны и устроил ей аудиенцию у будущего короля Карла VII. Жиль де Ре не только стал главнокомандующим войском Жанны, но и субсидировал его, ибо был очень богат.

Потомок знатнейших французских фамилий – Монморанси и Краон, Жиль де Ре владел таким количеством замков, угодий и пашен, что мог постоянно ссужать короля деньгами, оплачивать дворцовые балы, турниры и охоты. Однако сам Жиль выпадал из чванливо-беспутного окружения короля. Он был блестяще образован, знал греческий и латынь, писал духовно-философские трактаты, обожал церковную музыку и даже организовал у себя певческую капеллу. А собранная им уникальная библиотека, возможно, была лучшей для своего времени. К тому же Жиль де Ре был мужественным и храбрым воином, прославился в битвах с англичанами. Став во главе войска Жанны, он одерживал одну победу за другой. Когда в Реймсе Карл наконец короновался на французский престол, барон де Ре получил звание маршала – самого молодого в истории Франции – ему шел только 25-й год. Словом, беспорочный путь блестящего воина. Но почему же тогда имя его пробыло под негласным запретом столько лет?

Все началось после казни Жанны д'Арк. Жиль де Ре удалился в свои владения. Поговаривали, что он был в нее влюблен. И потому оставаться при дворе Карла VII, предавшего Орлеанскую деву, был уже не в силах. Но, вернувшись домой, Жиль обнаружил, что его казна пуста, земли и замки заложены. Он кинулся к Карлу, но законный король Франции не собирался отдавать прошлые долги. Что могло бы спасти обедневшего барона? Только чудо.

А чудеса в те века были тесно связаны с магией. Из Италии барон выписал известного чернокнижника Франческо Прелати. Тот считался могущественным магом и уверял всех, что у него в услужении есть собственный демон по кличке Барронн. Правда, кроме Прелати, демона никто не видел, но итальянец пообещал, что Барронн будет тоннами превращать свинец в золото. Нужно только место для работы и, конечно, для достойного отдыха. И вот замок Тиффож превратился в огромную алхимическую лабораторию. Работа кипела день и ночь. Горел огонь в магических жаровнях. Кипели котлы с мерзейшими варевами. Колдун под аккомпанемент заговоров сливал и переливал водопады растворов. Но вся эта непрерывная деятельность не принесла ни куска золота. В конце концов, Жиль вспомнил свое армейское мужество и решил спросить мага напрямик: «Где, собственно, золото?»

Колдун, не дрогнув, уже наутро объявил Жилью, что Барронн притащил груды золота, и в доказательство распахнул дверь своей комнаты. Но тут же резко отпрянул, захлопнув дверь. «Огромный, страшный змий охраняет золото! – возопил он. – Не иначе как сам дьявол мешает взять слитки!» Жиль действовал быстро и решительно, как на войне. Схватив распятие, он рванул в комнату, отвоевывать золотишко. Но комната оказалась пуста.

Позже колдун объяснил маршалу, что он сам виноват. Ведь не только змий был порождением сатанинских сил, но и само золото. Вот и исчезли они оба под действием святого Креста.

Жиль оказался в ловушке. Надеясь на скорое обогащение, он заложил замки и земли самым влиятельным людям края – бретонскому герцогу Жану V и епископу Нантскому Малеструа. А ведь, чтобы вернуть заложенное, требовались немалые деньги. Алхимические опыты продолжились с еще большим размахом. И вот по округе поползли слухи, что барон де Ре перешел от белой магии к черной. Именно поэтому в недрах зловещего замка начали исчезать бродяги, а крестьяне, входившие в замок, перестали возвращаться. Потом заговорили о том, что по приказу дьявольского барона некая старуха Перрина Мартен заманивает к себе крестьянских детей, которые потом пропадают в ненасытном чреве замка Тиффожа. По ночам окна замка светились дьявольским огнем. И окрестные крестьяне уже готовы были присягнуть, что из Тиффожа слышались жуткие детские стоны и предсмертные вопли.

Именно так эта картина была представлена на суде инквизиции в октябре 1440 года. Нашлись свидетели-крестьяне, чьи дети пропали без вести. Молва приписала Жилю 800 загубленных младенцев. Правда, в обвинительном акте стояла цифра 140. Самыми рьяными обвинителями выступили колдун Прелати и старуха Мартен. Они столь красочно живописали все мерзости и злодеяния, кои им приходилось творить по прихоти сатаниста Жилия, что почтенный суд... отпустил их восвояси. Жилия же приговорили к сожжению «за оскорбление служителя церкви, вызывание демонов, убийство детей для сатанинского жертвоприношения». Так что барон де Ре сгорел на костре, как некогда и Жанна д'Арк, также обвиненная в колдовстве.

А его замки и земли отошли кредиторам – герцогу Жану Бретонскому и епископу Малеструа. По удивительной случайности они же и выступали судьями на громком процессе. Именно это обстоятельство и привлекло внимание историков спустя полтысячи лет. Ведь судили те, кому было выгодно засудить.

Любопытный XX век, ничего не принимающий на веру, решил вновь рассмотреть вопрос о виновности Жилия де Ре. Дотошные исследователи во главе с французским писателем-историком Жильбером Пруто вновь тщательно изучили все существующие документы. Вскрыли подвалы старинного замка, но никаких человеческих скелетов там не нашли. Взяли землю в округе – тоже ничего. Зато обнаружили бумаги, по которым видно, что крестьяне, дававшие показания против хозяина, были щедро подкуплены. Не говоря уже об итальянском колдуне и старухе Мартен, которые просто ввали по указке суда. Собрав все сведения, французские историки устроили настоящий исторический процесс. Группа от лица средневековой церкви и феодалов обвиняла группу выступающих от лица Жилия де Ре. Вердикт был таков: да, маршал занимался магией, но человеческих жертвоприношений не было.

А как же загубленные жены? Увы, у Жилия де Ре была всего одна жена. Еще в 16 лет он женился на своей дальней родственнице Екатерине де Труар, которая принесла ему баснословное приданое – две тысячи ливров. Но, поняв, что совместная жизнь не заладится, Екатерина вернулась к родителям, забрав, между прочим, приданое. Так что убийство любопытных жен – чистая выдумка сказочника Шарля Перро.

Но откуда взялось само прозвище – Синяя Борода? Ведь по историческим документам известно, что Жиль де Ре был рыжеволосым. Но оказывается, в те времена существовало поверье, что дьявол метит своих слуг иссиня-черными волосами. А потому только такого цвета борода могла быть у злодейского барона.

И только одна загадка осталась до сих пор. Как и все в те годы, Жиль знал, что занятия магией запрещены. Неужели он не понимал, что его жизнь дороже любых денег? Или было нечто дороже жизни?

Было! В одном из протоколов проскользнуло краткое упоминание: богомерзкий барон своей проклятой магией мечтал воскресить подружку-ведьму, уже сожженную на костре. Так

не о Жанне ли д'Арк шла речь? Неужели Жиль де Ре не пожалел ни денег, ни доброго имени, ни даже собственной жизни, чтобы воскресить Жанну?! Но тогда это и вправду была любовь.

Загадки Белоснежки

Народную сказку о Белоснежке, пересказанную в начале XIX века великими сказочниками братьями Гримм, знают все. Но почти никто не знает о главной тайне этой сказки: Белоснежка действительно существовала. Ее звали Маргарет фон Вальдек, и она жила в Германии в середине XVI века.

Весной 1550 года крохотный немецкий городок Бад-Вилдунген гудел как разбуженный улей. Еще бы! В кои-то веки город собрались посетить августейшие гости – сам император Священной Римской империи Карл V, он же – король Испании, и его сын Филипп – наследник трона. Главную улицу Бад-Вилдунгена выложили коврами – не ступать же монаршим ножкам по булыжникам мостовой. Уличные стоки временно заделали и опрыскали благоухающими эссенциями – не пугать же императора провинциальной вонью. Бургомистр герр Шумахер лично проинструктировал всех членов магистрата и добропорядочных горожан, приглашенных на церемонию наиважнейшей встречи. Оставалось уладить одно небольшое, хотя и щекотливое дельце, и герр Шумахер поспешил в дом графини фон Вальдек.

Графиня Шарлотта выслушала его и недоуменно пожала плечами: «Кажется, вы забыли, герр Шумахер, что от имени нашего города высоких гостей всегда приветствовал мой муж – граф фон Вальдек. Но теперь он на небесах, упокой Господь его душу! И потому я считаю, что сама вправе выполнить эту почетную обязанность. Зачем же поручать что-то моей падчерице Маргарет? Эта уродина только напугает гостей».

Бургомистр вытер испарину – конечно, графиня до сих пор считается красавицей, но ей все-таки не 20 лет! Вздохнув, он пошел на хитрость: «Вы ведь знаете, наш господин – ландграф Кассельский не очень-то ладит с императором Карлом. И потому задумал маленькую каверзу: пусть избалованному императорскому сыночку поднесет цветы не красавица, а местная дурнушка. Император не сможет обидеться, ведь ваша падчерица – самая родовитая девушка города!»

В день встречи почетных гостей Маргарет чуть не плакала. Мачеха приказала ей одеться в ужасный наряд – грязно-коричневое платье, уродливый платок на голове, скрывающий и лицо и волосы. С тех пор как умер отец, Маргарет и всегда-то ходила в обносках, но появиться в таком виде прилюдно?..

Церковь Бад-Вилдунгена сияла тысячами свечей. Звуки органа возносили к Небу благодарственную молитву. Прижав к груди огромный парадный букет, Маргарет тайком, чтобы не заметила мачеха, рассматривала принца Филиппа. Молодой – говорят, ему всего-то за двадцать. Не слишком высок, но хорошо сложен. Черты лица мягкие, но застывшее выражение делает их надменными, почти брезгливыми. Император Карл, напротив, вполне добродушен. Бургомистру заявил во всеуслышание: «Мой сын пожелал увидеть вашу знаменитую церковь. Конечно, лучше бы совершенствовал фехтование, но я не возражаю и против искусства. Тем паче сейчас, когда принц в меланхолии! У него ведь, знаете, умерла молодая жена».

Филипп хмуро взглянул на отца – опять тот ведет себя, как разговорившийся бюргер. Нельзя же терять королевское достоинство! Сам Филипп не слушал речей, а мечтал поскорее осмотреть знаменитую церковь, построенную еще в XIII веке. Говорят, на ее резном алтаре есть прекрасная скульптура праматери Евы. Когда-нибудь Филипп станет королем и прикажет собрать лучших живописцев и скульпторов со всего мира...

Строго по этикету знатные горожане подходили в почетном приветствии, склоняясь к ногам императора и его сына. Филипп щурился – как же провинциально они одеты в своем захолустном немецком городишке! – и вдруг совсем скривился. Девушка, подносявшая ему парадный букет, оделась вообще немислимо – какой-то коричневый балахон, платок,

съехавший на глаза. Уродина! Разозлясь, Филипп рванул у нее букет прямо из рук. Платок сполз, и принц ахнул. Дождь золотых волос хлынул прямо на руки Филиппу, прекрасные глаза обожгли в мольбе. Боже, она была красавицей! Никогда принц не видел такой красоты – ни на какой картине...

Утром следующего дня Филипп посетил городской дом графини фон Вальдек – инкогнито и всего с двумя стражами. Принц спросил «сеньориту Вальдек». Но навстречу ему выплыла Шарлотта, удивленная и обрадованная. В дорогом, расшитом жемчугами наряде она была картинно красива и, прекрасно понимая это, бросала на принца призывные взгляды. Но Филипп спросил прямо: «Где ваша падчерица?» Графиня остолбенела. Она-то думала, принц пришел, очарованный ее вчерашней приветственной речью на испанском и огненными взглядами. Но, оказывается, он пришел из-за замарашки Маргарет!.. Графиня скривилась и процедила: «Моя падчерица страдает падучей. У нее, бедняжки, приступ!»

Жестко взглянув на хозяйку дома, Филипп перевел разговор на другую тему и проговорил еще четверть часа. К концу разговора принц даже улыбался. Шарлотта проводила его, приседая в реверансах и кокетливо стреляя глазами... Откуда было ей знать, что, пока шла светская беседа, один из стражей принца пробрался в комнату Маргарет и передал ей письмо? Взволнованная и покрасневшая, девушка прочла инструкции принца...

Наутро Маргарет отпросилась в церковь. Тихонько проскользнула мимо молящихся в уголок – за деревянную резную ширму. Филипп нетерпеливо вскочил навстречу и протянул алую розу. Ах, как прекрасна была эта девушка – белокожая, словно первый чистый снег, не то что смуглые испанские красавицы! И как изящно держала она розу своими нежными белыми пальчиками, боясь уколоться... Придя домой, Филипп в восторге сочинил сонет, написав в посвящении: «Моей Белоснежке Алорозе».

...Граф фон Вальдек размышлял: что делать с сестрой? Мачеха обнаружила, что та тайно встречается с принцем Филиппом, и в гневе отослала девчонку к брату в семейное имение в горах – потребовала запереть в самой дальней башне. Вальдек ухмыльнулся: видно, ненасытная мачеха сама положила глаз на этого принца, вот и не знает, как убрать с дороги Маргарет.

А может, предпринять что-то в пользу сестры? А вернее, в свою пользу. Ведь, если принц женится, Маргарет станет будущей королевой Испании. Это ж какие выгоды! Конечно, граф Вальдек скопил большое состояние, ведь в его руках горные медные рудники. Ну а если в руки целая страна идет? Говорят, Испания – богатейшее государство...

Нет уж, пусть мачеха кусает себе локти, а Вальдек поможет сестрице завладеть принцем Филиппом, а вместе с ним и всеми испанскими сокровищами! Граф распахнул дверь в комнату Маргарет. Та сидела за столом и старательно выводила письмо. Буковка к буковке – ведь писать ей приходилось нечасто. Сноровку откуда взять? Сестра подняла голову, и ее прекрасное лицо исказилось страхом – она не знала, что ожидать от брата. На чью сторону он встанет – ее или мачехи?

«Собираешься передать принцу письмо? – деловито спросил граф. – Но как? Мачеха написала, что император Карл узнал о вашем романе и дал указание страже глаз с него не спускать. Интересно, кто известил Карла, не наша ли ведьма?» Маргарет всхлипнула. «Не реви! – бросил Вальдек. – Я помогу! Дам гонцов, которые пронесут твое письмо мимо любой стражи».

Через час Маргарет робко вышла из дома. Вальдек ждал, прислонившись к косяку ворот: «Вот, сестрица, мои рудничные гномы!» Граф свистнул, и из-за угла появились несколько крошечных существ – сгорбленных, седых, одетых в лохмотья. Красавица Маргарет ахнула и в ужасе схватилась за рукав брата. Тот захохотал: «Чего испугалась? Это не нечистая сила, а обычные рудничные дети. Работают у меня по 12 часов в горе, света божьего не видят, вот и вырастают седыми и скрюченными. Зато как свои пять пальцев знают и горы, и все потайные ходы в округе. Твой принц, Маргарет, дожидается возвращения отца в замке на южном склоне горы. Сможете отнести туда письмо, гномы?» – грозно рявкнул Вальдек. Крошечные «гномы» склонились ниже низкого: «Да, господин!»

Однако о переписке узнал император Карл. В гневе он написал письмо мачехе Маргарет. Пусть та, как сможет, прекратит тайную переписку! Глядя на двух доверенных охранников Филиппа, которые доставили ей письмо, Шарлотта поежилась, но проговорила с улыбкой: «Я во всем разберусь, господа. Маргарет не причинит больше хлопот. Император будет доволен!» Стражи переглянулись, и старший спросил на ломаном немецком: «Что вы предпримете?» Шарлотта засмеялась: «Не бойтесь, я не убью падчерицу. Я просто угощу ее яблоками. Мой садовник умеет начинять их какой-то гадостью, от которой сводит желудок, чтобы отваживать мальчишек, воруящих яблоки по чужим садам. Так что, попробовав мои гостинцы, Маргарет станет не до сочинения любовных писем!»

На следующий день Шарлотта собралась в дорогу. Садовник передал ей мешочек: «Чтобы отвадить воров, положите яблоки под деревья. Только сами в рот не берите! А то вчера ваши друзья-испанцы их рассматривали, я уж испугался, а ну как в рот потянут? Будут потом животом маяться!..»

Не дослушав садовника, Шарлотта пришпорила коня и налегке помчалась в горы. Вальдек встретил мачеху нехотя. Перекинувшись с ним парой слов, она поднялась к падчерице. Маргарет вскочила, испуганная, но мачеха улыбалась: «Принц Филипп просил проведать тебя и передать гостинец!» И Шарлотта протянула девушке яблоко.

Через час граф Вальдек зашел навестить сестру. Она лежала на кровати – глаза раскрыты, лицо бледнее снега, пальцы сжаты. Граф только взглянул и выбежал. Уже через несколько минут он привязывал мачеху к трем самым сильным скакунам. Она вырывалась и кричала: «Клянусь, я не травила яблок! Это сделали испанцы!»

Кони рванулись в разные стороны. Зрелище было ужасным, но Вальдек стоял и смотрел, прислонившись к воротам конюшни. Потом он поднялся в комнату Маргарет и вынул из ее сжатых пальцев засохшую алую розу. Снова спустился в конюшню и громко свистнул. Появились «гномы». «Проведите меня в замок к Филиппу!» – крикнул граф.

...Через неделю в Бад-Вилдунген приехал император Карл V и повелел принцу вернуться в Испанию. Там по желанию отца Филипп вступил в династический брак с королевой Англии Марией I. Она была нехороша собой и старше мужа на 11 лет. И хотя молодой принц нравился Марии, ни о каких чувствах с его стороны не могло быть и речи.

В 1556 году Карл передал испанскую корону своему 29-летнему сыну, и тот начал править под именем Филипп II. В первую же ночь после коронавания Филипп приказал повесить двух охранников, что некогда ездили с ним в немецкий город Бад-Вилдунген. А потом последовал приказ, отменяющий церемонию подношения королю торжественных букетов. Цветов Филипп не терпел до самой смерти – особенно белых и алых роз...

Полет крещеного немца, или Тайна «Велесовой книги»

Вот уже второй век мир будоражит тайна одной из самых мистических книг – старославянской «Велесовой книги», рассказывающей о ритуалах и магии славянского язычества. Однако историки настаивают, что эта книга не только не является оккультной, но поддельной. Называется даже имя автора – Александр Иванович Сулакадзев, который в первой половине XIX века лично сочинил и написал не одну «старинную рукопись».

Был он известен всему Петербургу начала XIX века как историк-любитель и рьяно занимался исследованием древнерусской культуры, российскими обычаями и обрядами. На основании старинных рукописей он писал собственные книги, расшифровывал рукописи, вводя их в научный оборот. «Он собирал старину и редкости, – писали современники, – коллекционировал то прялки, то одежду, то черепки, то поделки». Он даже занялся изучением магических обрядов, стал поклонником графа Калиостро, составлял ритуалы вызова духов. Предки его были грузинскими дворянами, приехавшими ко двору Петра Великого в посольстве царя Вахтанга VI, так что кроме Древней Руси Сулакадзев питал тягу и к прошлому иных российских народностей. Грузинская фамилия звучала трудно запоминаемой, так что во всех документах значилась по-разному: Сулакадзев и Суликадзев,

Сулакадзев и Салакатцев и еще бог знает как. Но иногда Александра Ивановича звали «по матери» – уроженке Рязани – Боголеповым.

В юности Александр служил в гвардии, потом вышел в отставку и стал жить на широкую ногу в собственном особняке. У него собиралась вся историческая элита, антиквары и собиратели Петербурга. Заслуги Сулакадзева были признаны в авторитетных научных кругах. Произведения древнерусской литературы в то время были редкостью, сведения о древнейшей истории также, а счастливцев Сулакадзев сумел раскопать несколько ярчайших рукописей.

Рукопись в стихах «Боянова песнь Словену» произвела сенсацию. Еще бы! Ведь Боян упоминается в легендарном «Слове о полку Игореве», но больше никаких сведений о нем нет. И вдруг – находка Сулакадзева! Рукопись тут же окрестили «Гимном Бояна» и начали уговаривать Александра Ивановича издать ее. В 1810 году «Боянов гимн» и «Изречения новгородских жрецов» (тоже найденные Сулакадзевым) изучали историки и писатели Г. Державин, А. Шишков, А. Оленин. Державин написал: «Если справедливо недавнее открытие одного славено-рунного стихотворного свитка I века и нескольких произречений V столетия новгородских жрецов, то они принадлежат к роду мрачных времен стихосложения». В своей публикации Державин привел рисунок свитка и указал, что «подлинники на пеграмине находятся в числе собраний древностей у господина Сулакадзева».

Вскоре Сулакадзеву снова повезло. Он сумел найти новое чудо древней летописи – «Перуна и Велеса вещания в Киевских капищах жрецам Мовеславу, Древославу и прочим». Газеты вновь запестрели статьями о язычестве, древних рунических письменах, старинных обычаях. Поэты, писатели и драматурги охотно ввели в свои произведения имена, открытые в свитках Сулакадзева: Вадим, Стоян, Урса, Угоняй. Словом, благодаря находкам Сулакадзева возникла не просто тяга к древней истории, но и проявились детали, новые даты, события. История начала твориться прямо на глазах.

По настоянию общественности Сулакадзев составил перечень своей уникальной библиотеки – почти 2 тысячи старинных книг, из них 290 рукописных свитков. Даже сам каталог звучал интригующе: «Книгорек древним книгам как письменным, так и печатным, из числа коих по суеверию многие были прокляты на соборах, а иные в копиях сожжены». Да только от одного сознания, что героический Сулакадзев отыскал по старым чердакам, монастырским хранилищам и еще бог весть где эти книжно-исторические сокровища, его стоило объявить спасителем Отечества.

Однако грандиозное количество находок навело-таки исследователей на мысль: неплохо было бы проверить свитки на подлинность. Ведь сам собиратель древностей не мог объяснить, где он их находит. На все вопросы он только отвечал: «Помилуйте, я честный человек и не стану вас обманывать!» Но однажды «честного человека» застали врасплох в одной из дальних комнат его дома, когда он вычищал старый пергамент, а на столе при этом стояли «ржавые» чернила, состаренные для специального письма под старину. К тому же несколько переписчиков-слуг проговорились, что помогали Сулакадзеву в работе с пергаменами и даже «берестяными грамотами». Решено было начать проверку.

Делу помогло то, что несколько «воскрешенных из забвения свитков», как их величали в газетах, оказались на руках у приятелей Сулакадзева. Каково же было изумление исследователей, когда с первых же строк «рукописей» они поняли, что все это – подделка. И даже не всегда искусная! Какие-то подделки оказались очень хороши по исполнению, и графика древних славянских почерков там передана виртуозно. Но другие, видимо выполненные в спешке, грешили ошибками, понятными графологам и историкам. Самой грубой оказалась ошибка в датировках, все-таки Сулакадзев не имел широкого образования. Так, свою самую знаменитую подделку, «Боянову песнь», он написал, опираясь на исторические факты, известные о Руси I и II столетий. Однако известно, что этот самый Боян, упоминаемый в «Слове о полку Игореве», жил на рубеже XI и XII веков.

Словом, разразился скандал. Впрочем, весьма своеобразный. Инкриминировать аферу

«собирателю», конечно, было возможно, но бесполезно. Он не продавал своих «свитков», не наживался на их создании, так что перед законом был чист. Ну а их создание общественностью даже приветствовалось. Ведь благодаря им начался бурный интерес к древней истории. А то, что Сулакадзев сочинял свои фальшивки на древнеславянском наречии и его язык был ярким, образы вдохновенны, вообще вызывало у историков литературы восторг. Особо восхищенные считали, как поэт М. Чулков: «Мистификации Сулакадзева – гениальны. Как ни странно это звучит, его вполне можно назвать реальным создателем истории, настолько он сумел проникнуться ее духом». Общее мнение выразил историк А. Пыпин: «Едва ли сомнительно, что... <Сулакадзев> был не столько подельщик, гнавшийся за прибылью, или мистификатор, сколько фантазер, который обманывал и самого себя. По-видимому, в своих изделиях он гнался прежде всего за собственной мечтой восстановить памятники, об отсутствии которых жалели историки и археологи». Такой вот нравственный аферист – мечтатель от истории...

К концу 1820-х годов превозносимое собрание древностей Сулакадзева уже официально перешло в разряд курьезов. И когда в 1832 году после смерти мужа вдова «собирающего» попыталась продать его коллекцию, то мало что выручила. Рукописи, книги и свитки, изготовленные гениальным мечтателем от истории, разошлись по бросовым ценам. Большая часть исчезла без следа, но иногда случались возвращения. И опять-таки дававшие повод для гениальных афер.

Практически все, кто учился еще в СССР, встречали в учебниках истории восторженный рассказ о том, что, не братья Монгольфье на самом деле являлись первыми, кто взлетел на воздушном шаре. Нет – честь первого в мире воздухоплателя принадлежала подъячему Крякутному из Нерехты. Именно там он в 1731 году сконструировал воздушный шар и поднялся на нем за полвека до Монгольфье. В учебниках публиковалась и картинка «Полет Крякутного»: подъячий, неуклюже уцепившись за веревки шара, висит над куполами церкви и крышами домов. В Нерехте Крякутному был поставлен памятник. А в 1956 году широко отпразднован 225-летний юбилей полета и даже выпущена почтовая марка.

После юбилейных торжеств решили издать рукопись «О воздушном летании в России с 906 года по Рождестве Христовом», датированную 1819 годом и рассказывающую о столь великом событии. Каким же оказался шок, когда текстологическая и графическая экспертиза объявила рукопись поддельной и даже назвала автора. Конечно, им оказался неутомимый Сулакадзев. Да он даже не старался особо! Взял старую рукопись и кое-что подтер. Но как красиво получилось! «Нерехтец Крякутный»... «фурвин сделал, как мяч большой, надул дымом поганым и вонючим, от него сделал петлю, сел в нее, и нечистая сила подняла его выше березы, а после ударила о колокольню, но он уцепился за веревку, чем звонят, и остался-таки жив. Его выгнали из города, он ушел в Москву...»

Вот вам и сенсация. На самом деле вместо «нерехтец» в оригинале было написано «немец», вместо «Крякутный» – «крещеный», а вместо «фурвин» (что тогда означало круглый мешок) – фамилия «Фурцель». То есть рассказывалось о том, как крещеный немец Фурцель хотел продемонстрировать в Нерехте шар, уже известный в Европе. Но горожане сочли его воздухоплавательный опыт кознями нечистой силы и изгнали из города. Но самое главное заключалось в том, что ловкий Сулакадзев переправил даты сочинения: 1799 на 1731. И получилась российская сенсация 1731 года.

Поразил Сулакадзев мир и еще одной сенсацией, случившейся спустя 88 лет после своей смерти. В 1919 году в рядах Белой армии, эмигрировавшей на Запад, всплыла древнейшая славянская книга мистического содержания, которую тут же объявили сенсационной находкой оккультизма. На Западе уже давно ходили слухи о «Велесовой книге», где рассказывается о потомках Дажьбога – русах, о их быте, битвах и обычаях, а главное, о мистических обрядах, которые имеют невероятную силу. По преданию, когда Белая армия отступала из разоренной России, один из ее полковников нашел в покинутом дворянском имении несколько деревянных дощечек с непонятными знаками. Позже в Париже полковник показал дощечки историку Миролюбову, тот переписал текст,

расшифровал и издал. Так что сегодня даже и в Интернете можно прочесть сохранившиеся куски из «Велесовой книги».

Однако в 1970-х годах исследователям вспомнился давний труд, созданный незабвенным Сулакадзевым, – «Перуна и Велеса вещания в Киевских капищах жрецам Мовеславу, Древославу и прочим». Так что сегодня историки и лингвисты склоняются к тому, что сохранившиеся фрагменты мистической «Велесовой книги» являются частями вполне реальной мистификации «шельмеца Александра Ивановича».

Так, может, через несколько лет возникнут и другие «утерянные свитки» из «Книгорека» плодовитейшего Сулакадзева и случится очередная сенсация. Ждите!..

Секрет «Конька-Горбунка»

Загадка этой истории невероятна. Отгадка вообще может оказаться крамольной. Ибо предмет разговора известен всем с детства и практически наизусть. Но известно ли доподлинно нам главное – кто автор «Конька-Горбунка»?

«Что за глупость?» – скажете вы. Любимую всеми сказку в стихах сочинил Петр Петрович Ершов, родившийся в 1815 году. В год опубликования «Конька-Горбунка» (1834) ему было 19 лет. Время, полное неизбывных сил. Но вот заковыка – после «Конька» Ершов не только не написал ничего сопоставимого с этим шедевром, но и вообще – ничего интересного. Нельзя же считать интересными его стихотворные мечтания:

Воздвигнуть падшие народы,
Гранитну летопись прочесть
И в славу витязей свободы
Колосс подоблачный вознесть!

Неужто эту архаику сочинил тот же блистательный ум, который выдал виртуозные в своей простоте строки сказочной народной речи?! Впрочем, литературоведы считают, что, живя в Тобольске и учительствуя, Ершов просто лишился литературной среды и растерял свои силы. Вот незадача-то! А ведь ему было-то всего чуть за двадцать – возраст, когда сил на новые творения хоть отбавляй. И почему же, прожив после написания «Горбунка» еще 35 лет, Ершов не переложил на стихи ни одной сказки? Их же хоть пруд пруди...

Петр Ершов

Осенью 1834 года друг Пушкина по лицу, Соболевский, помогал поэту приводить в порядок обширную библиотеку. Пушкин решил разместить книги не по алфавиту, как тогда было принято, а по тематике: биографии, книги по искусству, словари и т. д. «Конька-Горбунка» Соболевский решил поставить к сказкам, но Пушкин, улыбаясь, переставил книгу. Куда? Можно узнать из каталога Соболевского. «Конек-Горбунок» оказался под № 741 – на полке с книгами (№ с 739 по 741), написанными... под псевдонимами.

«...И почему бы это, – лукаво замечал Соболевский, – Пушкину приспичило поместить «Конька» на псевдонимную полку?...» Что за странный вопрос?! Конечно, Пушкин – «наше все». Но ведь и Ершов – «гениальный сибирский самородок». Впрочем, при чем тут Сибирь? «Конек-Горбунок» опубликован в Петербурге. Его первая часть сказки появилась в апреле 1834 года, вторая через месяц в журнале «Библиотека для чтения», который издавал приятель Пушкина Сенковский. Летом появился полный текст отдельной книгой. Ее-то Александр Сергеевич и отправил на «псевдонимную полку». Почему?! Он ведь отлично знал Ершова.

Знакомство состоялось летом 1833 года. Литератор и профессор Петербургского университета Плетнев ходатайствовал за своего протеже – 18-летнего студента Петю Ершова. У того скорострительно умер отец, и платить за учебу стало некому. На университетскую стипендию Ершов претендовать не мог, поэтому следовало сыскать Пете заработок. А это не просто – особых умений у студюзуса нет, разве что почерк хороший. На просьбу Плетнева никто не откликнулся – лишних средств ни у кого не было. А вот весельчак Пушкин, хоть и сам обремененный женой, детьми и долгами, отозвался: «У меня почерк заковыристый. Издатели и наборщики плохо понимают. Дам твоему Пете свои стихи переписать». Так Ершов оказался в доме Пушкина. Выглядел он не ахти – круглолиц, толстоват, близорук и сильно робок. Но общительный Пушкин сумел расположить его к себе, и осмелевший Петя показал гению пару своих стихов. Пушкину они показались негодными, но огорчать юношу он не стал, указал только на пару ошибок. Зато стал чаще беседовать со студентом, пытаясь понять, чем тот живет. Оказалось, юноша стремится к славе, любит деньги и ради того, чтобы поправить свое нищее положение, готов на многое. Но хуже всего, выяснилось, что студент не очень-то и умен. Когда Пушкин заметил: «Вам и нельзя не любить Сибири. Во-первых, это ваша родина, во-вторых, это страна умных людей», бедняга Ершов не понял о каких таких «умных» толкует поэт. Впоследствии и сам Ершов, не стесняясь, написал: «Мне показалось, что он смеется. Потом уж только понял, что он о декабристах напоминает». Вот такая простота ума...

Но вдруг происходит нечто невероятное: Пушкин начинает расхваливать друзьям поэтическую сказку, сочиненную Ершовым. Как же так? Было-то всего пара корявых стихов, и вдруг – вмиг! – явилась как по волшебству огромная сказка, практически гениальная! И сам Пушкин носится с ней как с писаной торбой, и издатель Сенковский (не читая!) ставит ее сразу в номер и тут же начинает готовить к отдельному книжному изданию. И это при том, что в апрельском номере журнала печатается лишь первая часть, вторая же только ожидается. Выходит, наш тугодум Ершов строчит как пулеметчик и все верят, что он напишет продолжение. Но ведь он до этого вообще ничего не написал!

Еще до публикации Плетнев прочел первую часть сказки студентам. Те пришли в восторг, умоляя Петра: «Прочти хоть пару строк из второй части!» Петя заалел, как вареный рак, ничего вразумительного сказать не смог и ретировался из аудитории. Впрочем, когда сказка вышла, ему пришлось преодолеть робость, ведь его зазывали в лучшие салоны Петербурга. Требовали читать «Конька» и проставлять автографы. И что бы вы думали? Петр читал, ошибаясь, а вот от автографов наотрез отказался. Не подписал ни одной вышедшей книги. Особо влюбленные в текст просили хоть какой-то черновик, но и тут ничего не выходило. Не было у Ершова черновики. Ни одного! Неужто он писал набело?!

Тогда он действительно натуральный гений!

Впрочем, существовал один текст сказки. Переписанный аккуратным каллиграфическим почерком самого Ершова, но безжалостно выправленный быстрыми росчерками... Пушкина. О чем это говорит? Одни литературоведы считают: Пушкин, не жалея сил, поправил текст новичка, довел стихи до ума. Но другие считают иначе: это Ершов, как полагается переписчику, переписал текст Пушкина, ну а потом Александр Сергеевич поправил текст еще раз. Это был его текст – пушкинский!

Впрочем, у поэта всегда есть неоспоримая улика – гонорар. Был он за журнальный вариант огромным – 600 рублей.

Но издатель Сенковский проговорился, что назначил его из-за уважения к... Пушкину. Вот странности! С чего бы это, уважая Пушкина, платить столь огромные деньги ни разу не печатавшемуся до того Ершову?! Или деньги предназначались не ему? Показательно, но гонорар действительно получил Пушкин. Однако известно, что он все-таки отдал его Ершову. То-то студент небось обрадовался...

Но вот гонорара за книгу Ершову не полагалось. Почему?! В те времена издатели были куда честнее нынешних. Не заплатить автору Сенковский не мог. Или все-таки заплатил? Проговорился же, что отдал деньги «по договоренности». Кому? Ответ может быть только один – настоящему автору, то есть Пушкину.

Показательно и дальнейшее развитие событий. Как только начало готовиться новое издание книги, профессор Плетнев, ранее ратующий за обучение Ершова, вдруг находит ему место учителя в тобольской гимназии, убеждая, что это – уважение в городе и верный заработок. И Ершов безропотно уезжает. Почему?! Ведь после такой сказки его и в Петербурге ждет слава. Да и заработать, сочинив новую сказку или другую поэму, он всегда может. Или нет?..

Жизнь Ершова в Тобольске не заладится. Конечно, и туда дойдет слава о «Коньке-Горбунке». Городские барышни поначалу придут в восторг от столичного поэта, а тот будет записывать в их альбомы свои стихи. Но никогда ни одного отрывка из «Конька-Горбунка». Да и вообще к его славе Ершов начнет относиться странно, говаривая: «Что там сказка... Я вот пьесу «Кузнец Базим» сочинил. Прекрасную во всех отношениях!» Пьесу поставят в гимназическом театре. Но бедные зрители, ее увидевшие, станут избегать драматурга. Говорить хулу неприлично, а правду – невозможно. Как сказать автору гениального «Конька-Горбунка», что его герои изъясняются весьма коряво?!

Словом, прожив в Тобольске всю жизнь (а он умер в 1869 году), Ершов ничего подобного «Горбунку» не напишет. Зато сожжет и черновик (тот самый – с правками Пушкина) и свои петербургские дневники. Правда, все уничтожить не сможет. Строки бессмертной сказки обнаружатся потом в черновиках... Пушкина.

И все же Ершов попытается доказать, что он – поэт лучше, и для издания 1856 года перепишет треть «Горбунка». Увы! Сказка станет хуже, потеряет свою гениальную энергетику. Поняв это, издатели вернуться к первоначальному тексту без ведома Ершова. Тот начнет скандалить. Но его словно не услышат. Ну а еще живой к тому времени профессор Плетнев даже напишет ему вразумительное послание на тему: «Ежели всякий возьмется уродовать гениальное...» Ну и слова у профессора! Или он точно знает, что пишет не автору, а тому самому «всякому»?

На сегодняшний день часть литературоведов (например, пушкинист Александр Лацис или писатель Кир Булычев) твердо уверены: автор «Конька-Горбунка» – Пушкин. Там и слог его сказок, и разговорно-народный стиль, и умение вкладывать сложную иронию, язвительную сатиру в подчеркнуто простое изложение. Но почему же он отдал сказку другому человеку, почему сам хлопотал о ее публикации под чужим именем?!

Отгадки этих загадок есть. Все пушкинские произведения к тому времени тщательно цензурировались. И поэт отчетливо понимал: новую сатирическую сказку ему не опубликовать. Ведь там и глупый царь-тиран, и негодяи воры-придворные, и кит, который проглотил невинные корабли и которому не будет прощения, пока он эти корабли не

выпустит на свободу (прозрачный намек на то, что не будет царю прощения, пока он не даст свободу заключенным декабристам). Будь под сказкой подпись Пушкина, крамолу заметили бы сразу. Ну а подпись никому не известного Ершова гарантировала издание – кто ж станет внимательно читать студенческий опус? Да и деньги Пушкину были нужны. Ведь пока цензура запрещает его стихи, он сидит без гонораров. Конечно, средства за журнальную публикацию пришлось отдать Ершову, но ведь книжные издания принесли бы еще большие плоды. Вот только здесь Александр Сергеевич ошибся. После издания первой книги цензура все же разглядела крамолу и запретила сказку. Может, поэтому все втянутые в эти историю с псевдонимом и не раскрыли потом ее тайны. Боялись навредить друг другу с крамольной книгой. Так и осталась тайна до сих пор.

Красота убьет мир, или Роковое превращение аленького цветочка

Сказка об аленьком цветочке – самая любимая на Руси. Может, так повелось с тех пор, когда С.Т. Аксаков опубликовал свою версию народной сказки. А может, так было всегда. Русский «Аленький цветочек» – вариация сюжета о красавице и чудовище. Подобные сюжеты имелись во все века у всех народов мира. В Древней Греции – это миф о Психее и Купидоне, пересказанный в романе «Золотой осел» древнеримским писателем Апулеем. В Англии это сказка «Черный Бык Норроуэйский» (естественно, Чудовище – Черный Бык), в Швеции: «Три волшебных листочка», где Чудовищем становится принц подземного царства. В Португалии и Чехии это сказки о Чудо-медведе или Медвежьем страшилище. А в Нормандии – «Принц-обезьяна». Неизменным остается одно: под страшной личиной скрывается прекрасный и добрый, несправедливо заколдованный юноша.

У разных народов и разные символы прекрасного (аленького цветочка): «царский цветок» – роза, которая не только источает аромат, но и может говорить; золотые веточки или листочки, которые поют и играют. Но в сказках неизменно главное чувство – любовь, которая дает героине возможность разглядеть красоту под любой личиной чудовища. Ибо это красота не внешняя, а душевная. Сказка начинается с красоты цветка, приводит к любви, возвращающей красоту внутреннюю. И эта красота дарит еще большую любовь.

Классической литературной версией считается «Красотка и Чудовище» мадам де Бомон. Эта сказка, созданная в нравоучительной манере просветителей. Само противопоставление Красотки и Чудовища обретает символический, четко морализующий смысл. Недаром во многих переводах само заглавие звучит весьма обобщенно: «Красавица и Чудовище», «Красота и Уродство», «Красота и Безобразие». Показателен диалог главных героев сказки – одновременно и искренний, и надуманно нравоучительный.

«Доброе у вас сердце, – сказала Красотка, – стоит мне об этом подумать, как я уж и не помню, что вы такой гадкий на вид». – «Ох, – отвечало Чудовище, – добрый-то я добрый, да чудовище все-таки». – «Много людей есть на свете, – сказала Красотка, – и похуже вас, уж я лучше вас любить буду такого страшного, чем тех, кто на вид люди как люди, а сердце у них неверное, испорченное, неблагодарное».

Удивительно, но любовь в сказке мадам де Бомон рождается не от чувства Красотки, а от ее размышлений. Героиня века Просвещения, она все раскладывает по полочкам. Да и другие герои явно живут в просвещенном веке. Даже фея, появляющаяся в финале, речами напоминает благородную воспитательницу-наставницу, от всего сердца прочитывающую мораль и Красотке, и читателям.

Русскому писателю Сергею Тимофеевичу Аксакову (1791–1859) для его «Аленького цветочка» не нужны были ни мораль, ни фея с ее чудесами. Чудо превращения безобразного героя в прекрасного юношу совершает сама героиня. Перед ее волшебством никому не устоять. Ибо это чудо – Любовь.

Аксаков услышал сказку еще в детстве от крепостной крестьянки. Позже, записывая сказку, он дал ей подзаголовок – «Сказка ключницы Пелагеи», напечатав приложением к своему роману «Семейная хроника» (1856). Это позволило автору не только подчеркнуть

родовую основу, но и придать повествованию особую женскую эмоциональность. От этого сказка приобрела глубокую взволнованность, интимность, лиричность. Написанная тонкой и яркой ритмизированной прозой, она стала образцом русской поэтической сказки. Все происходящее у Аксакова замешано не на быте, как у мадам де Бомон, а на поэзии и тайне. Например, все сестры просят привезти им подарки не богатые, а значимые, символические. Старшая – золотой венец, чтоб от него всегда было светло, как днем. Средняя – туалет, то есть зеркало, смотря в которое красота бы ее девичья не старилась. Иначе говоря, одна просит подарить ей то, что давало бы вечную прозорливость, другая – вечную молодость. Отчего же младшая дочка просит цветочек, да к тому же – аленький? Что тут за тайна?

Если просмотреть народные источники, можно встретить жар-цвет, то есть волшебный огонь, злато-папорот, открывающий клады и сулящий богатство, ту же алую розу – символ страсти и радости. Но аксаковской героине не нужно ни волшебного огня, ни богатства, ни страстей. Ее аленький цветочек – символ извечной женской Любви. Недаром, получив его, она чисто по-русски заливается слезами, словно невеста перед свадьбой. И потому «Аленький цветочек» – сказка не только поэтическая, но и любовная, русскому сердцу особо понятная. Потому что именно в России женщине приходится любить мужчину, который может быть не только чудищем, но и настоящим чудовищем. А русская женщина веками любит и любит, надеясь создать то из пьяного, то из ленивого своего чудовища доброе чудище лопухое, да еще и принца прекрасного. И ведь создает, и ведь исхитряется!..

Героиня Аксакова выдержала то, что не под силу любой другой красавице. Ведь если Чудище мадам де Бомон впало в забытие, решив уморить себя голодной смертью, то аксаковский «зверь лесной, чудо морское» умер без своей любимой у аленького цветочка. Так что русской девушке пришлось не приводить его в чувство, а оживлять по-настоящему. Ее любовь победила даже смерть.

Странно говорить о такой девушке в третьем лице. Аксаков не дал ей имени. Для него это было тоже знаково. Он верил, что любая русская героиня способна на такую силу любви и самоотверженности. Народное же сознание прочно связало имя героини с Аленушкой. Ибо имя это созвучно аленькому цветочку. И судьба, видать, единая. Так что, родители, будьте осторожны, называя дочек Аленушками. Слишком уж многого потребует с владелицы ее имя.

По-иному развивался сюжет о красавице и чудовище в других странах второй половины XIX века. Особенно он стал популярен в литературе эстетизма и декаданса, где культ красоты становился всеобъемлющим жизненным кредо. Особенно часто к этому сюжету обращался О. Уайльд. Его прежде всего интересовала нравственно-эстетическая тема, и потому он перевел конфликт в прямое противопоставление красоты и уродства. Впервые остроумно и парадоксально этот конфликт появился в «Кентервильском привидении». Там в реальном мире конца XIX века отец юной красавицы Вирджинии прозаично покупает старинный замок у разорившихся аристократов вместе с чудищем-призраком. Не в меру резвые братцы Вирджинии (выступающие здесь вместо злых сестер) издеваются над бедным привидением как могут – гоняются за ним по дому, обливают водой до простуды, наконец, до полусмерти запугивают поддельным привидением, сделанным из тряпки и метлы. Одна Вирджиния, красавица и умница, сочувствует бедняге и помогает ему. Героиня своего практичного времени, Вирджиния отнюдь не сентиментальна. Она просто добра и здравомысляща: почему не помочь бедному старику, ведь он так намаялся за триста лет. И не свадьба ждет в награду привидение-чудище, а долгожданные похороны, на которые съедутся все Кентервилли, его потомки. Впрочем, традиционная свадьба тоже состоится. Красавица Вирджиния выйдет замуж, надев на свадьбу старинные драгоценности, которыми одарило ее Чудище, то бишь Привидение.

Еще более парадоксально Уайльд подойдет к противопоставлению красоты и уродства в сказке «День рождения Инфанта». Но этот парадокс станет трагическим. Двенадцатилетняя очаровательная Инфанта получит живой подарок – мальчишку-карлика, уродца с огромной головой на кривых ножках. Карлик развеселит Инфанту, и она, как в

старинных сказках, подарит ему розу. И юное чудище начнет мечтать о доброй Инфанте. Трагедия произойдет, когда карлик увидит себя в зеркале и поймет, что любить такого уродца нельзя. И он умрет от омерзения к своему внешнему виду. И что же красавица Инфанта? Она захочет, чтобы смешной карлик повторил свой уморительный танец. А карлик не сможет встать. «У него сердце разорвалось», – скажет ей камергер. И Инфанта скривится в очаровательной презрительной гримаске: «Впредь да не будет сердца у тех, кто приходит со мной играть!»

Так в сказке Уайльда подлинная красота и безобразие парадоксально поменяются местами. Красота обернется жестокой, губительной силой, смертельной для тех, кто в нее поверил. Зато юное страшилище вызовет у читателей глубокое чувство сострадания и любви. И хотя XX век вслед за XIX повторял, как заклинание, что «красота спасет мир», но это утверждение Ф. Достоевского уходило все дальше и дальше. И несмотря на то что сюжет «Красавицы и Чудовища» постоянно используется, смысл прекрасной сказки размывается все больше и больше. Современные пересказы тяготеют уже не к нравственности или силе чувства, а к плодам научно-технического прогресса, приемам триллера или боевика. Чудище появляется в результате неуправляемой мутации или неоправданного эксперимента. Авторы интересуются сам момент показа его страшного вида или стремительного боя (вернее, мордобоя) с врагами – реальными и волшебными. Таков знаменитый американский телесериал «Красавица и Чудовище». А в одном из сюжетов легендарного «Горца» Красавица вообще превращается в подстрекательницу к убийству. И в результате ее подобных действий бедное Чудище становится убийцей. Вот и получается, что красота уже не спасет мир, а скорее убьет его. Да и нужна ли современному искусству истинная красота? Ведь даже красавицами нынче считаются такие «звезды», которых за внешность постеснялись бы взять еще лет двадцать назад даже самые «революционные» театры. Но, увы, по подиуму бродят «красотки», выглядящие как истощенные голодом обитатели концлагеря, по эстраде крутятся дамочки, которых раньше и в приличные дома не пустили бы. Такая «красота» уж точно не приведет к добру. Ну а любовь и сострадание давно объявлены предрассудками, с которыми пора кончать.

И ведь стараются сделать это. Только никак не получается. Хорошо бы и не получилось. Никогда. Ибо когда получится, ничего уже и не будет. Ни планеты, ни человечества.

Черная курица – синяя птица

Сказка «Черная курица, или Подземные жители» – совершенно особая, знаковая, как «Русалочка» или «Маленький принц». По ней можно проверять людей. Ибо если человек помнит эту сказку – это человек нашего круга – круга Доброты, Помощи и Сострадания.

Сказка написана Антонием Погорельским уже 180 лет назад – в 1829 году. И все годы автора окружала тайна...

...«Соблаговолите указать фамильную принадлежность» – очередная графа в очередном анкетном листе, который необходимо заполнить. Но Алексея Перовского этот вопрос всегда приводит в замешательство. Ну почему в его жизни все так странно и запутанно? Трудно даже ответить – кто он?..

По бумагам – Алексей Алексеевич Перовский. Но на самом деле его отец – богатейший вельможа, всесильный граф Алексей Разумовский. Однако родовой фамилии Перовскому не носить, ведь он – внебрачный сын. Фамилия дана ему по названию отцова имения – Перово, что рядом с Москвой, а скоро и вообще войдет в черту города. Мать Алексея, Мария Соболевская, от которой Разумовский прижил аж десять детей, впоследствии довольно удачно вышла замуж и стала Денисьевой. Поэтому, пока Алексей жил в московском доме матери, его тоже величали Денисьевым. Словом, путаница на его фамильном древе сложнейшая.

А. Погорельский (А.А. Перовский)

Отец, Алексей Разумовский, был человеком вспыльчивым и тяжелым. Себя мнил мистиком и масоном. Усадьбы украсил таинственными знаками-символами. На крошечного Алешу атмосфера старинного дома наводила ужас. Дворовые часто шептались, что в подвалах усадьбы живет неупокоенный дух знаменитого предка Разумовских – Алексея Григорьевича, фаворита, а может, и тайного супруга императрицы Елизаветы Петровны. Маленькому Алеше фаворит приходился двоюродным дедушкой. И однажды Алеша увидел: темная фигура стояла у пруда и смотрела на другой берег. Там что-то белело. Алеше показалось, будто чья-то тонкая рука взмахивает в темноте белым платком. От этого рокового жеста темная фигура оживает, и... Алеша падает в обморок.

Едва его принесли домой, отец приказал высечь мальчишку – дабы впредь был храбрым. Слушать от дворовых разные сказки и истории запретил. И Алексей подчинился. Да что только он не делал, чтобы понравиться отцу! В 18 лет решился вступить в масоны. Но отец запретил! Он все запрещал... В 1807 году, когда двадцатилетний Алексей получил степень доктора (!) философских и словесных наук, отец запретил ему преподавать. А ведь Алексей закончил Московский университет всего за два года и читал лекции на трех языках! Даже когда в 1812 году Алексей пошел защищать Родину, строптивый отец не дал благословения. Правда, к тому времени Алексею было уже 25 лет, и он ослушался. На войне сражался храбро, из штаб-ротмистра дослужился до адъютанта. Войну окончил в Дрездене. Пару раз его ранило. И оба раза перед глазами возникал странный призрак тонкой руки, взмахивающей белым платком. Роковой призрак...

После войны отец отправил Алексея в Петербург на гражданскую службу. Однако бывший офицер решил выстроить жизнь по-своему. Он подружился с литераторами – Н. Гречем, А. Воейковым, юным А. Пушкиным. Ожидал отцовского гнева, но граф неожиданно одобрил этих «литературных смутьянов». Алексей пришел в недоумение. Все раскрылось только в 1822 году после смерти отца. «По старинным книгам я гадал о твоей судьбе, сын, – написал в прощальном послании Разумовский. – Провидение открыло мне, что у тебя Дар. Да я и сам понял это, когда прочел тетрадь твоих детских рассказов. Потому-то я и старался уберечь тебя и от масонства, и от преподавания, и от армии, что должен был направить на

стезю твоего литературного Дара». Выходит, необузданный граф все-таки любил Алексея, как и других внебрачных детей. Выхлопотал же он им перед смертью дворянские звания...

После смерти отца Алексей, взяв отпуск по службе, уехал из шумного города в село Погорельцы Черниговской губернии, перешедшее к нему по наследству. Но в тишине и на свободе он начал скучать – и не по холодному, чопорному Петербургу, а по хлебосольной, радушной Москве. Вспомнился суматошный московский быт, где повседневные заботы мирно уживались со «страшными рассказами про потаенное». Да ведь он и сам видел призрак деда Разумовского в Перове, а когда жил в доме матушки на Ново-Басманной улице, давал ей честное слово не ходить одному вечером к сумрачному развалившемуся дворцу в Лефортове, которое москвичи переименовали в Лафертово. Ведь вся Москва знала, что там собираются старухи ведьмы.

Тайна и мистика всегда притягивали Перовского. И хотя петербургские литераторы считали, что таинственное и потустороннее «лучше и должно не трогать», Перовский думал иначе. Еще на войне в Дрездене он познакомился с фантастическими сказками Гофмана и был восхищен ими. «Человек имеет особенную склонность ко всему чудесному, выходящему из обыкновенного порядка, – писал Перовский. – Счастлив тот, кто постиг тайную суть вещей. Ибо главное прячется в тайне». И теперь, в Погорельцах, Перовский начал писать фантастическую повесть «Лафертовскую маковницу». Простая история о бабушке, обожающей своего черного кота и торгующей вкусными маковыми лепешками – маковниками у Лефортовской заставы. Вот только старушка-то – ведьма, а кот Мурлыка – оборотень, превратившийся в чиновника в бархатном мундире...

Повесть вышла в начале 1825 года в Петербурге, произведя фурор. Сам Пушкин писал брату: «Я перечел два раза одним духом всю повесть, теперь только и брежу... Мурлыкиным. Выступаю плавно, зажмуря глаза, повертывая голову и выгибая спину». Но даже Пушкин не знал наверняка, кто автор повести.

Перовский подписался псевдонимом: Антоний Погорельский, по названию имения. Подумал: быть ему истинным погорельцем, коли повесть провалится. Но вышло иначе: «Маковница» стала первой в России фантастической повестью, положив начало всей фантастической прозе русского романтизма.

...Карету трясло и заносило на ухабах, но Перовский не замечал неудобств. Мысли были об одном: скорее добраться до Петербурга и увидеть любимого племянника десятилетнего Алешу Толстого. Тот был сыном сестры Анны, которую Перовский забрал к себе после развода. Много лет они жили в Погорельцах троим, но недавно мальчика пришлось отдать на учебу в столичный пансион. Ну а что такое жизнь без семьи вдали от родного дома, Погорельский знал по себе. Когда-то и он был определен в пансион по воле отца. Но, правда, пробыл там недолго – решился на побег, да, неудачно спрыгнув с забора, сломал ногу. С тех пор так и ходит хромым.

Племянник Алеша тоже сильно тоскует по родным. В одном письме написал, что подружился с... курицей, каждый день носит ей крошки со стола. Как же тоскливо должно быть мальчику!

Читая его письмо, Перовский вдруг подумал: а что, если Алешина птица (тоже ведь живая душа!) только в нашем мире – курица-чернушка, а в другом, например подземном, – человек в черном камзоле, возможно, даже важный министр? Во что может вылиться дружба реального мальчика и подземного жителя? Наверное, все миры хотят добра и справедливости, но везде добро разное. Вот и император Николай I, и декабристы хотели добра России, но добро их оказалось несовместимым. Но может, волшебная сказка про черную курицу станет вестником примирения, птицей счастья? Ведь общество иногда прислушивается и к литераторам.

Алеша Толстой прочел сказку «Черная курица, или Подземные жители» в захлеб. Но заплакал в сцене прощания, когда храбрый министр взмахнул рукой, а под его белым манжетом обнаружились кандалы. Ох уж этот роковой жест!..

Напечатанная в 1829 году «Черная курица» стала первой русской литературной сказкой

для детей. Но особого успеха не имела. Больше того – о ней постарались забыть. Да и к чему вообще в сказке ссыльные в кандалах?! Эдак и о декабристах опять вспомнится...

В 1830 году Погорельский публикует роман «Монастырка», но рецензенты называют его неприятным рассказом «доброего приятеля о добрых людях, которым встречаются иногда неприятности». Писатель ошарашен. Ведь роман понравился даже Пушкину. Но что России до Пушкина? У нее и гении в опале.

У Перовского открывается туберкулез. Все чаще он подносит к губам платок, окрашивающийся кровью, – опять этот роковой белый платок!.. 21 июня 1836 года Алексея Алексеевича Перовского не стало. Ему было всего-то 49 лет.

Однако его Дар обнаружится в племянниках – Алексее Толстом и братьях Жемчужниковых. А вот внучатая племянница Перовского, правнучка А.К. Разумовского, – Софья, однажды-таки взмахнет платком на петербургской улице. Роковой взмах приведет к убийству Александра II. И завертится новое кровавое колесо. А потом начнется и XX кровавый век, а за ним кризисный XXI.

Так неужели российской черной курице никогда не удастся стать синей птицей счастья?..

Ганс Христиан Андерсен: неведомое

Сказки Андерсена все знают с детства. Но если прочесть их еще раз, откроется много таинственного и неизвестного.

Почему-то принято считать, что, сочиняя свои «Сказки и истории», Ханс Христиан Андерсен, которого в России традиционно принято именовать на немецкий лад – Ганс Христиан, явно тяготел не к сказкам, а к историям – с их реальной и жизненной подоплекой. Действительно, как еще должен был вести себя в литературе сын прачки и башмачника?

А он тяготел к волшебству. И даже автобиографию назвал «Сказка моей жизни».

Ганс Христиан Андерсен

Все началось еще до его рождения. Или было predetermined. Андерсен родился на

кровати, которую его отец собственноручно сколотил из старых досок. И доски эти были раньше не чем иным, как погребальным помостом, на котором стоял гроб усопшего графа Трампе. С обратной стороны кровати даже черный креп остался. Представляете? Один из самых «крутых» обрядов черной магии – подложить под кровать роженицы щепку с погребального помоста. А тут – сама кровать! Считается, что с энергетикой погребального дерева к младенцу перейдут пороки и несчастья покойника. А бедный граф Трампе всю жизнь был одержим «лишней бутылочкой» и потому маялся разлитием желчи. К бедняге Андерсену действительно перешла одержимость – только другого рода. Наверное, искренняя любовь родителей поменяла в заклитии минус на плюс. Ганс и вправду был одержим всю жизнь. Одержим сочинительством. Ради того чтобы увидеть на бумаге свои сочинения, он в 14 лет покинул мать и родной городок Оденсе, ушел в столичный Копенгаген, в 16 лет сел за парту вместе с десятилетними мальчишками. Ради своих сочинений он упрашивал издателей, умолял знакомых подписаться на свои книги. Всю жизнь мерз от холода и маялся зубной болью. А умер неожиданно – от большой печени.

Предсказания и ворожба дружно шествовали с Андерсеном по жизни. Будто чувствовали, что они – родные ему, сказочнику. Первое предсказание произошло уже на крестинах. Заорав благим матом прямо на руках у пастора, Ганс получил свой первый публичный выговор. Его крестный попытался утешить мать Андерсена – Марию. «Это же хорошо, что он так кричит, – сказал крестный. – У мальчишки будет хороший голос, и он заявит о себе». Крестный дважды оказался прав. У Андерсена действительно был хороший певческий голос. И он действительно заявил о себе.

Второе пророчество преследовало Андерсена всю жизнь – то вдохновляло, то пугало. Оно ведь было «профессиональным». Местная старуха гадалка нагадала Марии, что ее сын станет известен и в его честь загорится огонь. Старуха даже определила, что это будет фейерверк. Но Андерсен частенько думал о пожаре. Всю жизнь он боялся открытого огня. Недаром огонь в его сказках – всегда гибель. В огне расплавились и стойкий оловянный солдатик, и его верная Танцовщица, и даже бедная девочка со спичками умерла, зажигая крохотные огоньки.

Андерсен боялся зря. 6 декабря 1867 года праздновалось его избрание почетным гражданином города Оденсе. Андерсен вышел на балкон ратуши, и над его головой взвились огненные брызги. Это был фейерверк в честь сказочника и его сказок.

Сколько тайн можно узнать, читая их! Вот, например, «Дюймовочка». Та, что печатается в библиотечке «Наша первая сказка». Самая детская, самая любимая. Прелестная сказочка о крохотной девочке, которую звали... Стоп! Звали эту девочку у Андерсена вовсе не Дюймовочкой, а Томмелизой. Дюймовочка появилась в русском переводе как калька – и не с датского языка, а с английского перевода. Хотя, надо отдать должное, в русском языке имя «Дюймовочка» прозвучало просто гениально. Не надо было объяснять, как у Андерсена – «крохотная Томмелиза». Но почему – крохотная? Дело в том, что Андерсен написал эту сказку для Генриетты Вульф, с которой познакомился еще в детстве. Она от рождения была увечна – горбата и малоросла, но очень добра и приветлива. Сколько раз она ободряла несчастного Ганса! А он всю жизнь называл ее своим лучезарным эльфом. Но вот оба выросли. И Андерсен понял, насколько несчастна Генриетта. Тогда он написал ей сказку. Задумывались ли читатели, о чем эта «детская» сказка? О приключениях Дюймовочки? Нет! Эта «взрослая» сказка – о поисках мужа. О том, как трудно найти достойного возлюбленного, когда все окружающие – жуки, кроты и жабы. В своей сказке Андерсен попытался наворожить героине счастливую судьбу – дать любимого – прекрасного эльфа в чудесной солнечной Италии. Жаль, что это произошло только в сказке. В жизни же Генриетте только и удалось, как побывать в этой самой Италии. Одинокая девушка, она пристрастилась к путешествиям. Во время одного из таких путешествий корабль, на котором она плыла, утонул. Известие об этом произвело на Андерсена страшное впечатление. Он шел по улице и вдруг почувствовал, что оказался посреди бушующего океана и дома, как громадные волны, хлынули на него. Улица смешалась в одно водянисто-красное месиво, и

Андерсен потерял сознание. Он и не знал, что мог быть ясновидящим.

И это случалось не один раз. Обычно он чувствовал плохое, когда оно случалось с теми, кого он любил. Дошло до того, что он стал в каждом опоздании друга предполагать самое худшее и страшно бояться. Ведь, вспоминая своего сошедшего с ума деда, он думал, что и сам теряет разум. Так что своими картинками ясновидения Андерсен предпочитал не делиться. Это была его тайна. Но в сказках она иногда прорывалась наружу.

Так однажды маленький сын поэта Мозера, приятеля Андерсена, подарил ему солдатика, чтоб сказочник не был одинок. Андерсен написал сказку «Старый дом», где одинокий старик коротал время с игрушечным солдатиком. Потом старик умер, и солдатика нашли его юные родственники. Андерсен очень любил эту сказку, но частенько горевал над ней. Не мог же он сказать, что эта сказка – пророческая. Маленький сын поэта вырос и умер от тяжелой болезни. Его коллекцию оловянных солдатиков нашел его юный сынишка.

Иногда, правда, у Андерсена бывали и счастливые видения. Еще мальчишкой он рассказывал старушкам из богадельни, которую он часто посещал, что его сказки понравятся самому королю и он даже придет в гости к Андерсену. И что бы вы думали? И Фридерик VII, и Фридерик VIII действительно будут приглашать сказочника во дворец, а когда ему станет тяжело передвигаться, сами станут заходить к нему в гости.

Весь XX век главная тайна Андерсена тщательно скрывалась, правда, только от нас – читателей самой читающей страны в мире. Прочтем внимательно «Снежную королеву» – сказочную повесть о великой дружбе и преданности. Жили-были брат и сестра – Кай и Герда, которые и дня не могли провести друг без друга. И снова – стоп! Кай и Герда были названные брат и сестра. И они с детства любили друг друга. Но тогда получается, Герда спасала не брата, а – возлюбленного. И это не сказка о дружбе, а сказка о любви. Такой верной и горячей, что против нее не устояли все вьюги Снежной королевы.

И снова – стоп! Почти весь XX век советские читатели свято верили, что Герда победила Снежную королеву силой своей любви к Каю. Только Андерсен написал иначе. Мы просто не могли этого прочесть – в стране атеистической пропаганды строки вымарывались. А было так. Когда олень умчался и Герда осталась одна перед ледяным дворцом, навстречу ей выступили войска снежных слуг. По советскому переводу Герда, не обратив на них внимания, пошла искать Кая. По тексту Андерсена Герда поняла – ей не одолеть их. И тогда, упав на снег, она начала читать молитву «Отче наш». Потому что Бог был ее единственным защитником. И из тумана возникли ангелы, которые разгромили слуг тьмы. Только после этой битвы Герда смогла войти во дворец и найти Кая. Без ангелов она не справилась бы.

Множество строк о молитвах, псалмах и Божественном вымарывалось не только из «Снежной королевы», но и из других сказок: «Дочь болотного царя», «Девочка со спичками». Обиднее всего обстоит дело с лучшей сказкой Андерсена – «Русалочкой». Отечественный читатель искренне убежден, это сказка о несчастной любви. Русалочка полюбила принца и заплатила жизнью за свою неразделенную любовь. Именно так читается эта история в наших безжалостно купированных изданиях. Но это снова не так! Андерсен писал сказку о том, что Русалочка хотела обрести бессмертную душу. Русалки лишены ее от рождения, а значит, не могут рассчитывать на вечную жизнь. Однако, как говорила русалочья бабушка, если русалку полюбит человек, он может поделиться с ней своей душой. Бессмертная душа – вот чего жаждала маленькая Русалочка и вот чем жертвовала во имя своей любви. И ее жертва не прошла незамеченной высшими силами. И потому, вопреки всем прогнозам морской ведьмы, Русалочка не умирала, а превращалась в легкое облачко – одну из дочерей воздуха. У них тоже нет бессмертной души, но они могут заработать ее добрыми делами. «Через триста лет мы войдем в Божье царство!» – эти слова безжалостно вымарывались из наших детско-юношеских изданий. В самом деле, ну ладно, душа – философский термин, но как объяснить детям, что за царство такое – Божие?!

Религиозность Андерсена – вот та самая тайна, что строже всего скрывалась от читателей атеистического XX века. Половина его сказок так или иначе включает религиозную тематику. Он же вырос в религиозной семье. Его семья не пропустила ни одной

воскресной проповеди, несмотря на то что одна бабка была вещуньей, другая – травницей. Даже неграмотная мать Андерсена, чистосердечно отстояв церковную службу, могла вполне профессионально приготовить настойку из бузины, ромашки, одуванчика. Так что способность к волшебству вместе с религиозностью была у него в крови.

И вот однажды, поняв, что он несчастлив, Андерсен начал ворожить... своими сказками. Сначала неосознанно, потом совершенно серьезно. Он исходил из неопровержимого постулата – в начале было Слово. Он начал придумывать сказки со счастливым концом для людей, которых любил, как для Генриетты Вульф. Или для стариков и старух, встреченных в городской богадельне, – им в своих сказках он придумывал множество родни, чтобы они не были одинокими. И представьте, родственники, давно не являвшиеся, стали приходить к своим старикам.

Наконец, он стал ворожить себе. Своими сказками он попытался переколдовать свою одинокую судьбу, приворожить счастье. Он верил, что сказкой можно изменить судьбу – и потому, сам никем не любимый, сочинял о прекрасном чувстве, чтобы вязью слов и образов найти и притянуть свою любовь. Мечтая о верной возлюбленной, он написал «Русалочку» и «Стойкого оловянного солдатика». Но ни одна женщина не откликнулась. И тогда, решив, что его нельзя полюбить, он напишет «Диких лебедей», в которых попросит судьбу хотя бы о сестре. А потом сочинит «Соловья», в котором скажет простую истину: настоящее искусство сильнее смерти. И тогда свершится наколдованное. Он познакомится с певицей Йенни Линд, прозванной в Европе «шведским соловьем». Так придет самая большая любовь в его жизни. А Йенни предложит ему стать ее... братом.

Он согласится. И даже напишет сказку про свою названую сестрицу. В сказке именно она станет преданной Гердой, отправившейся искать названного братца Кая – и не просто на край света, а в царство самой Снежной королевы. Андерсен забудет, что настоящий волшебник не может сделать чудо самому себе. Забудет, что сказка может обернуться любой стороной. Даже самой непредсказуемой. Фрекен Линд откажет Андерсену с легким сердцем. Ведь у нее окажется холодное сердце Снежной королевы.

Обрести любящую родственную душу – вот что было тайным стремлением Андерсена. Вот для чего он писал сказки в надежде, что кто-то прочтет и отзовется. Но не отозвался никто.

...Когда он умирал, говорил друзьям: «Не пишите сказок – они возьмут всю вашу жизнь». Может, он вспоминал, как однажды в Италии встретил красавицу Елену, позировавшую самому скульптору Канове. Тогда Елена сказала ему: «Уедем вдвоем, и никаких сказок!» И он отказался. Ведь без сказок он уже не мог жить. И вот, умирая, завещал: «Не ставьте сказки выше настоящей жизни».

В детстве он был похож на старичка – тощий, сморщенный, с длинным носом. Но когда умер, лицо разгладилось, обрело покой и умиротворение. Он лежал красивый и... молодой.

Черный кот... белый дрозд...

О судьбе великого поэта Альфреда де Мюссе (1810–1857) ходит множество легенд. Да все его творчество и вся жизнь представляют собой одну сплошную мистическую тайну.

Альфред де Мюссе

Лето 1820 года в Париже выдалось особенно пыльным и душным. Десятилетнего Альфреда де Мюссе и его младшего брата Поля родители на каникулы отправили к деду в имение Конье. Готический замок поразил воображение мальчишек. А когда дед рассказал им об истории их древнего рода и показал секретные комнаты с потайными ходами, дети пришли в восторг. Уже на следующий день озорник Поль потащил старшего брата на «поиск сокровищ». И хотя застенчивого Альфреда больше прельщала полумрак старинной библиотеки, где можно захлеб читать рыцарские романы, он, как всегда подчиняясь заводе Полю, пошел за братом.

Проржавевший скрытый механизм поддавался с трудом, но Полю все же удалось сдвинуть дубовую панель. Пахнуло сыростью. «Сейчас мы увидим призрака!» – замирая от восторга, заявил Поль. И тут из чрева тайного хода на мальчиков прыгнуло что-то черное, мохнатое, огромное. Впечатлительный Альфред тоненько вскрикнул и упал в обморок.

«Ну, ты слабак! – Младший братишка крутился возле постели, куда по приказу деда слуги перенесли Альфреда. – Чего испугался? Это же был просто большой черный кот! Вставай, пойдем искать сокровища, а то после обеда дед велел мне прочесть пятьдесят раз «Отче наш» за то, что я тебя не уберег. И почему я должен вечно с тобой возиться? Ведь ты – старший...»

Альфред не ответил. Он закрыл глаза и мысленным взором опять увидел метнувшуюся к нему черную тень...

...Восемнадцатилетний Альфред де Мюссе, потупив длинные и шелковистые, как у девушки, ресницы с обожанием глядел на мэтров романтической литературы. Сегодня ему впервые удалось попасть на заседание «Сенакля» – литературного кружка в доме самого Виктора Гюго. Правда, никакое это не заседание! Поэт Теофиль Готье, писатели Александр Дюма и Сент-Бёв, художники Делакруа и Девериа и еще множество незнакомых лиц окружили хозяина дома и, рассевшись кто на стульях, а кто и просто на ковре, долго и страстно спорили о литературе и искусстве. Потом Делакруа показывал свои наброски, а Готье и Гюго читали стихи. И вдруг великан Дюма громогласно пророкотал: «Пусть и новенький прочтет что-то!» Все обернулись к Мюссе. Тот замешкался, но взял себя в руки: «Баллада о луне».

Стихи понравились. Они дышали юностью, были одновременно и взволнованны, и чуть ироничны. Доброжелательный Дюма захлопал во всю мощь огромных ладоней: «Еще!» Его поддержали остальные. И тут в проеме двери показалась супруга Гюго – Адель. На руках у нее, украшенный голубым бантом, восседал ухоженный черный кот. Мюссе стушевался и замолчал.

Больше он не рвался в «Сенакль». Зато с невероятной быстротой покориł кружки золотой молодежи. Правда, чтобы стать своим, Мюссе пришлось пристраститься к абсенту, опиуму и азартным играм. И когда он, стройный, красивый как молодой бог, с развевающимися светлыми волосами, появлялся в очередном салоне, одетый в синий редингот с бархатными отворотами, брюки в обтяжку и лихо заломленный цилиндр, сердца аристократок и дам полусвета начинали биться в ускоренном ритме. К тому же первый поэтический сборник девятнадцатилетнего Мюссе произвел настоящий фурор. Правда, романтики «Сенакля» были умерены в похвалах. За это избалованный насмешник начал строчить на них эпиграммы, называя Гюго «Гусем Га-га», а Сент-Бёва – «Сент-Бевю» (от «бевю» – ошибка). Романтики стали стеной – и вот уже литературный мир заговорил о Мюссе осуждающе, и следующий сборник его стихов и поэтических пьес «Театр у себя дома» пресса встретила гробовым молчанием.

В начале весны 1833 года издатель журнала «Ревю де Монд» давал большой литературный обед. Мюссе оказался рядом с волоокой красавицей Авророй Дюдеван, пишущей под псевдонимом Жорж Санд. О ней ходили самые интригующие сплетни, говорили, что она – «извращенка»: носит мужское платье и курит сигары. К тому же Альфред знал, что она старше его на шесть лет. Однако даже это не удержало его от визита на набережную Малакэ, где мадам Жорж Санд снимала весьма приличную квартиру. Она встретила его, демонстративно дымя длинной вишневой трубкой, одетая в желтый шелковый халат почти нараспашку. Эпатажный поэт не уступил хозяйке – скинул туфли и носки, оставшись босиком. Словом, «мятежники» нашли друг друга.

Вскоре Мюссе переехал в дом на набережную. И жизнь превратилась в сплошную череду праздников. Приглашая гостей, Аврора переодевалась в цыганку, гадала и пела. Альфред придумывал более забавные шалости – то переодевался служанкой и в коротенькой юбке с крестиком на оголенной шее подавал гостям ужин, то заворачивался в тигровую шкуру и нападал на гостей, изображая «дикаря». В сентябре любовники решили снять домик в лесу Фонтенбло. И как-то ночью отправились погулять при луне по... старому кладбищу.

Они бродили среди длинных теней, отбрасываемых надгробиями. И вдруг Альфред остановился: «Смотри!» Аврора обернулась, но ничего не увидела. Мюссе смотрел куда-то вдаль, и дрожь все сильнее била его. «Вон же, прямо по вересковой поляне, движется бледный призрак... Он в изорванной одежде, с растрепанными волосами... Разве ты не видишь, это призрак нашей любви. Или это... я?» Альфред вскрикнул и упал на землю.

Теперь Мюссе все чаще начал уходить из дома, и все вернулось на круги своя – опиумные курильни, абсент, карты и измены-измены-измены... Так больше не могло продолжаться! Аврора увезла беднягу в далекую Италию. Разве они не мечтали увидеть эту прекрасную страну искусства? Однако Небеса не благословили поездку. В Генуе Аврора заболела, и, избегая ее горячечной постели, Альфред отправился изучать портовые притоны. Потом была Венеция. Но и там Мюссе привлекали одни куртизанки. Аврора ждала его возвращения долгими ночами, вздрагивая от каждого крика на улице. Однажды он вернулся под утро после какой-то драки. Одежда разорвана и вся в крови, волосы взлохмачены – точь-в-точь тот самый призрак... Аврора кинулась навстречу, но безумец отпихнул ее, в ужасе крича: «Вокруг бесы! И сатана с черным котом!» Это было ужасное зрелище. Авроре пришлось вызвать врача.

Доктор Пьетро Паджелло оказался молод и красив. Ночи напролет он просиживал у постели больного. Мюссе бредил. Черноволосый доктор казался ему большим черным котом, и он гнал его вон. Но однажды Альфред очнулся и увидел, как его «возлюбленный Жорж» целуется с Паджелло. И тогда Мюссе прошептал: «Привела кота, ведьма!»

Аврора осталась в Венеции с новым любовником. А Мюссе, вернувшийся в Париж, метался по притонам, стараясь забыть коварную изменщицу. Однажды вечером в отчаянии решил порезать себе вены, но вдруг вспомнились собственные строки, написанные когда-то в романтическом настроении:

Узнайте вы, что каждую строку
Мы пишем нашей собственной кровью,
Тоскою откликаясь на тоску,
А на любовь – восторженной любовью!

Теперь романтика обернулась реальной жизнью, но поэт уже знал рецепт выздоровления – он должен писать. К лету 1834 года появилась пьеса «С любовью не шутят», полная отголосков бурной страсти, за ней трагедия «Лорензаччо», которую они с Жорж Санд когда-то хотели написать вместе. К 1835 году появилось лучшее лирическое произведение поэта – цикл «Ночи», названный критикой «криком любви и горя». Правда, другие критики называют поэзию Мюссе дьявольской и призрачной. Но для него по-прежнему ценно только отношение его жестокой возлюбленной. Он забрасывает ее письмами: «Я хотел бы возвести тебе алтарь, хотя бы даже на моих костях... Гордись, мой великий и славный Жорж, из ребенка ты сделала мужчину. Я хочу описать нашу историю: мне кажется, это излечит меня и придаст мужества. Я уезжаю писать роман».

«Исповедь сына века» была опубликована в 1836 году и сделала Мюссе «великим литератором Франции».

Теперь театры наперебой пытались заполучить пьесы Мюссе, забыв, что когда-то его первое творение провалилось с треском. В начале 1850 года пьесу «Подсвечник» принял к постановке главный театр страны «Комеди Франсез». Однако Мюссе запросил фантастическую сумму – 40 тысяч франков. Директор театра уже был наслышан об «экстравагантностях» автора: не далее как месяц назад поэт заломил неслыханный гонорар – 4 тысячи – и всего-то за газетный фельетон. Но что самое поразительное – прокутил сей гонорар за один вечер. Поразмыслив, директор «Комеди Франсез» нашел «обходной путь» – пообещал Мюссе вместо звонкой монеты оплатить месячный ресторанный долг.

На одну из репетиций драматург пожаловал пораньше. Уже на входе в зрительный зал услышал странную музыку, будто кот истошно вопит, когда его дергают за хвост. Оказалось, известный всему Парижу композитор Жак Оффенбах, которого дирекция пригласила писать музыку, играл актерам свои пародии. Мюссе вылетел из зала как ошпаренный. Оффенбах кинулся за ним: «Что случилось, мэтр?» Мюссе зло повернулся к композитору: «Недаром все говорят, что у вас дурной глаз – вы сглазите мою пьесу! В вашей музыке живут бесы!» Композитор стиснул кулаки: «Не вам, любителю абсента, пугаться чужих бесов!»

Мюссе в негодовании покинул театр. Уже на другой день он свалился с тяжелой болезнью. Но и в театре дела пошли из рук вон плохо. На репетициях падали декорации, актеры теряли голоса, в страхе жалуясь, что их кто-то душит. В итоге дирекция уволила Оффенбаха, но премьеры все равно провалилась. Весь Париж шептался: «Два проклятых человека – дьявольский композитор и поэт призраков сглазили друг друга!»

Все чаще и чаще у Мюссе начали повторяться припадки. Его новая возлюбленная красавица актриса Луиза Ален-Депрео приходила от всего этого в ужас. Вот и сейчас она застыла посреди гостиной. Она забыла, что принадлежит к древнему роду, что Париж боготворит ее за актерский талант, что она любит этого человека, катающегося сейчас по ковру гостиной и пытающегося отогнать демонов, видимых только ему. Стукнула дверь. Слава богу, прибежал младший брат Альфреда. «Поль! – зарыдала на его плече Луиза. – Опять всю ночь припадок! И опять Альфи разговаривает со своим проклятым призраком!»

Поль поднял брата и отнес в его комнату. Как в детстве, сел рядом с кроватью и взял Альфреда за руку, приговаривая: «Ты же старший, ты сильный! Нет никаких призраков... Очнись, брат!» Но рука Альфреда безвольно поникла. Вздохнув, Поль поднялся и подошел к

письменному столу. Там лежали гранки с очередной правкой – «История белого дрозда». Поль знал это символическое повествование: в семье черных дроздов родился белый птенец, и никто не знает теперь, как к нему относиться. Поль вздохнул. Разве и сам Альфред не был той редкостной птицей с поэтическим голосом? И разве его произведения не вызывали то громогласного восхваления, то всеобщего раздражения?

Альфред Мюссе вдруг очнулся. Обвел странным взглядом комнату и прошептал: «Черный кот сожрал белого дрозда...» Глаза поэта закрылись, и мысленным взором он опять увидел метнувшуюся к нему черную тень. На этот раз тень была столь огромна, что простиралась до небес. Начиналось утро 2 мая 1857 года. Но Альфред Мюссе его уже не увидел.

Главная книга Александра Дюма

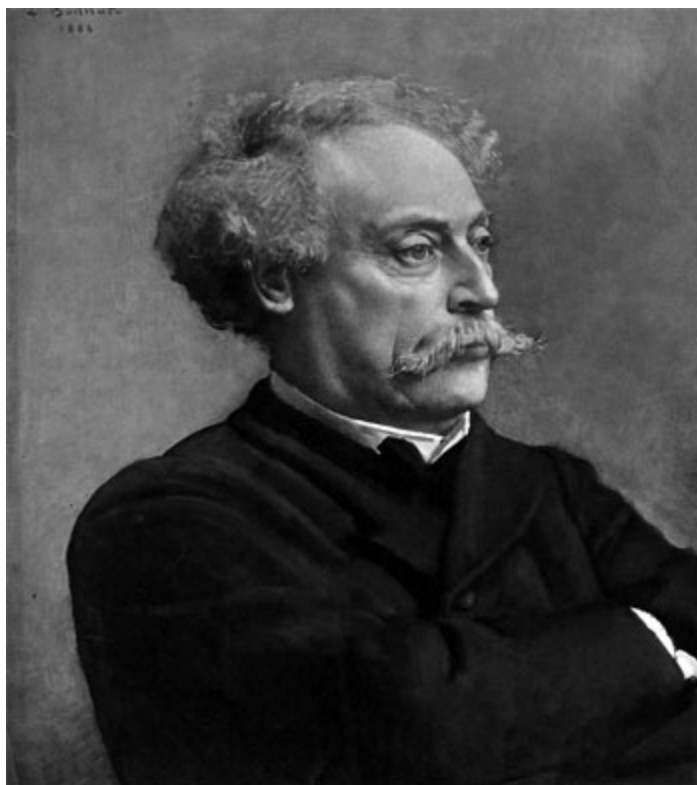
Какая книга была главной в творчестве великого Александра Дюма: «Три мушкетера», «Граф Монте-Кристо»? Ни та ни другая. Но какая же?

Теперь уже мало кто помнит, что кроме написания исторических романов папаша Дюма тяготел к еще одной страсти – вкусно покушать. И уж конечно, никто теперь не помнит, что идея выплеснуть свою страсть гурмана на страницы рукописи родилась у писателя в 1858 году, когда он гостил в далекой России, где хлебосольные хозяева закармливали его вкуснейшими, но совершенно неизвестными блюдами. И вот прошло 12 лет...

В марте 1870 года большой и шумный Александр Дюма-отец ввалился в скромную комнатку начинающего издателя Альфонса Лемера, потрясая рукописью: «Я написал сотни романов, но мое имя прославит именно эта книга!» Лемер с интересом открыл толстенную папку и замер – «Большой кулинарный словарь» на тысячу страниц! Конечно, вся Франция знала, что автор бессмертных «Трех мушкетеров» собирал кулинарные рецепты. Но то, что он собрал, оказалось грандиозным: 896 кулинарных «персоналий» – статьи, рецепты, зарисовки, исторические сведения, расположенные по алфавиту. Это же капитальный труд!

Издатель тут же пустил рукопись в работу – привлек для редактирования молодого, но весьма начитанного Анатоля Тибо, в то время писавшего новеллы под псевдонимом Анатоля Франс. Однако публикации Дюма не увидел. Его разбил инсульт, и в ночь с 5 на 6 декабря 1870 года 68-летний писатель скончался. Так что не очередной блестящий роман оказался его завещанием миру, а «Большой кулинарный словарь», вышедший в 1873 году. И оказалось, что кулинарные рецепты папаша Дюма ничуть не уступают страницам авантюрных романов, которые с таким восторгом проглатывали его читатели.

Дюма частенько бывал баснословно богат. Тогда он роскошествовал, покупал персидские ковры, антиквариат, построил замок Монте-Кристо. Друзья писателя съезжались туда без предупреждения и гостили месяцами. Дюма оплачивал их долги, дарил щедрые подарки. Через какое-то время деньги у него кончались. Антиквариат шел на распродажу, замок закладывался до лучших времен, слуги разбегались без жалованья. Писатель оставался один. Вот тогда и наступало время безденежных озарений, ведь даже нищий Дюма любил вкусно покушать. И вот, готовя собственноручно, он выдумал свой самый великий рецепт – луковый суп: две луковицы, четвертушка черного хлеба и пол-литра кипятка – вот вам и «пир гурмана». Правда, парижане удивлялись: почему мэтр называет ржаной хлеб черным? Сия тайна открывается просто – именно так зовут его в России, которую неугомонный Дюма полюбил со всей широтой своего щедрого сердца.

Александр Дюма-отец

В нашу страну Александр Дюма пожаловал в 1858 году – собирать материалы для книги о декабристах. И потому власти приняли писателя отнюдь не радушно, а настороженно – как опасного вольнодумца. Едва въехав в Россию, Дюма получил «почетный конвой» – постоянных полицейских наблюдателей. О каждом его шаге составлялись самые подробные донесения, которые отправлялись прямо императору Александру II. Упоминалось все – где был, с кем встречался. Нашлось место и для донесений о кулинарных изысках «приезжего француза». Начальник Второго корпуса жандармов генерал-лейтенант Перфильев (представляете, сколь высокий чин следил лично!) писал из Москвы своему начальству: «В семействе Нарышкиных, где живет Дюма, его очень хвалят... Он имеет страсть готовить сам на кухне кушанья, и, как говорят, мастер этого дела...» Это известие так удивило императора Александра II, что он даже подчеркнул последнее предложение жирной чертой.

А вот российская интеллигенция встретила Дюма восторженно и радушно. Его зазывали в лучшие дома обеих столиц, ему рады во всех городах, в которые он приезжал. Любопытный и озорной Дюма мало обращал внимания на полицейский надзор, посещая отнюдь не самых благонадежных граждан. Например, побывал на даче у популярного в кругу разночинцев писателя Ивана Панаева. Там его угощали отменным обедом: сперва ботвиньей, потом щами, затем жареным поросенком с хреном, уткой с яблоками, грибами в сметане и слоеными пирогами с вареньем. Дюма привел семейство писателя в недоумение – он не столько восхищался необычным для француза вкусом блюд, сколь рьяно записывал ингредиенты, а потом ринулся на кухню дотошно выспрашивать кухарку – как, что и когда она делает.

Но и сам Дюма сумел удивить россиян мастерством приготовления блюд, считавшихся распространенными в России. Приехал ведь весьма подкованным по кулинарной части. Путешествуя по Кавказу, устроил в городе Поти праздничный прощальный грузинский обед, заткнув за пояс в приготовлении блюд самих хозяев.

В родном Париже Дюма закатывал раблезианские пиры – конечно, когда получал гонорары. В 1866 году Жорж Санд (тоже признанная гурманка) восторженно писала

знакомым:

«Весь обед – от супа до салата – приготовил папаша Дюма. Восемь или десять превосходных блюд. Пальчики оближешь!» Как видим, восхищенная писательница даже сбилась со счета, перечисляя лакомства, которые ей довелось отведать.

Как известно, сам Дюма был большой и толстый. Его мушкетеры ведрами хлестали бургундское, другие герои тоже не отставали – то и дело открывали бутылки шампанского и бордо. Отсюда и принято считать, что писатель был не только обжорой, но и пьяницей. Но это не так! Несмотря на свою страсть к кулинарии, сам он ел очень умеренно, алкогольные напитки, кофе и табак не жаловал. За столом пил только подкрашенную красным вином воду, а когда гости особо приставали – рюмку белого вина, обильно запивая ее сельтерской водой. Хотя пить Дюма умел: во время путешествия в Россию перепил на Кавказе грузин, за что и был пожалован почетным сертификатом, «удостоверяющим не интеллектуальные, а метрические способности», то есть сколько вина в него влилось. «Раз устояв перед собеседниками грузинскими, можно уже не опасаться никаких других!» – с жаром признавался позже писатель. А еще он говорил: «Настоящий кулинар просто обязан вести трезвый и правильный образ жизни! Иначе как отмеришь соль или перец нетрезвой рукой?» И прибавим, как еще можно написать 646 книг, если не на трезвую голову и здоровый желудок? Вот бы всем такую работоспособность! Может, именно в ней и заключена самая большая тайна папаша Дюма, которая и помогла ему создать столько шедевров.

Странный мир Зазеркалья

Вот уже второй век литературоведы и ученые ломают голову над тайнами двух детских сказок – «Алисы в Стране чудес» и «Алисы в Зазеркалье». А между тем их создатель Льюис Кэрролл и сам жил в некоем странном мире, где все было перевернуто, непредсказуемо и наоборот.

Начнем с того, что никакого Льюиса Кэрролла не было. Был застенчивый и чудаковатый Чарльз Лутвидж Доджсон (1832–1898) – скромный английский каноник, математик и логик. Он работал сначала библиотекарем, потом, получив звание профессора, преподавал математику и логику в Оксфордском колледже Крайст-Черч, весьма увлекался другими точными науками и писать сказки вообще не собирался.

Но все пошло иначе. Однажды во двореике колледжа Доджсон увидел девочек, играющих в крокет. Девочки оказались дочерьми декана Лидделла. Уже буквально через несколько дней они подружились с одиноким каноником. Доджсон охотно играл с ними в разные игры, большинство из которых выдумывал сам, водил девочек на прогулку.

Льюис Кэрролл

Пятница 4 июля 1862 года стала волшебным днем не только для сестричек Лидделл, но и для всей английской литературы. Хотя началось все тоже традиционно.

В то время было модным отправляться на пикники или совершать маленькие путешествия. Взрослые обычно брали детей, чтобы показать им окрестности. Вот и Доджсон вместе с другом – каноником Робинсоном Даквортом решили отправиться на лодке вверх по реке к руинам старинного монастыря Годстоу. С собой друзья взяли сестер Лидделл. Лорине тогда было 13 лет, Алисе (любимице Доджсона) – десять, а Эдит – восемь. Самому Доджсону в то время исполнилось 30 лет.

Поездка намечалась познавательная. Друзья хотели осмотреть старинный колодец, который недавно нашел их общий приятель молодой священник Чарльз Праут. По легенде, колодец этот обладал целебными свойствами. В незапамятные времена покровительница Оксфорда святая Фридесвиде бежала в эти места, спасаясь от похотливых посягательств короля Алгара. Алгар погнался на ней, но десница Господня покарала его слепотой. Однако прекрасная Фридесвиде на то и была святой, что вымолила прощение нечестивцу. Ей явилась святая Маргарита и показала целебный колодец, омыв в котором глаза король смог бы вновь увидеть свет. С тех пор веками к волшебному колодцу приходили страждущие. Но к XIX веку колодец разрушился и зарос тиной. Тем более интересно было взглянуть, что же откопал Праут.

Беда была в том, что девочек не занимала старинная легенда. Они скучали, и непоседливая Алиса стала требовать рассказать сказку поинтереснее. Так посреди реки, между взмахами весел и родилась сказка для Алисы – «Приключения Алисы в Стране чудес».

Печатать сказку Доджсон вовсе не собирался. Немного подработав текст, он переписал его крупными, понятными буквами и подарил Алисе на Рождество 1864 года. Рисунки он

тоже нарисовал сам, как умел. Естественно, Алиса гордилась таким взрослым подарком. Ведь даже дамам кавалеры дарят только стихи, а здесь – целая книжка! Подарок читали маленькие друзья Алисы, и однажды один из них сказал Доджсону: неудобно читать всем одну и ту же книжку – надо чтоб было много таких книг. Это и решило дело – Додж сон начал хлопотать об издании.

Но о том, чтобы публиковаться под собственной фамилией, и речи быть не могло. Книга вышла в 1865 году под псевдонимом Льюис Кэрролл. И с тех пор этот самый Кэрролл всю жизнь, как жаловался автор, подкладывал ему свинью. Началось с того, что настоящая фамилия все равно выплыла наружу. Кончилось тем, что никто Доджсона собственным именем уже не называл. Ведь это только сам он был уверен, что написание сказок для оксфордского педагога, к тому же священника, несолидно. Вся читающая Англия думала иначе. Книга с первых же дней стала культовой. Возникло множество кружков почитателей «Алисы». Книга вошла в школьный курс. Ее восторженно прочла даже сама королева Виктория. Это было просто совершенно незапланированное чудо.

Вторая сказка по «наобороткам» не уступила первой. Взять хотя бы само название – «Алиса в Зазеркалье», к которому столь привыкли русские читатели. В оригинале же книга называлась «Сквозь зеркало, или Что там нашла Алиса». И удивительно, но русский перевод точнее отражает суть происходящего. Ведь само слово «Зазеркалье» включает понятие куда более объемное и парадоксально-фантастическое, нежели то, что может выразить словосочетание «сквозь зеркало». К тому же «зазеркалье» предусматривает вхождение зазеркального мистического мира в наш, обыденный. Понятие «сквозь зеркало» предусматривает только шаг из нашего мира в иной.

Сюжет книги сложился из тех экспромтов, которые сочинял Кэрролл, когда обучал Алису игре в шахматы. Но к понятию зазеркалья Алиса Лидделл, что бы ни утверждала легенда, отношения не имеет. Эффект зазеркалья Кэрролл объяснял совершенно другой Алисе – Алисе Рейк, своей дальней родственнице, гостившей у него с родителями. Еще одна Алиса появилась в иллюстрациях художника Джона Тенниела. Дело в том, что Кэрролл просил его нарисовать Алису Лидделл, но только с длинными светлыми локонами. У Алисы же волосы были темные и коротко стриженные. Вот Кэрролл и послал художнику фото другой девочки – Мэри Алисы Бедкок. Так что, как и положено в парадоксальной сказке, Алисы путались и множились, превращаясь одна в другую.

Даже выход книги стал основой для путаниц. На обложке стоит дата – 1872 год. На самом деле книга вышла в декабре 1871 года, тоже под Рождество. А 1872 – уловка издателей, чтобы рождественскую книгу можно было бы продавать весь год.

Обе книги стали настольными и культовыми. Более того, чопорные англичане вот уже второй век считают веселые, парадоксальные и непредсказуемые приключения Алисы книгой номер 1. Действительно, чего только там нет. Вот уж воистину – груда тайн! До сих пор ученые и литературоведы спорят о том, что же Кэрролл имел в виду, о чем он хотел сказать. Предположения множатся, захлестывают друг друга, переходят все границы возможного.

Взять, например, самых странных героев. Кто они? Откуда взялись? Вот, скажем, Чеширский кот («Алиса в Стране чудес»). У англичан издавна бытует поговорка: «Улыбается как Чеширский кот». Получается, Кэрролл взял в герои фольклорного персонажа. Но откуда сам герой? Точно никто не знает. Правда, есть несколько версий. По одной, в графстве Чешир (там, где родился и сам Доджсон) над дверями весьма популярной таверны художник нарисовал парочку львов, которые вышли похожими на больших котов. Но можно себе вообразить, что видели посетители таверны, когда, уходя, хмель застилал им глаза. По другой версии, в том же чеширском графстве когда-то сырам придавали форму кошачьих голов с соблазнительной улыбкой. Так что, когда их ели, они убывали на глазах. Оставалась одна улыбка на корочке. Потом догрызали и ее. Не здесь ли кроется отгадка хитрющей и пленительной улыбки Чеширского кота, который умел исчезать по частям – сначала исчезал кончик хвоста, а последней – улыбка? Она еще «долго парила в воздухе, когда все остальное

уже пропало».

А кто такой Шалтай-Болтай? Да никто! Такого героя у Кэрролла в Зазеркалье вообще нет. У него есть Хампти-Дампти – нечто бесформенное, одновременно бестелесное и всеохватное. Тоже, между прочим, фольклорное создание. А Шалтай-Болтай появился в переводе С. Маршака. За основу были взяты слова Алисы, что он – круглый, белый, гладкий и похож на яйцо. И возник гениальный перевод имечка даже более сказочного, чем сам оригинал. Действительно, кто может сладить с яйцом, собрать его снова, если оно расколется и растечется?

Конечно, фольклорно-сказочные персонажи хороши. Но парадоксалист Кэрролл изменил бы сам себе, если бы не ввел в волшебную сказку обычных знакомых ему людей. И это относится не только к самой Алисе и ее сестрам, но и ко вполне почтенным взрослым. Чего стоит только появление в «Зазеркалье» Черной Королевы – этой фурии, которую Алисе предстоит обыграть. А ведь за Черной Королевой, постоянно поучающей и одергивающей Алису, стоит реальная мисс Прикетт – гувернантка семейства Лидделл. Чопорную и злую, девочки прозвали ее Колючкой. Но к Кэрроллу эта Колючка была поначалу весьма расположена – ведь, когда он начал каждодневно посещать семью Лидделл, Колючка приняла это на свой счет. Она даже раструбила повсюду о сердечной привязанности застенчивого математика, и на него стали бросать косые взгляды. Ну, как было не отомстить этой Колючке в стране Зазеркалья – «пусть побегаёт со всех ног, чтобы только остаться на том же месте!».

А что такое «безумное чаепитие», на которое попадает Алиса в Стране чудес? Ее встречают безумный Мартовский заяц (недаром в Англии есть поговорка: «Безумен, как мартовский заяц»), вечно засыпающая Мышь-Соня и грубиян Болванщик, никого не желающий слушать и вечно обрывающий собеседников. Уже современники поняли, как похоже собрание этой колоритной троицы на очередное ученое заседание, которыми так забита была жизнь преподавателя Доджсона. Современники даже героев узнавали – конкретных профессоров Тринити-колледжа в Кембридже – философов Б. Рассела, Дж. Мура и Дж. Мак-Таггарта. «Тринити» – значит Святая Троица. Профессоров так и прозвали в дальнейшем – Троица безумного чаепития. Конечно, время идет, но сколько таких безумных чаепитий происходит и в наши дни!

На прототип Болванщика (в некоторых переводах – Шляпника) претендует еще и чудаковатый изобретатель Теофилиус Картер. В Оксфорде его прозвали Безумным Шляпником, поскольку он всегда носил цилиндр и не знал удержу в своих изобретениях. Между прочим, он изобрел эксцентричную кровать-будильник, которая будила спящего, в нужное время просто сбрасывая его на пол.

Самому Кэрроллу тоже нашлось место в сказках. В «Алисе в Стране чудес» он появился под видом птицы До-до. Дело в том, что, знакомясь, он обычно заикался от смущения. Получалось: «До-до-доджсон». В «Зазеркалье» Кэрролл стал Белым Рыцарем, единственным, кто в странствиях Алисы предложил ей искреннюю помощь. И это была хоть и грустная, но карикатура на самого себя. Ведь Белый Рыцарь так и не научился жить во взрослой жизни.

Невероятные фантазии оксфордского каноника

Льюис Кэрролл, а вернее, Чарльз Лутвидж Доджсон, с первых лет жизни видел мир как огромную игру-головоломку. Ведь он, родившийся 27 января 1832 года в Чeshire (помните Чеширского кота с его улыбкой?), никогда не испытывал недостатка в игре и партнерах. В его семье, где отец был приходским священником, было одиннадцать детей: четверо мальчиков и семь девочек. Чарльз родился первым, так что ему было для кого напрягать фантазию и искать ответы на разнообразные вопросы. Правда, особо думать не пришлось: фантазия у мальчишки лилась через край, а ответы словно рождались сами собой. Недаром исследователи отмечали, что по какому-то странному наитию он сам, без чьих-либо

подсказок как-то сразу умел проникать в суть вещей и их устройство. Сначала это были игрушки: железная дорога, которую он выстроил сам, кукольный театр, опять же собственного изготовления. Потом появились разгадки головоломок, ребусов, шахматных задач. Ну а позже, уже став профессором, он начал разгадывать загадки самой жизни. И надо подчеркнуть, что и саму жизнь он видел как одно скопище головоломок и ребусов, разгадав которые попадаешь в другое – и так бесконечно.

Как и его персонаж, Безумный Шляпник, Кэрролл вечно придумывал разные изобретения, оригинальные, но совершенно ни на что не пригодные, как казалось тогда. Однако будущее показало, что они не столь уж и бесполезны. Просто их место нашлось не в викторианской Англии, а только в будущем. Например, страстный любитель шахмат, Кэрролл изобрел дорожные доски – те самые с магнитами, с которых фигуры не падают при тряске. Тогда это казалось мало кому нужным. Сегодня ими пользуются многие. Изобрел Кэрролл и заменитель клея – то есть бумагу, клеим смазанную. Тогда ею пользовались только девочки Лидделл – сегодня любая секретарша.

А сколько научных воззрений, задач и гипотез в сказках Кэрролла – даже неудобно иногда называть их сказками. Их образы и ситуации используются самыми солидными учеными, чтобы ярче и нагляднее объяснить современные научные представления о мире. Особенно часто обращаются к текстам Кэрролла его соотечественники – англичане. Так, эпизод, когда Алиса в Стране чудес то увеличивается до огромных размеров, то стремительно уменьшается, нередко приводится современными физиками как наглядная иллюстрация теории расширения и сжатия Вселенной. Выдающийся математик сэр Эдмунд Уиттекер в своей книге «Закон Эддингтона в философии науки», изданной в 1951 году в Кембридже, всерьез описывая уменьшающуюся Вселенную, вспоминает смешные уменьшения Алисы. А оксфордские педагоги, рассказывая студентам о бесконечно убывающей последовательности в математике, вот уже больше ста лет приводят пример бесконечных снов Алисы и Черного Короля: Алиса видит во сне Короля, который видит во сне Алису, которая видит Короля, и так далее.

Интересно, что, меняясь в размерах, Алиса пытается вспомнить хотя бы некоторые совершенно устойчивые понятия – например, таблицу умножения. Что может быть устойчивее! Но четырежды пять у нее оказывается – двенадцать, а четырежды шесть – тринадцать. Снова – парадокс? Не совсем. Дело в том, что Кэрролл пользуется различными системами счисления. Ведь, если Алиса меняется в размерах, в «размерах меняются» даже цифры. В восемнадцатеричной системе счисления, использующей как основание 18, четырежды пять действительно будет 12. А четырежды шесть равняется 13 в системе счисления с основанием 21. Современники Кэрролла недоумевали: на что нужны все эти различные системы? Однако они весьмагодились для ученых разработок XX века, в том числе и для компьютерного моделирования.

Интересно, что и само построение сказок про Алису, оказавшееся столь непривычным для времени Кэрролла, сейчас воспринимается как абсолютно понятное: это – виртуальный мир компьютерной игры. Открывается дверь, за ней еще две двери, надо выбрать, в какую войти. За теми дверями – следующие. И опять выбор. Зеркальное построение множится, раскалывается на куски и вновь собирается в целое. Герои продвигаются к цели или застревают. Виртуальный мир затягивает, и герой не в силах выбраться в мир реальный. Тогда, во времена сказок, страницы вымышленных книг не могли увлекать столь глубоко, как нынешние страницы компьютера. А вот сказки Кэрролла затягивали, ибо действовали на подсознание, как и современные компьютерные игры.

Трепетно относятся к сказкам Кэрролла и последователи Альберта Эйнштейна. Они всегда обращают внимание на то, что сказочник-математик, описывая падение Алисы в кроличьей норе с равномерно возрастающим ускорением, в известном смысле предвосхитил знаменитый «мысленный эксперимент», в котором Эйнштейн описывал падение воображаемого лифта, чтобы объяснить некоторые аспекты своей теории относительности. Как иллюстрацию положений относительности физики приводят и «бессмысленный» бег

Черной Королевы, которая объясняет Алисе законы Зазеркального мира: «Ну а здесь, знаешь ли, приходится бежать со всех ног, чтобы только остаться на том же месте! Если же хочешь попасть в другое место, тогда нужно бежать по меньшей мере вдвое быстрее!»

В главе «Зазеркальный дом» возник еще один парадокс: можно ли Алисе, живой девочке, пить зазеркальное молоко? Алиса решила, что – нет. Естественно, ни Кэрролл, ни Алиса не могли это доказать. Только в 1957 году два американских физика китайского происхождения – Ли Цзун-дао и Янг Чжень-нин – получили Нобелевскую премию за теоретический труд по антивеществу, то есть веществу, имеющему асимметричное расположение атомов. Их труд подтвердил – зазеркальное молоко действительно нельзя пить. Да и Алиса не сможет даже пригубить такое молоко – как только она до него дотронется, оба они, как антивещества, взорвутся.

Все эти детали у Кэрролла из разряда предвидений, предвосхищений. Немудрено, что фанаты «Алис» считали его чуть ли не предтечей. Замкнутость реального достопочтенного Доджсона они расценивали как необходимость умолчания о сокровенных знаниях, в которые он был якобы посвящен. Чужачества джентльмена Викторианской эпохи, его любовь к логической игре и фантастическим парадоксам объясняли стремлением поделиться своими знаниями в закодированной форме. Немудрено, что даже сама жизнь Кэрролла, уважаемого и щепетильного викторианского священника, стала объектом изучения, поклонения и даже описания.

Так, в романе известного мастера фантастики XX века Фредерика Брауна *Night of the Jabberwock* (в русском переводе «Ночь Бармаглота», Бармаглот – один из героев «Алисы в Зазеркалье») вопрос о Кэрролле поставлен с обезоруживающей простотой. Герой романа узнает, что существует общество поклонников писателя «Светозарные мечи». И общество это владеет тайной – сказки Кэрролла – вовсе не сказки, а зашифрованные повествования о жизни в других измерениях. И тот, кто сумеет правильно прочесть написанное, тоже сможет туда попасть.

А в рассказе «Все тенали бороговы» Льюиса Педжетта (под этим псевдонимом скрывались муж и жена Генри Кутнер и Кэтрин Л. Мор) дети, расшифровав стих Кэрролла *Jabberwocky*, нашли в нем фонетический ключ для перемещения в иной пространственно-временной континуум и отправились туда на глазах изумленных родителей, оставив им «бессмысленные» стишки:

Часово жиркие товы
И джикали и джакали в исходе.
Все тенали бороговы
И гуко свитали оводи.

Казалось бы, еще один сюжет для фантастического рассказа. Вот только в книгах «Новые пути в науке» и «Природа физического мира» английский астроном Артур С. Эддингтон обнаружил, что формальная и фонетическая структура стихотворения о Бармаглоте строится на тех же принципах, что и математическая теория групп, между прочим, выведенная только в XX веке. И математическое описание стиха оказалось весьма сходным с описанием некоей элементарной частицы, которая могла бы действовать «неизвестным нам образом» – свободно приходить «из ниоткуда» и уходить «в никуда». Интересно, где математик Доджсон, он же – сказочник Кэрролл, подслушал такую фонетику?

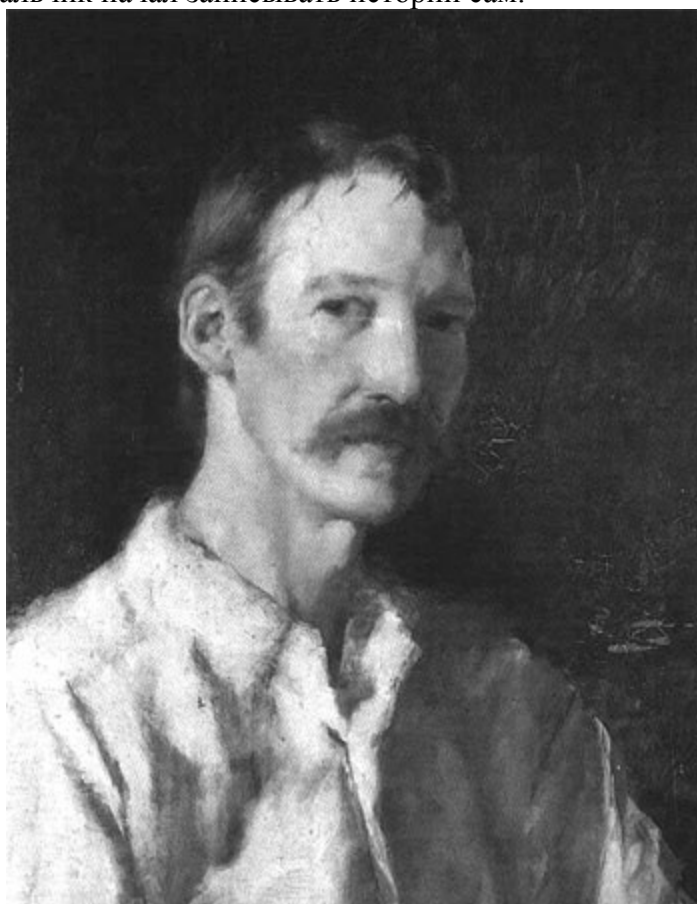
Стивенсон: сочинитель или пират?

Творчество Роберта Луиса Стивенсона (1850–1894) полно загадок. Казалось бы, как он, с первых дней жизни больной туберкулезом, вечно кашляющий и проводящий большую часть взрослой жизни в постели, сумел написать столь жизнерадостные, искромётные и

авантюрные книги – романы, повести, стихи, критические статьи и фольклорные новеллы?

Оказалось, в жизни писателя была главная тайна: сюжеты его книг ему... снились. Роберт Луис Стивенсон даже рассказывал близким, особенно обожаемой жене Фэнни, что с детства словно живет двойной жизнью: дневной и ночной – во сне. И неизвестно, какая жизнь не только более увлекательна, но и более реальна. Ведь во сне он здоров, полон сил, может сочинять свои книги, сидя за письменным столом, а не лежа на постели, пользуясь специальной доской для письма.

Но часто Луис видел и ОСОБЫЕ сны. Они всегда начинались с огромного красочного занавеса, пошитого из каких-то разноцветных кусков. Занавес отодвигается, и Луис видит... кукольный театр. Крошечные марионетки, становящиеся живыми человечками, разыгрывают перед Луисом некую захватывающую историю. У этой истории может быть в реальной жизни два финала: либо она сбудется в жизни Луиса, либо она воплотится в рукопись. Так Луис с детства начал предсказывать близким – няне, матери, отцу, – что случится в будущем. Так же он и начал записывать свои первые «истории кукольных человечков». Впрочем, сначала эти истории записывала няня. У нее сохранилась их целая толстая тетрадь. Научившись грамоте, мальчик начал записывать истории сам.

Луис Стивенсон

Во сне привиделась автору и «Странная история доктора Джекила и мистера Хайда» – самая невероятная психологическая драма, где когда-либо был выражен феномен раздвоения личности. Практически вся литература XX века, несущая на себе именно этот мотив раздвоения, двойника, психологии творчества (тут и детектив, и триллер, и мистическая литература), вышла из этого небольшого рассказа Стивенсона. Стоит заметить, что чопорные англичане не приняли ее – как это может быть, чтобы в душе одного человека уживались и глобальное добро, и не менее глобальное зло?! Но в 1886 году эту новеллу опубликовали в Америке, где она мгновенно произвела сенсацию, став культовой. Тогда и лондонский «Таймс» откликнулся хвалебной рецензией. И вот «Странная история» разошлась

невероятным по тем временам тиражом в Англии – 40 тысяч экземпляров – и принесла автору, который не обладал состоянием и жил весьма на скромные средства, 350 тысяч фунтов стерлингов. Деньги огромные!

Но самую невероятную загадку несет в себе лучший роман Стивенсона, искрящийся молодостью и оптимизмом, – «Остров сокровищ». Эта бессмертная книга писалась как истинная безделка. Стивенсон вместе с семьей – родителями, женой Фэнни и обожаемым пасынком, Ллойдом (неутомимым, как и все мальчишки, четырнадцатилетним искателем приключений) – отправился на отдых в шотландские горы неподалеку от Бремера. Родные надеялись, что Стивенсону, страдающему от туберкулеза, высокогорный воздух принесет облегчение, но вышло иначе. Семья попала в промозглую погоду, настроение упало, родители нервничали, сам Луис кашлял. Но особенно захандрил Ллойд, и, испугавшись, что мальчик подхватит от него кашель, Луис начал как мог поднимать всем настроение. Он принялся сочинять историю об острове сокровищ, о мальчишке, который узнал тайну пиратской карты и отправился на поиски. В сочинении истории стали принимать участие все: мать подсказывала, как должен быть обставлен трактир «Адмирал Бэнбоу», отец составил перечень того, что хранилось в пиратском сундуке. Все вместе сочинили песню «Двенадцать молодцов на сундук мертвеца». Еще в детстве Луис слушал рассказы отца, мастера по маякам, о «Летучем голландце», о плавании волшебной шхуны «Эспаньола», о пиратских кладях и их поисках. Главным героем романтического путешествия единогласно было решено сделать юного Ллойда, дав ему имя Джим Хокинс. Тот пришел в безудержный восторг и потребовал от отчима записать все приключения на бумаге. Так началось сочинение бестселлера на все времена – «Острова сокровищ».

Книга писалась с 1881 по 1882 год. Когда же она вышла, автор был обескуражен. Во-первых, гонорар оказался мизерным: 34 фунта 7 шиллингов 6 пенсов. Но во-вторых, читатели уверовали в подлинность событий. И сразу возник вопрос: откуда автор столь достоверно знает о кладях? Уж не ведет ли этот загадочный шотландец, редко появляющийся в обществе, зловещую двойную жизнь? Иначе зачем он подписал рукопись именем подлинного пиратского капитана XVIII века – Джон Норд?

Нашлись и «свидетели», рассказавшие в газете, что Стивенсон и сам пират. Еще в 1876 году, будучи в Марселе, он познакомился с морскими разбойниками и принял обряд посвящения, даже имя новое получил – капитан Бонс. Потом быстро вошел в элиту пиратства, узнал о старинном кладе в миллион долларов и решил украсть его в одиночку, обманув команду своего корабля. Но матросы проведали о его предательстве, и Бонсу-Стивенсону пришлось бежать в Англию. Там-то, скрываясь от пиратской мести, он и начал выдавать себя за обычного человека, к тому же писателя. А что? Ему даже сюжеты выдумывать не надо!

Дальше – больше. Пронирливые газетчики установили, что «Эспаньола» – не только шхуна из романа. Такой корабль действительно бороздит моря в пиратских плаваниях. Оказалось, и имена главных пиратов романа Стивенсона совпадают с именами реальных корсаров. Боцманом на литературной и реальной «Эспаньоле» ходит некий Израэл Хендс, матросами – Дарби Магроу и Томас Тью, которого Стивенсон просто превратил в Пью.

Газетчики раскопали и неприглядное прошлое самого Стивенсона. Оказалось, еще учась в университете Эдинбурга, будущий писатель вел двойную жизнь. И не во сне и наяву – нет, в реальной жизни! Стивенсон только днем был примерным студентом, по ночам же он становился королем притонов, завсегдатаем борделей и заядлым курильщиком опиума. У него даже кличка была – Бархатная Куртка.

Пришлось и самому Стивенсону припомнить неприглядные факты своей юности. Действительно, в университете он вел богемный образ жизни: отрастил волосы, нацепил бархатную куртку и вызывающий красный шарф. В компании с такими же безответственными юнцами он обошел все кабаки и таверны Эдинбурга и, конечно, заглянул в «таинственные и страшные» притоны моряков. В один притон даже зачастил, «снял» там постоянную девочку, а потом решил жениться на ней – позлить

добропорядочного отца.

Вот об этом скандале и писали в свое время газеты, а спустя десяток лет вспомнили вновь. Прочтя это скандальное напоминание, супруга писателя Фэнни пристала к мужу с расспросами: если это правда, то, может, правда и то, что Стивенсон только делал вид, что уезжает в очередной санаторий, а сам в это время исчезал в пиратском плавании?!

Луис только пожимал плечами: «Если и ты мне не веришь... Да, я ходил по притонам в юности. Но в притоны я брал записную книжку и в той красочной, как казалось тогда, «романтической» атмосфере сочинял стихи. А испуганная девчушка (до сих помню ее имя – Кейт Драммонд), попавшая в «убежище греха» из нищей деревушки на севере Шотландии, рассказывала мне потрясающие легенды горцев. Да я готов был слушать их ночами без устали. Ну а уж позлить отца воплями о женитьбе – святое дело для каждого молокососа!»

Фэнни не знала, что делать, выслушав такое: плакать или смеяться? Верить или не верить?.. Впрочем, не она одна. До сих пор исследователи и историки раз от раза поднимают вопрос: а не участвовал ли Стивенсон действительно в каком-либо пиратском плавании? Не были ли его многочисленные пропажи из дома вызваны именно этим, а не лечением в далеких санаториях?

Вопросы заданы, но ответы не получены. Не потому ли до сих пор находятся искатели кладов, которые уверены, что остров сокровищ – вовсе не выдуманный и карта его – подлинная, указывающая на клад то ли капитана Кидда, то ли капитана Флинта. Ну а Стивенсон поместил ее в романе, чтобы, с одной стороны, она не забылась, с другой – дабы все верили, что она – выдуманная. Хитрым парнем он оказался...

Жюль Верн – человек из будущего

Великий писатель Жюль Верн (1828–1905) не был ни ученым, ни испытателем, ни экономистом, ни футурологом. Но как же тогда он смог выдумать и описать в своих фантастических и приключенческих романах будущие открытия человечества?!

Жюль Верн

9 марта 1886 года Амьен стоял в дымке первой зелени. Жюль Верн возвращался с прогулки. И вдруг раздался выстрел, а за ним – другой.

Любимый племянник писателя, тридцатилетний Гастон Верн, стрелял в дядю, крича: «Он сам виноват! Он не должен про это писать. Подлодки, пушки, полеты на Луну. Какие-то дальневизоры и ретрансляторы. Разве такое возможно?! Он выдумывает мир, в котором мы погибнем. Кто-то должен его остановить. Человек из будущего не может жить среди нас!»

Покушение вышло далеко не романтичным. После выстрела племянник забился в истерике, а писатель упал в крови. Правда, прибежавший врач констатировал: опасности ни для кого нет. Писателю пуля попала в ногу. Вынимать ее не стали. Пятидесятивосьмилетнему Верну просто дали снотворное. А зря: с тех пор Жюль уже не смог полноценно ходить, нога мучила его постоянно. Племянника же увезли в сумасшедший дом. Но долго еще клерикальный мир шептался: а может, Гастон был не так уж и не прав? Ведь чего только не выдумывает этот писатель Верн! К добру ли это?!

Слухи просочились в газеты. Они росли и множились. Уверяли, что Верна убили, или он сам кого-то убил, или вообще: дрался на дуэли и умерли все. И еще: стрелялись из-за того, что Верн занимается спиритизмом. Он – медиум и вызывает духов, чтобы те диктовали ему описания его чудовищных машин и механизмов. Иначе откуда же писаке все это узнать?!

Чтобы прекратить скандальные слухи, писатель позвал некоторых репортеров и показал им... огромное количество ящиков, в которых по порядку стояли обычные тетради, куда Верн записывал то, что считал интересным. Полная кладовка ящиков – больше 20 тысяч тетрадей. Он записывал интересные факты, предположения, гипотезы, потом сравнивал, анализировал, делал собственные выводы. Все это и составляло основу фантастических романов. «Никаких тайн! – гремел Верн. – Я не медиум и не человек из будущего!»

Журналисты покивали и разошлись. Наутро в газетах появились статьи типа: «Жюль Верн не признается, что он – Человек из будущего», «Писатель не считает себя хорошим медиумом». Что ж, Верн, конечно, считал себя обычным тружеником пера. Ну, может, немножечко чересчур любопытным. Да и современные ему читатели не могли ничего ни проверить, ни доказать. Но вот XX век принес множество вопросов.

Давайте вспомним хотя бы самую малость (на все и целой книги не хватит!) из того, что Верн напроорочил в своих романах. Например, он предрек появление световой рекламы и супермаркетов, где покупки будут осуществлять покупатели без продавца. Еще он предвидел (или изобрел?) кредитные карточки и даже предположил, что их будут запаивать в прозрачную бумагу (ламинировать). Он даже записал, что в будущем головы преступников станут отсекавать не гильотиной, а «будут поражать смертников мощным электрическим зарядом». Просто он не знал, как будут называть электрический стул.

Ну это еще ладно бы. Возможно предсказать и телевизоры (дальневизоры), и транзисторы (ретрансляторы), и беспроводную телефонную сеть. В конце концов, телеграфная проводная связь уже была, и даже существовал телеграф аж из Европы в Америку по проложенному по дну океана кабелю. Но как быть с другими описаниями из романов, хотя бы из романа «Париж XX века»?

«Машина снимает копии с писем, и 500 служащих непрерывно отправляют их по адресам», – напишет Верн. Это вам ничего не напоминает? Конечно, ксерокс!

Еще: «Фотографический аппарат, который позволяет отправлять факсимиле любого текста или рисунка, подписывать векселя или контракты с партнером, находящимся на расстоянии в пять тысяч лье». Это же факс!

А вот вообще сенсация, которую долго не могли идентифицировать: «...инструмент, чем-то напоминающий небольшое пианино. Вы нажимаете на клавиши и тотчас получаете данные любого характера, производите различные операции или расчеты». Ясно, что

«инструмент» ни с чем не мог ассоциироваться до появления компьютера и его клавиатуры!

Но как быть с подводками, ракетами, ракетным топливом и тормозами? И как спокойно можно отнестись к тому, что уже в середине XX века на вершине горы Паломар построят сильнейший телескоп, способный обеспечить наблюдение отдельных звезд Крабовидной туманности – телескоп, который сам Жюль Верн «установил» в тех же Скалистых горах на страницах своего романа «С Земли на Луну»? Писатель почти не ошибся даже в диаметре телескопа: он писал о 16 футах, то есть 4,8668 метра, а диаметр реального телескопа будет ровно 5 метров.

Как быть с тем, что в том же романе Верн рассчитал траекторию полета на Луну (тогда еще о таком вообще не слышали)? Ну а в 1969 году американский космический корабль «Аполлон-9» полетел к Луне ровно по той же траектории и даже прилунился в точке, рассчитанной Верном.

Ну а как воспринимать десятки изобретений Верна, придуманных для его знаменитого «Наутилуса»? Да сам принцип создания этой лодки, предложенный писателем, оказался революционным. Его капитан Немо построил свою подводку из двух корпусов – внутреннего и внешнего, соединенных между собой железными балками, чтобы составлялось единое целое. При этом лодка обладает и плавучестью, и необычайным запасом прочности. То есть она одновременно и легкая, чтобы плавать, и прочная, чтобы не раздавило давление воды. В том же «Наутилусе» есть газоразрядные светильники (неоновые лампы), придуманные Верном. А ведь патент на их изобретение будет получен спустя 68 лет – в 1938 году.

Словом, Верну нужно было не тома романов писать, а патенты составлять и авторские свидетельства оформлять. Воистину, он оказался бы гениальным изобретателем.

Вопрос, откуда он сам брал идеи, материалы, детали, расчеты, остается открытым. Никакие «интересные факты и предположения» современная ему наука предоставить не могла. Так не правы ли те, кто считал его посланником будущего? И не прав ли окажется его племянник-бедняга, кричавший, что изобретения подводок, пушек, ракет и прочих инструментов будущих убийств погубят человечество?..

Самые великие авторы

Авторы частенько берут псевдонимы. Обычно они быстро раскрываются. Своенравная и эксцентричная дама Аврора Дюдеван (1804–1876) выступила в литературе как мужчина Жорж Санд. Ну а Проспер Мериме (1803–1870) – напротив, как дама. К напечатанному им сборнику пьес «Театр Клары Газуль» он даже приложил портрет «донны в мантилье и ожерелье». Правда, дотошные парижане быстро обнаружили, портрет весьма смахивает на самого Мериме. Пришлось автору признаться в мистификации. Ну а его друг художник Этьен Делеклюз рассказал, что охотно помог в этом маленьком обмане: нарисовал приятеля в женском маскарадном костюме. Ах, французы умели все воспринимать легко – даже в лжи находить прелесть.

Но случались в литературе авантюры, при которых писатели никоим образом не отваживались раскрыть свое авторство. Мир признавал их произведения шедеврами, а несуществующих авторов – гениями. Но снять покров тайны было себе дороже, ведь иначе истинные творцы превращались в литературных мошенников.

В начале 1760-х годов литературный мир Англии облетела невероятная весть: нашлись творения древнего поэта Оссиана. Сей легендарный кельтский бард, как оказалось, жил в III веке н. э. Его стихотворные поэмы, ранее никогда не опубликованные, рассказывали о ратных подвигах, отважных воинах и прекрасных девах. При этом они были полны мужественного духа и романтической тоски по давно минувшим дням. Словом, они поразили и читателей и литературоведов, произведя настоящий фурор.

Появлению же этих, как их окрестили, «Поэм Оссиана», общество оказалось обязано замечательному путешественнику и поэту Джеймсу Макферсону (1736–1796). Именно ему посчастливилось обнаружить древние поэмы, когда он путешествовал по затерянным

местечкам Шотландии. Отличный переводчик, Макферсон умело переложил стихи с древнего кельтского языка на современный английский. И к 1762 году он издал целый сборник под длинным названием «Фингал, древняя эпическая поэма, в шести книгах, и некоторые другие стихи, сочиненные Оссианом, сыном Фингала, переведенные с гэльского языка». Книга тут же была признана шедевром. Ее перевели на все европейские языки. Сам Гете поставил Оссиана рядом с Гомером. Более того, начались «подражания великому барду». Даже русские поэты – Державин, Карамзин, Жуковский, Пушкин, Лермонтов и другие – создали немало стихов «из пересказов Оссиана» или «из времен древнего барда».

Макферсон стал мировой знаменитостью, а его деятельность получила солидную финансовую поддержку. За свои заслуги перед культурой Великобритании он был избран членом парламента, прикупил большой участок земли, выстроил дом. Умер в 1796 году на 60-м году жизни и был похоронен в Вестминстерском аббатстве рядом с великими сынами Отечества.

Правда, сомнения в подлинности оссиановских текстов периодически возникали еще при его жизни. Сразу же после публикации «Фингала» английский священник Уорнер перечислил ряд странных ошибок в именах героев поэмы, удивляясь, неужели Оссиан не знал, как зовут его родню? В 1766 году историк Чарльз О'Коннер отметил, что Оссиан не знал и мест, где проживал и где велись сражения, им описываемые. Наиболее рьяные критики требовали, чтобы Макферсон предъявил оригиналы рукописей. Однако переводчик поклялся, что никому не покажет их, ибо враги его стремятся их уничтожить. За оскорбления Макферсон вызывал противников на дуэли, а сам выходил из дома с увесистой палкой для защиты. В общем, трудно издавать гениальные творения.

После смерти Макферсона критики накинудись на его архивные бумаги, но обнаружили только черновики на английском языке. И ни одного варианта на гэльском. Так с чего же он переводил?! Современные же историки твердо считают, что он и не переводил – он сам сочинял гениальные «Поэмы Оссиана». К тому же историки подчеркивают, что Макферсон оказался не сведущ не только в именах и названиях, но и не знал истинных обычаев древних кельтов. Ну а в дневниках Макферсона остались сожаления о том, сколь трудно писать «истинные стихи, но никогда не посчитаться гением». Это же почти признание.

Если Джеймс Макферсон в своей мистификации апеллировал к фигуре хоть и легендарной, но, возможно, вполне реальной, некоторые его современники выдавали собственные стихи за сочинения и вовсе никогда не существовавших поэтов. Так, например, талантливый английский поэт Томас Чаттертон (1752–1770) еще с 12 лет писал стихи, выдавая их за опусы монаха Томаса Раули, якобы жившего в XV веке. Причем Чаттертон подошел к своему литературному обману со всей серьезностью: подделал рукописи на старинном пергаменте, написав текст трудночитаемым почерком на староанглийском языке. Несколько своих «находок» он в 1770 году послал известному писателю Горацио Уолполу, создателю готического романа. Тот, однако, заподозрил подделку. В результате излишне чувствительный юноша, опасаясь разоблачения, покончил с собой – ему не было еще и восемнадцати лет.

Не довела до добра идея с литературной мистификацией и французского маркиза де Сюрвиля, который жил в бурные времена Великой французской революции. А тогда случалось всякое. Опасаясь ареста, маркиз де Сюрвиль передал на хранение своему другу виконту Ванденбургу самое ценное, что у него было, – рукопись стихов, написанных еще в XV веке его прабабушкой в пятом колене – Клотильдой де Сюрвиль. Маркиз боялся, что стихи сгинут вместе с ним. И не зря – вскоре он был схвачен якобинцами и окончил свою жизнь на гильотине.

Прошло несколько лет, и в 1803 году, когда острота ненависти к злодеям аристократам поумерилась, виконт Ванденбург сумел опубликовать стихи. Что еще он мог бы сделать в память о друге?.. Как ни странно, книга «Стихотворения Маргариты Элеоноры Клотильды дю Валлон-Шали, даме де Сюрвиль, французского поэта XV века» имела такой успех, что за

первый год было выпущено три издания. Ванденбургу даже пришлось написать особое предисловие, где он рассказал, что опубликовал стихи по копии, которую его покойный друг снял некогда с подлинника, сгоревшего во время пожара в его фамильном замке.

Поэзию Клотильды де Сюрвиль тут же окрестили «французской жемчужиной», сравнили с любовной лирикой Средневековья – стихами трубадуров и менестрелей. При этом сравнения уже клонились в пользу Клотильды. Появились труды, излагающие родословную Сюрвилей. Из них выходило, что по материнской линии дама Клотильда происходила из королевского рода Валуа. Словом, это было достойное «новое имя в истории французской литературы».

Однако через два десятилетия текстологические исследования, предпринятые французскими литературоведами, привели к тому, что от «нового имени» пришлось спешно отрешиваться. Поэзия оказалась явно не Средних веков. Правда, возник новый вопрос: кто же реальный автор стихов «жемчужной поэтессы», учитывая, что их уровень действительно довольно высок? Ответа до сих пор нет. Известно только, что ни сам злополучный потомок Клотильды, маркиз де Сюрвиль, ни его друг виконт Ванденбург никакими поэтическими талантами не обладали.

Так кто же сочинил стихотворные строки, признанные гениальными?..

Получается, что есть люди, которые присваивают себе чужие таланты, прикарманивают чужие рукописи, дабы прославиться самому, но находятся и те, кто создает чужую жизнь и чужую славу. Больше того – они отказываются от собственной известности и таланта во имя несуществующих людей. Наверное, именно такие авторы и есть самые великие.

Остролов деревни Тентелевой, или Незнакомка в тумане

В XIX веке в процесс создания никогда не существовавших писателей включилась и Россия. Причем, в отличие от Западной Европы, где подобные попытки в большинстве случаев предпринимались в корыстных либо «идейных» целях, отечественные литературные мистификаторы рассматривали такое занятие скорее как шутку. Так, собственно, и возник автор «бессмертных» афоризмов Козьма Прутков, рожденный фантазией Алексея Константиновича Толстого и его кузенов, братьев Жемчужниковых. В 1854 году в «Литературном ералаше», служившем юмористическим приложением к журналу «Современник», были напечатаны первые стихотворные произведения Козьмы Пруткова. Колоссальный успех этой и последующих публикаций вызвал необходимость как-то представить автора. Появилась и его биография, из которой следовало, что рожденный 11 апреля 1801 года в деревне Тентелевой близ Сольвычегодска Козьма Петрович Прутков, директор Пробирной палатки, дослужившийся до чина действительного статского советника и награжденный орденом Станислава первой степени, был женат на Антониде Платоновне Проклеветантовой, от которой имел 10 детей. Впрочем, этому примерному семьянину и отменному чиновнику жить оставалось не слишком долго. С согласия своих создателей он «почил в бозе» 13 января 1863 года. А в 1883 году появилось «Полное собрание сочинений Козьмы Пруткова», где был изображен и портрет автора, призванный подтвердить факт его реального существования. И что самое смешное, Козьма Прутков вошел в литературу как вполне самостоятельный персонаж, к тому же действительно воспринимался многими читателями как подлинное лицо. И как выяснилось, он даже свой литературный талант сумел передать по наследству. В 1910-х годах, еще до начала Первой мировой войны, объявилась его внучатая племянница Ан же лика Сафьянова, придуманная молодым поэтом Львом Никулиным. Ее стихи, печатавшиеся в то время на страницах периодики, были вполне талантливыми, особенно те, где поэтесса подражала модным в ту пору поэтам декаданса. Ну а в 1918 году была даже опубликована книга «История и стихи Анжелики Сафьяновой, 1913–1918», выпущенная мифическим издательством «Зеленый остров», к которой для правдоподобия был приложен портрет поэтессы в виде силуэта.

А началось победоносное шествие стихов Анжелики Сафьяновой в 1913 году.

Петербург тогда грезил декадентством. Мужчины носили черные бархатные плащи и шляпы. Женщины курили тонкие пахитоски. По вечерам поэтические кафе и клубы заполнялись публикой, жадно слушающей стихи. Особенным успехом пользовались строки о прекрасных дамах, туманных улицах, старинных замках и мистических тайнах.

В октябре на поэтическом небосклоне случилось явление новой, никому досель не известной звезды. Виной всему случай, великий и загадочный. Некий молодой и романтический ценитель стихов, только что вышедший из кафе и все еще полный поэтическими строками, ловил пролетку на Инженерной улице в Петербурге. Из-за угла, наконец, подъехала карета, но тут появилась некая дама в темно-синей бархатной накидке. Незнакомка была столь прелестна, что молодой человек не посмел претендовать на карету. Зато он помог красавице сесть. Она же, опершись на его руку, случайно обронила книгу в черном кожаном футляре. Молодой человек бросился за каретой, чтобы вернуть пропажу, но, увы, карета исчезла в тумане.

Вернувшись домой, юноша с изумлением увидел, что знакомка потеряла роскошное подарочное издание стихов Петрарки. Но не итальянский гений взволновал любителя поэзии, а тонкие листы папиросной бумаги, вложенные в книгу. Они были усеяны стихотворными строками. И какими – волнующими, нежными, чарующими! На одном из листов прелестным мелким почерком было написано: «Стихи Анжелики Сафьяновой».

Читая их, молодой человек не заснул всю ночь. Но каково же было его удивление, когда на другой день он прочел объявление в газете «Новое время»: «Утеряна на Инженерной улице книга итальянская в черном кожаном футляре. Нашедшему – прислать на почтамт до востребования Ивану Иванову. Вознаграждение будет». Молодой человек конечно же отослал «Сонеты Петрарки» вместе со стихами Анжелики, но приписал, что снял со стихов копии. «А в вознаграждении я не нуждаюсь!» – гордо объявил он. Впрочем, нет – он нуждался, но не в вознаграждении, а в общении с самой Анжеликой. И он начал ее искать.

Выяснилось, что Анжелика Ипполитовна Сафьянова проживала на Мойке, была дочерью сенатора, тайного советника. Познакомиться со столь высокопоставленной юной особой молодой человек не решился, но нашел общих знакомых, которые и стали передавать ему некоторые стихи обожаемой Анжелики. Она даже разрешила юноше ходить от ее имени по редакциям газет и журналов. В самом деле, не ходить же по инстанциям самой прекрасной даме?!

И вот ее стихи стали появляться на страницах периодики. В них влюбился весь Петербург. Их называли гениальными, заучивали наизусть и читали во всех слоях общества: в изысканных литературных салонах, на вечерах бомонда и студенческих вечеринках. Даже в «Литературной энциклопедии» появилась статья «Сафьянова А.И.». Это был настоящий успех. Уже решено было и сборник выпустить. Но, увы, началась новая революционная эра. И стихи Сафьяновой растворились в тумане забвения.

И только через несколько лет молодой поэт Лев Никулин признался, что никакой прелестной Анжелики и не существовало. Это он, стесняясь сентиментализма своих тогдашних стихов, придумал знакомку в тумане. Впрочем, его несказанно удивила вера читателей в поэтессу Сафьянову. Ведь, едва напечатав ее первые стихи, Никулин рассказал в газете ее краткую биографию. И там черным по белому было написано, что Анжелика не только из дворянского рода, но что ее бабушка – «Агриппина Лампадкина (урожденная Пруткова), которая приходится сестрой самому достопочтенному директору Пробринной палатки Козьме Пруткову». И вот ведь незадача: читатели даже не сумели вспомнить, кто такой этот директор. Ведь Козьма Прутков и сам являлся ярчайшей литературной авантюрой XIX века, созданной Алексеем Толстым и братьями Жемчужниковыми. Ну а если помните, дорогие читатели, все эти молодые люди приходились друг другу родственниками-кузенами, а их родным дядей был создатель легендарной сказки «Черная курица» – А. Перовский, по псевдониму Антоний Погорельский. Словом, у Козьмы Пруткова самая замечательно-литературная родословная. Ну как его не узнать?

Так, может, просто читать надо внимательнее? Тогда и обнаружатся все мистификации

и раскроются литературные тайны.

Эффект «Поллианны»

Загадка незамысловатой детской книжки про девочку Поллианну невероятна. А ведь именно эта книга положила начало движению фанатов и созданию фан-клубов по всему миру.

Имя американской писательницы Элино́р Портер (1868–1920) в нашей стране долгое время было мало кому известно. Высоколобым литературоведам ее книги казались излишне назидательными и мещански мелодраматичными. И это при том, что на Западе они неизменно входили в число бестселлеров. Во многих странах существовали «Клубы Поллианны», психологи и философы на все лады пытались объяснить необычайный феномен такой популярности. А дети и взрослые, прочитавшие книги Портер, глядели на мир другими глазами – они обретали радость...

Миссис Элино́р Портер вздохнула и вскрыла очередной конверт. Как много писем! Почтальон приносит их сумками. Но это письмо поразительное: «Нью-Йоркское отделение «Клуба Поллианны» просит почетную председательницу рассказать о себе и о том, как Вы написали книгу про Поллианну, а также сообщает, что на 1 мая 1920 года число членов клуба в Америке достигло одного миллиона».

Элино́р недоверчиво повертела письмо – не шутка ли это? Неужели она, скромная писательница из небольшого американского городка Кембридж, что в штате Массачусетс, завладела умами миллиона человек? Она же не проповедник, не психолог и не учитель жизни. Она просто написала две книги об одиннадцатилетней девочке Поллианне, которая, чтобы выстоять и не сломаться в этой нелегкой жизни, выдумала необычную «игру в Радость». И вдруг в эту «игру» стали играть и дети, и взрослые в Америке, Европе и даже в Африке. Видно, везде жизнь нелегка...

...Осенний день клонился к закату. Уже и лампы зажигать пора, а писательница Элино́р Портер все сидит задумчиво в кресле – чтобы ответить на письмо «Клуба Поллианны» приходится вспомнить всю жизнь...

Как она написала «Поллианну»? Да кто из писателей может внятно сказать, как создаются произведения? Сначала нужно прожить жизнь до книги, а потом взять побольше бумаги и начать писать. До «Поллианны» Портер прожила немало – 45 лет. Она родилась 19 декабря 1868 года в небольшом городке Литтлтон, что в штате Нью-Хэмпшир. С детства мечтала о музыке. Ее бабушка замечательно пела, мама играла на рояле. Даже отец, уважаемый мистер Ходжмен, иногда доставал скрипку, и тогда родители музицировали, а их крошка Элино́р весело начинала подпевать. Мама умилялась. А отец гудел в усы: «Человек должен быть радостен! Уныние – тяжкий грех. Если бы наши предки предавались унынию, они никогда бы не выжили на американском континенте!»

Девочка знала, что ее предки приплыли в Америку в числе первых британских переселенцев. А если вы первые, приходится держать голову высоко и улыбаться – несмотря ни на что. Трудно быть первыми...

...Миссис Портер оторвалась от воспоминаний, поднялась с кресла и включила свет. Поднесла письмо к ослабевшим с годами глазам и прочла дальше: «Еще все интересуются, кто подсказал Вам правила «игры в Радость» и играете ли Вы сами в свою игру?»

Писательница вздохнула – да она всю жизнь только этим и занимается! А как иначе она смогла бы трижды начинать свою жизнь заново – с нуля? В 18 лет она поступила в консерваторию в Бостоне. Своему профессору так и заявила: «Я стану профессиональной пианисткой!» Профессор скривился: «Обычно девушки учатся музыке, чтобы в дальнейшем улаживать слух мужей. А учиться «на профессионалку» – это впервые в моей практике!»

Но Элино́р целыми днями сидела за роялем. Но вот как-то на Рождество, оторвавшись от инструмента, начала впопыхах жарить индейку. Опалила кисть руки. Началось воспаление. Играть стало невозможно...

Как выживают, когда мечта разбивается в прах? Находят новую. Как поступить, когда из жизни исчезает радость? Начать придумывать ее, играть в нее, находить крошечные радости. За ними придет и большая. «Раз я не смогу играть, я смогу заняться вокалом – это тоже музыка!» – решила Элино́р. Голос у нее оказался не сильным, зато поставленным от природы. Правда, найти профессиональный ангажемент оказалось непросто. Пришлось ограничиться пением на званых вечерах и церковных праздниках. Тогда один из появившихся поклонников, молодой бизнесмен из Вермонта Джон Лаймон Портер даже пожалел девушку. Но оптимистка Элино́р ответила: «Во всем есть хорошая сторона: когда я пою хоралы, то приближаюсь к Небесам!» Пораженный таким ответом Джон не нашел ничего лучшего, как сделать неунывающей красавице предложение. И в 1892 году она его приняла – и тоже с радостью.

Но пришло и третье испытание: Элино́р простудилась и потеряла голос. В 33 года пришлось опять начинать с нуля. Но как?! Элино́р бродила по дому, бесцельно переставляя вещи. На глаза попала заметка в местной газете, которую она написала пару месяцев назад. Писать было приятно, газеты и некоторые журналы хвалили ее описания, но всегда не хватало времени. Зато теперь можно написать хоть роман. Разве в этом нельзя найти свое счастье?

В 1907 году Элино́р Портер опубликовала свой первый роман, потом еще и еще. Больше всего ее привлекали герои, которые, как и она сама, прошли через черные полосы уныния и сумели их побороть. Как люди выживают? Рецепт один – не поддаваться унынию, учиться находить хоть что-то хорошее там, где его, казалось бы, заведомо не может быть. Но как?! Вот об этом она и написала в 1912 году книгу «Поллианна», а через три года «Поллианна вырастает».

Худенькая веснушчатая девочка, оставшаяся сиротой, переезжает к тете, которая селит ее в холодную каморку под крышей. Но Поллианна не унывает. Обнаружив в каморке окно, она находит радость в том, что теперь ей виден весь город, и идет знакомиться с соседями. Те, конечно, решают, что девочка весьма странная, а может, и хуже того – дурочка. Но Поллианна, нисколько не смущаясь, начинает рассказывать, что она «играет в Радость». Этой игре ее научил отец. Жили они небогато, и потому отец учил не горевать из-за того, чего у них нет, а радоваться тому, что есть. Например, они не могли покупать деликатесы, но каждый день ели тушеные бобы, которые любили. И отец говорил: «Мы – богатеи! Можем позволить себе есть то, что любим!» Отец учил Поллианну во всем находить повод для радости – даже в самых крошечных мелочах, ведь из них-то и состоит жизнь. Если, например, у вас завяли цветы в вазе, лучше не ворчать, а порадоваться, что завтра вы сможете купить другие – еще более красивые. Ведь главное в этой жизни – это ваш взгляд. Как вы станете относиться к событиям, такими они для вас и окажутся. Недаром же говорят, и ад и рай – внутри нас. Все это девочка и рассказала тем, с кем подружилась в городке. Многие попробовали «поиграть в странную игру» – и удивительно, их настроение улучшилось, они перестали вздыхать и жаловаться – ведь оказалось так интересно во всем находить повод для радости.

Конечно, это трудно. У людей нет привычки радоваться, потому что для радости трудно найти повод. Но при непредвзятом подходе можно порадоваться многому. Даже если вы простудились, всегда можно порадоваться, что не подхватили болячку похуже. И чем труднее находить повод для радости, тем интереснее игра – состязание с судьбой. Она подсовывает людям всякую дрянь, но люди находят хорошее – светлый день, радугоу в дождь, встречу с другом. И самое удивительное, чем больше поводов для солнечного взгляда на происходящее, тем меньше дряни подсовывает судьба. «Привычка находить хорошее и думать о радостном становится второй натурой, – говорила Поллианна, – а ты – оптимистом, и в один прекрасный день понимаешь – это не игра, это система жизни – более светлой и счастливой».

Читатели приняли «игру в Радость» как руководство в жизни – и не прогадали. Психологи взяли на вооружение ее «рецепт жизни». Появились научные термины «эффект Поллианны», «теория малых радостей», «эффект добрых мыслей». Сегодня о таких эффектах

знают все, но тогда это было в диковинку. Впрочем, медики-то всегда подозревали, что радость стимулирует защитные функции организма. Недаром оптимисты выздоравливают легче и быстрее пессимистов.

Появились тысячи обществ и клубов Поллианны, насчитывающие почти 4 миллиона человек по всему миру. Никогда еще книга, а тем более детская, не получала такого резонанса. Люди жили по Библии, по Корану, по заветам Вед. Но чтобы по детской книге?! Ну кто из авторов начала XX века мог бы сказать, что его книга стала настолько культовой, что заставила читателей жить по своим законам? Что она перевернула взгляд на мир и даже спасала жизни от крушения? А скромная миссис Портер, получающая мешками письма из разных стран, вполне могла.

Успех был фантастическим, тиражи книг многомиллионными. Героиня перекочевала на подмостки сцены – спектакли имели такой же бешеный успех. Сама звезда великого немого кино Мэри Пикфорд сыграла Поллианну. Гонорар за этот фильм актриса и писательница передали на строительство детской больницы. Пикфорд прислала письмо: «Если перевоплощение душ существует и я вернусь на землю в образе одной из моих героинь, то полагаю, что стану Поллианной! Я всегда подозревала, что дети обладают самыми сокровенными тайнами земли. А Ваша героиня особенно».

Тогда, прочитав это откровенное письмо, Портер улыбнулась: у ее Поллианны нет никакой тайны. Она просто хотела, чтобы читатели выстраивали свою жизнь в радость, ведь в мире так много горя – то войны, то революции. И так необходим баланс радости. Хорошо, что есть миллион последователей. Миллион – это сила!

...Элино́р Портер отложила письмо. Она ответит на него в самое ближайшее время. Но надо, чтобы ответ выстроился в голове. Нельзя с бухты-барухты отвечать миллионам.

Но выполнить свое намерение писательнице не удалось – 21 мая 1920 года она скоропостижно скончалась. Было ей всего-то 51 год. За свою короткую писательскую жизнь она создала четырнадцать романов и четыре тома рассказов, но некролог в газете «Нью-Йорк таймс» был озаглавлен: «Умерла автор «Поллианны», а местная пресса Кембриджа отозвалась и еще проще, и потому горше: «Умерла мама нашей Поллианны». Уже без нее по экранам Америки и всего мира прокатилась долгожданная экранизация книги с великой Мэри Пикфорд в заглавной роли. Фильм принес баснословную по тем временам прибыль – миллион долларов, столь сильным оказалось желание читателей всего мира увидеть свою культовую героиню на экране.

И дети и взрослые не хотели прощаться с Поллианной. Потребность в ней и ее поразительной жизнестойкости оказалась столь велика, что издательство стало публиковать новые книги о всенародной любимице в серии «Радостные книги Поллианны». Говорили, что книги писали четыре подруги Портер. Так или нет, было уже не важно – книги расхватывали мгновенно.

В 1960 году вышел мультфильм Диснея. И снова – грандиозный успех. И экран и сцена еще не раз обращались к «Поллианне». Во времена перестройки книги Элино́р Портер стали снова выходить и в России. Для нашей страны это были тяжелые времена. Но как писала Портер: «Я никогда не считала, что нам следует отрицать существование трудностей, страданий и зла. Просто я думала, что гораздо лучше приветствовать неизвестное бодро и радостно». Разве не так?

Странное происшествие с фрекен Лагерлёф

Волшебные истории, услышанные в детстве, запоминаются на всю жизнь. История о путешествии крошечного мальчика Нильса с дикими гусями – из таких. Это золотой фонд сказочной литературы, волшебная эпопея, переведенная на множество языков мира. Неудивительно, что она воспринимается как народное предание.

Сельма Лагерлёф

Однако у этой чудесной истории есть автор – самая известная сказочница рубежа XIX–XX веков, первая женщина – лауреат Нобелевской премии по литературе, удивительная шведская писательница – Сельма Лувиса Оттилия Лагерлёф (1858–1940). И само появление на свет ее книги «Удивительное путешествие Нильса Хольгерсона по Швеции с дикими гусями» (первый том – 1906, второй – 1907) – явление совершенно уникальное, которое впору описывать и проверять то ли экстрасенсам и ясновидящим, то ли педагогам и психиатрам.

Начнем с педагогов. В начале прошлого XX века Шведское общество учителей решило издать новый учебник по географии и краеведению для первого класса. Хотелось, чтобы учебник был увлекательным и в то же время правдивым, понятным детям. Общество обратилось к известной в то время писательнице, в прошлом учительнице начальных классов – Сельме Лагерлёф.

Сельма решила создать необычный учебник – где были бы не только описания лесов, полей, городов и сел, но и старинные предания, легенды, сказки каждой местности Швеции. И главное – чтобы настроение книги формировало у ребенка любовь к Родине. Представляете, еще сто лет назад – в 1901 году – шведская педагогика ставила перед собой задачи, которые мы в России не осилили и сегодня!

Так вот, оказывается, волшебная сказка про Нильса и есть тот самый учебник краеведения – два огромных тома, где описаны все города, поля и реки, над которыми пролетает заколдованный мальчишка верхом на гусе Мартине. Правда, читатели нашей страны лишь недавно смогли прочесть эти два тома полностью. В XX веке существовал только литературный пересказ, где сохранялась лишь фабула. И в этом пересказе были весьма симптоматичные купюры – удалены не только все детали чудеснейшего

географического путешествия (кому интересно путешествовать по какой-то Швеции?), но и все неповторимые местные предания и легенды. Ну, еще бы этим преданиям не выпасть – ведь неугомонная Сельма прямо на страницах своего учебника всерьез утверждала, что история о путешествии мальчика с дикими гусями – чистая правда, о которой ей и поведал сам Нильс. Конечно, писательнице мало кто поверил. Но на самом деле все случилось так...

...Книга не сочинялась. Сельма понимала, надо совместить реальность и вымысел, но как? Она не могла подобрать стержня, что объединил бы все повествование. Не написав ни строчки, писательница решила поехать в усадьбу Морбакка, где она родилась и провела детство, – вдруг придет вдохновение? Когда-то ее родной дом был пропитан преданиями и легендами, которые пересказывались девочке. Но после смерти отца усадьбу продали за долги. Сельма больше ни разу не была там и потому решила приехать под вечер, чтоб не попадаться на глаза чужим людям. И вот в вечерней мгле она остановилась у большого клена, и вдруг рядом с ней на землю опустилась стая голубей. Родители всегда держали уйму птиц в доме, но сейчас Сельма поняла – это знак. Голуби ведь прилетают только на хозяйский зов. Выходит, они до сих пор считают Сельму хозяйкой... И вдруг Сельма услышала тоненький голосок. Он звал на помощь. На посыпанной гравием дорожке крошечный человечек, не больше ладони, отбивался от громадной совы. Сельма отогнала хищницу. И человечек поведал ей, что зовут его Нильс и он путешествует со стаей диких гусей.

Это была поразительная встреча – волшебный сюжет, который ниспослала ей родная усадьба Морбакка. «Ну и счастье же встретиться с тем, кто на гусиной спине пропутешествовал по всей Швеции! – напишет Лагерлёф позже. – Все, что он рассказал, я опишу в своей книге». Так оформился этот поразительный замысел – показать природу и города Швеции, старинные обычаи и архитектурные примечательности глазами ребенка, облетевшего страну. Не забудем, что сейчас взгляд сверху – дело привычное: самолеты всегда под рукой. Но в те времена – самолетостроение только зарождалось...

По-разному приходят сюжеты к сказочникам. То свои сказки им рассказывают старики (как братьям Гримм), то дети требуют сочинить сказку про что-то неведомое (как девочка Ида потребовала от Андерсена рассказать сказку про бал цветов). Но чтобы так?! Недаром, когда Лагерлёф рассказала про встречу с Нильсом в издательстве, ей подсказали адрес лучшего психиатра Стокгольма. Правда, когда «Путешествие Нильса» вышло, все стали говорить, что у фрекен Лагерлёф «весьма развитое воображение».

Но только ли воображение позволило Сельме создать такую странную книгу, где на каждой странице вместе с реальными птицами, зверями и людьми живут таинственные и загадочные существа? Это же подробное перечисление духов, ведьм, привидений, великанов, русалок, леших, домовых, живущих в Швеции, – настоящая перепись волшебного народа!

Но откуда у Сельмы Лагерлёф такие знакомства? Оказалось, с самого раннего детства. Когда девочке было три года, ее разбил паралич, и почти 15 лет она пролежала не вставая. Наверное, она с ума бы сошла, но бабушки и отец научили ее читать книги и сами рассказывали Сельме старинные легенды своего рода, ведь Лагерлёфы живут в Морбакке уже больше трехсот лет. Сельма слушала семейные предания, запоминала и записывала. Потом на основании услышанного стала сочинять собственные истории. Исписала сотни толстых тетрадей. А что еще она, неподвижная, могла бы делать?..

Но любящий отец не смирился с болезнью и в 1876 году, когда дочери исполнилось 18 лет, отдал ее на лечение в только что открытый Гимнастический институт Стокгольма, где применяли новейшую методику. И девушка начала ходить. Конечно, всю последующую жизнь – неустойчиво, с палкой, но сама! Потом она окончила педагогический институт и стала преподавательницей в младших классах. Но легенды и предания своего детства не забыла. Например, легенды о домовых. Да она и сама видела домового своей родной усадьбы. Бабушка оставляла ему молоко в наперстке и уговаривала больную девочку не бояться ночных шорохов и шумов. А однажды домовый показался Сельме – лохматенький и ушастый, он промурчал ей песенку. А однажды девочка сидела на скамье около дома, куда

вынес ее погулять отец, и вдруг, присмотревшись, она увидела в окне... настоящих привидений. Под звуки старинной музыки в трепете свечей люди в старинных костюмах танцевали в большой зале Морбакки. И Сельма поняла, что это ее предки, которых она знала по старым портретам. Потом Сельма чистосердечно написала в «Сказании об одной дворянской усадьбе»: «Я видела их!» И снова никто не поверил. Зато снова все изумились ее творческой фантазии.

То же было с ведьмами. Критики и читатели восхищались их яркими образами. Особенное впечатление на читателей производила доврская ведьма, насылающая на поля град и молнию. А Сельма упрямо твердила: «Я, которая пишу эти строки, видела ее собственными глазами». Доврская ведьма проследовала по страницам романа «Сага о Йесте Берлинге» и перешла в «Путешествие Нильса» под именем Исеттерс-Кайсы – старой троллихи, которая заведовала бурями и ветрами. «Стоя в самой середине вихря, она плясала и вертелась волчком, – написала Сельма. – Ее длинные волосы развевались в вышине среди туч. Шлейф платья волочился, мел землю, вздымая тучи пыли». Рискованно встречаться с такой особой, да и с другими тоже. Но почему же Сельма видела их?

Сама писательница подозревала, что все дело в... ее старинной усадьбе. В стенах ее родной Морбакки скопилось столько семейных преданий, фамильных тайн и легенд, что кто-то из ее обитателей просто обязан был стать рассказчиком. Им и стала Сельма. Выходит, не зря она мучилась в детстве. Иногда и болезнь определяет судьбу. И хотя после смерти отца усадьбу пришлось продать чужим людям, но на страницах всех сочинений Лагерлёф звучали старинные легенды и предания Морбакки. Вот и сюжет своих легендарных «Путешествий Нильса» писательница узнала в ее саду.

Правда, книга была встречена откровенно злобно. Педагоги возмущались, не понимая гениальности замысла учебника нового типа: «Когда же кончится этот затянувшийся полет нудных птичек и начнутся, наконец, правильные цифры и факты?!» Критики же были полны ревностной желчи. Они назвали сочинение «полетами глупой фантазии хромой писательницы» и «неудавшимися попури из фантастических мечтаний старой девы». Это было настолько унижительно, что Сельма даже не нашлась что ответить.

Ответили сами дети, их родители и прогрессивные учителя. Они завалили крошечную квартирку Лагерлёф, ее издательство и общество педагогов письмами-отзывами, где искренне называли учебник лучшим за всю эпоху педагогики, а если рассматривать его как детскую книгу – вообще гениальным. Общественность даже выдвинула писательницу на получение Нобелевской премии. Однако ученые мужи еще никогда не присуждали премий женщине. «Если присудить Нобелевку даме, наш мир покатится в тартарары!» – написали они в газете. Началась борьба за премию, которая обернулась не просто литературными спорами, но общественной дискуссией: возможно ли вообще присуждение столь престижной премии женщине?!

Дошло до того, что дети и родители забросали Нобелевский комитет требованиями, и в 1909 году Сельма Лагерлёф стала первой в мире женщиной – лауреатом Нобелевской премии «в знак признания возвышенного идеализма, яркого воображения и духовного восприятия». Первое, что сделала новообъявленная лауреатка, получив золотую медаль и денежный чек, – выкупила родную Морбакку. Недаром же в тот вечер, когда она встретила Нильса в усадьбе, стая голубей вылетела ей навстречу. Наверное, они хотели подбодрить ее в неудаче и пообещать, что она снова станет хозяйкой в Морбакке. Голуби ведь слетаются только на хозяйский зов.

Всю свою последующую жизнь Сельма Лагерлёф прожила в Морбакке. За создание своих 27 романов, общественную деятельность фрекен Лагерлёф стала одной из восемнадцати «бессмертных» – членов Шведской академии. И опять – первая среди шведских женщин. Она часто болела, но всегда повторяла: «Я жива потому, что живу в Морбакке. Она хранит меня». Когда началась Первая мировая война, писательница выступила ее яростной противницей. Когда же фашизм накрыл Европу кровавой паутиной, Сельма стала антифашисткой: начала помогать политическим иммигрантам из Германии. А

ведь ей в то время исполнилось 81 год. Не раз ей угрожали профашистские молодчики. Приходили письма со свастикой, звучали угрозы по телефону. Но запугать Сельму было невозможно. «Чего бояться мне, видевшей доврскую ведьму? – только пожимала плечами она. – Зло приходит и уходит. Добро и любовь остаются навсегда».

Сельмы Лагерлёф не стало 16 марта 1940 года. После войны в ее Морбакке устроили музей. Словом, усадьба добилась своего: отовсюду съезжаются люди, чтобы послушать ее легенды и предания. Чтобы взглянуть, как жила ее хозяйка.

Детские тайны: был поленом – стал мальчишкой

Сказка о Золотом ключике и о приключениях Буратино, пожалуй, самая любимая многими с детства. Но все ли знают ее тайну?

«Не дадите ли вы мне дерева, чтобы я мог сделать деревянного человечка?»

Думаете, это папа Карло попросил столяра Джузеппе отдать то самое полено, из которого потом появится Буратино? Нет, это еще за полвека до того дядюшка Джеппетто выпросил у мастера Антонио странный кусок дерева, чтобы вырезать из него деревянного человечка – Пиноккио. Повесть о нем под названием «История одного буратино» («буратино» по-итальянски – кукла, марионетка) появилась на страницах римского журнала «Газета для детей» в 1881 году. Автор – Карло Коллоди (настоящая фамилия – Лоренцини, 1826–1890) – журналист, ранее уже сочинявший детские повести, после первых же историй о деревянном человечке стал знаменит на всю Италию. А его повесть, названная впоследствии «Приключения Пиноккио», явилась воистину революционной для детской литературы. Ведь до того героями детских произведений были только благовоспитанные девочки и мальчики, а у Коллоди – озорной, хвастливый, ленивый, вечно непослушный деревянный человечек. Да и сама жизнь, обычно описываемая в розовом свете, выглядит у Коллоди далеко не безоблачной. В этой жизни героя преследуют реальные голод, холод, смерть близких, нищета. Книга Коллоди близка не только фантастически правдоподобной сказке, но и может считаться одной из первых сказок социально-обличительной направленности, которая ярко отразится в итальянской литературе XX века. В этом смысле Пиноккио может считаться предком родариевского Чиполлино. Но если «Приключения Чиполлино» близки «Приключениям Пиноккио» по духу, то существует литературное произведение, повторяющее не только сюжетные ходы, но и самих героев Коллоди. Да-да, не удивляйтесь – это и есть наш любимый «Золотой ключик». То есть А.Н. Толстой просто воспользовался чужим сюжетом, героями и темами. Но что самое удивительное, это использование привело к созданию абсолютно новой авторской сказки.

Алексей Николаевич Толстой (1882/83—1946) начал писать свою книжку в 1924 году, когда ему шел уже 42-й год и он был весьма умудренным человеком. Однако напечатана сказка была двенадцать лет спустя. Сам автор так объяснял свою затею: «Когда я был маленький... я читал одну книжку: она называлась «Пиноккио, или Похождения деревянной куклы»... Я часто рассказывал моим товарищам... занимательные приключения Буратино. Но так как книжка потерялась, то я рассказывал каждый раз по-разному, выдумывал такие похождения, каких в книге совсем и не было». Конечно, Толстой лукавил. Он намеренно обратился к старой книге. Его захватили приключения деревянного человечка, и он решил рассказать их по-своему. Оказывается, не только народные сюжеты бродят по мировой литературе. Авторские сказки тоже могут стать по-своему миграционными, переключиваясь от одного сказочника к другому. Так происходит, конечно, только с настоящими сказками, сюжеты которых столь наполнены, глубоки и эмоциональны, что требуют дальнейшего пересказа, нового обращения.

«Золотой ключик» Толстого ярче, сильнее, увлекательнее «Приключений Пиноккио». Во-первых, Толстой убрал надоедливую назидательность Коллоди и нравоучительную мораль: будешь послушным – станешь не деревянным, а настоящим мальчиком. Его

Буратино вовсе не стремится стать мальчиком «из мяса и костей». Деревянное тело его вполне устраивает. Буратино стремится к другому – помочь друзьям устроить саму жизнь так, чтобы все хорошие существа (и люди, и куклы) были счастливы. Происходит коренная перестройка сюжета. Буратино борется не за себя, а за Золотой ключик, который принесет всем счастье. Мотив Золотого ключика – символа Добра, Справедливости, Счастья – собственный мотив Толстого. Никакого ключика у Коллоди нет.

Из 36 глав «Пиноккио» Толстой использует лишь несколько сюжетных линий, охватывающих девятнадцать. В них Пиноккио встречается с хозяином кукольного театра Манджафоко, отвергает добрые советы Говорящего Сверчка, знакомится с Красивой Девочкой с лазурными волосами и пытается по совету Кота и Лисы посеять на Волшебном Поле свои золотые монеты. То есть Толстой взял саму завязку, а все последующие сказочные события придумал сам. Так что его «Золотой ключик» сказка вполне собственная. И конечно, героев он переделал на свой лад. Хозяин театра, не такой уж и плохой у итальянского автора, в повести Толстого стал воплощением зла – страшным и жестоким Карабасом-Барабасом, угнетающим свою кукольную труппу. И сама тема кукольного театра стала ведущей в сказке Толстого. Недаром в финале Буратино отпирает своим Золотым ключиком дверь нового театра, в котором куклы смогут сами играть, зарабатывать на жизнь, уйдя от Карабаса.

Ну а что же знаменитая девочка с голубыми волосами? У Коллоди она – Фея, превращающая деревянного мальчика в настоящего. Но сначала она наблюдает за ним, помогая и оценивая его поступки. Поэтому в первых главах Пиноккио встречает ее как девочку-ровесницу, но с лазурными волосами. Затем она войдет в его жизнь как взрослая женщина, взявшая его в свой дом, – мама с голубыми глазами. Буратино Толстого не нужны феи, он сам способен помочь и себе, и друзьям. Его тайная мечта о другом – прекрасной девочке, вежливой и аккуратной, по которой, сам того не осознавая, грезит любой непослушный озорник. Дело в том, что Толстой написал сказку мальчишескую, где приключения опасны, а герои бесстрашны. И именно для таких героев автор создал идеал юной женщины – Мальвины, сказочной девочки с голубыми волосами, очень похожей на реальную героиню – очаровательную Лилечку, девочку с голубым бантом из его автобиографической повести для детей «Детство Никиты».

«Золотой ключик» оказался настолько емкой и заразной сказкой, что возникло его продолжение. Ленинградская писательница Елена Яковлевна Данько написала сказочную повесть «Побежденный Карабас». Ее история начинается от финала, который Толстой дал пьесе, написанной им по «Золотому ключику», и сценарию одноименного фильма. Ключик помогает Буратино и всем его друзьям попасть в «самую лучшую страну для детей и стариков» – в Советский Союз. Такова была дань времени, не нам осуждать Толстого.

Е. Данько в своей повести рассказывает, как куклы счастливо живут в ленинградском театре, а Карабас с лисой Алисой, ставшей его секретаршей, пытаются их выкрасть. Конечно, все оканчивается хорошо, потому что на борьбу с врагами встают бдительные ленинградские пионеры. Что ж, борьба с врагами была в полном разгаре. Шел 1937 год.

Но не только в Советском Союзе страстно полюбили кукольных героев. В самой Италии уже в середине XX века вышел своеобразный парафраз «Пиноккио». В 1954 году Марчелло Арджилли и Габриэлла Парка опубликовали повесть-сказку «Приключения Кьодино» (по-русски – Гвоздика). Там профессор Пилукка смастерил железного сынишку Кьодино, который оживает вполне в духе технического прогресса – заводится бензином, моется маслом от ржавчины. Этот железный мальчишка такой же непослушный и легкомысленный, но добрый и славный, как деревянный Пиноккио. И столь же находчивый – на своем железном языке он сумел договориться с танками и пушками о том, что они никогда не будут убивать людей. Так что Пиноккио-Буратино-Кьодино все еще в действии. Они защищают детство.

Кто вы, доктор Айболит?

Неужели и у доброго доктора Айболита существует тайна? Какая?! Прописал мартышке не ту микстуру или слону мазь, от которой бедный слоник отошел в мир иной? Да не может такого быть!

А вот и может – есть у Айболита тайна. У него другое имя, и его родной язык не русский. Да что ж он – шпион какой? Может, и вообще не доктор, а так, прикидывается?

Нет – доктор он. Но только английский. И зовут его Джон Дулиттл.

Так, выходит, сказки нашего замечательного Корнея Ивановича Чуковского (1882–1969) в стихах и прозе («Бармалей», 1926; «Айболит», 1929; «Доктор Айболит», «Огонь и вода», «Приключения белой мышки», 1930—1940-е гг.) – пересказ? Оказывается, это так...

Но на всех языках мира есть переводы книг о замечательном враче, лечащем животных, докторе Джоне Дулиттле. Автор этих книг – английский писатель Хью Лофтинг (1886–1947) никаких историй о докторе Дулиттле писать не собирался. Он был инженером и попал на фронт во времена Первой мировой войны. Дома у него остались детишки, и, отправляя им письма, он решает не писать никакой страшной фронтовой правды, а сочинять истории о добром и забавном чуде-докторе. Он и имя ему дает Дулиттл (то есть «делающий понемножку») и рисунки присылает, на которых сам толстяк доктор и его друзья-зверушки. В общем, как мог, инженер Лофтинг стремился сохранить для своих детей радость и магию детства. Они оценили его истории. Их читали с друзьями, показывали в школе. Слава богу, с войны Лофтинг вернулся. С новыми историями. Так же как из разных дальних странствий возвращался добрый доктор Дулиттл. А истории дети, уже выросшие к тому времени, показали одному издателю в Америке, где они тогда жили. Увидев письма с картинками, издатель сделал то, что было предназначено, – опубликовал роман. Так появилась «История доктора Дулиттла» (1920). Она была встречена на ура. И если Лофтинг подумал, что сможет на этом остановиться, то явно недооценил своего американского издателя. Лофтингу пришлось-таки стать писателем. В 1922 году вышли «Приключения доктора Дулиттла», за ними «Почта доктора Дулиттла» и многие другие произведения. Всего Лофтинг сочинил и проиллюстрировал 14 романов про симпатягу доктора.

На русском языке «Приключения доктора Дулиттла» вышли в 1924 году. Потом наступило более чем полувековое молчание. Только в 1992 году появились переводы книг Лофтинга.

А мы все эти долгие годы зачитывались приключениями доктора по имени Айболит. Надо отдать должное Чуковскому – он чистосердечно написал в своем предисловии, что все они написаны «по Хью Лофтингу». Он не скрывал, что его сюжеты пришлые. Вот только «приписки» эти, как правило, никогда не печатались. А зря. Потому что, взяв за основу сказки про доктора Дулиттла, наш дедушка Корней превратил их в истинные шедевры.

Начнем с того, что сказки Лофтинга – для взрослых. В них много раздумий о жизни. Не надо забывать – они писались на войне. В то время целое поколение интеллигенции разочаровалось в своих прежних идеалах. Вот и доктор Дулиттл у Лофтинга разочаровался в «правильном», раз и навсегда определенном укладе жизни викторианской Англии. Доктор разочаровался даже в человеческой природе, поскольку люди калечат и унижают себе подобных, и потому решил лечить зверей и жить среди них. Они показались ему чище и добрее.

Сказки же Чуковского – для маленьких детей. Для них, маленьких, любовь и забота доктора о зверушках – дело абсолютно естественное и не требует никакого обоснования. И страна, где происходят приключения Айболита, не конкретна, а волшебна. Это не настоящая Африка, а Африка снов, грез, фантазий. Поэтому, когда доктор Дулиттл едет в свою Африку – это английский миссионер и подвижник едет лечить туземцев и животных. А когда Айболит отправляется к заболевшим зверятам – он едет в волшебную страну.

То же и с героями. У Лофтинга они – символы людей с определенными характерами. У Чуковского звери – те самые существа страны «маленьких», которых взрослым, в

особенности докторам, надо защищать. И потому доктор Айболит Чуковского – бесстрашно-благородный не только рыцарь, но и мудрец, и Дон Кихот в лучшем звучании этого имени. В героях обеих книг много общего. Они оба бесстрашны и благородны, оба веселы и наивны, оба немножко дети в душе. А вот остальные герои разнятся. Любимый Лофтинг Поросенок (ни дать ни взять балованный мальчишка-озорник) у Чуковского стал простой свинкой Хрю-Хрю. Математик Филин – совой Бумбой. Удивительно, но и тут и там существует совершенно чудесный и очаровательный Тянитолкай – существо с единым телом и двумя головами. Правда, придумал его и нарисовал первым все же Лофтинг. Но особую трепетность придал Чуковский. Большие отличия получились и с образами злодеев. Эпизодический пират Бармалей Лофтинга под пером Чуковского превратился в символ зла, правда, как выясняется, не очень страшного. Вторая злая сила Чуковского – сестра Айболита Варвара – тоже воплощение зла, этакая природная склочница коммунальной квартиры. У бедняги Дулиттла тоже есть сестрица, вечно им помыкающая, – суровая пуританка Сара. Она не зла от природы, нет, но она долгое время пробыла в старых девах и теперь, выйдя замуж за приходского священника, возомнила, что ей лучше всех известно, кто и как должен себя вести в этой жизни. А уж доктор Дулиттл, который хочет жить не «как велят», а «как хочется», – основной объект нападков сестрицы. Так что злодеи Лофтинга не «природные», как у Чуковского, а просто люди с их извечными слабостями. Конечно, это глубже. Но думаете, Чуковский не смог бы написать настоящие глубокие характеры? Смог бы. Да только в какую сказку он бы их поместил? Не забывайте, он жил в Советском Союзе, на дворе шли тридцатые годы. Чтобы сохранить сказку про доктора-гуманиста, следовало поместить место ее действия в волшебную страну. С волшебных стран какой спрос: захочешь – не найдешь.

Феноменальная история об одном из создателей Остапа Бендера

Оба создателя образа незабвенного Остапа Бендера были и сами большие шутники, обожавшие розыгрыши. К тому же оба они, как истинные газетные корреспонденты, которые могут полагаться только на себя, были людьми весьма предприимчивыми.

У Евгения Петрова была особая страсть: он всю жизнь коллекционировал конверты. На почтах он скупал их пачками. Но как достать конверты, погашенные иностранными штемпелями, тем более в тридцатых годах XX века, когда Советская страна жила за железным занавесом? Гениальный «папа» Остапа пошел по стопам «сыночка»: придумал феноменальный ход. С разрешения Союза писателей он «переписывался» с кем-то из-за границы, а на самом деле отсылал письмо на... заведомо ложный адрес. Естественно, через пару месяцев конверт возвращался к самому Петрову с пометкой: адрес неверен. Зато на нем стояло множество различных штемпелей иностранных почт.

И вот однажды в апреле 1939 года Петров послал письмо в Новую Зеландию, столь любимую литераторами еще по культовому роману Жюль Верна «Дети капитана Гранта». Петров придумал город Хайдбердвилл, уверенный на сто процентов, что такого замысловатого названия просто не может быть. Придумал и улицу Ратбич, дом № 7. Затем сотворил самое главное имя адресата: Мэрилл Оджин Уэйзли. Немного зная английский язык, составил коротенькое послание: «Дорогой Мэрилл! Прими искренние соболезнования в связи с кончиной дяди Пита. Прости, что долго не писал. Надеюсь, что с Ингрид все в порядке. Поцелуй от меня дочку. Она, наверное, уже совсем большая. Твой Евгений».

Письмо вернулось только в августе. Но это было не его, Петрова, письмо! Вскрыв неизвестный конверт, писатель прочел: «Дорогой Евгений! Спасибо за соболезнования. Нелепая смерть дяди Пита выбила нас на полгода из колеи. Поэтому, надеюсь, ты простишь, что мы не сразу ответили. Мы с Ингрид часто вспоминаем те два дня, что ты провел с нами. Глория совсем большая и осенью пойдет во второй класс. Она до сих пор хранит мишку, которого ты привез ей из России. Твой друг Мэрилл».

Прочтя такой ответ, Петров смутился. Не может же быть подобных совпадений. Он

никогда не знал никакого семейства Уэйзли, не был в Новой Зеландии и, уж конечно, не дарил никакой девочке Глории никаких мишек! Да он же всех их придумал – и город, и семейство! Может, это чья-то шутка?! Петров еще раз внимательно осмотрел конверт. Он был настоящий! Как и штампель «Новая Зеландия, почта Хайдбердвилл». И адрес отправителя и имя, полностью выдуманые, оказались реальны! Но главное, как он мог быть с ним знаком?!

Петров перевернул конверт и наконец понял, там еще что-то есть. Оказалось, фотография. На обороте подпись: «Высылаю фото, которое я тогда сделал, но ты, торопясь, не смог забрать» и дата: «9 октября 1938 года». С фотографии на писателя смотрел он сам, обнимавшийся с каким-то мужчиной крепкого телосложения. У Петрова дыхание перехватило. Да что же это такое?! Он не знает этого человека, а 9 октября прошлого года он был... И тут писателю вообще чуть не стало плохо. Он вспомнил, что именно в этот день загремел в больницу в бессознательном состоянии. У него отказали легкие, и врачи несколько дней боролись за его жизнь. Так что же, выходит, в это время его дух (или фантом – называйте как хотите) попал в Новую Зеландию, общался там с этим самым Мэриллом?! Не потому ли в памяти писателя всплыли его координаты, когда он думал, что просто придумывает их?!

Все это было слишком невероятно, чтобы забыть о странном письме и оставить все как есть. Петров написал второе послание Мэриллу. Но 1 сентября развернулась Вторая мировая война, и ответа не пришло. Ну а потом началась Великая Отечественная война. Евгений Петров, несмотря на белый билет, добился назначения военным корреспондентом. Он часто летал на фронт и передовую. В 1942 году самолет, на котором он вылетел на линию фронта, пропал. Вероятно, он был сбит фашистами. Ну а в Москве на квартиру Петровых принесли письмо из... Новой Зеландии. Вдова писателя не говорила по-английски, и ей перевели текст. Сначала шло взволнованное приветствие Мэрилла, потом его восхищение мужеством советских людей, сражающихся с фашистскими завоевателями. А в конце старый друг Петрова вспоминал, что когда писатель гостил у них, то бесстрашно влез в холодное озеро. «Я испугался, когда ты стал купаться, – писал Мэрилл. – Вода была очень холодной, но ты сказал, что тебе суждено разбиться в самолете, а не утонуть. Прошу тебя, будь аккуратнее – летай по возможности меньше...»

Получается, Евгений Петров заранее знал, как погибнет...

Недаром его друзья вспоминали, что, садясь в самолет, он всегда становился хмурым и замкнутым. Это он-то, который в обычной жизни постоянно шутил...

Астрид Линдгрэн: остановка по требованию

Астрид Линдгрэн повезло в жизни. Для всего мира она – сказочница номер один. Такой титул присвоили ей читатели XX века. Коллеги-писатели наградили Международной золотой медалью Г.Х. Андерсена. Статистики подсчитали – если составить все тиражи ее книг, получится 175 Эйфелевых башен. Вот только на самом-то деле быть сказочницей, да и вообще писательницей, Астрид Линдгрэн никак не собиралась.

Астрид Линдгрен

У нее была не слишком легкая жизнь. Астрид Эрикссон (такова родовая фамилия писательницы) родилась не в столице, а в провинции Смоланд в 1907 году. И еще в последнем классе сельской школы влюбилась в соученика. Окончание «большого чувства» вышло банальным – Астрид оказалась беременной, а пылкий ухажер вмиг исчез из ее жизни. Это была трагедия. Больше того – это был бы позор, если б о нем узнали окружающие. Поэтому, собрав кое-какие деньги, родители быстро отправили дочь в Стокгольм. Большой город скрыл «маленький грех» девушки. А сын Ларс выявил в ней такие жизненные силы, о которых она и не подозревала. Астрид освоила стенографию и секретарское дело и устроилась работать в маленькую фирму. И надо признать, секретарша из нее получилась первоклассная. Она могла не только работать сверхурочно, но и устроить любой прием, поддержать беседу с любым клиентом. Ее уже начали переманивать другие фирмы, но шеф – обаятельный Стуре Линдгрэн – решил проблему просто и элегантно: предложил секретарше стать его женой. Однако сказка о современной Золушке, вышедшей замуж за шефа, не сложилась. Став директором Всешведского торгового автомобильного объединения, господин Линдгрэн начал привыкать к замашкам «нового шведа» – закладывать за воротник, лихо сорить деньгами, пропадать где-то месяцами, забывая о семье, – а ведь к тому времени родилась его дочь Карен. Вот когда Астрид поняла, отчего сказки о Золушке кончаются свадьбой. Дальше-то наступают тяжелые будни. В общем, когда Стуре в одночасье скончался в 1952 году, Астрид сразу решила, что никогда не повторит попытку замужества.

Словом, жизнь развивалась без сказок. Да и о них ли было думать, особенно когда началась Вторая мировая война. Дела Стуре шли плохо, Астрид служила сразу в трех фирмах. А в 1941 году стало совсем плохо: маленькая Карен заболела тяжелым воспалением легких. Лекарств не было. Астрид пыталась вылечить малышку народными средствами. Девочка металась в жару, а когда немного приходила в себя, просила: «Мама, расскажи сказку!» А однажды заявила скороговоркой: «Сказку про Пиппидлинныйчулок!» Именно так на едином вздохе произнесла это имя Карен. Вот тогда-то Астрид и начала придумывать для дочки сказку про рыжую озорницу.

Мы-то знаем теперь эту героиню как Пеппи Длинныйчулок. Педагоги от цензуры облагородили имя – неблагозвучное «Пиппи» превратили в Пеппи. Но Астрид и сама не понимала, откуда в ее голове берутся веселые истории про эту девчонку. Особенно учитывая, что ее собственная дочка никак не выздоравливает, вокруг военная разруха, ни тепла, ни еды... Но у творчества свои резоны. Карен требовала продолжения сказки, и мать сочиняла из последних сил. Невероятные приключения, смешные случаи – Пиппи среди пиратов, Пиппи среди дикарей. Да чего только не сочинишь, чтобы дочка поправилась! Слава богу, все обошлось. Но и сказка... позабылась.

Однако что должно сочиниться, должно быть сочинено. Видно, сказка хотела, чтобы ее услышала не только Карен, и потому приняла свои меры. У творчества ведь есть и свои, пусть даже необычные методы воплощения в жизнь. И раз Астрид Линдгрэн, крутясь по жизни, забыла о своем сочинении, то судьба безжалостно подстроила ей «остановку по требованию». 28 марта 1944 года Стокгольм накрыла пурга. Порыв ветра налетел на Астрид, она не удержалась на ногах и упала на заледеневшей дорожке. Кое-как вернулась домой, оказалось – нога сломана. Пришлось лежать. Вот тут-то, маясь на диване, Астрид и поняла, чего требует от нее судьба – записать приключения неутомимой Пиппи.

Рукопись «юная» писательница (а приближалась она тогда к 40-летнему рубежу) хотела подарить Карен на день рождения. Но не удержалась и отправила второй экземпляр в издательство. Ответ был примерно таким же, как когда-то Гансу Христиану Андерсену: рукопись – дрянь, редакция просит впредь подобных работ не присылать. Тогда за дело взялась юная Карен. Она была уверена, что все дети будут читать сказку с восторгом. И как только в 1945 году одно из столичных издательств объявило конкурс на лучшее детское произведение в честь окончания войны, Карен уговорила мать послать «Пиппи» туда. И «Пиппи» выиграла конкурс! Еще бы, ведь в сказке было столько жизнестойкости, задора, неизбывного оптимизма, как раз под стать общественному ликованию. Словом, на другой день после публикации Линдгрэн проснулась всенародно любимой и знаменитой, а газеты назвали ее «Андерсеном наших дней».

С тех пор Астрид написала больше тридцати сказочных и несказочных романов и повестей, бесконечное число рассказов, статей и др. «Пиппи» до сих пор для всего мира – сказка номер один. Сами же шведы предпочитают храбрую Рони («Рони – дочь разбойника») и интеллектуала Эмиля («Эмиль из Лённеберги»). В России все рекорды бьет хвостун и лентяй Карлсон. Этот забавный толстунчик в самом расцвете сил появился ровно через 10 лет после Пиппи – в 1955 году. Интересно, что о нем Астрид тоже рассказала дочка. Оказывается, когда Карен чувствовала себя особенно одиноко, в комнату девочки прилетал смешной человечек с пропеллером.

Получив гонорар за «Карлсона», Астрид купила новую квартиру – побольше. Однажды они с Карен, проходя мимо старого дома, решили узнать, кто же обитает теперь в их старом жилище. Новость была ошеломляющей – в их квартире жил некий господин Карлсон, который чинил... крыши. Вот так сказки переходят в жизнь!

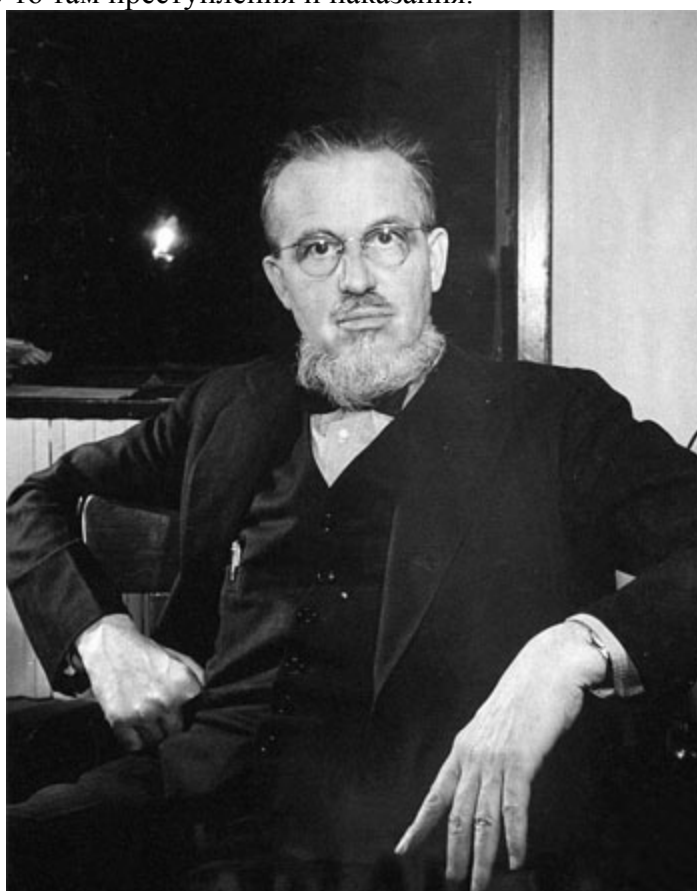
Сегодня у шведов есть даже собственная сказочная страна – Линдгрэнленд в знаменитом парке Стокгольма – Юргордене, несколько музеев линдгрэновских сказок, из них самый любимый – «Юнибакен» в столице. Посетителей – хоть отбавляй!

На свое 90-летие в 1997 году Линдгрэн со свойственным ей прямодушием попросила почитателей не присылать ей подарки, а направить деньги на строительство детского медицинского центра Стокгольма. Центр этот, на сегодня крупнейший в Северной Европе, называется Центром Астрид Линдгрэн. И это еще одно подтверждение того, что Астрид всегда заботилась не только о своих детях, семи внуках и девяти правнуках, но и о детях всего мира. Кстати, 90-летний юбилей все равно не прошел незаметно. Почтальон привозил поздравительные открытки мешками. Даже все королевские семейства мира прислали поздравления. Сказочница получила и волшебный подарок. Теперь Астрид Линдгрэн, как и Карлсон, тоже может летать – ведь одна из вновь открытых звезд получила ее имя. Может, на эту звезду она и отправилась 24 января 2001 года. Наверное, вспомнила, что смоландцы

любят полетать. Конечно, если она избавилась от своих 10 тысяч камней, как предсказал отец, то стала совсем легонькой в свои 93 года. И теперь вполне может посмотреть соседние галактики. Ведь и там нужны сказочники. Впрочем, Карлсон тоже как-то улетел. Но ведь обещал вернуться...

Кухня Ниро Вульфа: радость толстяка

Весь мир знает Рекса Стаута как короля детективов. Но мало кому известно, что он и детективы-то начал писать потому, что хотел обнародовать свою истинную привязанность. Редакторы говорили ему, что все книги, подобные той, что еще и он желает написать, уже давно опубликованы. Но хитрый Стаут сообразил, как тайно вынести свою страсть на страницы книг: он обратился к самому модному в то время жанру – детективу, и придумал сыщика, который душу готов заложить за вкусную еду. Не хотят издатели публиковать еще одну поваренную книгу, решил Стаут, пусть сыщик Ниро Вульф каждый день обсуждает обеды и ужины, их достоинства и недостатки. Словом, говорит о ЕДЕ. Ибо она – главное в жизни, а никак не какие-то там преступления и наказания.

Рекс Стаут

Увы, титул короля детективов Рекс Стаут получил быстро, но вот титул кулинарной звезды Америки писателю пришлось ждать долго – аж до 1965 года.

12 ноября 1965 года на конгрессе Ассоциации американских кулинаров ожидался День звезды. Крупнейший ресторан на Манхэттене не смог вместить всех желающих. Наконец, председатель Ассоциации зазвонил в колокольчик. Кулинары вытянули шеи – сейчас внесут «звездные кушанья», коим предстоит прославить кулинарию Америки. Из-за портьеры появились рослые официанты, и на стол президиума легли подносы с... книгами.

«Перед вами лучшие романы Рекса Стаута!» – объявил председатель. Зал зашумел: «Это же детективы! При чем здесь кулинария?!» Но невозмутимый председатель раскрыл

книгу, откашлялся и начал читать: «Специально откормленные голуби, маринованные в сливках и панированные соленой мукой с перцем, мускатными орехами, гвоздикой, тмином, ягодами можжевельника, подававшиеся на сухариках с джемом из красной смородины и политые соусом из сливок на мадере, – одно из любимых блюд Вульфа».

Зал ахнул: «Потрясающе!» Толстяк из первого ряда вскочил и повернулся к остальным: «Я читал про этого Вульфа! Он может разгадать любую загадку, не выходя из дома. И действительно большой гурман!»

Писатель Рекс Стаут просто не мог не выдумать своего толстого героя, ведь его собственное имя значило что-то вроде «Король-жирняга». К тому времени Стаут был уже не новичок в литературе – пять лет занимался журналистикой, потом сочинял психологические романы. Но детектив написал только на 48-м году жизни, придумав сыщика-мудреца Ниро Вульфа, любителя роскошных орхидей и доброго пива. Первый из почти 50 детективов этой серии был издан им в 1934 году, последний вышел незадолго до смерти писателя в 1975 году.

Вульф для Америки – все равно что Шерлок Холмс для Англии. Ясно, что Стаут награждал героя собственными привычками. Ведь он и сам выращивал пресловутые орхидеи и еще овощи-гиганты, за что получал призы на выставках. Да и поесть любил вкусно. А практические навыки готовки приобрел, проработав десять лет в гостиничном бизнесе – от рядового сотрудника до управляющего отелем. Будущему писателю приходилось стоять и у стойки бара, и у плиты. И все Штаты Стаут исколесил – не из этих ли поездок привез кучу интересных рецептов? И все пришлось весьма кстати, ведь тяжело прокормить такого гиганта, как Ниро Вульф!

Вульф знал толк в еде и потому держал на службе повара-виртуоза Фрица Бреннера. Они могли часами спорить: сколько ягод можжевельника положить в маринад, сколько ложек абрикосового джема – в омлет. Впечатляет? А мы и не предполагали, что абрикосы растут для омлетов. Но хитроумный Фриц действительно клал джем в омлет. А еще подавал на завтрак ананасы, разрезанные на кусочки, политые сладким вином и выложенные на взбитый творог с сахарной пудрой.

Вкуснятина! Это вам не унылые и кислые ананасы в шампанском, которые, по меткому замечанию Фрица, едят только аристократы или дегенераты. Впрочем, в представлении истинного гурмана это одно и то же. Гурман – подлинный художник-эстет. Знаете ли вы, например, что обед в компании гурманов дифференцирован: для теплых дней и для холодных? Вы когда-нибудь слышали о таком выпендреже? Запоминайте, потом похвастаетесь перед друзьями. «Обед в теплые дни» – это легкое «вкушение»: курочка, рыбка – ничего сложного. На десерт из фруктов – арбуз, политый шерри и поданный в вазочке с листьями мяты.

«Обед в холодные дни» – сложное искусство. Обязательно бульон – для согревания крови, как говаривал повар Ниро Вульфа Фриц. А потом «лучшее блюдо детектива», каким оно было признано в Америке, – «Телячьи птички в кастрюльке»: ломтики телятины, начиненные смесью из куриного мяса, сыра пармезан, яиц, лука и помидоров. Каждый ломтик скатать в рулончик и скрепить ниткой. А потом – тушить.

Детектив Вульф весил почти 145 килограммов. Сам Стаут, конечно, поменьше, но подходил к ста. А какими они еще могли быть при таких обедах? Но что удивительно – на здоровье не жаловались и в творчестве преуспевали. Потому что искренне радовались каждому вкусному кусочку! А радости, как известно, снимают стресс и продлевают жизнь. Кстати, современные диетологи уже по-иному смотрят на проблему лишнего веса. Тем более что многие статистические данные показывают, что процент заболевших той или иной болезнью одинаков что у толстых, что у тонких. Только та же статистика показывает, что толстые люди более оптимистичны и жизнерадостны. И потому во всем мире с восторгом была встречена «Поваренная книга Ниро Вульфа», которую Рекс Стаут издал в 1973 году. Между прочим, там есть и русские блюда – «Голуби по-московски», «Копченая осетрина по-московски» и даже «Клубника по-романовски» – истинно царская смесь ликера, клубники, взбитых сливок и мороженого.

Ну что, толстячки, вам нравится? Тогда бегом на кухню – радоваться жизни! А тощие жерди пусть худеют дальше...

XXI век начинается: миссия Гарри Поттера

Вообще-то не слишком правильно говорить о тайнах XXI века, особенно в мире искусств. Все-таки загадки и тайны искусства должны быть выдержаны во времени. Впрочем, сказки про мальчика в очках со шрамом на лбу – Гарри Поттера – имеют уже кое-какую временную протяженность. Их придумала английская писательница Джоан Кэйтлин Роулинг, родившаяся 31 июля 1965 года. Первая книга об английском мальчишке, который поступил в школу волшебства, знаменитый Хогвартс, начата писательницей, тогда еще скромной преподавательницей французского языка, в 1991 году. Показательно, что вначале несколько издательств отклонили рукопись, сочтя мало интересной. И потому «Гарри Поттер и философский камень» появился в печати только в 1997 году, спустя шесть лет. Однако первая же публикация сделала сказочный роман книгой года. Ну а последний, седьмой роман «Гарри Поттер и дары смерти» (2007) завершил триумфальный марш.

Вспоминая победные шаги юного волшебника, сразу же понимаешь, что книга хоть и предназначалась для детей, но сразу же стала притягательным чтением и для взрослых. Более того – от романа к роману эта взрослость все более усиливалась. К последним книгам стало ясно, что «детская сказка» – всего лишь обманчивая, якобы ни к чему не обязывающая упаковка: какой же в самом деле спрос с детской книги?! Однако последний, седьмой роман обрел масштабное, явно недетское, далеко не оптимистическое звучание. Словом, эпопея вышла без должного хеппи-энда, как обычно полагается в сказках, и даже без оптимизма, устремленного в будущее.

Конечно, каждому поколению свои сказки. Похождения Гарри – для наших мало читающих чад. Недаром же учителя грустно шутят: «Сказка про мальчика-волшебника научила детей читать». Так к чему же вообще она писалась? Не может быть, чтобы только ради того, дабы послужить своеобразной азбукой. Да и вообще в чем же феномен историй про Гарри? Ведь на самом деле они составлены из всем известных волшебных кубиков – философский камень, птица феникс, кубок огня. Да и переплетение обычного и волшебного – не новость. Еще в начале XIX века великий Гофман совместил реально-госкливую немецкую жизнь и нереальные мечты о прекрасной стране фантазий. Обычный архивариус оказался у него могущественным волшебником, аббатиса – феей. Так что, когда Роулинг начала утверждать на страницах своих книг, что волшебники живут в одном мире с людьми не в сказках и фэнтези, а в том же многоквартирном доме, что и простые горожане, – она тоже не открыла ничего нового.

Впрочем, это не совсем так. Ведь именно XX век с его жестокостью, войнами и концлагерями отверг саму мысль о том, что в этом ужасном мире вообще может существовать хоть какое-то доброе волшебство. Нет, от чудес люди не смогли совсем отказаться, но отвели им место только в мечтах или в далеких землях, будь то невероятно привлекательный Изумрудный город Александра Волкова или магические миры в бесчисленных книгах литературы фэнтези. Волшебники, естественно, тоже стали жить где-то в «прекрасном (или ужасном) далеко» (на выбор каждого), но никак не рядом с нами.

Если же авторы и рассказывали о героях с волшебными (паранормальными) способностями, то эти герои стремились свои способности спрятать или хотя бы притвориться, что они – «как все люди». Думаете, такой взгляд на волшебство был только в СССР, где царил принцип «не высовывайся, будь как все и тогда останешься жив»? Нет, так было повсюду. Уж слишком жестоким оказался роковой XX век. Вот люди и начали перемещать волшебство на всякий случай: кто в Заземелье, кто в другие миры, кто в страны эльфов или хоббитов. А уж герои, конечно, всеми силами старались стать «настоящими людьми». Даже знаменитые писательницы Мэри Стюарт и Андрэ Нортон в своих романах для детей «Ведьма» и «Маленькая ведьма», рассказывая о девочках, которые умели

колдовать, сходились в утверждении, что «стать настоящим человеком куда ценнее, чем волшебницей». Да и герои легендарной трилогии О. Пройслера («Маленькая Баба-яга», «Маленькое привидение», «Маленький домовой») всеми силами старались влиться в человеческую жизнь. Словом, о волшебстве лучше было не заикаться, ведь быть ведьмой или чародеем неприлично, если не сказать – опасно. К концу века в «волшебной литературе» вообще оформилась мысль о том, что волшебники – сплошь злые колдуны и ведьмы. Особенно преуспел в формировании этого мировоззрения классик английской литературы (соотечественник Джоан Роулинг) – Роальд Даль. Его культовая книга «Ведьмы» рассказывала о том, как ужасные колдуньи преследовали мальчика и его бабушку, которая, впрочем, сумела дать им достойный отпор, поскольку и сама когда-то принадлежала к ведьминому кругу, но потом из него, естественно, вышла. Сказка эта переиздавалась огромными тиражами и конечно же (как позже и романы о Гарри Поттере) удостоилась фильма в Голливуде.

Словом, волшебство начало четко приписываться к миру зла, как уже не раз бывало ранее. Вспомним, что в Средние века ведьм и колдунов сжигали на кострах, да и в более позднее время мало что изменилось. К ворожеям бежали, когда нужна была помощь или лечение. Когда все и так шло хорошо, любой уважающий себя соседка готов был отправить этих непонятных людишек хоть на плаху, хоть в пыточную камеру. Человечество уповало не на них, носителей каких-то давно забытых магических знаний, а на Его Величество Прогресс. Однако к концу XX века это величество попало в тупик. Ах нет, конечно, оно еще явило миру и Интернет, и мобильные телефоны, и еще множество иных чудес техники, вот только вдумчивые люди вдруг стали замечать, что это тоже – чудеса. Или по крайней мере – средства для их создания. Недаром первыми в том же Интернете появились игры-фэнтези, возник виртуальный мир, который человечество тут же бросилось обживать. Люди начали создавать иные реальности!

Неудивительно, что вместе с Интернетом на рубеже XX– XXI веков вырос и интерес людей к... магии. Произошел и всплеск внимания к мистическим явлениям и загадочным фактам. Этот магический интерес потребовал «официального оформления и подтверждения». И как ни странно, подобное подтверждение и предоставили романы о мальчишке-волшебнике Гарри Поттере. Вопреки прежним утверждениям о том, что надо быть техником или космонавтом, реальный мальчик из реальной семьи совсем не стыдился того, что оказался магом. И его магическая школа оказалась не в тридевяти царстве, а на одной из станций, куда идет поезд с обычного лондонского вокзала. И литературное «сообщение» о том, что волшебники все-таки живут рядом, всколыхнуло реальный мир. Так что особой заслугой романов Роулинг стало совсем не создание «шедевров детской литературы» (эта «шедевальность» сложилась скорее из умелой раскрутки), а полногласное заявление о том, что магия прочно и на законных основаниях вошла в наш мир, потому что... она всегда в нем существовала. Просто Роулинг, поняв это, узаконила реальное положение вещей в своем времени.

Вот она – главная тайная миссия романов о Поттере: реабилитация магии и волшебства. И то, что это случилось в Англии, стране, где магия сильна традиционно, где до сих пор существуют многочисленные тайные общества, ковены (собрания) ведьм, – абсолютно закономерно. Ну а за Великобританией поттеромания зашагала по всему миру. Думаете почему? Да потому, что люди, отчаявшиеся найти помощь, справедливость и прочие положительные события в реальном окружении, воззвали к силам куда более мощным, чем «прогресс», принеся им столько смертей, потерь, войн, атомных катастроф и прочих прелестей. Ну а когда не к кому обратиться за помощью в реальном мире, ее ищут в иных мирах. Нет милиционера, который сможет по закону наказать обидчика, – люди обращаются к экстрасенсу, который сможет восстановить справедливость тайными средствами. Нет врача, который готов вылечить, – больной пойдет к целительнице, которая хоть и за большие деньги, но хотя бы внимательно выслушает. И то – облегчение!

В этом и кроется феномен книг Роулинг – она дает людям надежду, что в закрытом от

посторонних глаз Хогвартсе, учебном заведении магии, готовятся волшебники, которые смогут помогать людям. Более того, со страниц книг звучит простая мысль: любой маггл (не волшебник) может обрести свои магические силы, если начнет искать их в самом себе. Поэтому книги и обращены ко всем: и взрослым и детям. Словом, реабилитация магии пошла полным ходом. А что делать, коли не на что больше надеяться?!